АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Собрание сочинений в шести томах. Том 6

СМЕШНОЕ В СТРАШНОМ

ЗАПИСКИ ПРОСТОДУШНОГО

ПАНТЕОН СОВЕТОВ МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ

ОТДЫХ НА КРАПИВЕ

рассказы циника

ШУТКА МЕЦЕНАТА

МОСКВА 2007

ТЕРРА TERRA
КНИЖНЫЙ КЛУБ

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6
А19

Составление, подготовка текста и комментарии
Ст. Никоненко

Оформление художника
А. Уткина

Аверченко А. Т.
А19 Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6: Отдых на крапиве / Сост., подгот. текста, коммент. Ст. Никоненко. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2007. — 480 с.

ISBN 978-5-275-01395-5 (т. 6)
ISBN 5-275-01389-2

Аркадий Тимофеевич Аверченко (1881 — 1925) — замечательный русский писатель-юморист, редактор знаменитого журнала «Сатирикон». Современники называли его «Рыцарем Улыбки». Таланту Аверченко было подвластно все: от мягкого юмора до жесткой сатиры, от забавных и безобидных бытовых зарисовок до острых политических памфлетов.

В шестой том собрания сочинений Аверченко включены произведения, изданные в сборниках: «Смешное в страшном» (1923), «Записки Простодушного» (1923), «Отдых на крапиве» (1924), «Рассказы циника» (1925) и единственный роман писателя «Шутка Мецената», написанный в 1923 г. и опубликованный посмертно в 1925 г.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

© Ст. Никоненко, составление, подготовка текста и комментарии, 2007
© ТЕРРА—Книжный клуб, 2007

ISBN 978-5-275-01395-5 (т. 6)
ISBN 5-275-01389-2

СМЕШНОЕ В СТРАШНОМ (1923)

ИЗВИНЕНИЕ АВТОРА

Не преступление ли — отыскивать смешное в страшном?

Не кощунство ли — весело улыбаться там, где следовало бы рвать волосы, посыпать пеплом главу, бия себя в грудь, и, опустившись на колени возле вырытой могилы, долго неутешно рыдать?..

Вот два вопроса, которые были бы совершенно правильны, если бы... около нас был, действительно, настоящий труп.

Но Россия — не труп. Долго хлопотали, много сделали для того, чтобы превратить ее в неподвижное, гниющее, мертвое тело, однако — руки коротки у горе-хирургов. Пациентка все-таки жива.

У нее выпустили кровь, — новая кровь разольется по жилам и могучими бодрыми толчками пробудит к деятельности затихшее сердце.

Ей выкололи глаза, а она уже начинает прозревать.

Вырезали язык, а она говорит. Пока еще тихо, бессвязно, но будет час, загремит ее голос, как гром, и многие подлецы и шулера задрожат от ужаса, а для нас это будет раскатом весеннего грома, за которым следует бодрый, теплый дождик, освежающий, смывающий всю грязь.

Ей отрезали руки, ноги... Ничего! Придет час — срастется все. Еще крепче будет.

Ну, видите? При чем же здесь битье в грудь и посыпание скорбных глав пеплом?..

Значит, смеяться можно.

Больше того, — смеяться должно. Потому что у нас один выбор: или пойти с тоски повеситься на крючке от украденной иконы, или — весело, рассыпчато рассмеяться.

* * *

Здесь, перед вами — "очерки нового быта", выкованного мозолистыми руками пролетариата: Зиновьева, Троцкого и Ко...

Аркадий Аверченко

КОНТРОЛЬ НАД ПРОИЗВОДСТВОМ

Один из краеугольных камней грядущего рая на земле — Третьего Интернационала, это:

— Контроль над производством.

Твердо знаю, во что эта штука выльется.

* * *

Писатель только что уселся за письменный стол, как ему доложили:

— Рабочие какие-то пришли.

— Пусть войдут. Что вам угодно, господа?

— Так что мы рабочий контроль над производством. Выборные.

— Контроль? Над каким производством?

— Над вашим.

— Какое же у меня производство? Я пишу рассказы, фельетоны... Это контролю не поддается.

— Все вы так говорите! Мы выборные от типографии и артели газетчиков, и мы будем контролировать ваше производство.

— Виноват... Как же вы будете осуществлять контроль?

— Очень просто. Вот мы усаживаемся около вас, и... вы, собственно, что будете писать?

— Еще не знаю: темы нет.

— А вы придумайте.

— Хорошо, когда вы уйдете — придумаю.

— Нет, вы эти старые штуки оставьте! Придумывайте сейчас.

— Но не могу же я сосредоточиться, когда две посторонних физиономии...

— Простите, мы вовсе не посторонние физиономии, а рабочий контроль над вашим производством! Ну?

— Что "ну"?

— Думайте скорей.

— Поймите же вы, что всякое творчество — такая интимная вещь...

— Вот этого интимного никак не должно быть! Все должно делаться открыто, на виду и под контролем.

Писатель задумался.

— О чем же это вы призадумались, позвольте узнать?

— Не мешайте! Тему выдумываю.

— Ну, вот и хорошо. Только скорее думайте! Ну! придумали?

— Да что вы меня в шею гоните.

— На то мы и контроль, чтобы время зря не пропадало. Ну, живей, живей!..

— Поймите вы, что не могу я так сосредоточиться, когда вы каждую секунду с разговорами пристаете!

Рабочий контроль притих и принялся с любопытством разглядывать лицо призадумавшегося писателя.

А писатель в это время тер голову, почесывал у себя за ухом, крякал и, наконец, вскочил в отчаянии:

— Да поймите же вы, что нельзя думать, когда четыре глаза уставились на тебя, как баран на новые ворота.

Рабочий контроль переглянулся.

— Замечаете, товарищ? Форменный саботаж! То ему не разговаривай, то не смотри на него, а то он еще, пожалуй, и дышать запретит! Небось, когда нас не было — писал! Тогда можно было, а теперь нельзя? Под контролем-то, небось, трудно! Когда все на виду, без обману, — тогда и голова не работает?!.. Хорошо-с!.. Так мы и доложим, куда следует!

Рабочий контроль встал и, оскорбленный до глубины души, топоча ногами, вышел.

От автора.

В доброе старое время подобные произведения кончались так:

"...На этом месте писатель проснулся, весь облитый холодным потом".

Увы! Я кончить так не могу.

Потому что хотя мы и обливаемся холодным потом, но и на шестом году еще не проснулись.

СОБАЧЬИ МЕМУАРЫ

43-го числа.

Если в Петербурге кто сейчас и в моде, — так это мы, собаки.

О нас только и разговоров, наше имя у всех на устах.

На каждом шагу слышим:

— Собачья жизнь! В квартире собачий холод! Голоден, как собака! Собаке — собачья смерть!

А однажды я сама, своими ушами слышала:

— Писатель Горький стоит перед советской властью на задних лапках.

Так что отныне я могу называть Горького коллегой: оба пишем, оба умеем на задних лапках стоять.

* * *

53-го этого месяца.

Не только мы, но и наш язык стал входить в моду.

Один человек шел по улицам и говорит другому:

— Вот пошел глав кав арм.

Услышав собачьи звуки, я вежливо ответила: "гав, гав, арр!", но потом приятельницы объяснили мне, что я ввязалась в разговор совершенно неуместно. Люди разговаривали о главнокомандующем кавказской армией.

* * *

0027-го числа.

Разговору о нас много, а жрать нечего.

Мой хозяин раньше хоть корочку хлеба швырял на пол, а теперь я по целым часам сижу против стола и все время так виляю хвостом, что он даже делается горячий. Намек прозрачный, но хозяин делает вид, что не понимает...

Хуже того, — вчера я нашла на заднем дворе баранью кость с немножечком мяса, приволокла домой и спрятала под комод до ужина.

Семья хозяина увидела это, все бросились под комод, вынули кость и стали варить из нее суп, а меня выгнали из дому, — я думаю, с тайной надеждой, что я приволоку еще чего-нибудь.

Ужасно как есть хочется. Как собаке.

* * *

721-го числа.

Мы вошли в такую моду, что вчера, например, приятельница по секрету сообщила мне:

— Знаешь, говорят, у хлебных лавок выросли хвосты.

— Длинные?

— С полверсты.

— Ого! Воображаю, сколько в них блох.

* * *

Число забыла.

Видела хвост хлебной лавки. Мало похож на наш. Правда, вертеть им можно как угодно, но и только.

— Зачем этот хвост? — спросила я мизерную собачонку, шныряющую подле.

— На хлеб. Стань сзади и ты получишь хлеб.

Неглупо. Вежливо встала сзади всех, — ждала, ждала, — вдруг говорят:

— Хлеб получит только первая половина хвоста!

Хорош был бы мой хвост, если бы я одну его половину питала, а другую нет.

Расходясь, все говорят:

— Собачья жизнь...

Приятно, но не сытно.

* * *

Сегодняшнее.

Украла у мальчишки нищего кусочек хлеба, как дура, притащила домой, — опять хозяева отняли. Меня только погладили (подавитесь вы своим глаженьем), а маленькая дочка, глотая хлеб, просила:

— Мама, отдай меня в собаки!

* * *

Число собачье.

Отчаяние и ужас! Я знаю, что все собаки отвернутся от меня с презрением, но я больше не могу: пойду на улицу просить милостыню! Мне, породистой собаке, протягивать лапу, стоять на задних лапках, как какому-нибудь Горькому!

Но... будь что будет!

Чувствую, что вся покраснела от морды до кончика хвоста, когда, впервые в жизни, пролаяла сакраментальные слова:

— Подайте хлебца честной русской собаке!

И пошло с тех пор...

* * *

Число такое-то.

Мое место на углу Невского и Владимирского — оказалось настолько интересным и доходным, что уже две

собаки предлагают купить его за бараний череп и половину дохлой крысы...

Уже почти все собаки клянчат по углам милостыню.

Развратила нас коммуна.

ТАЙНА ГРАФА ПУРСОНЬЯКА

(à la совдеп)

В одном из московских кинематографов показывают картину: "Тайна графа Пурсоньяка".

Еще до начала сеанса в кинематограф набивается масса скучающей, угрюмой, полуголодной публики.

Топают ногами, как косяк лошадей, нетерпеливо дожидаясь той минуты, когда можно будет, забыв окружающую прозу, с головой окунуться в сладкий одуряющий мир волшебной грезы, красоты и чарующего вымысла.

Электричество гаснет.

Темнота.

Чей-то голос, спотыкаясь на длинных словах, громко читает надпись на экране:

— "Тайна графа Пурсоньяка, или Отцвели уж давно хризантемы в саду"... "Граф Пурсоньяк потерял свою жену через два года после свадьбы".

— Вишь ты, — раздается в темноте сочувственный голос. — Отчего же она так скоро скапустилась?

Другой, тоже невидимый, отвечает:

— Мало ли? Сыпнячок или просто соседи на мушку взяли...

"После жены у графа осталась дочь, которую убитый горем отец отвез учиться в монастырь".

— Вот тебе!.. И отец, оказывается, убитый! Не повезло семейке...

— Дубина! Нешто это совсем убитый? Сказано тебе: убитый горем. Значит, не до конца. А только почему это он дочку сдал в монастырь? Нешто в монастырях учат?

— И очень просто: монастырь реквизировали, монахов по шеям, а замест этого — школа! Штука простая. А это что? "Когда дочь выросла, граф поехал, чтобы взять ее из монастыря"...

— Ах ты, чтоб тебя... Граф-то, товарищи, оказывается, комиссар!

— Тю на тебя! Откеда высосал?

— На автомобиле ж едет, Господи! "В лесу он встречает дочь дровосека, Генриэтту"... Во, братцы, лесу-то сколько, видали? Всю Москву обтопить можно! Хи, хи... Об чем это он с ней?

— Видимое дело, об дровах... не может ли, дескать, ваш папаша нам возика два дров предоставить... Гляди, гляди — душит ее. Ай да граф!

— Дурень ты не нашего Бога, — где душит? Обнимает он ее, а не душит...

— Ах ты ж, имперлист проклятый! Туда же!.. Хи-хи... До слез девку довел. А это чего? "В это время бедный дровосек сидел за своим скромным ужином"... Чего это он?.. Ах, чтоб тебя переехало! Ей-Богу, винище трескает и сыром заедает! Вот те и скромный! А сбоку говядина и булка. Ай да скромный!! Картинка-то французская? Ну и брехло ж эти французы. Дровосек, а? Хорош дровосек!

— А где ж жена евонная?

— Надо полагать, в очереди стоит.

— И то. Этакое брюхо набить — в десяти очередях настоишься. Ага! Ружье со стены снимает... Ну, теперь — баста! Сейчас этого графа к стенке...

— Где ж ты в лесу стенку найдешь?

— Ну так, может, заборчик какой...

— Именно вот. Для тебя, дурака, построили.

— Мне не требовается.

— А не требовается, так и не лезь со своим заборчиком! Не знаешь ты французского поведения, так и молчи. У них первое дело: "Позвольте вас пригласить, мусью, на дуэль"... — "Благодарю вас, хоша я не стреляю, ну да уж только для вас!" А ты — со своим забором; деревня!

— Нет, братцы, тут другое... Ишь ты: "Заблудившись в лесу, на графа нападает волк, но дровосек убивает волка. Первый горячо благодарит второго".

— А что, товарищи, волков едят?

— Отчего ж... Та же собака, только формат побольше.

— Да что ж это они от волка уходят, даже не оглянувшись. Эй, товарищи! Съестное забыли!

— Чего кричишь, дура! Думаешь, услышат?

— Ты б ему по-французскому крикнул, может, и обернется...

— "Часть вторая. Приехав в город, ничего не подозревающий отец заходит в магазин"...

— Это чего ж такое?! Ах, чтоб ты провалился! Ведь это он, товарищи, мануфактуру покупает.

— И без очереди.

— Без ордера от совнархоза!!

— Да, может, он сам ее и реквизирует!..

— Дровосек-то?

— А дровосек не может быть комиссаром?

— "... А в это время старый фермер, крестный Генриэтты, сидя у себя в саду, попивал вино"... Эк, их распьянствовало!.. Все тянут! Интересно, откуда этот старый черт вина достал?

— Самогон, я думаю.

— Темный-то? Орясина! Самое настоящее красненькое.

— Ну, значит, реквизировал. Тоже, поди, комиссар!

— Да ну вас всех к чертям. И граф у них комиссар, и дровосек комиссар, и фермер комиссар... Свои надоели так, что в собаку плюнешь, в комиссара попадешь — деваться некуда! Пойдем, ребята!

* * *

При выходе.

— А что, товарищи, смотрели вы картинку? Стоющая?..

— Не особо чтобы. Дело, видите ли, в том, что у комиссара жена от сыпняка кончилась, а он, осерчамши, всех монахов из монастыря повыкидывал, да дочку туда и втисни. Реквизировал автомобиль, да и давай по дровосековым дочкам ездить. Не стерпел этого ейный папенька, уложил съедобного волка и реквизировал всю мануфактуру, как говорится: завей горе веревочкой! Только всего и видели!

ТЕОРИЯ ЭЙНШТЕЙНА И ТЕОРИЯ ПОЛЗУНКОВА

Дело происходило в полуразвалившейся избушке одного из оазисов дикой Совдепии...

Туземцы, одетые в звериные шкуры и в башмаки из невыделанной кожи дохлой лошади, обступили туземца, одетого довольно прилично и только что вернувшегося из служебной командировки в Европу. Исступленное любопытство было написано на всех лицах...

— Ну, что? Ну, как там? Есть что нового? Привезли что-нибудь свеженькое?

— Да, да, — глубокомысленно кивнул головой приехавший. — Есть масса любопытного. Вы ведь совсем дикарями сделались, от Европы отстали, а там жизнь бьет ключом.

— То есть, кого бьет? — испуганно поежился скелетовидный совдепец.

— Никого. Сама по себе. Ах, какие открытия! Какие изобретения! Слышали вы, например, об открытии Штейнаха и о теории Эйнштейна?..

— Где уж нам!

— То-то и оно. Плесенью вы тут покрылись. Есть такой немец — Штейнах — и открыл он, что всякого человека можно обмолодить как угодно. Скажем, сколько тебе лет? 50? Пожалуйте, — вам уже 25 лет! Вам, молодой человек, 80? Чик, чик ножичком, — извольте получить, — вам уже 18 лет...

— Да как же он это делает, немецкая морда?

— А очень просто: железы старикам вырезывает.

— Которые железы?

— А черт его знает. Ему уж это видней.

— Как же он дошел до этого?

— Ну, как обыкновенно ученые доходят: взял человека, вырезал ему железу, а тот — глядь-поглядь — глаза закатил да и помер. "Давайте другого, — кричит Штейнах, — не туда ножиком заехал". Пожалуйте вам другого. Резанул другого, по другой железе, — икать стал старичок. Опять не туда! "Третьего давайте!" На восьмом, не то на девятом дошел до настоящей железы.

— То есть, как дошел?

— А вот этак: вырезал он старичку одному железу, а тот как вскочи, да сестру милосердия за талию: барышня, пойдем мазурку танцевать. "Матчиш, — испанский танец, шальной и жгучий!"... "Мне, — говорит, — теперь двадцать лет, и я хочу безумствовать!" Вырвался из рук и пошел по всей палате козла выкидывать. Ну, конечно, кое-как успокоили и в среднее учебное заведение определили!

— До того обмолодился?

— До того. Но, конечно, еще более заковыристая штука — теория Эйнштейна. Я читал — прямо за животики брался. И ведь все верно, все верно, не уколупнешь!

— Он, что же, скажите: тоже насчет старости?

— Нет, почище будет: всю геометрию распотрошил! Всю математику к чертям собачьим размотал.

— А именно-с?

— Помилуйте! "Вы, — кричит,— говорите тут, что между двумя точками прямая линия самая короткая, а я вам говорю, что это брехня! Может, кривая линия короче прямой!" Начинает доказывать — и верно! Кривая короче прямой. "Вы, — кричит, — говорите, что геометрическая линия не имеет толщины, ан нет! Имеет она толщину!" Ученые глядь-поглядь, — действительно имеет. "Какой осел сказал вам, что параллельные линии, сколько бы мы их не продолжали, — не сойдутся?!" Ученые, действительно, попробовали, построили параллельные линии — и что же! На шестисотом километре сошлись! "Я, — говорит, — вам все докажу! По-вашему дважды девять — восемнадцать, а по-моему, может, двадцать девять". Очень строгий мужчина! Такого накрутил, что теперича все заново нужно переделывать, — и математику, и геометрию, и геодезию всякую!

— Виноват, как, вы говорите, это называется?

— Чего-с? Это? Теория Эйнштейна.

— Так-с. Слушали мы вас, слушали, а теперь вы нас послушайте! У вас теория Эйнштейна, а у нас теория Ползункова. Изволили знать Ивана Егорыча Ползункова?

— Нет-с, не знаю.

— То-то и оно. Мы, правда, от Европы отстали, но и Европа-матушка от нас отстала — корпусов на двадцать!

— Был, изволите видеть, у нас такой человек, Иван Егорыч Ползунков, по бывшему его местоположению — учитель географии в уездном училище, а по нынешнему — при рубке дров состояли, саночки на себе возили... И додумался этот русский Эйнштейн до такой теории: "Ребята, — говорит он, — есть нам окончательно нечего, а есть надо. Шишек же еловых и сосновых в лесу сколько угодно. Африканские обезьяны их очень обожают. Если вы их сразу начнете жрать, то все передохнете в одночасье... То есть не обезьян жрать, а шишки. Наука же говорит, что постепенно можно приучить свой организм к чему угодно. И делайте, — говорит он, — вы так: выдается вам хлеба в день 24 золотника, а вы съешьте 23 золотника и одну еловую шишку; на другой день введите внутрь организма 22 золотника хлеба и 2 еловые шишки, потом 21 золотник и 3 шишки. Через 24 дня уже хлеб вам не нужен,— его вытеснит порцион в 24 еловые шишки, что и требовалось доказать". Так же

и насчет одежды. "Скоро, — говорит, — у вас ее совсем не будет, и вы обмерзнете, как какие-нибудь дураки! А поэтому надо завести постепенно собственную шерсть. Я, — говорит, — братцы, читал в "Смеси", что если лысый человек сидит в холодном помещении без шапки, то у него на голове очень просто начинают расти волоса. Вот по этой, значит, теории Ползункова и нужно постепенно приобретать волосяной покров, вроде собачьего меха. Срежьте один рукав на руке, выставьте ее гольем на холод, — она через месяц обрастет и ей будет тепло; срежьте другой рукав, обрежьте левую штанину, потом правую, на спине кус вырежьте — да через полгода вас родная мать не узнает: что это, мол, за горилла, — здравствуйте вам, — по лесу ходит, еловые шишки запросто жует?! Вот оно как, товарищ приезжий из Европы!

— Вы, собственно, что же этим хотите сказать?

— А то-с. У вас там теория Эйнштейна, а у нас теория Ползункова! И наш Ползунков всегда вашего Эйнштейна крыть может, и некуда немцу будет от ползунковских козырей деваться, потому ихняя кишка супротив нашей — дюже тонка-с!!..

УЛИТКИ

Голое, неприветливое, холодное поле... И по нему расползлись во все стороны сотни тысяч, миллионы улиток.

Ползет этакая маленькая беззащитная штучка, таща на своей спине хрупкий, прихотливо завивающийся спиралью домик, вдруг услышала шум, втянула внутрь свои рожки, втянулась вся — и нет как будто ее.

А по полю шагают, тяжело ступая, чьи-то огромные ноги в корявых, подбитых железом и медью сапожищах.

Ступил сапог раз — сотни улиток нет, ступил сапог другой раз — двух сотен нет...

Вместо прехорошенького домика, вместо хрупкого клейкого тельца, — бесформенная слизь, перемешанная с мелкими осколками.

* * *

Вся наша Россия распалась на два лагеря: на лагерь улиток, ползущих куда-то в неведомую даль с крохотным домиком на спине...

И на лагерь огромного, корявого, подбитого железом и медью сапога, шагающего по улиткам, стремящегося тоже черт его знает куда, черт его знает за чем.

Встретил я на севастопольской улице одну знакомую Улиточку со своим домиком-чемоданом на спине, приползшую сюда из Одессы. (Это было как раз в дни недоброй памяти одесской эвакуации — начало февраля.) Она буквально ползла пешком с пристани, изредка останавливаясь, спуская свой домик-чемодан на землю и тяжело дыша.

— Здравствуйте, Улиточка, — приветствовал я. — Откуда ползете?

— Из Одессы. Позавчера выехали.

— Ого! Быстро же вы двигаетесь. Вот уж нельзя сказать: Улита едет, когда-то будет.

— Да, — засмеялась она. — Мы, одесские улитки, — молниеносные улитки: раз, два и готово!

— Именно, что готово. Ловко распорядились. А теперь куда ползете?

— В гостиницу. Номер искать.

— Трудновато будет. Хотя за последние дни часть улиток и уползла за границу, но теперь эта ваша одесская эвакуация все щели забила. Многие ваши одесситы на улице будут.

— Ну, что ж делать, — вздохнула Улитка. — Как эвакуокнется, так и откликнется.

— Зачем вы Одессу сдали? — с любопытством осведомился я.

— Да кто ее там сдавал! Сама сдалась. Такой странный город. Ну-с, поползем.

* * *

К общему удивлению — моему, улиткиному и швейцарову — номер Улитка нашла.

— Вот это такой номер? — вползла Улитка в домик, немного больший, чем ее домик-чемодан.

— Да-с, — уверенно сказал швейцар. — Такой номер

— Странный номер.

— Так точно. Многие удивляются.

— Постельное белье можно?

— Чего-о?

— Постельное белье!

— Первый раз слышу, — удивился швейцар.

— Ну, самовар.

— Еще чего захотите!

— И ужина нельзя получить?

— Да что вы, мадам! Это ведь — гостиница, а не дворец командующего.

Улитка раскрыла свой чемодан и, роясь в нем, деловито спросила меня:

— Чаю хотите?

— Да ведь нет чаю.

— Я устрою. Съесть чего-нибудь горяченького хотите?

— Издеваетесь!

— Вот увидите.

Дальнейшее показалось мне волшебным сном, сказочной иллюстрацией того, до чего может приспособиться улитка в своей ползучей жизни.

Она вынула из чемодана чайник; она вынула из чемодана спиртовую машинку; она вынула из чемодана маленькую сковородку, яйца, сало, ветчину и хлеб, она вынула сахар и конфеты.

— Ну, вот, — весело пискнула Улитка. — Пока вода закипит, я разложу вещи.

— Бедная вы, бедная, — пробормотал я сквозь слезы. — А помню я вашу жизнь в Петербурге. Была у вас квартира с большой, теплой кухней, стены которой увешаны медной, ярко вычищенной посудой; были в квартире гостиная, спальня, столовая и кабинет.

— Да у меня все это и есть, — серьезно возразила она. — Вот в этом чемодане. Поглядите-ка.

Вынула плед, купальный халат и крошечную подушечку.

Разостлала на голом тюфяке.

— Спальня!

Положила на убогий письменный стол коробку почтовой бумаги и вечное перо.

— Кабинет!

Поставила около карточки — мужа и матери:

— Портретная галерея!

Разложила на круглом столике две вилки и один нож. Поставила бутылку вина, две тарелки, стакан:

— Столовая!

Сняла с машинки чайник, поставила сковородку:

— Кухня! Видите, как просто? А все остальное, что не кухня, не спальня и не кабинет, все это — гостиная!

Садитесь, будете гостем. Ах, я забыла самое главное! Ванную комнату. Отвернитесь минут на пять: я приму ванну и переоденусь.

У нее в чемодане оказалось все: резиновый складной тазик, губка, мыло, маникюрный прибор.

— А рояля у вас там нет? — спросил я.

— Нет, — сказала Улитка, беззастенчиво расстегивая на кофточке кнопки. — Но ноты есть. Вожу с собой на случай, если где есть рояль. Не смотрите на меня!

В дверь постучали.

— Ах ты Господи! Ну, кто там еще?! Войдите!

Вошел. Один.

— Будьте любезны очистить номер, он реквизирован. Сударыня, даю вам сроку десять минут. Довольно?

— Много даже. Долго ли умеючи!

И тут же на моих глазах Улитка снова стала вползать в свою раковину-чемодан: уложила спальню, столовую, кабинет, погасила кухню, уложила кладовую, винный погреб, оглядела номер опытным глазом, вздохнула и сказала:

— Пойдем, что ли.

Поползли мы. В конце коридора у окна остановились.

— Вот отсюда, может быть, не сгонят. И диванчик даже есть. Замечательно! Тут до завтра и устроюсь. Садитесь, будьте гостем. Хотите чайку, закусить? А? Все доступно, кроме ванной и кабинета.

* * *

Сели рядом на диванчик, долго смотрели в окно на крышу противоположного дома, освещенную светом невидимой лампы.

— А знаете, — вдруг сказала с легким вздохом Улитка. — Не люблю я чивой-то большевиков.

— Да что вы! С чего же это вы так?

— Так... Все из-за них. Ползаем мы, бедные улитки, ползаем — и когда этому будет конец, неизвестно.

— Послушайте, — шепнул я ей на ухо. — А вдруг завтра.

— Что... завтра?

— Представьте себе: в Петербурге восстание изголодавшихся, полузамерзших рабочих. Узнав о Петербурге — восстанет Москва! Восстание — все шире, все грознее... Латыши и китайцы расстреливаются освирепевшей толпой тысячами, комиссары в панике скрываются. Троцкого его же бывшие помощники вешают на фонаре;

Ленин, узнав об этой веселой суматохе, стреляется сам, красный фронт ломается, тает, — и вот уже все побежало, помчалось в слепой панике. Разве это не может быть?! Мрак для всего красного. Конец! И вот начинается новая русская жизнь: стучат топоры, молотки, не те, которые забивали гвозди в гроб, а другие — строящие новые здания, железнодорожные пути, вокзалы; идут пароходы, свистят поезда, звон, шум, трепет, веселый переклик и теплое роскошное солнце...

На крышу, по которой мечтательно блуждали наши глаза, вышел молодой кот...

Он сладострастно потянулся всеми четырьмя лапами и призывно мяукнул:

— Мя—я-я-я—у—у...

Подождал. Нет ответа.

Он снова. Еще сладострастнее, еще призывнее:

— М-я-я-я-я—у—у—у!..

И вдруг из-за трубы показался другой кот, старый худой, с мудро-скептической мордой.

Покосился на первого кота и спросил раздражительно на своем кошачьем языке:

— М-я-я — у! Чего ты тут разорался? Чего, вообще, полез на крышу?

Молодой слегка сконфузился:

— Да ведь как же, дяденька... март!

— Где март? Который?

— Да вот этот... Сегодня.

— А ты в календарь смотрел?

— Где там! У моего хозяина не то что календаря — мышеловки нету!

— Что ж ты, каналья, не поглядев в святцы, бух на крышу! Где ты март нашел?.. Февраль только начали, а он — накося! Размяукался...

Старый кот сердито сверкнул глазами и ушел снова за трубу.

Молодой сконфуженно-недоумевающе пожал плечами, почесал лапой за ухом и, пробормотав: "Да, это я, кажется, тово... рановато", — стал спускаться вниз по желобу.

И все-таки в разбитое окно тянуло уже не резким зимним ветром, а теплым, предвесенним, еле слышный аромат которого могло почувствовать только молодое, изощренное обоняние.

И даже как будто капля теплого дождя упала мне на руку...

Плакала улитка.

МУРКА

Несколько времени тому назад во всех газетах была напечатана статья советского знатока по финансам т. Ларина — о том, что в Москве на миллион жителей приходится около 120 000 советских барышень, служащих в советских учреждениях, а среди массы этих учреждений есть одно — под названием "Мурка"...

"Что это за учреждение и что оно обслуживает, — признается откровенно Ларин, — я так и не мог ни у кого добиться..."

* * *

Есть в Москве Мурка, а что такое Мурка — и сам Ларин не знает.

А я недавно узнал. Один беженец из Москвы сжалился над моим мучительным недоумением и объяснил мне все.

— Что же такое, наконец, Мурка? — спросил я со стоном. — Спать она не дает мне, проклятая!

— Ах, Мурка?! Можете представить, никто этого не знает, а я знаю. И совершенно случайно узнал...

— Не тяните! Что есть — Мурка?!

— Мурка? Это Мурашовская комиссия. Сокращенно.

— А что такое — Мурашов?

— Мой дядя.

— А кто ваш дядя?

— Судебный следователь.

— А какая это комиссия?

— Комиссия названа по имени дяди. Он был председателем комиссии по расследованию хищений на Курском вокзале.

— Расследовал?

— Не успел. На половине расследования его расстреляли по обвинению в сношениях с Антантой.

— А Мурка?

— Чего Мурка?

— Почему Мурка осталась?

— Мурка осталась потому, что тогда еще дело не было закончено. Потом оно закончилось несколько неожиданно: всех заподозренных в хищении расстреляли по подозрению в организации покушения на Володарского.

— А Мурка?

— А Мурка существует.

— Я не понимаю — что ж она делает, если и родоначальника ее расстреляли?

— Теперь Мурка окрепла и живет самостоятельно. Здоровая сделалась — поперек себя шире.

— Я вас не понимаю.

— Видите ли: когда моего дядю Мурашова назначили на расследование, он сказал, что ему нужен секретарь. Дали. Жили они себе вдвоем, поживали, вели следствие, — вдруг секретарь говорит: нужна мне машинистка. Нужна тебе машинистка? Нá тебе машинистку. Машинистка говорит: без сторожа нельзя. Нá тебе сторожа. Взяли сторожа. А дядя мой предобрый был. Одна дама просит: возьмите дочку — пусть у вас бумаги подшивает — совсем ей есть нечего. Взяли дочку. И стала Мурка расти, пухнуть и раздвигаться влево, вправо, вверх, вниз, вкривь и вкось...

Однажды захожу я, вижу — Муркой весь дом занят... Всюду на дверях дощечки: "Продовольственный отдел", "Просветительный отдел"...

— Позвольте... Неужели Мурка сама кормила и просвещала этих вокзальных хищников?!

— Что вы? Их к тому времени уже расстреляли... Для себя Мурка завела и продовольственный, и просветительный отдел, и топливный... к тому времени уже служило в Мурке около 70 барышень, а когда для этой оравы понадобились все эти отделы — пригласили в каждый отдел новый штат — и число служащих, вместе с транспортным и библиотечным, — возросло до 124.

— Что ж... все они так и сидели сложа руки?

— Почему?

— Да ведь и дядю расстреляли, и вокзальных воров расстреляли... Ведь Мурке, значит, уже нечего было делать?

— Как нечего? Что вы! Целый день работа кипела, сотни людей носились с бумагами вверх и вниз, телефон звенел, пишущие машинки щелкали... Не забывайте, что к тому времени всякий отдел обслуживало уже около полутораста служащих в Мурке.

— А Мурка кого обслуживала?

— Служащих.

— Значит, Мурка обслуживала служащих, а служащие Мурку?

— Ну, конечно. И все были сыты.

— А не приходило когда-нибудь начальству в голову выяснить: на кой черт нужна эта Мурка и чем она занимается?

— Приходило. Явился один такой хват из ревизоров, спрашивает: "Что это за учреждение?" Ему барышня резонно отвечает: "Мурка". — "А что это такое — Мурка?" Та, еще резоннее: "А черт его знает. Я всего семь месяцев служу. Все говорят — Мурка, и я говорю — Мурка!" — "Ну, вот, например, что вы лично делаете?" — "Я? В отпускном отделе". — "Какие же вы товары отпускаете?" — "Не товары, а служащих в отпуск. Регулирую отпуска". — "И для этого целый отдел?!" — "Помилуйте, у нас до 300 человек служащих!" — "А это что за комната?" — "Продовольственный отдел. Служащих кормим". — "А этот ряд комнат?" — "Топливный, просветительный, агитационный, кульминационный, — работы по горло". — "И все для служащих?" — "А как же! У нас их с будущего месяца будет около 500. Прямо не успеваешь". — "Так, значит, так-таки и не знаете, что такое Мурка?" — "Аллах его ведает. Был тут у нас секретарь, старожил, — тот, говорят, знал, — да его еще в прошлом году за сношение якобы с Деникиным по ветру пустили". — "Ну, а вы сами как лично думаете, что значит: "Мурка?" — "Гм... Разное можно думать. Может быть — морская канализация?" — "Ну, что вы? Тогда была бы Морка или Мурская канализация... И потом, какая канализация может быть на море?" Постоял еще, постоял, плюнул, надел шапку и ушел. И до сих пор Мурка растет, ширится. Говорят, скоро под Сестрорецком две колонии открывает: для служащих инвалидов и для детей служащих.

Помолчали мы.

— Вы помните, — спросил я, — песенку "Мурочка-Манюрочка?"

— Еще бы. Сабинин пел.

— Так вот там есть слова:

Стала Мурка — содержанка
Заправилы банка...

— Ну?

— Так разница в том, что заправила банка содержал Мурку на свои деньги, а Советская Россия содержит сотни Мурок — на народные!..

ЛЮДИ — БРАТЬЯ

Их было трое: бывший шулер, бывший артист императорских театров — знаменитый актер и третий — бывший полицейский пристав 2-го участка Александро-Невской части.

Сначала было так: бывший шулер сидел за столиком в ресторане на Приморском бульваре и ел жареную кефаль, а актер и пристав порознь бродили между публикой, занявшей все столы, и искали себе свободного местечка. Наконец бывший пристав не выдержал: подошел к бывшему шулеру и, вежливо поклонившись, спросил:

— Не разрешите ли подсесть к вашему столику? Верите, ни одного свободного места!

— Скажите! — сочувственно покачал головой бывший шулер. — Сделайте одолжение, садитесь! Буду очень рад. Только не заказывайте кефали — жестковата. — При этом бывший шулер вздохнул: — Эх, как у Донона жарили судачков обернуар!

Лицо бывшего пристава вдруг озарилось тихой радостью.

— Позвольте! Да вы разве петербуржец?!

— Я-то?.. Да вы знаете, мне даже ваше лицо знакомо. Если не ошибаюсь, вы однажды составляли на меня протокол по поводу какого-то недоразумения в Экономическом клубе?..

— Да Господи ж! Конечно! Знаете, я сейчас чуть не плачу от радости!.. Словно родного встретил. Да позвольте вас просто по-русски...

Знаменитый актер, бывший артист императорских театров, увидев, что два человека целуются, смело подошел и сказал:

— А не уделите ли вы мне местечка за вашим столом?

— Вам?! — радостно вскричал бывший шулер. — Да вам самое почтеннейшее место надо уступить. Здравствуйте, Василий Николаевич!

— Виноват!.. Почему вы меня знаете? Вы разве петербуржец?

— Да как же, Господи! И господин бывший пристав петербуржец из Александро-Невской части, и я петербуржец из Экономического клуба, и вы.

— Позвольте... Мне ваше лицо знакомо!!

— Еще бы! По клубу же! Вы меня еще — дело прошлое — били сломанной спинкой от стула за якобы накладку.

— Стойте! — восторженно крикнул пристав. — Да ведь я же по этому поводу и протокол составлял!!

— Ну конечно! Вы меня еще выслали из столицы на два года без права въезда! Чудесные времена были!

— Да ведь и я вас, господин пристав, припоминаю, — обрадовался актер. — Вы меня целую ночь в участке продержали!!

— А вы помните, за что? — засмеялся пристав.

— Черт его упомнит! Я, признаться, так часто попадал в участки, что все эти отдельные случаи слились в один яркий сверкающий круг.

— Вы тогда на пари разделись голым и полезли на памятник Александра Третьего на Знаменской площади.

— Господи! — простонал актер, схватившись за голову. — Слова-то какие: Александр Третий, Знаменская площадь, Экономический клуб... А позвольте вас, милые петербуржцы...

Все трое обнялись и, сверкая слезинками на покрасневших от волнения глазах, расцеловались.

— О, Боже, Боже, — свесил голову на грудь бывший шулер, — какие воспоминания!.. Сколько было тогда веселой, чисто столичной суматохи, когда вы меня били... Где-то теперь спинка от стула, которой вы... А, чай, теперь от тех стульев и помина не осталось?

— Да, — вздохнул бывший пристав. — Все растащили, все погубили, мерзавцы... А мой участок, помните?

— Это второй-то? — усмехнулся актер. — Как отчий дом помню: восемнадцать ступенек в два марша, длинный коридор, налево ваш кабинет. Портрет государя висел. Ведь вот было такое время: вы — полицейский пристав, я — голый, пьяный актер, снятый с царского памятника, а ведь мы уважали друг друга. Вы ко мне вежливо, с объяснением... Помню, папироску мне предложили и искренне огорчились, что я слабых не курю...

— Помните шулера Афонькина? — спросил бывший шулер.

— Очень хороший был человек.

— Помню, как же. Замечательный. Я ведь и его бил тоже.

— Пресимпатичная личность. В карты, бывало, не садись играть — зверь, а вне карт — он тебе и особенный салат-омар состряпает, и "Сильву" на рояле изобразит, и наизусть лермонтовского "Демона" продекламирует.

— Помню, — кивнул головой пристав. — Я и его высылал. Его в Приказчичьем сильно тогда подсвечниками обработали.

— Милые подсвечники, — прошептал лирически актер, — где-то вы теперь?.. Разворовали вас новые вандалы! Ведь вот времена были: и электричество горело, а около играющих всегда подсвечники ставили.

— Традиция, — задумчиво сказал бывший шулер, разглаживая шрам на лбу. — А позвольте, дорогие друзья, почествовать вас бутылочкой "Абрашки"...*

Радостные, пили "Абрау". Пожимали друг другу руки и любовно, без слов, смотрели друг другу в глаза.

Перед закрытием ресторана бывший шулер с бывшим приставом выпили на "ты".

Они лежали друг у друга в объятиях и плакали, а знаменитый актер простирал над ними руки и утешал:

— Петербуржцы! Не плачьте! И для нас когда-нибудь небо будет в алмазах! И мы вернемся на свои места!.. Ибо все мы, вместе взятые, — тот ансамбль, без которого немыслима живая жизнь!!

ИСТОРИЯ ДВУХ ЧЕМОДАНОВ

В уютной кают-компании английского броненосца, куда любезные англичане пригласили нас, нескольких русских, на чашку чаю, — камин горел чрезвычайно приветливо...

Мы, хозяева и гости, сгрудились около него и, прихлебывая из стаканчиков старый херес, повели тихие разговоры, вспоминая разные курьезные, смешные и страшные истории, случившиеся с каждым из нас.

— А то еще был факт... — начал старый, видавший виды моряк-англичанин, отворачивая от красных углей камина свое красное обветренное лицо.

— Расскажите, расскажите!..

— А вы даете мне честное слово, что поверите всему рассказанному?..

— Ого, какое странное предисловие! Действительно, история обещает быть из ряда вон выходящей... Но мы поверим — даем слово!

— Эта история — одна из самых таинственных и страшных в моей жизни... Семь лет тому назад я отправил из Дублина в Лондон багажом чемодан со своими вещами... И что же!

— И что же?!

---

*Шампанское "Абрау Дюрсо". *(Примеч. авт.)*

— Он до сих пор не дошел до Лондона: пропал в пути!

— Ну, ну?

— Что — "ну"?

— Где же ваша удивительная и странная история?

— Да вот она и есть вся. Понимаете: чемодан потерялся в пути! Шуму эта история наделала страшного: кое-кто из низшего железнодорожного начальства слетел, высшее начальство рвало на себе волосы... Бум был огромный!

Видя, что мы, русские, не удивляемся, а сидим молча, понурившись, старый морской волк, оглядев нас удивленным взглядом, осекся и замолчал.

— А то еще был факт... — начал русский, мой коллега по газете, отличавшийся тем, что он все знал. — Англичане, может быть, и поверят этой правдивой истории, а насчет русских — "сумлеваюсь, штоп"...

— Это — факт?

— Заверяю честным словом — факт! И случилась эта история с одним бывшим министром. И потому, что это факт, — фамилии министра я не назову.

— Не тяните!

— Не тяну. Другой бы тянул, а я нет. Не такой я человек, чтобы тянуть. Другой бы... Ой, вы, кажется, придавили мою ногу? Так вот: в сентябре 1918 года этот министр, собираясь ехать в Крым, уложил в чемодан все, что было у него ценного: романовские деньги, золото, бриллианты, меха, — по тому времени тысяч на 60, а по нынешнему — триллионов на 120. И отправил он сдуру этот чемодан по железной дороге до Севастополя — багажом.

— Неужели тоже пропал? — подскочил, как от электрического тока, старый морской волк.

— В том-то и дело, что в январе 1920 года чемодан дошел до места в целости и сохранности. Понимаете, был Скоропадский, его сверг Петлюра, потом были большевики, Махно, добровольцы, опять большевики, города горели, переходили из рук в руки, вокзалы разрушались до основания, багаж на железнодорожных складах разворовывался почти дочиста, чемоданы и корзины опоражнивались и набивались кирпичами, а министерский чемодан все полз себе и полз, как трудолюбивый муравей, и через полтора года таки дополз до конечной станции в целости и сохранности!.. Так верите ли, когда экс-министр в присутствии багажных хранителей открыл свой чемодан, — все рвали на себе волосы... кое-кто

слетел даже с места! Багажный приемщик на станции Взломовка, когда узнал, — на собственных подтяжках повесился, два багажных грузчика запили вмертвую... Вообще, бум — на весь юг России!

Эта история произвела на русских впечатление разорвавшейся бомбы.

Англичане же остались совершенно спокойны и только переводили свои недоумевающие взоры с одного из нас на другого...

А мы, русские, смеялись, смеялись до слез.

И когда одна из моих слез капнула в стаканчик с английским хересом, — мне показалось, что весь херес сделался горько-соленым.

ХОМУТ, НАТЯГИВАЕМЫЙ КЛЕЩАМИ

(Московское)

Москвич кротко сидел дома и терпеливо пил черемуховый чай с лакрицей вместо сахара, со жмыховой лепешкой вместо хлеба и с вазелином вместо масла.

Постучались.

Вошел оруженосец из комиссариата.

— Так что, товарищ, пожалуйте по наряду на митинг. Ваша очередь слушать.

— Ишь ты, ловкий какой! Да я на прошлой неделе уже слушал!

— Ну, что ж. А это новый наряд. Товарищ Троцкий будет говорить речь о задачах момента.

— Послушайте... ей-Богу, я уже знаю, что он скажет. Будет призывать еще годика два потерпеть лишения, будет всех звать на красный фронт против польской белогвардейщины, против румынских империалистов, будет обещать на будущей неделе мировую революцию... Зачем же мне ходить, если я знаю?..

— Это меня не касаемо. А только приказано набрать тысячу шестьсот сорок штук, по числу мест, — я и набираю...

— Вот тут один товарищ рядом живет, Егоров ему фамилия, — кажется, он давно не был! Вы бы к нему толкнулись.

— Нечего зря толкаться. Вчера в Чека забрали за пропуск двух митингов. Так что ж... Записывать вас?

— У меня рука болит.

— Чай, не дрова рубить! Сиди, как дурак, и слушай!

— Понимаете, сыпь какая-то на ладони, боюсь застудить.

— Можете держать руку в кармане.

— А как же аплодировать? Ежели не аплодировать, то это самое...

— Хлопай себя здоровой рукой по затылку — только всего дела.

Хозяин помолчал. Потом будто вспомнил.

— А то еще в соседнем флигеле живет один такой — Пантелеев. До чего любит эти самые митинги! Лучше бы вы его забрали. Лют до митинга. Как митинг, так его и дома не удержишь. Рвется прямо.

— Схватились! Уже третий день на складе у нас лежит. Разменяли. Можете представить — заснул на митинге!

— Послушайте... А вдруг я засну?

— В Чеке разбудят.

— Товарищ... Стаканчик денатуратцу разрешите предложить?

— За это чувствительно благодарен! Ваше здоровье! А только ослобонить никак невозможно. Верите совести: целый день гойдаю, как каторжный, все публику натягиваю на эти самые митинги, ну их... к этому самому! У всякого то жена рожает, то он по службе занят, то выйти не в чем. Масса белобилетчиков развелась. А один давеча, как дитя, плакал, в ногах валялся: "Дяденька, — говорит, — увольте! С души прет, — говорит, — от этого самого Троцкого! Ну, что, — говорит, — хорошего, ежели я посреди речи о задачах Интернационала в Ригу вдруг поеду?!" Он плачет, жена за ним в голос, дети вой подняли, инда меня слеза прошибла. Одначе, забрал. Потому обязанность такая. Раз ты свободный советский гражданин — слушай Троцкого, сволочь паршивая! На то тебе и свобода дадена, чтоб ты Троцкую барщину сполнял! Так записать вас?

— А, черт! А что, недолго будет?

— Да нет, где там долго! Много ли — полтора-два часа! Черт с ними, идите, господин, не связывайтесь лучше! И мне, и вам покойнее. Речь Троцкого, речь Бухарина, речь венгерского какого-то холуя — да все равно. Ну, потом, конечно, лезорюция собрамшихся.

— Ну, вот видите — еще резолюция! Это так задержит...

— Котора задержит? Лезорюция? Да она уже готовая, отпечатанная. Вот у меня и енземплярчик есть для справки.

Оруженосец отставил ружье, пошарил в разносной сумке и вынул серую бумажку...

Москвич прочел:

"Мы, присутствующие на митинге тов. Троцкого, подавляющим большинством голосов вынесли полнейшее одобрение всей советской политике, как внутренней, так и внешней; кроме того, призываем красных товарищей на последний красный бой с белыми польскими панами, выражаем согласие еще сколько влезет терпеть всяческие лишения для торжества III Интернационала и приветствуем также венгерского товарища Бела Куна! Да здравствует Троцкий, долой соглашателей, все на польских панов! Следует 1639 подписей!"

Прочел хозяин. Вздохнул так глубоко, что на рубашке отскочила пуговица.

— Ну, что же... Ехать, так ехать, как сказал Распутин, когда Пуришкевич бросал его с моста в воду.

НОВАЯ РУССКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

(Для сознательных комдеток)

Рекомендуется при помощи маузера во все неучебные заведения.

Добрый пудель

У одного середнячка был пудель. Они очень любили друг друга, но благодаря кулацким элементам продналог не удался, и потому животы у них были пустые, как голова социал-соглашателя.

Однажды сидел хозяин пуделя у камина и ковырял ногой холодную золу. Пудель сидел тут же. Как вдруг он подполз к хозяйской ноге и любовно вцепился зубами в икру.

— Это тебе не паюсная! — воскликнул хозяин, перегрызая горло собаки.

И что же! Бедная собака кормила хозяина три дня, не считая шкуры шерстью вверх, из которой вышли меховые сапоги.

Так отблагодарил добрый пудель своего любящего хозяина за все его заботы.

Примеры для диктанта

Хороши у Трошки сережки. Вырывай сережки с мясом, — будешь есть окрошку с квасом. За сокрытые излишки вынули у Тришки ки́шки. За морем телушка — полушка, а у нас крысенок миллион сто́ит. Я буду есть пирог с грибами, а ты держи язык за зубами.

Детская песня

Мне уже 13 с гаком...
На свободных пять минут
Окручусь скорее браком,
Через часик — разведут.

Наивный Ваня

Реквизировал папа у одного агента Антанты десяток слив. Принес домой, положил на стол, ан глядь, — через минуту их уже 9 штук.

— Дети, кто сливу съел? — спрашивает папа.

Все дети сказали: "мы не брали", и маленький Ваня тоже сказал: "не я".

Папа, будучи опытным чекистом, пустился на провокацию:

— Сливы мне не жалко, но если кто съел ее с косточкой, — можно умереть.

— Нет, я косточку выплюнул, — испуганно сказал Ваня.

— Ага, попался. Становись к стенке!

И все засмеялись, а Ваня заплакал:

— Эх, засыпался я!

Стихи

Нива моя, нива,
Нива золотая,
Зреешь ты на солнце,
Колос наливая...

А когда нальешься
До краев ты, колос, —
"Подавай излишки!" —
Я услышу голос.

Пословицы: С мужика — штанишки, армии — излишки, мужику в живот — пулю, населению вместо хлеба — дулю.

Ось и Чека

Везли два хохла на телегах продовольствие. Вдруг у одного ломается ось, у другого — чека.

— Продай мне одну чеку, у тебя две.

— Изволь, за пять миллиардов продам.

Услыхали чекисты, что идет такая спекуляция, и забрали хохлов в чрезвычайку.

И когда стали хохлы у стенки — сказали друг другу сокрушенно:

— Ось тебе и чека.

Пословицы: Если будешь начеку, чеком смягчишь чеку.

Еще об уме чекистов

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел жемчужное зерно.
Вдруг — свист!
Чекист!!
Петуху в ухо,
Петуха себе в брюхо,
Зерно — в лапу.
И давай драпу!

Примеры для списывания: Была у мужика курица, а теперь одна горелая изба курится. Рыбу с чужого воза за пазуху — на завтра запас уху. "Что в вымени тебе моем?" — сказала хозяйке корова, возвратясь с выжженного поля.

Поликратов перстень

Древний человек Поликрат так был счастлив, что даже испугался. Чтоб умилостивить богов, он бросил в море любимый перстень. Пошел однажды на базар, купил на обед рыбу, нес домой, вдруг навстречу председатель исполкома: "Стой! Что несешь? Отдавай трудящемуся народу".

И унес. А был ли в этой рыбе перстень — черт его знает. К исполкомщику что попадет, то как в прорву.

Наука расширяет кругозор

"Дети, знайте, что шишки с ели
Очень пригодны для топливной цели", —
Учил учитель деток раз...
Внимал ему притихший класс.

Набрали дети шишек с ели,
Зажарили учителя и — съели!

РАССКАЗ, КОТОРЫЙ ПРОТИВНО ЧИТАТЬ

Один пожилой, солидный господин совсем недавно возвращался домой.

Дело было вечером, на даче, идти пришлось через небольшой лесок.

Вдруг: "Стой!" — загремело у него над ухом. Из-за кустов выскочил разбойник, навел на мирного господина браунинг и прохрипел грубым, страшным голосом:

— Руки вверх!..

— Н... не могу, голубчик, — пролепетал мирный господин бледными трясущимися губами.

— Убью, как собаку! Почему не можешь?

— У меня ревматизм. Рукой пошевелить трудно.

— Ревматизм, — угрюмо пробурчал разбойник, — ревматизм! Раз ревматизм, — лечиться нужно, а не затруднять зря занятых людей ожиданием, пока там тебе заблагорассудится поднять руки.

— Я не знаю, право, чем его лечить, этот ревматизм...

— Здравствуйте! Я же тебе должен и советы давать. Натирай руки муравьиным спиртом — вот и все.

— Что вы, голубчик! Где ж его теперь купишь — муравьиный спирт. Ни в одной аптеке нет.

— На руках кое у кого найдется — поищи.

— Да если бы я знал — где! Я бы хоть сто килограммов купил. Хорошо можно заработать.

Свирепое лицо разбойника приняло сразу деловой вид:

— Сколько дадите? У меня есть пятьдесят килограммов. Цена 450, франко моя квартира.

— Сделано. Я и задаточек возьму; все равно уж бумажник у вас вытащил.

— Пойдем, в таком случае, в кафе, — условьице напишем.

— Где ж его тут найдешь в лесу, кафе это?

— Ну, пойдем ко мне домой, разбужу жену, она кофейку сварит.

— Ладно! Айда.

* * *

Как противны эти расчетливые, рассудительные зрелые годы, — все бы только спекуляция, все бы только нажива.

Не лучше ли нам окунуться в мир беззаботной, прекрасной золотой молодости — поры сладких грез и безумных, пышных надежд.

Вот — двое на скамейке. Он и она...

Молодая, цветущая пара.

— Катя! Ты знаешь, что за тебя я готов отдать всю свою кровь по каплям! Прикажи, — луну стащу с небосклона... Катя!.. А ты меня любишь? Скажи только одно крохотное словечко: "да".

— Глупый! Ты же знаешь... Ты же видишь...

— О, какое безмерное счастье! Я задушу тебя в объятиях. Значит, ты согласна быть моею женой?..

— Да, милый.

— Я хочу, чтобы свадьба была как можно скорее! Можно через неделю?

— Что ты, чудак! У меня и платья венчального нет.

— Сделаем! Из чего делается платье?

— Ну... муслин, шифон, атлас...

— Есть! Могу предложить муслин по 28 000 аршин, франко портниха.

— Хватил! А моя подруга на прошлой неделе брала по 23 000.

— Как угодно. Не хочешь — и не надо. Найдем другую покупательницу. Вашего-то брата, невест, теперь как собак нерезаных.

— Молодой человек! Куда же вы? Постойте!..

— Ну?..

— Фрачными сорочками, шелковыми носками не интересуетесь? Вернитесь — дешево, франко квартира...

* * *

Нет, вон отсюда! Подальше от этой жадной, захлебывающейся в своекорыстных расчетах молодости...

Дайте мне светлую, розовую юность, дайте мне прикоснуться к ароматному детству.

Вот по улице важно шествует, посвистывая, десятилетний мальчуган. Куда это он, птенчик? Гм! Стучится в дверь закопченной, полуразрушенной хижины.

— Эй! Кто есть живой человек? Не тут ли живет жулье, которое детей ворует?

— Тут, тут. Пожалуйте.

—Слушайте, вы, рвань! Есть фарт*. Можно большую деньгу зацепить!

— Чего еще?!

— Уворуйте меня нынче вечером. Родители хороший выкуп дадут.

— А тебе, пузырь, что за расчет?

— Я из 50% работаю. Тысяч шестьдесят сдерем, — вам тридцать, мне тридцать.

— Эко хватил — 50%! У нас и риск, и хлопоты, а у тебя...

— А зато я письмо пожалостливее составлю. Другого мальчика еще выкупят или нет — вопрос, а меня родители так любят, что последнее с себя стащат да отдадут.

— Мало 50%! Нам еще делиться надо.

— А мне делиться не надо?! 15% сестренке обещал за то, что перед родителями в истерику хлопнется. Не беспокойтесь, у нас тоже своя контора...

* * *

Как?! Неужели тлетворная бацилла спекуляции отравила и розовую юность... О, Боже! В таком случае, что же остается нетронутым? Неужели только младенчество?..

Вот в колыбельке лежит розовый, толстый бутуз, светлые глазки глядят в потолок вдумчиво, внимательно, неподвижно.

Любящие родители склонили над ним свои головы... любуются первенцем.

— Не знаю, что и делать, — печально говорит жена. — Как же его кормить, если у меня молоко пропало?! Придется нанять мамку.

* На воровском языке — удача. *(Примеч. авт.)*

— Конечно, найми, — кивает головой муж. — Дорого, да что же делать.

Младенец переводит на них светлый, вдумчивый взгляд и вдруг... лукаво подмигивает:

— Есть комбинация, — говорит он, хихикнув. — Сколько будете платить мамке за молоко? Тысяч 60, франко мой рот?.. Да прокормить ее будет стоить вдвое дороже. Итого — 180 тысяч. А мы сделаем так: покупайте мне в день по бутылке молока — это не больше 500 обойдется. В месяц всего — 15 000. А экономию в 165 000 разделим пополам. Отец! Запиши сделку...

* * *

Охо-хо... Так вот и живут у нас.

Скорей бы уж конец мира, что ли...

СТЕНЛИ

Стоит двор; на дворе кол; на колу — мочала. Не начать ли сказочку сначала?

Начнем!

Стоит Кремлевский двор; на дворе кол; на колу радиотелеграф. А больше ничего и нет — даже мочалу Внешторг вывез за границу. Огромную площадь занимает Россия: одну шестую часть земной суши. И пусто все. Только в середине кол с радиотелеграфом, а возле сидит в пещере весь совнарком и из-под земли декретирует.

Удивительная страна!

В 1935 году один заболевший сплином иностранец заинтересовался: а не съездить ли посмотреть?

Стал наводить справки:

— Как достать расписание поездов? Каким поездом можно попасть в Москву?

Спрашиваемые удивились:

— Поездом? С ума вы сошли! Что это вам — Азия, что ли?

— Но как же попасть?

— Читали "Экспедицию Генри Стенли к истокам Нила"? Вот вам руководство. Складная палатка, немного оружия, сушеное мясо, консервы, полсотни носильщиков и идите с Богом! Для общения с туземцами не забудьте прихватить блестящих бус, кумачу, дюжину зеркалец и несколько бутылок огненной воды.

— Опомнитесь! В страну Достоевского, Чехова, Чайковского и Репина — кумач и бусы?!.

— Эва! Теперь это страна Фрунзе, Цюрупы, Радека и Бела Куна, — это тебе не Чайковский...

* * *

Собрался новый Стенли, подъехал к границе, жутко: ветер воет, волки бегают, а за пограничной линией — то не колос шуршит, не мельница гудит, то — красноармеец на границе стоит, ружьишкой всем в пузо тычет.

— Куда лезете, черти?!

Дали ему серебряный шиллинг и бутылку огненной воды, — смягчился.

— А это что у вас?

— Зеркальце.

— Покаж!

Глянул в зеркальце, отразился, головой покрутил, сплюнул:

— Эку дрянь показываете...

— Нет ли тут проводника из туземцев, — нам бы в глубь страны?!

— И проводника найдем! За кусок кумачу, за пару корнбифа к самому черту доведет!!

— Нам бы до совнаркома.

— Все едино.

* * *

— Здравствуйте, туземец! Вы — проводник?

— Так точно.

— Страну знаете?

— Помилуйте! Почетный член императорского географического общества, адъюнкт-профессор. Были когда-то и мы рысаками. Куда вести?

— На Москву. Нам бы еще носильщики нужны для вещей...

— Этого добра сколько влезет. Ваше превосходительство! Ваше сиятельство! Вали сюда артелью. Вот этому чудиле вещи на Москву донести.

— С нашим удовольствием. А харч хозяйский?

— Само собой!

Нагрузились. Пошли.

* * *

— Это что за развалины такие?

— Древний город тут был — Харьков...

— До Рождества Христова?

— Кой черт! В позапрошлом году развалился.

Дальше пошли.

— А это что за дымовая труба?

— Курск тут был. По этой трубе только и примечаем. А Орла так и не найду теперь: гладкое место, зацепиться не за что. Одно слово — центроглушь!

— Где же жители?

— А вот мы и есть жители. Каких же еще вам нужно?

— Гм... Москва близко?

— Как палку увидите, — вот это и будет Москва. Радио на палке. Как говорится: всем, всем, всем...

* * *

Подходя к Туле, мамонта убили. Здоровый был, шельма, да разрывные пули тоже не шутка. Вырезали клыки, насушили мяса, нагрузили на носильщиков, пошли дальше.

* * *

В Сокольниках лесные люди напали... Чуть не съели всю экспедицию, да окопались вовремя, отбились.

Очень было страшно.

* * *

— Вот вам и Москва! Вон эта палка торчит — радио. А возле стальная дверь под землю идет. Таких дверей двенадцать, а сбоку все бронировано. За двенадцатой совнарком и сидит. Эй, стража! Какого-с иностранца привели!

— Чего надо?!

— Хотели бы представиться Ленину и Троцкому...

— Раздевайся!

— Помилуйте, за что же?!.. Я...

— Да, может быть, у тебя бомбы за пазухой.

— Так вы просто обыщите!

— Просто! У вас все просто. А может, у тебя в пуговицах мелинит зашит.

Раздели. Повели. Загремели стальные двери — одна за другой, одна за другой.

За одиннадцатой — человек вышел: на голове пук волос, на подбородке клок, глаза из-за пенсне пытливо поглядывают: видно, что сам Троцкий.

— Очень рады! Наконец-то империалистические страны признали нас.

Поговорили о том о сем.

Вдруг хозяин встал, сорвал с себя бородку, пенсне, сказал:

— Ну, теперь я вам Троцкого покажу!

— Да разве вы сами не Троцкий?

— Эва, прыткий какой! Это так сразу не делается. Сначала я должен был в тебе увериться.

— Но в чем же, Господи?!..

— А вдруг ты белогвардеец? Пришел покуситься на него?!..

— Помилуйте, чем же? Ведь я — голый.

— Толкуй. А может, ты динамиту нажрался, да с разгону брюхом в него ка-ак саданешь... Эх, хитер теперь наш подданный пошел. Одначе, пожалуйте! Вот тут, за этой последней дверью...

Загремела последняя дверь.

Большая, низкая комната...

Стены забраны стальными листами, с заклепками на ребре. Стол, на столе — свечка...

Сидят, понурившись, два человека, друг от друга отвернулись, — надоели, очевидно, друг другу до смерти.

— Вы к нам? Чем обязаны?..

— Льщу себя счастьем лицезреть правителей такой огромной страны!..

— Ну, что ж, лицезрейте...

Потоптался новый Стенли, переступил с ноги на ногу:

— Ну, уж пойду я! Душновато тут...

— Да, невесело. Заходите еще как-нибудь.

— Почту за честь... Я когда-нибудь в будущем году... наведаюсь...

Повернулся. Загремели стальные двери — одна за другой... Вышел на свежий воздух. Снова перед ним двор; на дворе кол; на колу вместо мочалы — радио...

* * *

Стареть я стал, что ли.

Старые люди любят, проснувшись, свои сны рассказывать.

Вот и я рассказал, что мне вчера снилось.

Что бы это значило, этот сон, а?..

УНИКИ

Петербург. Литейный проспект. 1920 год. В антикварную лавку входит гражданин самой свободной в мире страны и в качестве завсегдатая лавки обращается к хозяину, потирая руки, с видом покойного основателя Третьяковской галереи, забредшего в мастерскую художника:

— Ну-ну, посмотрим... Что у вас есть любопытного?

— Помилуйте. Вы пришли в самый счастливый момент: уник на унике и уником погоняет. Вот, например, как вам покажется сия штукенция?

"Штукенция" — передняя ножка от массивного деревянного кресла.

— Гм... да! А сколько бы вы за нее хотели?

— Восемьсот тысяч!

— Да в уме ли вы, батенька... В ней и пяти фунтов не будет.

— Помилуйте! Настоящий Луи Каторз.

— А на черта мне, что он Каторз. Не на стенке же вешать. Каторз не Каторз — все равно, обед буду сегодня подогревать.

— По какому это случаю вы сегодня обедаете?

— По двум случаям, батенька! Во-первых, моя серебряная свадьба, во-вторых, достал полфунта чечевицы и дельфиньего жиру.

— А вдруг Чека пронюхает?

— Дудки-с! Мы это ночью все сварганим. Кстати, для жены ничего не найдется? В смысле мануфактуры.

— Ну, прямо-таки, вы в счастливый момент попали. Извольте видеть — самый настоящий полосатый тик.

— С дачной террасы?

— Совсем напротив. С тюфячка. Тут на целое платьице, ежели юбку до колен сделать. Дешевизна и изящество. И для вас кое-что есть. Поглядите-ка: настоящая сатиновая подкладка от настоящего драпового пальто-с! Да и драп же! Всем драпам драп.

— Да что же вы мне драп расхваливаете, когда тут только одна подкладка?!

— Об драпе даже поговорить приятно. А это точно, что сатин. Типичный брючный материал.

— А вот тут смотрите, протерлось. Сошью брюки, ан — дырка.

— А вы на этом месте карманчик соорудите.

— На колене-то?!!

— А что же-с. Оригинальность, простота и изящество. Да и колено — самое чуткое место. Деньги тащить будут — сразу услышите.

— Тоже скажете! Это какой же карман нужен, ежели я, выходя из дому, меньше двенадцати фунтов денег и не беру. Съедобного ничего нет?

— Как не быть! Изволите видеть — настоящая "Метаморфоза", — Перль-де-неж!

— Что же это за съедобное: обыкновенная рисовая пудра!

— Чудак вы человек: сами же говорите — рисовая, и сами же говорите — несъедобная. Да еще в 18-м году из нее такое печенье некоторые штукари пекли...

— Ну, отложите. Возьму. Да позвольте, что же вы ее на стол высыпаете?!

— А коробочка-с отдельно! Уник. Настоящий картон и буквочки позолоченные. Не я буду, если тысячонок восемьсот за нее не хвачу.

— Вот коробочку-то я и возьму. Жене свадебный подарок. Бижутри, как говорится.

— Бумажным отделом не интересуетесь? Рекомендовал бы: предобротная вещь!

— Это что? Меню ресторана "Вена"? Гм... Обед из пяти блюд с кофе — рубль. А ну, что ели 17 ноября 1913 года? "Бульон из курицы. Щи суточ. Пирожки. Осетрина по-русски. Индейка, рябчики, ростбиф. Цветная капуста. Шарлотка с яблоками". Н-да... Взять жене почитать, что ли.

— Берите. Ведь я вам не как меню продаю... Вы на эту сторону плюньте. А обратная-с — ведь это бристольский картон. Белизна и лак. На ней писать можно. Я вам только с точки зрения чистой поверхности продаю. И без Совнархоза сделочку завершим. Без взятия на учет. Двести тысячонок ведь вас не разорят? А я вам в придачу зубочистку дам.

— Зачем мне? Все равно она безработная будет...

— Помилуйте, а перо! Кончик расщепите и пишите, как стальным.

— Да, вот кстати, чтоб не забыть! Мне передавали, что у Шашина на Васильевском Острове два стальных пера продаются № 86.

— Да правда ли? Может, старые, поломанные.

— Новехонькие. Ижицын ездил к нему смотреть. № 86. Тисненые, сволочи, хорошенькие такие — глаз нельзя отвести. Вы не упускайте.

— Слушаю-с! Кроме — ничего не прикажете?

— Антрацит есть?

— Имеется. Сколько карат прикажете?

* * *

Этот рассказ написан мною вовсе не для того, чтобы рассмешить читателя для пищеварения после обеда.

Просто я, как добросовестный околоточный, протокол написал...

УРОК ЛИТЕРАТУРЫ

Новый учитель вошел в класс и, ласково поклонившись ученикам, сказал:

— Здравствуйте, дети!

— Здравствуйте, товарищ учитель!

— Все ли в сборе?

— А черт его знает!

— То есть, как это так?!

— А так. Что мы, за хвост будем ловить всякого, кто не пришел?

— А все-таки?

— Ну вот, например, Евдокимова Андрея нет, Переплюхина Егора...

— Что ж они... заболели?

— Евдокимов пошел на Сенную, батькин галстук и манжеты загонять, а Переплюхин женится нынче.

— Как женится? Вы шутите!

— Один такой шутил, — так его на мушку взяли.

— Но все-таки! Мальчишке четырнадцать лет, и в такие годы связывать себя на всю жизнь...

— Бросьте, товарищ, волноваться: печёнка лопнет. Кой там черт на всю жизнь! Он обещал мне через неделю с ней развестись. Он, товарищ учитель, из-за интересу женится. По расчету: у невесты есть полфунта жиров и две банки сгущенного молока. Отберет, слопает и разведется.

Новый учитель вздохнул, свеся голову, и сказал:

— Итак, займемся мы сейчас...

Дятлов Степан подошел к нему с таинственным видом и шепнул:

— Есть комбинация!

— То есть?

— Отпустите меня сейчас — я вам разá нюхнуть дам...

— С ума ты сошел! Что это значит "нюхнуть"?

— Кокаинчику...

— Пошел на место, скверный мальчишка. Если тебе нужно по делу, я тебя и так отпущу. А подкупать меня этой дрянью!!..

— Да мне по делу и нужно: одно свиданьице. То есть такая девчонка, товарищ учитель, — огонь! Препикантное созданье. Хотите, потом познакомлю?

— Пошел вон на место!

— Ну, последний разговор: три понюшки хотите? Да другой бы зубами уцепился...

— Садись. Итак, господа, сейчас мы займемся Гоголем...

— Гоголь-моголь! Неужто устроите? Вот это по-товарищески!

Взоры алчно засверкали, языки облизнули губы и все сдвинулись ближе.

— Гоголь! Это писатель такой.

Взоры у всех потухли, и руки вяло опустились.

— Подумаешь, важное кушанье. Знал бы, сразу дёру дал!

— Итак, Гоголь: "Мертвые души".

— Ловко! Кто ж это их угробил?

— Никто. Это умершие крестьяне...

— Так-с. Разрешили, значит, продовольственный вопросец. Ну, жарьте дальше.

— "В ворота гостиницы губернского города N въехала довольно красивая рессорная бричка, в какой ездят..."

— Комиссары, — подсказал Дятлов.

— Ничего не комиссары, — усмехнулся учитель. — Это был помещик Чичиков.

— Агент Антанты, — догадался кто-то сзади.

— "Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности..."

— Понимаем-с. Губчека помещалась!

— При чем тут — Губчека? — нетерпеливо поморщился учитель... — "За Чичиковым внесли его пожитки: прежде всего чемодан из белой кожи... ("Миллионов десять стоит!" — вздохнул кто-то сзади). Вслед за чемоданом внесен был ларчик красного дерева, сапожные колодки... ("Знаем мы, для чего эти колодки! При допросах

пальцы завинчивают...")... и завернутая в синюю бумагу жареная курица".

Все вдруг зашевелились...

— Как!.. Как?.. Прочтите еще раз это место:

— "Завернутая в синюю бумагу жареная курица..."

— Вот буржуй анафемский!

— Реквизнуть бы!

— Хоть бы ножку одну сковырнуть...

Учитель перешел на описание внутренности общей залы, и все опять потухли. Опущенные скучающие головы поднялись только при магических словах: "Чичиков велел подать себе обед".

— Как обед!! Какой обед? Ведь у него же жареная курица была?!

— "Покамест ему подавали разные обычные в трактирах блюда, как-то: щи со слоеным пирожком, мозги с горошком, сосиски с капустой, пулярка жареная, огурец соленый и вечный слоеный сладкий пирожок..."

— Да неужто ж не лопнул?!..

— Брехня!..

— Стой, товарищ! Посчитаем, сколько такой обед должен стоить. Клади на щи с пирожком — пятьсот тысяч, мозги — восемьсот тысяч...

— Это, может, твои мозги! Где ты жареные мозги с горошком и хлебом за восемьсот тысяч найдешь? Тут миллионов на шесть будет!..

Учитель усмехнулся.

— То, что Чичиков ел в трактире, — вздор! А вот послушайте, чем его угостила Коробочка. "Прошу покорно закусить", — сказала хозяйка. Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой с лучком, припекой с маком, припекой с творогом, припекой с сняточками, и невесть чего не было..." "Пресный пирог с яйцами", — сказала хозяйка. Чичиков подвинулся к пресному пирогу с яйцом и, съевши тут же с небольшим половину, похвалил его. — "А блинов?" — сказала хозяйка. Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнув их в растопленное масло, отправил в рот, а губы и руки вытер салфеткой..."

— Брехня!..

— Тьфу-ты, черт! — сплюнул кто-то. — А где он еще обедал?

— Дело не в этом. Я вам лучше прочту гениальное описание характера как самого Чичикова, так и его слуг.

— Нет, к черту! Это мимо.

— Не надо!

— Ну, описание Собакевича... хотите? Замечательно выпукло. Будто изваян резцом гениального скульп...

— А он у него обедал?

— Обедал.

— Что! Ну-ка что? Чего обедал?

— "Щи, моя душа, сегодня очень хороши, — сказал Собакевич, хлебнувши щей и отваливши себе с блюда огромный кусок няни, известного блюда, которое подается к щам и состоит из бараньего желудка, начиненного гречневой кашей, мозгом и ножками.

— Возьмите барана! — сказал Собакевич, обращаясь к Чичикову: — это бараний бок с кашей. У меня, когда свинина, всю свинью давай на стол; баранина, — всего барана тащи; гусь, — всего гуся". За бараньим боком последовали ватрушки, из которых каждая была больше тарелки; потом индюк ростом с теленка, набитый всяким добром: яйцами, рисом, печенками и невесть чем!.."

— Брехня! — простонал сзади страдальческий голос.

— Брехня? — обиделся учитель. — Нет-с, господа, Гоголь не врет! Вы возьмите, как он правдиво описывает характер Плюшкина...

— А у него обедал?

— Ну, знаете, у Плюшкина не пообедаешь...

— К черту тогда Плюшкина!

— У кого еще обедал?

— У Манилова, у Петуха обедал, завтракал у полицмейстера... Вы послушайте, как прекрасно описан тип полицмейстера...

— К черту тип! Что он там завтракал?

— "Появилась на столе белуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свежепросоленная, селедки, севрюжки, сыр, копченые языки и балыки, — это было все со стороны рыбного ряда. Потом появились изделия хозяйкиной кухни: пирог с головизной, куда вошли хрящ и щеки девятипудового осетра; другой пирог с груздями, пряженцы, маслянцы, взваренцы".

— Брехня!! — возопил Кустиков Семен, заткнув уши и мотая головой. — Не может этого быть!

Учитель задумчиво и сочувственно оглядел свою паству. Вздохнул:

— Нет, это было.

— А почему теперь нет? Ну, скажите! Ну? Почему?

— Теперь нет потому, что нынешний коммунистический строй, разорив и разрушив экономическую жизнь страны и уничтожив священное право собственности, убил охоту к труду и...

Дятлов Степан вдруг вскочил и торопливо крикнул:

— Который час?

Учитель вынул часы.

— Ах, какие красивые! Можно посмотреть?

Дятлов Степан подошел, наклонился к жилету учителя, будто рассматривая часы, и шепнул:

— О том, что вы говорите, — после доскажете. При Цибикове и Вацетисе нельзя.

— Господи! Почему?

— Они легавые. В "ве-че-ка" служат. В момент засыпетесь...

Учитель снова обвел взглядом худые лица с горящими глазами, в последний раз вздохнул и, ни слова не говоря, забрав своего Гоголя, вышел.

СТРАНА ИНОСТРАНЦЕВ

... Сделка для Петра Петровича была замечательная: за какие-нибудь пустяковые шесть миллиардов рублей он приобретал в полную собственность особняк в Каретном ряду — из четырех комнат с кухней и погребом.

В комиссариате Дырбырщур (неизвестно, что это значило в переводе на русскую речь) ему самодовольно сказали:

— Видите, как теперь все просто в Советской России: приведите только двух свидетелей русскоподданных, чтоб они расписались на этой бумажке, — и вступайте себе спокойно во владение купленным домом.

— Только и всего? — радостно осклабился Петр Петрович.

— А вы думали! Это не то, что в прежнее бюрократическое время: купчие, да мунчие, да ввод во владение... Притащите двух русскоподданных, распишутся, — и домишко ваш со всеми потрохами.

Радостный, побежал Петр Петрович по Долгоруковскому переулку, выбежал на Тверскую, — на ловца и зверь бежит: навстречу Григорий Семеныч Бутылкин идет.

— Гриша, голубчик! Распишись на одной бумажке... Домик покупаю. Требуется русскоподданная подпись.

— Тю, дурной, — усмехнулся Бутылкин. — Хиба ж я русськоподданный?.. Я ж украинец. У меня теперь не паспорт, а тей-те, як его? Чи то оповидание, чи черт ти що. Ты лучше Пузикова позови, — вон издали кланяется.

— Пузиков! Иди сюда. А я, брат, дом покупаю, свидетель нужен, расписаться. Русскоподданный. Распишись, голубчик.

— Какое же я имею отношение?

— Но ты, как русскоподданный...

— Вот что, мой милый... Хотя я у тебя и детей крестил, но если ты еще раз так обо мне выразишься, я так тебя этой палкой по шее огрею! Какое право ты имеешь оскорблять природного лимитрофа и эстонца Пантелея Пузикова?

Заплакал Петр Петрович.

— Пантюша! Да когда же ты лимитрофом сделался?

— У нас это в роду было. Отец даже два раза по делам в Ревель ездил, а у бабки дом в Риге был! Кровь-то, брат, она заговорит! Карамала-бучук.

— Это чивой-то значит?

— По-эстонски: о, моя родина, о моя Эстия! Всех ты улыбкой даришь. По-эстонски оно очень ловко выходит: карасу-барасу бубулдай.

— Здорово. Так где ж мне найти все-таки русскоподданного?

— Господи! В Москве не найти русскоподданных! Да вот тебе Жигулев Васька идет. Тащи его за шиворот.

Васька и сам подошел.

— Здравствуйте, лимитрофы несчастные! Читали, как наш Гардинг отбрил в ноте большевиков?..

— Почему это он "наш"?

— Гардинг-то? А как же: наш, американский. Мы, американцы, вообще...

— Васька! Да неужто ты американец?!

— Уэс! Кис ме квик, как говорят у нас в Белом Доме. Сода-виски! Отныне моя личность неприкосновенна! О, гейша, пой, играй, пляши.

Ударил себя несчастный Петр Петрович в грудь так, что по Тверской загудело:

— Да не будет же того, чтобы я в русской православной Москве не нашел русского человека. Эй, вы, господин прохожий! На минутку... Вы русский подданный?

— Так точно. Чем могу служить?

— Золото мое! Дайте я вас поцелую! Единственного русского по всей Тверской нашел. Пойдем со мной, распишешься. Коробку спичек за это подарю! Вы свободны?

— Гм... Собственно, я немного занят.

— Так я вас тут, на тумбочке, подожду.

— Гм... Едва ли вы дождетесь.

— Да вы куда идете-то?

— Иду по вызову в ГПУ, извините, расстреливаться.

* * *

Три дня у Петра Петровича шли переговоры с голландцем Драпкиным, южно-африканцем Пантюхиным, испанцем Гусевым и другими...

На четвертый день Петр Петрович выехал в Тулу.

Ему сообщили, что в Туле на Самоварной улице у сапожника Водопьянова живет подмастерье, и будто бы отец этого подмастерья — русскоподданный.

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ

Если бы тысяча бессмертных дураков собрались купно, и тысячу лет эта тысяча сочиняла тысячу самых глупых анекдотов, то на всемирном конкурсе первый приз за самый глупый анекдот получил бы: "Автор проекта памятника III-му Интернационалу в Москве".

Прошу еще раз внимательно вчитаться в этот бессмертный памятник пролетарского гения.

По сведениям "Правды" памятник будет представлять собой "колоссальную постройку из камня и стекла, высотою в 650 футов, состоящую из четырех вращающихся частей, расположенных друг под другом. Нижняя часть в форме куба будет служить помещением исполнительного комитета III Интернационала и будет совершать полный оборот в течение года. Следующая часть в виде пирамиды будет совершать полный оборот в течение месяца. Третья часть в форме цилиндра будет совершать свой оборот за сутки. Наконец, четвертая проделает оборот в течение часа".

Для пьяного человека эти башни, налепленные одна на другую и вращающиеся — одна в год, другая в месяц, третья в день, четвертая в час, — эти башни могут быть для пьяного человека самым жутким головокружительным кошмаром...

— Крутишься, сволочь?.. И так всем головы на сторону скружили, а тут еще башню вертячую посередь дороги поставили... Постой, вот я тебе по цилиндру как ахну!..

* * *

Я сидел дома, вертел в руках прочитанную газету и думал как раз о том, о чем написал выше.

В дверь постучались.

— Антрэ! — отозвался я.

— Чиво?

— Я говорю — войдите.

— Это дело десятое.

Рыжий детина протискался боком в комнату и, шаркнув ножищей, сказал:

— Дозвольте рикимендоваться: механик-самоучка Веденей Горилов.

— Чем могу служить?

— Так что — затирают. Всякая тебе тля дорогу перешибает. Слыхали про московский интернациональный памятник?

— Только что сейчас прочел.

— Вот вы и возьмите во внимание: Луначарский еще о прошлом годе собрал всех нас, механиков, да и говорит нам: "А что, ребята-товарищи, вы бы не загвоздили памятничка почуднее для-ради третьего интернационалу"?

— "Что ж, — отвечаем, — дело возможное". "И чей, говорит, памятник будет почудней — тот получит первую категорию по пайку, вельветовые штаны, три фунта убоины и картину голландской школы с Третьяковской галереи". Одним словом, выяснилось для нас дело оченно подходячее... Засел я в особняке княгини Голицыной и стал думать, стал думать и удумал я такое, что не приведи Господи!

— А что именно? — с любопытством спросил я.

— А вот этакое: стоит на площади огромадная бетонная манжета, и из ее выходит чугунная рука, вся на шарнирах, дрянь этакая — в любую сторону гнется — только давани кнопочку. И у этой руке, как полагается, пять пальцев. В мизинце по числу сгибов три комнаты, и там помещается малый совет Совнаркомов, в безымянном — три комнаты, и там средний совет Совнаркомов, в среднем большой совет, так что зал заседаний в самую ладонь въехал; в указательном — помещение для Пролеткульта, а в большом, понятное дело, Чрезвычайка. И еще выдумал я такое: на рассвете вся пятерка растопырена, а как солнышко взошло, — так указательный палец машинкой скрючивает, он, проклятый, пригибается к большому, большой за его цепляется, и получается огромадный щелчок в самое небо, потому, как вам известно, большевики с Богом не особо в ладах, — на, мол, дедушка, получай!

После же того руку мою у сгиба начинает корежить, корежить и поворачивает к полудню на запад ладошкой вверх, будто, дескать, мы у запада товарообмена просим. Потом через часик-другой, когда мы будто товар от их получили, рука закручивается назад, большой палец въезжает между указательным и средним, и выходит так, что они от нас за товар кукиш имеют. Этак — кукишком стоит памятник час. А после того большой палец лезет обратно, все пальцы скрючивает в кулак — и начинает кулак качаться со стороны в сторону — это, так сказать, для населения. Чтоб оно не очень много о себе воображало. А вечером большой палец, у ногтя которого Чрезвычайка, отделяется от остальных, пригибается к земле и, прижавшись к тротуару, как клопов давит всех — кто там ни сидит! Вот оно, господин, как я удумал!! Нешто, плохо? А они меня чуть не к стенке, — ты, говорят, смеешься, что ли, сволочь?! А я, ей-Богу, хотел, как лучше... Вы б господин-товарищ, хучь написали бы в газете, заступились. Потому у нас — самых мозговитых всякая шпана затирает.

Цель моей жизни — помогать угнетенным и заступаться за обиженных.

Обещал рыжему парню возвысить печатно в его пользу свой голос.

Вот — возвысил.

"КОММУНЕНОК"

Недавно один беженец из Совдепии привез мне в подарок номер детского коммунистического журнала типа "Игрушечки", "Задушевного слова", "Тропинки" или "Галчонка" — под названием:

— "Коммуненок".

Так как во всяком повременном издании — даже для детей — отражается жизнь страны, — я позволяю себе сделать несколько самых характерных выдержек, дабы познакомить читателя с тем, "как живет и работает совдепская детвора"...

* * *

На первой странице известная картинка: двое деток над пропастью беззаботно тянутся за бабочкой, сзади ангел-хранитель в белой одежде с крыльями заботливо охраняет их.

Подпись:

— "Пролетарский ангел не допустит, чтобы наши дети ринулись в бездну буржуазных сладких посулов. Дети, организуйтесь в ячейки!"

За рисунком на следующей странице — детские стихи.

Дети, в школу собирайтесь,
Петушок пропел давно,
Завтра же в постельках, сколько
угодно, валяйтесь,
Петуха родители съедят все равно!

И еще:

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек.
Огонь тот — свободы!
Помещиков жгут:
России народы
Свободу дают!

И еще:

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
Куда же он скачет, куда так летит?
В коммунистическую ячейку записаться
он спешит!

* * *

За стихами следует проза — маленькие рассказы для детей:

Добрый Володя

Мама дала Володе на леденцы полтора миллиарда рублей. Идет наш Володя и думает:

— На половину куплю четверть фунта леденчиков, а за вторую половину пойду в театр на пьесу Анатолия Луначарского "Королевский брадобрей".

Вдруг видит Володя на перекрестке плакат: "Товарищи! Жертвуйте на пропаганду коммунистических идей в отсталых странах".

Сладко дрогнуло сердце Володи, и понял он тут, что есть на свете нечто выше леденцов и прочих удовольствий.

Вошел он в Агитпросвет и робко протянул свои полтора миллиарда.

И когда он вернулся домой и мама спросила, на что он истратил деньги, и он с пылающим лицом бросился ей на грудь, и она узнала о его благородном поступке, и потом пришел папа, то все целовали нашего маленького героя, а один родственник даже подарил ему книжку "Статистика роста коммунизма на Балканском полуострове".

Так всякое доброе дело бывает вознаграждено по заслугам!

Стихи
"Коммунизм на воде"

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет...
Поглядите дети — вот
Как хорош наш красный флот!

Вопросы: Почему красный флот побеждает не только на воде, но и на суше? Любите ли вы красных матросов? Хотели бы вы сами быть красным матросом? Как, по-вашему, истребить гидру контрреволюции?

Стойкое сердце

Жили-были пролетарский рабочий мальчик Коля и сын соглашателя Гриша. Отец Коли зарабатывал как рабочий буквально гроши, около 70 миллиардов в год, а Гришин отец саботажем и соглашательством зарабатывал триллионы.

Однажды оба мальчика встретились:

— Будь и ты соглашателем, — предложил прогнивший отпрыск мирового буржуазиата. — Саботируй, и ты будешь с нами жить в раззолоченных палатах. Поступай в нашу белогвардейскую банду!

— Нет, — сказал Коля. — Лучше за 70 миллиардов в год глотать черствый кусок хлеба, но состоять в комму-

нистической ячейке, чем есть роскошную конину и картофель, но пожертвовать своей пролетарской идеологией!

И запел мелодичным голосом:

Отречемся от старого ми-ира,
Отряхнем его прах с наших ног! .

И месяц, и звезды, и тучи толпой — внимали той песне святой.

Дети! Будьте Колями, но не будьте Гришами. Организуйтесь, дети, в ячейки!

Партийные сообщения

2-го числа в 10 часов утра выборы учителя арифметики. Товарищи, захватывайте ваши мандаты!

В 12 часов дисциплинарный суд над Рюхиным Андреем, уличенным товарищами в том, что он поздоровался с инспектором. Товарищи! будем беспощадны!

В потребилке 7-й пролеткультской школы получены папиросы и кокаин. Выдача только взрослым, не моложе 11 лет. Представляйте мандаты!

* * *

По примеру "Задушевного Слова" в "Коммуненке" есть и отдел "Переписки юных читателей". Например:

Дорогая редакция! У нас ночью замерзли два дворника: Игнат и Семен. Напишите, дорогие товарищи, у кого еще дома замерзли дворники и как их зовут.

Кока Подрайонов, 9 лет.

Милая редакция! У меня была хорошенькая кошечка Буська, а вчера она пропала. Никто не знает, где она, только дедушка ходит все и облизывается. Не знает ли кто, где я должна ее искать?

Муся Ячейкина, 8 лет.

От редакции: По нашему мнению, здесь не без деда... Организуйтесь, дети!

Дорогие товарищи! Вчера меня мама чуть не убила. Уходя, приказала затопить печку, что я и исполнил: открыл водопроводный кран и затопил не только печку, но и все остальное. Оказывается же — печку нужно затоплять не так. Напишите мне, милые товарищи, как еще можно затопить печку без воды?

Вова Чрезвычаев, 9 лет.

Милые товарищи! Организуетесь ли вы? Я уже сорганизовался. Папа обещал мне елку и сказал, что если не найдет украшений, то повесит на елку первое, что подвернется ему под руку. Теперь я от него прячусь. Соседний приказчик и наша кухарка образовали ячейку. Товарищи, напишите, у кого из вас сыпной тиф?

Абрамчик Комиссариатский, 6 лет.

Дорогая редакция! У нас вчера дома был семейный праздник по случаю того, что у папы оказалась грыжа и ему не надо идти на доблестный красный фронт. Гости поднимали бокалы за его болезнь. Напишите, товарищи, у кого из вас папа с грыжей и на каких дровах вы варите обед. Мама вчера варила на ножке от ломберного стола и на двух рамках карельской березы. Сообщите также, можно ли есть ячейку?

Зюзя Котенкин, 10 лет.

НОВАЯ ПАСХА

Раньше были свои праздничные обиды и огорчения:

— Господи! Опять наступает Пасха! Опять напяливай фрак, лаковые ботинки и ходи, как дурак, от Петра Григорьевича к Зое Николаевне, от Подстеги Петровны к Черту Ивановичу! И хоть бы не угощали, канальи! А то ведь как с ножом к горлу! — "Индеечки кусочек!" — "Спасибо, сыт. Не могу!" — "А вы через "не могу!" — "Увольте!" — "Ни-ни-ни! И мадеркой запейте! Или коньячком? А если нашего кулича и творожной пасочки не попробуете, то хозяйка и вовсе обидится! Ну кусочек! Ну, полкусочка!"

— Ах, чтоб ты лопнул со своим кусочком! Сыт уже, не лезет, а ешь! Плачешь, а ешь! Рыдаешь в душе, а пьешь: и дрей-мадеру, и го-сотерн и доппель-кюммель! За что они меня будут мучить! За какую провинность напихают

в брюхо и во все карманы яиц: желтых, красных, зеленых; всмятку и вкрутую; шоколадных, деревянных, сахарных — за что? А не возьми я его яйца — за личное оскорбление примет!

Еще бывают и такие обиды:

— Фитюков-то, а? Ну не каналья? Не Иуда-предатель? Даже не нашел нужным на Пасху визит сделать!.. Что же, зря я, что ли, хороших куличей напекла, столько, что и девать некуда?!.. Зря я по всем лавкам бегала, чтобы самый сочный окорок купить? Нет, я того мнения, что этот самый Фитюков — форменный подлец. Сегодня он с визитом не пришел, кулича не попробовал, стакан вина у меня не выпил, завтра он кассу чужую взломает, а послезавтра уже и человека ему не трудно зарезать! Рукой подать!

* * *

У нынешних людишек российских тоже есть свои обиды и огорчения, но совсем иного сорта:

— Гм! Вот наступает Пасха, а куда бы мне пойти разговеться — и не знаю... Правда, куличи теперь всюду дрянь: сделаны из кукурузной продмуки и замешаны на комячейке, а, все-таки, заглотать бы кус в полфунтика — было бы совсем не вредно. Да при этом же еще и рюмочку спирта из машинки для завивки волос! Да куда пойдешь-то? Переплетовы за границу бежали, Прыгуновых в расход вывели*, Пеликановы — он и она в Чека сидят... В прошлом году сунулся я было к Мясоедовым, дескать, поздравлю, выпью и закушу, все честь честью... так что ж они сделали?!.. Завалили входную дверь матрацами да и отсиживались так три дня. Хотел я на крышу влезть, да по водосточной трубе спуститься, да через окно и явиться к ним с визитом, будто нечаянно по дороге на огонек зашел, но ничего не вышло: зимние рамы у них были еще не выставлены, и чуть я с трубы не сорвался. Да! Трудно нынче визитеру обычаи седой старины исполнять. А впрочем, попытаюсь к Белобоковым завернуть: авось, если кухарке миллиардишко в руку сунуть, она через черный ход пустит!

А у Белобоковых тоже тревога, тоже сумятица:

— Ну, держись, Марья! — угрюмо говорит Белобоков жене. — Нынче визитер сильно должен напирать. Обголодали очень. Боюсь, как бы они не сорганизовались. Раньше-то, когда в одиночку ходили — легко его, подлеца, было отшить, а теперь они, говорят, стаями стали ходить, как голодные волки... Одна партия даже пулемет завела. Не пустишь — так и начнут по фасаду очередями!

В комнату, запыхавшись, влетел выставленный на улицу махальный — сынишка Белобоковых:

— Идет! Прямо к нам вот так и идет... Синий весь, глаза горят и зубами щелкает...

— Запирай двери!! Гаси огни! Петька, на парадную! Заваливай тюфяками! Кухарка! Если через кухню пропустишь — убью, как собаку. Все в погреб! Забирай провизию, может так три дня отсиживаться придется. Этот Фитюков правильную осаду способен повести. Петька! Тебе поручаю окно, что около соседнего балкона. Будет лезть — бей его по голове цветочным горшком!

До ночи сидели в мрачном, сыром погребе.

А ночью маленькая Катя открыла слипшиеся ото сна глазки, вгляделась при свете сальной свечки во что-то и пролепетала:

— Вон челт. Челт плишел!

— Где черт? — испугалась мать... — Что ты, милая?

Из угла выдвинулась какая-то черная фигура и любезно сказала:

— Простите, Марья Кондратьевна, это никакой не черт, а я, Фитюков. Зашел по дороге к вам с визитом, с праздничком поздравить... Вы не смотрите, что я такой черный... Это я по дороге завернул к вам через дымовую трубу. Звонок у вас, очевидно, испорчен... хе-хе... Так вот я с крыши... Признаться, проголодался ужас как. Сейчас бы кулича хороший кус, да ветчинки. Как вы на этот счет смотрите, многоуважаемая?

— Видите ли... у нас ничего нет... не достали... Скажите, где были у заутрени?

— Дайте!

— Ни крошечки нет! Где были у заутрени?

— А тебе какое дело, бабье разнесчастное?.. Так ничего, говоришь, нет? Эй, Митька! Степа! Все сюда — ищи! Ищи, чем бы разговеться!!.

Топот многочисленных ног наполнил сердца хозяев леденящим ужасом.

— Пощадите! — пролепетал Белобоков.

— Нам, брат, вас щадить — сами ноги протянем! Шарь по всем углам! Это что? Кулич? И полкурицы?

* Расстреляли. *(Примеч. авт.)*

Стой, держи хозяина — кусает за ногу! Свяжите его, пока мы разговеемся, поздравим хозяйку с праздничком...

— Чтоб вы подавились!

— Нечем и давиться тут! Как кот наплакал... В земле ничего не зарыто? Будь бы время, пол бы взрыли, да некогда: еще к Мясоедовым нужно спешить — поздравить с праздничком. А то я их знаю: не придешь с визитом — в претензии будут. А не пустят — ручную гранату в дверь брошу!!!

— Будете вы сидеть за это, — прохрипел хозяин.

— Ей-Богу, некогда сидеть — надо спешить.

— Я говорю — в тюрьме будете сидеть!

— Подумаешь, важность! Все там будем. А пока — всего хорошего. У кого разговлялись? Где были у заутрени? Да ты, собака, что за руку кусаешь?

Так пышно празднует ныне коммунистическая Русь лучший в свете праздник — Светлого Христова Воскресения!

ОПЫТ

Когда государственному человеку приходит в голову какая-нибудь государственная идея, у него нет времени самому возиться с разработкой деталей проекта.

Для этого есть специалисты, которые должны взять на себя черную работу.

Поэтому я нисколько не был удивлен, когда получил от болгарского премьер-министра Стамболийского такого рода письмецо:

"Дорогой Аркадий Тимофеевич!

У меня есть проект — устроить "опытные коммуны" для коммунистов. По моему проекту следовало бы огородить какое-нибудь место, напустить туда коммунистов, дать им машины, одежду и продовольствие, а потом — через годик — взглянуть: как расцветает коммунизм в этих идеальных условиях? Вот моя мысль в сухой схеме. Прошу разработать детали".

Считая мысль Стамболийского неглупой, а предстоящую мне разработку деталей очень заманчивой, я с головой погрузился в работу...

— Везут, везут!

— Кого везут?

— А коммунистов!

— Что же, их вешать будут, что ли?

— Зачем вешать, дубовая твоя голова?! Это Стамболийский переносит их в идеальные условия.

— А ограда зачем построена?

— Чтоб со стороны никто не видел. Опять же — чтоб не разбежались.

— Гляди, гляди, ребята, — в клетках они!..

— А как же? Все рассчитано! Каждую клетку вплотную подвезут к воротам, потом откроют ворота, — чтоб по бокам щелей не было, потом поднимут решетку клетки, — они и выпрыгнут внутрь. Ни побега, ни скандала быть не может.

— И как это, ей-Богу, Стамболийскому не стыдно людей мучить?!

— Помилуйте, мадам, — какое же тут мученье?! Наоборот — Стамболийский хочет поставить их в идеальнейшие условия. Ведь раз они коммунисты — они должны быть в восторге от этой идеальнейшей коммуны. Всего предоставлено в избытке — устраивайся и процветай!

— Да ведь они горло друг другу перегрызут.

— Коммунисты-то? Эх, не знаете вы, мадам, коммунистов. Это настоящее братство на земле — как в раю жить будут!

Когда вытряхивали из ворот первую клетку с коммунистами — произошел инцидент, который можно было рассмотреть сквозь прутья клетки: один дюжий парень растолкал всех других внутри клетки, дал кому-то по шее, кого-то сбил с ног и, вскочив в ворота, закричал:

— Стоп, товарищи! Я буду председателем совета народных комиссаров!

— По какому праву? — обиделся другой коммунист.

— А вот по какому, что ты у меня еще поговори. Знаешь, что бывает за восстание против советской власти? Товарищи! Прошу у меня регистрироваться. За нарушение — общественные работы и мытье полов в казармах.

К вечеру все клетки были опорожнены. Любопытная толпа стала задумчиво расходиться.

На другой день у внешней стороны ограды прохожий поднял записку, с камнем внутри для весу:

"Товарищ Стамболийский! Вы говорили, что дадите все, что ни в чем нужды не будет, — и обманули! А где же

оружие? Как же совет народных комиссаров будет поддерживать порядок?? Пришлите срочно".

Оружие послали — и ночью случайные прохожие могли слышать, что в присланном продукте действительно была большая необходимость.

Одна стена ограды сделалась совсем красной.

Вторая записка, перекинутая на волю через месяц, была самого отчаянного содержания:

"Не хватает машин и продуктов! Мы трестировали промышленность и социализировали продукты сельского хозяйства — и всего оказалось мало! Считаем это обманом с вашей стороны. Пришлите еще. Большая нужда в машинах для печатания кредитных билетов (прежние износились) и в рулеточной машине. Хотим государственным способом ввести азарт в берега".

Несмотря на то что на вторую записку Стамболийский ничего не ответил, за ней, через месяц, последовала третья:

"Не хватает людей! Людской материал расходуется, а притоку нет. Если можно, пришлите побольше буржуазии. Товарищи коммунисты расхватали командные должности, а над кем командовать — неизвестно! И работать некому. С буржуазией же пришлите и патронов ввиду угрозы буржуазного саботажа. В случае отказа буржуазии явиться к нам, наловите их побольше и пришлите.

С коммунистическим приветом — совет народных комиссаров".

Четвертая, и последняя, записка была всего в три слова:

"Настойчиво требуем интервенции".

Прошел год.

Однажды Стамболийский вдруг вспомнил об опытной коммуне и сказал:

— А как моя коммуна? Пригласите представителей общественности и прессы, любопытно съездить и посмотреть внутрь — что у них там.

Поехали.

Когда подошли к воротам, внутри была тишина...

— Откройте ворота!

Не успели открыть ворот, как оттуда выскочил человек с искаженным от ужаса лицом и помчался по полю, оглашая воздух страшными криками:

— Городовой! Городовой!..

За ним вылетел другой, держа в руках нож и крича первому:

— Стой, дурак! Куда ты? Я только кусочек. Что тебе, правой руки жалко, что ли?

Их поймали.

— Куда вы бежали? Кто этот другой?

— Это командующий вооруженными морскими и сухопутными силами. Он хотел меня съесть.

— Сумасшедший, что ли?

— Какой сумасшедший — есть нечего!

— Позвольте! А ваша промышленность?! А сельское хозяйство?! А мои продукты?!

— Пойдите, поищите. Сначала социализировали, потом национализировали, потом трестировали, так все и поели.

— А где же остальные?

— Да вот остальных только двое. Третьего дня пообедали председателем комитета по распределению продуктов — последнего доели.

— А почему из ворот такая вонь?

— Ассенизации не было! Все сделались председателями, а город чистить некому.

Стамболийский закрыл нос надушенным платком, который ему дала сердобольная дама, покачал головой и задумчиво сказал:

— Такая была простая идея — устроить "опытную коммуну" — и только одному мне она пришла в голову. Закройте ворота. Оттуда тифом несет.

От автора:

— Надеюсь, мой дорогой читатель согласится, что детали проекта Стамболийского разработаны мною совершенно точно.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Если бы одна из мировых конференций происходила не в роскошном палаццо, украшенном бронзой, мрамором и коврами, а происходила бы она на берегу честной русской реки, то вот бы как протекали ее заседания по русскому вопросу.

* * *

Пустынный, неприветливый, унылый берег реки...

В реке тонет человек.

Его судорожно сжатая рука то показывается на поверхности воды, то снова скрывается, а когда из воды на несколько секунд показывается голова, — тихий воздух оглашается страдальческим воплем.

На берегу кучка людей.

Расселись на камушках, смотрят.

Кто посасывает коротенькую трубочку, кто жует табак, кто затягивается сигарой.

Смотрят.

— Сэр! Никак там человек в воде?

— Да, мусью, он, кажется, тонет.

— Да, и мне тоже кажется. Для простого купания это слишком судорожно.

— Я думаю, он просто в водоворот попал. Как вы думаете, какой он национальности?

— Безусловно, русский!

— Н-да... нет ли огонька, сэр? Проклятая сигара второй раз тухнет.

— Сделайте ваше такое одолжение. Гм... да! А ведь, знаете, может потонуть человек!

— И очень просто.

— А хорошо бы спасти его, а?

— Замечательно бы.

— Взять бы да вытащить!

— Да на сухое бы место!

— Да суконкой бы его хорошенько растереть!

— Да коньяку бы ему влить в рот!

— Пожалуй, я бы суконку дал!

— А я бы коньяку полбутылочки пожертвовал!

— Ну?..

— Что ну?..

— Вся остановка за тем, что вытащить его надо.

— Еще бы не надо. И как еще надо!

— Взять бы за волосы...

— Ну, что вы. Как же можно такой некультурный способ! Да позволь я себе сделать такую грубость — рабочая партия в нашей Палате такой бы запросище двинула!

— Тогда, может быть, сделаем так: бросим ему в воду и суконку, и коньяк — пусть сам разотрется и выпьет.

Бросили.

— Не долетело. Видите, потонуло.

— Н-да! Если бы у меня не новый френч, да не холодная бы вода, я бы...

— Знаете что? Мысль! Давайте бросим ему спасательный круг?

— А где он?

— Он в сторожке у старого сторожа.

— А сторож где?.. Дома?

— Нет, он в гостях у знакомых.

— Не пошел ли он в таверну "Рыбий глаз" в Нижнем Городе, а если его и там нет, надо искать у его сестры. А может, и у зятя. Можно сначала послать к его знакомым, нет его там — пошлем в таверну, нет в таверне — к сестре, нет у сестры — к зятю.

— Значит, сторожка заперта?

— Заперта. А нельзя ли взломать дверь? А то, того и гляди, этот потонет!

— Что вы, как же можно ломать чужую дверь? Давайте пошлем за ключом к сто́рожевым знакомым!

— А если он уже оттуда ушел?

— Значит, в таверне.

— А кого мы пошлем?

— А вот мальчишка бежит. Эй, мальчик, алло! Старого сторожа из сторожки, в которой спасательный круг, знаешь? Возьми у него ключ от спасательного круга. Для этого пойди сначала к знакомым, потом в "Рыбий глаз", нет его там — пойди к зятю, потом к сестре...

— Сейчас не могу — для мамы в аптеку бегу.

— Вот, осел-то! Ну, сбегай в аптеку, отнеси лекарство, а потом и иди за сторожем!

Когда мальчик скрылся с глаз, кучка людей успокоилась и снова вернулась к безмятежному курению, жеванию и посасыванию.

— Сэр!

— Мусью?..

— Я думаю, что мы сделали все, что могли.

— О, yes!

— Мы не вытащили его за волосы!

— Потому что это было бы насилием!

— Мы не взломали двери сторожки!

— Потому что это было бы незакономерно!

— И, наконец, бросили ему суконку и коньяк!

— Не наша вина, что все это потонуло!

— Глядите-ка! Не кажется ли вам, что пузыри пускает?

— Конечно: это от удовольствия, что помощь близка.

Старого сторожа нашли только к вечеру.

На пленарном заседании конференции.

Избранник рабочей партии, — он как раз в этот день произносил очередную речь, посвященную возрождению России.

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Гнилая константинопольская погода. С неба падают редкие капли скудного дождя, будто кто-то сверху брызгает облысевшим кропилом. Над крышей что-то взвизгивает и ревет: очевидно, это черти украли христианскую душу и никак не могут ее поделить.

Но в ночлежке, где на нарах сгрудились несколько русских, тепло. Даже душно. Не спится. Идет тихий разговор, часто прерываемый длинной ленивой зевотой.

— Сволочи эти большевики! Какого черта из-за них я должен болтаться тут в турецкой ночлежке?! Кто я есть? Я есть русский человек! Значит, я должен жить в России.

— Это ты верно. Ежели ты, скажем, скрипка, то должен лежать в скрипичном футляре. А эти скоты засунули скрипку в флейточный футляр! Рази можно?

— Почему теперь — Рождество Христово — и дождь. Как так возможно? Я, может быть, об эту пору не переношу дождя. Мне снег нужен...

— Хороши снега у нас в Москве! Нормальные. Полозья скрипят, бубенцы на ванькиных клячах звенят. Вот жилось! Я раз это от Курского вокзала в Газетный переулок ездил — два пальца отморозил. Вот это была жизнь! Не жизнь, а масленица.

— А мы тоже раз с компанией в Петровский парк ездили, а они возьми для смеху и столкни меня в снег! А сами — деру. Эх, жилось!!

— Ну, и что же?

— Насчет чего?

— Да вот в снегу-то. Ведь не до сих же пор ты там лежишь?

— Зачем до сих пор? И часу не прошло — пьяные купцы подобрали. Воспаление легких было.

— Чего же ты теперь радуешься, дурак?

— Как же мне не радоваться, если я тогда полтора месяца у себя на Малой Кисловке пролежал. Лежу в чистенькой постельке, доктор каждый день, а в окно — рябина в снегу, а на снеге голубые бриллиантики от солнышка горят. Тепло, в печке дрова гудят, а предо мной яички всмятку и котлетка, только что изжаренная. И все кругом говорят:

— Ах, мы, Семен Николаевич, так об вас беспокоились, так беспокоились!.. А теперь кто разве будет беспокоиться? Черта с два!

— Да, мы, русские, больше к русскому привыкши. Какая тут в Константинополишке была Пасха? Греческая

мизерия! А там, — как колокола зальются, забухают, залепечут — век бы слушал! Хорошие времена...

— У меня во время Светлой заутрени, помню, как-то хлюст портмоне из кармана выдернул. Тогда я, помню, поймал его за руку, да так похристосовался, что он у меня волчком завертелся, а теперь бы...

— Чего теперь бы?

— А теперь бы я все карманы ему сам растопырил: бери, тащи, мил человек, — только бы мне еще хоть полчасика у Василия Блаженного со свечкой постоять, колоколов послушать.

— А я смотрю так: вот попал я однажды там, в Москве, в участок — по пьяному делу товарища по Кузнецкому на своей единоутробной спине возил — так что ж вы думаете? Дал мне околоточный два раза по шее, дураком назвал и в какую ни на есть комнату посадил. Действительно, в те времена дураком я был, потому что обидно мне сделалось и даже плакал. А теперь бы...

— Что ж теперь? Сам бы околоточного бил, что ли?

— Ну, действительно! Разве можно околоточного бить? Я его уважаю. А теперь бы я год бы целый у него в участке просидел и получал бы каждый час по шее, и "дурака" бы с моим удовольствием выслушивал... Только бы мне этим воздухом участочным подышать. Крепкий дух, но приятный. Тут тебе и сапогом кожаным, и махоркой, и вообще. Родной это дух, братцы вы мои, участочный, и ни на какой букет я его не променяю.

Кто-то невидимый мечтательно дополняет:

— В Охотном ряду тоже запах был невредный.

— У нас в Москве и сирень пахнет лучше, чем где. Я раз в Петровском парке так-то вот под сиренью сидел, вдыхал это самое... Вдруг двое выскочили: "Скидавай, — говорят, — пиджак..." Чудесные ребята! Я бы с ними сейчас даже пива в Трехгорном выпил. Замечательные были времена.

— Что ж, отдал?

— Чего?..

— А пиджак!

— Как же не отдать, если они враз за горло, тут и штаны отдашь! Ей-Богу, доведись так теперь — то я бы сейчас все время под сиренью сидел и пиджаки им отдавал.

Рассказчик, заметив молчаливое недоумение слушателей, добавляет, как бы извиняясь:

— Небо очень голубое было. Чистое. Московское. Не жалко мне пиджаков.

— Да, жилось благородно. Я там один журнальчик редактировал. Ну, и ахнул однажды что-то очень неподходящее насчет Столыпина, Петра Аркадьевича. Приходит утром пристав нашей части и так вежливо говорит: "Иван, — говорит, — Степаныч, вот вам бумажка. Штраф в 500 рублей за оскорбление в печати высших лиц". Я тогда, признаться, выругался крепко, — потому что обидно 500 рублей платить, но вынимаю я деньги, — а он еще и извиняется. "Поверьте, — говорит, — если бы моя воля, я бы ни за что, но распоряжение начальства. Вы бы, — говорит, — Иван Степаныч, были поосторожнее. Черт с ними, пишите о чем-нибудь дозволенном, — хоть полицию ругайте, — мы привыкши". И так этот приставишка растрогал меня, что пал я ему в объятья, и долго мы плакали, как два брата.

— Врешь ты все!

— Чего вру?

— А вот, что с приставом в объятьях плакали.

— Это почему же вру, скажите на милость?

— Да потому, что не будет тебе пристав плакать, хучь ты его озолоти. Они были серьезная, деловая публика.

— Ну так что?

— А то, что, значит, ты и врешь.

— Ну, хорошо, ну пусть вру, но ведь трогательно?

— Трогательно-то оно трогательно. Однако надо бы уже и спать...

Все кряхтя укладываются.

Редкие капли, скатывающиеся с невидимого облысевшего кропила, робко, с подлой трусостью, постукивают в окна.

— Разве это дождь? — с ядовитой улыбкой говорит человек, поймавший вора у Светлой заутрени. — Нет, у нас в России — вот это дождь!.. Как маханет тебя — так либо ревматизм, либо насморк на три недели!.. Хорошо жить там, и нету другого такого подобного государства.

ЗАПИСКИ ПРОСТОДУШНОГО

"Я в Европе"

Турция, Чехо-Словакия

(1923)

ПРЕДИСЛОВИЕ ПРОСТОДУШНОГО

(Как я уехал)

— Ехать так ехать, — добродушно сказал попугай, которого кошка вытащила из клетки.

Осенью 1920 года мне пришлось наблюдать в Севастополе редкое климатическое явление...

Именно, когда уже наступили прохладные дни, обещавшие с каждой неделей делаться все прохладнее и прохладнее, пока вся эта вереница суток по исконным правилам календарей не закончилась бы зимой, — в эти осенние дни ко мне пришел знакомый генерал и сказал:

— Вам нужно отсюда уезжать...

— Да мне и тут хорошо, что вы!

— Именно вам-то и нельзя оставаться. Скоро здесь будет так жарко, что не выдержите...

— Жарко?! Но ведь уже осень, — чрезвычайно удивился я.

— Вот-вот. А цыплят по осени считают. Смотрите, причтут и вас в общий котел... Говорю вам — очень жарко будет!

— Я всегда знал, что климатические условия в Крыму чрезвычайно колеблющиеся, но, однако, не до такой степени, чтобы в октябре бояться солнечного удара?!

— А кто вам сказал, что удар будет "солнечный"? — тонко прищурился генерал.

— Однако...

— Уезжайте! — сухо и твердо отрубил генерал. — Завтра же рано утром чтобы вы были на борту парохода!

В голосе его было что-то такое, от чего я поежился и только заметил:

— Надеюсь, вы мой пароход подадите к Графской пристани? Мне оттуда удобнее.

— И в Южной бухте хороши будете.

— Льстец, — засмеялся я, кокетливо ударив его по плечу булкой, только что купленной мною за три тысячи... — Хотите кусочек?

— Э, не до кусочков теперь. Лучше в дорогу сохраните.

— А куда вы меня повезете?

— В Константинополь.

Я поморщился.

— Гм... Я, признаться, давно мечтал об Испании...

— Ну, вот и будете мечтать в Константинополе об Испании.

В тот же день я был на пароходе, куда меня приняли с распростертыми объятиями. Это, действительно, правда, а не гипербола насчет объятий-то, потому что, когда я, влезши на пароход, сослепу покатился в угольный трюм, меня внизу поймали чьи-то растопыренные руки.

На пароходе я устроился хорошо (в трюме на угольных мешках); потребовал к себе капитана (он не пришел); сделал некоторые распоряжения относительно хода корабля (подозреваю, что они не были исполнены в полной мере) и, наконец, распорядился уснуть.

Последнее распоряжение было исполнено аккуратнее всего...

Путешествие было непродолжительное, но когда мы подошли к Константинополю, то меня ни за что не хотели пускать на берег.

Я сначала думал, что команда и капитан так полюбили меня, что одна мысль расстаться с таким приятным человеком была им мучительна, но на самом деле случалось наоборот: не пускала на берег союзная полиция, а команда не прочь была бы даже выкинуть нас всех за борт, только чтоб развязаться с беспокойным непоседливым грузом.

Не желая быть в тягость — ни команде, ни полиции, — я ночью потихоньку перелез на стоявший подле русский пароход-угольщик, где старые морские волки приняли меня как родного...

Милые вы люди! Если вы сейчас где-нибудь в плавании по бурному океану — пусть над вами ярко и ласково сияет солнце, а под килем нежная морская волна пусть нежит вас, как колыбель, — крепко желаю вам этого!

* * *

Приступая к "запискам", я прежде всего хочу сказать несколько теплых слов — в защиту одного господина...

Того самого, который, по утверждению старинной русской легенды, прегорько рыдал на свадьбе и весело плясал на похоронах.

Этого господина легенда окрестила ярким исчерпывающим именем:

— Дурак.

Да полно! Так ли это! Не произошло ли в данном случае жестокой исторической несправедливости? Дурак!.. Не наоборот ли? Не мудрец ли этот русский, проникший светлым умом в самые глубинные тайны русского бытия?

Человек горько плачет на свадьбе... Да ведь он прав! Ему, конечно, жалко эту безумную пару, бросающуюся очертя голову, рука об руку в пучину, из которой и одному-то не выбраться!

Человек веселится на чужих похоронах... Да ведь и тут он тысячу раз прав, этот мудрец, тихо радующийся, что вот, дескать, хоть один человек, наконец, устроился как следует: не нужно ему ни пайка, ни визы, ни перескакивания с одного берега на другой.

Пора, пора — давно пора — пересмотреть наше отношение к дураку. Он мудрец. Может быть раньше это было трудно понять, но теперь, когда вся Россия вывернулась наизнанку и сидит на чемоданах и узлах, — мы многое должны пересмотреть и переоценить.

Впрочем, если быть искренним, то за "бывшего" дурака, а ныне мудреца я распинаюсь не без тайной цели: попутно я хочу оправдать и себя, потому что отныне я тоже решил "улыбаться на похоронах"...

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

...Я забрал с парохода свои вещи, сел в лодку и поехал к Галатскому берегу.

И едва лодка клюнула носом каменную плиту пристани, и едва в лодку свалился живой клубок разнокалиберных тел — я понял, что меня здесь знают. Потому что так орать и спорить из-за сомнительной чести тащить мои чемоданы могут только люди, искренно чтущие любимого писателя.

Эти восточные поклонники быстро расхватали мои вещи — и мы понеслись в голубую неизвестную даль, короче говоря, на Перу, а еще короче говоря, в ту маленькую комнату, которую мне наняли заранее.

На Пере среди грохота и гвалта меня остановила какая-то божья старушка — столь же уместная тут, как цветочек незабудки в пасти аллигатора.

— Что вам, бабушка?

— Голубчик мой, а где ж тут турки?

— Которые?

— Да ведь это, чай, Турция.

— Чай, она.

— А чего ж турка ни одного нет?

Чтобы успокоить эту мятущуюся душу, я ткнул пальцем в какого-то господина в феске, свирепо пожиравшего слоеную дрянь с лотка.

Это был единственный турок на горизонте.

— Вот этот? Вы чего ж, батюшка, в германскую войну давеча втемяшились?

Турок пожал плечами и отвечал:

— Эх, тетя! Нешто не признали? Вместе на "Сиаме" из Севастополя ноги уносили...

И обернулся к продавцу:

— Комбьен сетт гато?

— Бешь груш.

— Олл райт. А риведерчи, тетушка.

Как во время настоящего приличного столпотворения — все говорили на всех языках.

Однако больше всех ухо улавливало французский язык. Говорили на нем беженцы так, что даже издали слышался густой запах нафталина, как от шубы, которая долго лежала в сундуке без употребления и которую наконец-таки извлекли на свет Божий и стали перетряхивать.

Около ресторана Сарматова я слышал такой диалог.

Господин сделал испуганное лицо и, подбирая французские слова с таким страхом, с каким неопытная барышня впервые заряжает револьвер, спросил прохожего:

— Комм же пуве алле дан л'амбассад рюсс?

Спрошенный ответил:

— Тут-де сюит. Вуз алле ту а гош, а гош, апре анкор гош, е еси будут... гм... черт его знает, забыл, как по-ихнему, железные ворота?

— Же компран, — кивнул головой первый. — Я понимаю, что такое железные ворота. Ла порт де фер.

— Ну, вот и бьен. Идите все а гош — прямо и наткнетесь.

* * *

В этот вечер я заснул рано, а проснулся еще раньше: ужасный, нечеловеческий вопль прорезал утренний воздух под самым моим окном.

Мой компаньон по комнате вскочил с кровати и поглядел на меня диким взглядом:

— Понимаете, что это значит? Кемалисты вошли в город.

— Н-да, въехали мы в историю, — пробормотал я. — Из огня да в полымя. Однако пойдем на улицу. Вы не боитесь?

— Ну вот, не видал я этих резнев. Чего там бояться. Русские, чай.

А крики, вопли, стоны и мольбы о помощи все неслись и неслись с улицы. Чувствовалось, что там, за стеной, растут целые гекатомбы свеженарезанных тел, обильно орошенных кровью.

Мы не могли больше... Мы выбежали на улицу.

Молодой грек стоял около корзиночки, на дне которой терялось полдесятка полудохлой скумбрии, — и, разинув рот, ревел во все горло...

Мы остолбенели.

— Слушайте, а ведь это он кричит.

— Но ведь его не режут.

— А надо бы. Не кричи, каналья.

— Товар продает. Известно, трудно им.

— Однако послушайте... Если, продавая только полдесятка дохлой скумбрии, он так орет, какие же он издает звуки, если ему поручить продать шестиэтажный дом?

Рев, крики, стоны и вопли неслись уже со всех сторон.

Зверь встал на задние лапы, потянулся и, широко раскрыв огромную пасть, оглушительно заревел: зверь хотел кушать.

ГАЛАНТНАЯ ЖИЗНЬ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Шел я недавно по той улице, на которой живу, — вдруг мое праздное внимание привлек один большой ярко освещенный дом. Изнутри доносилась странная, чисто восточная музыка и слышался топот чьих-то танцующих ног. В окнах мелькало много женских теней.

— Э! — сказал я сам себе. — Это, наверное, гарем какого-нибудь константинопольского вельможи! Очевид-

но, он справляет день рождения и захотел повеселить бедных гаремных затворниц! Вот они где — чарующие тайны загадочного Востока!

Не успел я этого подумать, как из дверей выпорхнула очаровательная женская фигурка и, схватив меня за рукав, ясно показала, что ей хочется втащить меня внутрь таинственного дома.

Надо сознаться, что я славлюсь своей скромностью по всему Анатолийскому побережью, но надо также сознаться, что в тот момент пикантное приключение совсем вскружило мне голову.

Возможность проникнуть в гарем знатного вельможи на секунду очень соблазнила меня, и я даже сделал движение по направлению к дверям, но тут же одумался.

А что дальше?

А что, если паша вдруг неожиданно поймает меня в гареме? Я человек храбрый — и не за себя я боялся!.. Нет, я боялся за жизнь этого кроткого, застенчивого, полудикого создания, которое так доверчиво тащило меня за рукав, очевидно, чрезвычайно очарованное моей респектабельностью и манерами. Я боялся, что не взойдет и два раза луна на небе, как эта женщина будет лежать в мешке на дне Босфора. Мой коллега Пьер Лоти неоднократно писал о таких штуках.

Эти соображения охладили меня. Я освободил свой рукав, сделал селям своей затворнице и быстро удалился, давая дорогу четырем английским матросам — очевидно, близким друзьям паши, потому что они вошли в дом без доклада, как близкие люди.

На другой день утром — о, слабость человеческая! — я решил похвастать перед друзьями своим головокружительным успехом у турецкой дамы и рассказал все приключение, не утаив ни капельки...

Мне случалось видеть, как смеются люди, я сам люблю иногда хихикнуть в подходящем случае — но это был не смех! Это было сокрушительное ржание обезумевших жеребцов.

— Не понимаю, что здесь смешного, — пожал я плечами. — Конечно, одни мужчины имеют больший успех у женщин, другие — меньший, но...

— Знаете, что это за дом? — спросил один приятель, отдышавшись.

И шепнул на ухо словцо, которое заставило вспыхнуть меня до корней волос.

— Быть не может! — воскликнул я в ужасе. — Ведь на этой же улице находится моя квартира!!

— Ну, что ж такое. Подобное соседство здесь бывает зачастую.

— Нет! Ни одного дня моя нога не останется в этой квартире. Как? Не предупредить меня, когда я снимал комнату? Сейчас же иду и выскажу своей хозяйке все, что я о ней думаю!!

Разгоряченный, я выскочил из кафе на улицу и... тут же одно веское соображение приковало меня к месту. На каком языке я выскажу хозяйке негодование? Она говорит только по-гречески, а мой запас слов на этом языке был чрезвычайно ограничен: кали-мерос, Венизелос и малиста — вот те три слова, которыми я мог орудовать и которые в самой остроумной комбинации все-таки не могли быть материалом для продолжительной морально-этической беседы.

На мое счастье, я тут же наткнулся на древнюю согбенную гречанку, продавщицу спичек, предлагавшую товар на ломаном русском языке.

— Нет , бабушка, — сказал я. — Мне ваших спичек не надо. Но если вы переведете моей хозяйке все то, что меня обуревает, — я вам заплачу пол-лиры.

Предложение оказалось соблазнительным — и мы через минуту уже шагали рука об руку к моему дому.

— Как по-гречески "нога"? — спросил я.

Она ответила каким-то бесформенным, клейким, как рахат-лукум, словом.

— Ну, вот. Так скажите, что мое это самое у нее в доме не будет!

На звонок нам открыла сама хозяйка.

И вдруг, увидев нас, она подняла такой крик, что, вероятно, слышно было на Пере.

— Что она кричит? — спросил я старушку, которая вдруг сразу расцвела от хозяйкиного рева и даже кокетливо поправила выцветшую косынку на безволосой голове.

— Ма, она говорити, сто вы не моги приводить себе на квартиру даму! Она говорити, сто эта неприлицна, сто эта цестный дома, сто нельзя дами водити...

— Какую даму? — остолбенел я. — Я никого не приводил.

— Она эта говорити на меня. Я — дама.

И, польщенная этим диким предположением, она игриво толкнула меня полуразрушенным локтем.

Я сочно выругался, вынул пол-лиры и сунул ей в руку.

— Пошла вон, старая ведьма. Будьте вы обе прокляты.

И тут же заметил на лице хозяйки чувство сожаления ко мне, как к человеку, который заплатил за любовь деньги, не насладившись в то же время радостями этой любви...

ДЕЛОВАЯ ЖИЗНЬ

Ознакомившись с городом, я решил заняться делами. Узнав, что все деловые люди собираются в специальном кафе на Пере, я пошел туда, потребовал чашку кофе и уселся выжидательно за столик — не наклюнется ли какое дельце.

На ловца, как говорится, и зверь бежит. Ко мне подсел неизвестный господин, потрепал меня по плечу и сказал:

— Здравствуйте, господин писатель. Не узнаете меня?

— Как не узнаю, — с вялой вежливостью возразил я. — Очень даже хорошо узнал. Как поживаете?

— Дела разные ломаю. А вы?

— Я тоже думаю каким-нибудь делом заняться.

— Лиры есть?

— Немножко есть, — хлопнул я себя по карману.

Лицо моего собеседника выразило напряженное внимание.

— Гм!.. Что бы мне для вас придумать?.. Гм!.. Есть у меня одно дельце, да... Впрочем, поделюсь с вами. Скажите! Вы знаете, сколько весит баран?

— Какой баран? — удивился я.

— Обыкновенный. Знаете, сколько он весит?

— А черт его знает. Я до сих пор писал рассказы, а не взвешивал баранов.

— Как же вы не знаете веса барана? — с упреком сказал незнакомец.

— Не приходилось. Впрочем, если нужно, я как-нибудь на днях... когда будет свободное время...

— Ну, так вот! Знайте же, что средний баран весит три пуда!!!

Я изобразил на своем лице напряженное удовольствие.

— Смотрите-ка! Кто бы мог подозревать.

— Да, да... Три пуда. А вы знаете, сколько стоит фунт баранины? Пятьдесят пиастров.

— Да... вообще сейчас жизнь очень запуталась... — неопределенно заметил я.

— Ну, для умного человека жизнь проста, как палец. Итак, продолжаю. А знаете ли вы, сколько стоит целый

баран в Кады-Киое? Десять лир! Итак — вот вам дело: вы даете двадцать лир и я двадцать лир — я покупаю двух овец, режу их...

— Не надо их резать, — сентиментально попросил я. — Они такие хорошенькие.

— А как же иначе мы их на мясо продадим? Я их сам зарежу, не бойтесь. Итак, на ваши двадцать лир вы будете иметь шесть пудов овечьего мяса, по розничной цене — шестьдесят лир!!! Да шкура в вашу пользу, да рога.

Хотя я до сих пор рогатых овец не встречал, но это была, очевидно, особая местная порода.

Я кивнул головой с видом знатока:

— Очень хорошее дельце. А когда прикажете внести деньги?

— Да хоть сейчас! Чем скорее, тем лучше. Сколько тут у вас? Ровно двадцать? Ну, вот и спасибо. Завтра утром бараны уже будут у нас. Хотите, я приведу их к вам показать?

Я замялся.

— Не знаю, удобно ли это... Вдруг ни с того ни с сего бараны заходят на квартиру... Да еще моя хозяйка против этих посторонних визитов... Нет, лучше их просто зарежьте. Только не мучайте, хорошо?

Мой новый компаньон заверил, что смерть этих невинных созданий будет совершенно безболезненна и легка, как сон, — и, пожав мне руку, умчался с озабоченным лицом. . . . . .

. . . . . .

С тех пор прошло 8 дней. Пока я не вижу ни моего компаньона, ни баранов, ни прибыли.

Очевидно, с компаньоном что-нибудь случилось...

Иногда по ночам меня мучит совесть: прав ли я был, поручив этому слабосильному человеку опасную процедуру умерщвления баранов? А что, если они по дороге сбежали от него? А что, если они перед смертью вступили с ним в борьбу и, разъяренные предстоящей участью, растерзали моего бедного компаньона?..

* * *

Вчера со мной произошел удивительный случай: иду по улице — вдруг вижу — мой компаньон навстречу.

Я радостно кинулся к нему.

— Здравствуйте, голубчик! Ну, что слышно с баранами?

Он удивленно взглянул на меня:

— Какие бараны? Простите, я вас совершенно не знаю!

— Ка-ак? Да ведь мы же вместе хотели заработать на баранах?

— Простите, я вас в первый раз вижу. Я иногда зарабатываю на баранах, но зарабатываю один.

И, отстранив меня, он пошел дальше.

"Однако какое удивительное сходство, — бормотал я себе под нос, провожая его взглядом. — То же лицо, тот же голос, и даже на баранах зарабатывает, как и тот!"

Много тайн хранит в себе чарующий загадочный Восток.

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Я спросил своего приятеля, разбитного малого и доку по здешним делам:

— Слушай... Я все вижу только одну уличную, по-моему, очень неприглядную жизнь... А где здесь, например, хорошее русское общество?

— А вот зайдем... Здесь есть за углом кабачок. Вот оно и будет хорошее русское общество.

— В кабаке?

— Ну уж и "в кабаке". Нужно, милый мой, выражаться мягче: "в кабачке", "в ресторанчике"... А то, что это за скифское: "кабак".

Мы подошли к каким-то дверям и... с этих пор мой приятель повел себя крайне странно: расцеловался с бравым швейцаром, дружески пожал руку бородатому буфетчику за стойкой и, усаживаясь за столик, потер руки с тем непередаваемым значением, когда русский человек собирается хватить рюмку водки с подобающей этому напитку закуской:

— Ну-с... Полбутылочки очищенной, селедочку в горчице и балычка с перчиком.

Я осмотрелся. В одном углу за столиком сидела с кавалером известная всему Петербургу Динка-Танцуй, в другом — Манька-Кавардак, в третьем — два именитых столичных шулера, битых в свое время так, что выдубленная кожа на их лицах сделалась нежной и гладкой, как атлас.

— Вот это, по-твоему, хорошее русское общество?! — ахнул я.

— Да не это, чудак. Ты на слуг обрати внимание.

Прехорошенькая дама в кокетливом передничке подошла к нам с карточкой.

— Честь имею приветствовать вас, графиня, — изысканно расшаркался приятель. — Позвольте, графиня, представить вам моего друга писателя Простодушного.

— Ну, как же, знаю, — милостливо сказала графиня, протягивая очаровательную ручку. — Когда мой муж был товарищем министра, мы часто в сумерки читали вас вслух. Бывало, заеду к Вольфу...

— Катя, — подошла к графине другая дама с крайне озабоченным видом. — Тебя к седьмому номеру просят. Неси им шницель.

— Поспеют с козами на торг! Потом я вас часто видела в Мариинском на премьерах. У нас был абонемент в третьем ряду, а у вас... Зиночка, запиши, там, пожалуйста, сорок пиастров за камбалу! Однажды даже около Фелисьена, когда мой автомобиль испортился, вы предоставили любезно свой эки... Маруся, смотри, твой гость, кажется, уходит, не заплативши!.. Вот жулье! Да, позвольте! Ведь вы даже танцевали со мной однажды на балу в итальянском посольстве... Пошли ты хозяина к черту, Зинка! Как я пойду в кабинет, когда там все пьяные, как зюзя! Пусть сам принимает заказ! Вы не знакомы? Зинаида Николаевна, баронесса фон Толь. Присаживайся, Зинка. Верите ли, господа, так редко теперь увидишь настоящих культурных людей. Иногда только с нашим швейцаром перекинешься словом...

— Почему... со швейцаром?.. — растерялся я.

— Он бывший профессор Бестужевских курсов.

— Может, и человек у вешалки бывший полковник? — пошутил я.

— Нет, что вы! Генерал. У нас только один буфетчик из разночинцев: бывший настоятель Покровского собора.

Мы еще посидели с полчасика с графиней и баронессой; выпили графинчик водки, поговорили о последнем романе Боборыкина; съели сосиски с капустой; поспорили о Вагнере; закончили чашкой турецкого кофе и обсуждением последних шагов Антанты.

Целуя на прощанье дамам руки, я спросил:

— А ваш супруг, графиня, тоже здесь?

— То есть где? Да, он в Константинополе, но здесь не бывает.

— Тяжело? — тихо спросил я.

— Нет, здешний хозяин не пускает. Мужьям, вообще, вход воспрещен. Как гость, конечно, может, но ему, понимаете ли, не до того: газеты на Пере продает.

Когда мы вышли, приятель мой сказал:

— Ну, вот и повращались в обществе...

. . . . . .

Встретил около Токатлиана друга своего Филимона Бузыкина. Правду сказать, это была дружба наполовину: только он считал меня своим другом, я же относился к нему с той холодной унылостью, которая всегда является следствием колебания — пожать ли ему руку или дать пинка в живот.

Звали его Филимон Бузыкин — бывший оптовый торговец бычачьими шкурами и солеными кишками.

Именовал он себя "ходоком насчет женского пола", но в какие места ходил Филимон Бузыкин за этим священным делом, я не рискнул бы указать печатно.

— Писатель! — заревел он наподобие одного из его быков во время операции сдирания шкуры. — Вот здорово! И вы туточки?! Ну, как насчет женского пола?

— Подите к черту, — посоветовал я.

— Нет, серьезно. Вот, знаете, где нашему брату — лафа! Такие, брат, бабеночки, и все русские, и все русские! Княгиня — пожалуйста! Баронесса — пожалуйста!

И, согнувшись в виде буквы "Г", он оглушительно захохотал.

Своим хохотом он занял весь тротуар, потому что тротуары здесь очень узенькие, а буква "Г" вовсе не такая буква, чтобы дать кому-нибудь проход своей верхней перекладиной.

Проходивший англичанин наткнулся на эту живую преграду, постоял, крякнул, смел стеком смешливого Филимона на мостовую и — длинный, прямой, холодный, как палка, — проследовал дальше.

Я разогнул Филимона и попросил его держать себя тише и прямее.

— Ой-же-ж, не могу, до чего тут хорошие бабенки в ресторанчиках!

— Осел вы, — строго сказал я. — Из-за того, что приличные женщины по нужде пошли служить в ресторан, вовсе не надо взвизгивать и икать на всю Перу.

— Приличные?! Ой, вы ж меня уморите. Да любая из них даст вам поцелуйчик! Я одну поцеловал — она так разнежилась: "Ах ты, — говорит, — стюпидик

мой, со, — говорит, — ты мое!" — так и режет по-французски.

— Филимон, ты глуп, — нетерпеливо сказал я.

— Я глуп? А хотите, вот сейчас пойдем в эту кабачару — тут есть прехорошенькая. Если не сорву поцелуйчика — я вас угощаю Моэтшандоном, сорву — вы меня.

Это был редкий случай, когда честь женщины колебалась на горлышке шампанской бутылки.

Филимон втащил меня в ресторан, плюхнулся за столик и, вертя корявым пальцем, подозвал к себе пышную золотоволосую блондинку в традиционном передничке.

— Маруся! Подь-ка сюды.

— Я не Маруся, — спокойно возразила дама, глядя холодными застывшими глазами поверх головы Филимона Бузыкина.

— А кто же вы? — спросил Филимон, разглядывая ее с тупой раздумчивостью.

— Я — баронесса Тизенгаузен. Меня зовут Елена Павловна.

— А?! Очень приятно. Каково прыгается? Присели бы, а?..

— Не могу, простите. Должна принять заказ на другом столе.

Филимон толкнул меня в бок и обратился к даме чертовски фривольным тоном:

— О, сетт аффре! В таком случае я должен вам сказать два слова по секрету.

Он вскочил, взял растерявшуюся от его бурного натиска даму за локоть и отвел за дверь пустого кабинетика.

Первое мгновение там была мертвая тишина, но потом разразился звук, очевидно, поцелуя, — потому что расторопный Филимон ручался мне в этом.

Однако никогда в жизни не приходилось мне слышать более отчетливого поцелуя. За дверью будто сговорились дать мне ясно понять, что пропала моя бутылочка Кордон-Вэр'а.

Я вздохнул, печалясь не столько о бутылке, сколько о баронессе...

Дверь отворилась. Мимо меня быстро прошла баронесса и скрылась в буфетной. За ней вышел Филимон, по своему обыкновению цепляясь носком одной ноги за каблук другой.

— Слышали? — спросил он с вялым торжеством в голосе.

— Да. Звук отчетливый. Позвольте, Филимон! Ведь она поцеловала только один раз?

— Один, — с досадой огрызнулся он. — Не сто же. Я больше и не хотел.

— В щеку поцеловала?

— Да, этого... в щечку.

— Странно: один поцелуй, а на щеке пять красных следов.

— Губы накрашены, — угрюмо пробормотал Филимон, глядя в угол.

— Нет... Вы видите, краска все бледнеет и бледнеет... Вот уже и сошла. Нет, это не губная помада, Филимон! В чем же дело, Филимон?

— Отстаньте.

— Позвольте... Пора же суммировать все происшедшее... Что случилось? Человек решил за дверью сорвать у дамы поцелуй. Сказано — сделано. Я услышал за дверью звук. Но звук был один, очень отчетливый звук, а следов на щеке пять. Как же это понять, Филимон, а?..

— А может, у нее рука накрашена, — сказал Филимон, но тут же спохватился, вспыхнул и повесил голову.

— Скверная бабенка, — со вздохом сказал он. — Невоспитанная.

— Ну, что вы! Я ее немного знаю по Петербургу. Она окончила Смольный институт.

— И чему их там в этом институтишке учат? — сердито буркнул Филимон и, постучав согнутым пальцем по столу, гаркнул:

— Эй, гарсон, унь бутыль кордону Веру и апре келкшоз юнь жареный миндаль. Плю вит поворачивайся.

Я налил первый бокал и, не чокаясь с Филимоном, тихо в одиночестве выпил. Выпил за скорбный, покрытый кровью, слезами и грязью, неприветливый путь нынешней русской женщины.

Иди, женщина русская, бреди по колена в грязи. Дойдешь же ты, наконец, или до лучшего будущего, или... до могилы...

Там отдохнешь от жизни.

У меня на глазах стояли слезы.

Надо отдать Филимону справедливость: рассчитывался он за шампанское тоже со слезами на глазах.

РУССКОЕ ИСКУССТВО

— Вы?

— Я.

— Глазам своим не верю!

— Таким хорошеньким глазкам не верить — это преступление.

Отпустить подобный комплимент днем на Пере, когда сотни летящего мимо народа не раз толкают вас в бока и в спину, — для этого нужно быть очень светским, чрезвычайно элегантным человеком.

Таков я и есть.

Обладательница прекрасных глаз, известная петербургская драматическая актриса, стояла передо мной, и на ее живом лукавом лице в одну минуту сменялось десять выражений.

— Слушайте, Простодушный! очень хочется вас видеть. Ведь вы — мой старый милый Петербург. Приходите чайку попить.

— А где вы живете?

Во всяком другом городе этот простой вопрос вызвал бы такой же простой ответ: улица такая-то, дом номер такой-то.

Но не таков городишко — Константинополь!

На лице актрисы появилось выражение небывалой для нее растерянности:

— Где я живу?.. Позвольте... Не то Шашлы-Башлы, не то Биюк-Темрюк. А может быть, и Казанлы-Базанлы. Впрочем, лучше дайте мне карандашик и бумажку — я вам нарисую.

Отчасти делается понятной густая толпа, толкущаяся на Пере: это все русские стоят друг против друга и по полчаса объясняют свои адреса: не то Шашлы-Башлы, не то Бабаджан-Османлы.

Выручает обыкновенно карандаш и бумажка, причем отправной пункт — Токатлиан: это та печка, от которой всегда танцует ошалевший русский беженец.

Рисуют две параллельные линии — Пера. Потом квадратик — Токатлиан. Потом...

— Вот вам, — говорила актриса, чертя карандашом по бумаге, — эта штучка — Токатлиан. От этой штучки вы идете налево, сворачиваете на эту штучку, потом огибаете эту штучку — и тут второй дом — где я живу. Номер 22. Третий этаж, квартира барона К.

Я благоговейно спрятал в бумажник этот странный документ и откланялся.

На другой день, вечером, когда я собирался в гости к актрисе, зашел знакомый.

— Куда вы?

— Куда? От Токатлиана прямо, потом свернуть в одну штучку, потом в другую. Квартира барона К.

— Знаю. Хороший дом. Что ж это вы, дорогой мой, идете в такое историческое место — и в пиджаке.

— Не фрак же надевать!

— А почему бы и нет. Вечером в гостях фрак — самое разлюбезное дело. Все-таки это ведь заграница!

— Фрак так фрак, — согласился я. — Я человек сговорчивый.

Оделся и, сверкая туго накрахмаленным пластроном фрачной сорочки, отправился на Перу — танцевать от излюбленной русской печки.

Если в Константинополе вам известна улица и номер дома, это только половина дела. Другая половина — найти номер дома. Это трудно, потому что 7-й номер помещается между 29-м и 14-м, а 15-й скромно заткнулся между 127-б и 19-а.

Вероятно, это происходит потому, что туркам наши арабские цифры неизвестны. Дело происходило так: решив перенумеровать дома по-арабски, муниципалитет наделал несколько тысяч дощечек с разными цифрами и свалил их в кучу на главной площади. А потом каждый домовладелец подходил и выбирал тот номер, закорючки и загогулины которого приходились ему больше по душе.

Искомый номер 22 был сравнительно приличен: между 24-м и 13-м.

На звонок дверь открыла дама очень элегантного вида.

— Что угодно?

— Анна Николаевна здесь живет?

— Какая?

— Русская. Беженка.

— Ах, это вы к Аннушке! Аннушка! Тебя кто-то спрашивает.

Раздался стук каблучков, и в переднюю выпорхнула моя приятельница, в фартуке и с какой-то тряпкой в руке.

Первые слова ее были такие:

— Чего тебя, Ирода, черти по парадным носят?! Не мог через черный ход приттить?!

— Виноват, — растерялся я. — Вы сказали...

— Что сказала, то и сказала. Это мой кум, барыня. Я его допрежь того в Питербурхе знала. Иди уж на кухню, раздевайся там. Недотёпа!

Кухня была теплая, уютная, но не особенно пригодная для моего элегантного фрака. Серая тужурка и каска пожарного были бы здесь гораздо уместнее.

— Ну, садись, кум, коли пришел. Самовар, чать, простыл, но стакашку еще нацедить — возможное дело.

— А я вижу, вы с гран-кокет перешли на характерные, — уныло заметил я, вертя в руках какую-то огромную ложку с дырочками.

— Чаво? Я, стало быть, тут у кухарках пристроилась. Ничего, хозяева добрые, не забиждают.

— На своих харчах? — деловито спросил я, чувствуя, как на моей голове невидимо вырастает медная пожарная каска.

— Хозяйские. И отсыпное хозяйское.

— И доход от мясной и зеленной имеете?

— Законный процент. (В последнем слове она сделала ударение на "о".) А то, может, щец похлебаешь? С обеда остались. Я б разогрела.

Вошла хозяйка.

— Аннушка, самовар поставь.

Во мне заговорил джентльмен.

— Позвольте, я поставлю, — предложил я, кашлянув в кулак. — Я мигом. Стриженная девка не успеет косы заплести, как я его ушкварю. И никаких гвоздей. Вы только покажите: куда насыпать угля и куда налить воды.

— Кто это такой, Аннушка? — спросила хозяйка, с остолбенелым видом разглядывая мой фрак.

— Так, один тут. Вроде как сродственник. Он, барыня, тихий. Ни тебе напиться, ни тебе набезобразить.

— Вы давно знакомы?

— С Петербурга, — скромно сказал я, переминаясь с ноги на ногу. — Аннушка в моих пьесах играла.

— Как... играла? Почему... в ваших?

— А кто тебя за язык тянет, эфиеп, — с досадой пробормотала Аннушка. — Места только лишишься из-за вас, чертей! Видите ли, барыня... Ихняя фамилия — Простодушный.

— Так чего ж вы тут, господи! пожалуйте в столовую, я вас с мужем познакомлю. Мы очень рады...

— Видала? — заносчиво сказал я, подмигивая. — А ты меня все ругаешь. А со мной господа за ручку здороваются, к столу приглашают.

С черного хода постучались. Вошел еще один Аннушкин гость, мой знакомый генерал, командовавший третьей армией. Он скромно остановился у притолоки, снял фуражку с галуном и сказал:

— Чай да сахар. Извините, что поздно. Такое наше дело швейцарское.

* * *

Мы сидели в столовой за столом, покрытым белоснежной скатертью. Мы трое: кухарка, швейцар и я.

Хозяин побежал в лавку за закуской и вином, хозяйка на кухне раздувала самовар.

А мы сидели трое — кухарка, швейцар и я — и, сблизив головы, тихо говорили о том, что еще так недавно сверкало, звенело и искрилось, что блистало, как молодой снег на солнце, что переливалось всеми цветами радуги и что теперь залилось океаном топкой грязи.

Усталые, затуманенные слезами глаза тщетно сверлят завесу мглы, повешенную Господом Богом... Какая это мгла? Предрассветная? Или это сумерки, за которыми идут ночь, одиночество и отчаяние?

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ЗВЕРИНЕЦ

— Послушайте, Простодушный, — обратился ко мне приятель. — Хотите посмотреть зверинец?

— А разве в Константинополе есть?

— Есть.

— С удовольствием. Я обожаю зверей.

— Ну, это надо делать с разбором, — наставительно процедил сквозь зубы приятель. — Так пойдем. Сейчас как раз час их кормления.

Конечно, я Простодушный. Но не до такой же степени, чтобы не отличить простой обыкновенный зверинец от простого ресторана.

А место, куда привел меня приятель, как раз и было препошлейшим рестораном, в котором если и были звери, то на тарелках и в самом неузнаваемом виде...

— Что ж вы меня дурачите? — строго спросил я.

Он усмехнулся в усы.

— Не сердитесь, Простодушный. Уверяю вас, это самый настоящий константинопольский зверинец.

В крайнем случае — паноптикум. Что ни фигура — то редкая зоологическая разновидность.

— Ну, что, например, интересного в том рыженьком с фиолетовым галстуком?

— В нем-то? Да это, если правду сказать, — единственный человек в мире, который ухитрился сам себя за волосы над землей приподнять.

— Но ведь сейчас он не в этом приподнятом состоянии?

— Нет. Опустился порядочно. Но, вообще... Знаете ли, что этот человек ухитрился три года пробыть военнопленным у русских?

— Ничего нет удивительного. Немец?

— Русский.

— Но воевал-то — в рядах немцев?

— В русских рядах.

— Да, тогда это, действительно, что-то странное. Русский — и очутился в русском плену? Может, врет?

— Нет, эту историю я знаю досконально. Видите ли, попал он в качестве русского солдата на передовые позиции. Ну, сами понимаете, — холодно, иногда голодно, а вообще — страшно; стрельба, атаки и прочие жуткие вещи. А тут однажды выслали его часовым в сторожевое охранение. И когда остался парень глухою ночью один, когда между ним и австрийцами не было никакой преграды — такая жуть взяла его, что он чуть не взвыл от страху... Так испугался, что бросил ружье и побежал куда глаза глядят. И вдруг — трах! — наткнулся на что-то. Смотрит — убитый австриец, совсем холодный. Почесал наш воин свой промерзлый затылок, раздел австрийца, надел все это на себя, захватил ружье — и твердыми шагами пошел обратно — прямо в штаб соседнего полка. Набежали наши, схватили, привели: "Ты кто?" — "Славянин. Не желаю воевать. Желаю в плен. Я люблю русских". — "Ну, молодец". Угостили водкой, отослали в тыл, а потом и отправили в Сибирь, в лагерь военнопленных. Три года прожил как у Христа за пазухой.

— Гм... да. Любопытный зверь. А это кто?

— Этот? Тоже штучка. Помните крымскую эвакуацию? Легко было тогда списаться на берег? То-то оно. И рекомендацию требовали, и поручительство, и отзыв о поведении... А он сделал проще: подстерег, когда французская комиссия на пароход приехала, — да и запутался между французами в качестве переводчика. Суетился, переводил — больше всех... Совсем подкупил францу-

зов... Те и спрашивают: "А вы тут что делаете?" — "А я, говорит, с вами приехал с берега — родственника хочу взять". — "А вы сами кто такой?" — "Помилуйте, у меня тут свой завод, я его туда инженером пристрою — на тысячу лир в месяц... Он замечательный человек!! Идеальная личность! Я его хочу на всю жизнь обеспечить. Вот и паспорт его — поставьте штемпелечек!" Да и подсунул свой паспорт. Они видят — такое солидное лицо ручается — поставили!

— Да... — задумчиво заметил я. — Вот это я называю самодеятельностью... Сам себя расхвалил, сам себя взял на поруки и сам же себя списал на берег... Ваш зверинец начинает меня заинтересовывать! Что это, например, за редкая черная птица?

— О нем — два слова. Буквально два. Я даже не скажу их, а только покажу визитную карточку.

Приятель бесцеремонно подошел к жгучему брюнету, пестро одетому, попросил визитную карточку и, улыбаясь уголками рта, вернулся ко мне.

— Глядите — характеристика всего в два слова: "Христофор Христолидис — комиссионер удовольствий".

Я даже присвистнул.

— Да разве есть такая профессия?

— Очевидно.

— Ну, какое же удовольствие может доставить мне этот "комиссионер удовольствий"?.. Скажем, для меня лучшее удовольствие, когда я лягу в постель почитать рассказы Андреева или Куприна. Что ж, он будет сидеть около меня и читать?

Приятель рассмеялся.

— Поистине, вы с честью носите свою кличку Простодушного! Нет, Христо — комиссионер совсем не таких буколических удовольствий... Дайте ваше ухо.

— Ну, раз ухо — тогда я понимаю и без уха. Хорошая птица!.. И лицо этакое... выразительное... и клюв на месте... А вон у того господина, наоборот, очень приличный вид.

— Еще бы! Импресарио Шаляпина.

— А-а! Возил Шаляпина?

— Нет, не возил.

— Но вы же говорите: импресарио.

— Видите ли... Он устраивал во всех городах концерты Шаляпина, но ему всегда не хватало одной маленькой подробности: самого Шаляпина.

— Однако это ведь очень густо пахнет тюрьмой...

— Помилуйте, за что же! У него все это было без уголовщины. Скажем, приезжает он в Кременчуг, выпускает афиши: "Концерт Ф. И. Шаляпина" — публика валом валит в кассу, однако там уже аншлаг: все билеты проданы. Все в отчаянии, но тут выходит этакий благодетель — он же самый — и шепчет на ухо тому, другому, третьему: "Есть у меня десятирублевые билетики, да только меньше 15 никак не могу продать". "Голубчик, продайте". Продает. А когда все билеты проданы из-под полы за полуторную цену — новый анонс: "Ввиду болезни Шаляпина концерт отменяется. Деньги за билеты можно получить обратно в кассе". И честно возвращает: на билете — 10, получи 10, на билете — 20, получи 20. До копеечки со всеми расплачивается.

— Черт его знает, — опасливо покосился я на импресарио. — Мы тут сидим, разговариваем, как ни в чем не бывало, а ведь они все не в клетках. На свободе.

И как будто в подтверждение моих слов на меня сзади накинулся один зверь, щелкая зубами и сверкая глазами.

— А-а, — кричал он, — кого я вижу! Сколько лет, сколько зим! Я ведь вас по Питеру еще знаю. Говорят, недурно устроились. Случайно есть замечательно выгодное для вас дело.

— Если замечательно выгодное, — серьезно сказал я, — то заранее иду на него.

— Вот и прекрасно! Видите ли, у меня в Орле есть дом. Так как там большевики, а мне нужны деньжата, то я бы вам его дешево продал. За три тысячи лир. Даже за полторы. Я вам и адрес дам. Дайте пока 500.

— Согласен! — весело вскричал я. — Дом беру. Тем более, что у меня около Орла есть именьице, на которое я не прочь поменять дом. Ваш дом стоит 3000, мое именьице 3200. Доплатите мне 200 лир и забирайте все именьице. Там и адреса не нужно — всякий дурак знает. Спросите "Аверченковку". Коровы есть, павлины.

Но он не слушал. Шептал уже что-то за другим столиком.

Мой приятель смеялся.

— Ничего, — говорил он. — Это не страшно. Иногда даже можно просунуть руку сквозь прутья клетки и пощекотать их за ухом.

ВТОРОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ЗВЕРИНЦА

— Ваш константинопольский зверинец мне очень понравился, — сказал я, подмигивая опытному приятелю при встрече. — Не сведете ли вы меня туда снова?

— То-то же. Я сразу угадал в вас опытного зоолога. Ну, что с вами делать — пойдем.

В зверинце я увидел почти всех старых знакомых: и "комиссионера удовольствий", и человека, который сам себя поднял за волосы, и того, что в одном случае дал о себе восторженный отзыв... Но кроме этих удивительных прежних экземпляров были и новые, свеженькие.

Осмотрел я сначала грузного, плохо выбритого мужчину с каменным, неискусно высеченным лицом.

— Посмотрите вы на него: как будто ни одной тонкой мысли не может отразиться на его лице — а на самом деле — тонкий психолог! Достоевский по проникновенности в глубины человеческого духа.

— Писатель он, что ли?

— Совсем напротив, как говорят институтки. Каторжная у него профессия.

— Ну, не томите!

— Слушаю-с. Сей муж ходит по Пере и ищет подходящих для дела парочек. Скажем, идет такая, тесно прижавшись друг к другу, он ей все время бубнит вполголоса неиссякаемое, вечное: "Ольга Петровна, знаете ли вы, что ваш образ не дает мне покою: день и ночь стоите вы, прекрасная, чуткая, передо мною"... — "Виноват!" — вдруг раздается сбоку голос "психолога". "Можно на минутку?" — "Что прикажете?" — отрывается от сладких слов в сторону влюбленный. "Психолог" наклоняется к его уху и выразительно шепчет три слова. Понимаете? Три слова!

— Какие?!

— Три слова: "Лиру или в морду!" и у него при этом такое мужественное решительное лицо, что третьего выхода, очевидно, быть не может. Влюбленный сразу соображает все шансы pro и contra*: затеешь скандал, получишь пощечину при любимой девушке — одна сторона. Сделать приятное лицо и вручить безболезненно лиру мужественному "психологу" — другая сторона. "С удовольствием", — с напряженной приветливостью отвечает влюбленный, вынимает из бумажника лиру и вручает по принадлежности.

"Кто это?" — спрашивает девушка, когда "психолог" отошел. — "Это? Один мой старый приятель, впавший в бедственное положение. Понимаете, у него тоже есть любимая женщина, которая больна сейчас. Понимаете, не мог не помочь. Он меня растрогал до слез". — "Какой вы добрый", — шепчет умиленно девушка и крепче прижимается к своему спутнику. И все довольны. А "психолог" снова спешит к новой намеченной парочке и снова шелестит его категорический шепот: "Лиру или в морду!"

Я взглянул на стенобитное лицо "психолога". Очевидно, он очень много бил на своем веку. Но и его били немало.

— Следующий экземпляр, — тоном сторожа при клетках, дающего объяснения, продолжал приятель. — Их, собственно, даже двое — видите, рядышком сидят. Но прежде, чем о них, — взгляните на это письмецо!

Я прочитал вынутое им из кармана письмо:

— "Вам пишет женщина, которую вы не знаете, но которая безумно, молниеносно влюбилась в вас. Что вы со мной сделали? Я молода, говорят, очень красива, за мной хвост платонических вздыхателей, но никто мне не нужен с тех пор, как я увидела вас, моя звездочка. Я хочу встретиться с вами! Буду завтра в ресторане "Слон". Подождите меня за бутылкой Кордон-Вэр, бокал которого и я выпью. Вся и всегда ваша — Людмила N..."

— Счастливец вы, — со вздохом зависти сказал я. — Как вас любят женщины!!!

— Черта с два, — грубо перебил опытный. — Я, как дурак, проторчал полтора часа, выпил всю бутылку и ушел!

— Наверное, ее муж не пустил, — утешал я.

— Какой там к черту муж, когда письмо, как я потом выяснил, написано этими двумя фруктами, которые сидят перед вами.

— Но ведь они мужчины?! — простодушно изумился я.

— Ну да. Хозяева ресторана "Слон". Это они таким образом заманивали в свой вертеп публику. Узнавали адреса и катали в день по два десятка таких бильеду. Не щадили ни пола, ни возраста.

— Все-таки они дали вам несколько минут красивого переживания, когда вы ожидали за бутылкой шампанско-

*за и против (лат.).

го. А что такое подлинное счастье? Оно заключается в ожидании счастья.

— Ну, вот вам последний экземпляр, и пойдем. Это видите ли, теперь рантье, он тихо и честно живет на проценты с валюты, которую вывез из Крыма, а валюту он получил благодаря успешной конкуренции с двадцатью пятью кошками.

— Поистине, эфенди, я ничего не понимаю!

— В этом вы похожи на тех кошек, которые тоже ничего не понимали. Была, видите ли, у него в Крыму богатая тетка — невероятная кошатница и ханжа. Вся ее жизнь была в двадцати пяти кошках и котах и в хождении в церковь на все обедни, вечерни и заутрени.

И приехал к ней гостить племянник, этот самый хитроумный молодой человек. Видит — кошкам все, ему ничего. Пронюхал даже, что сумасбродная старуха все свое состояние отказала на содержание котов, обойдя племянника. Думал он, думал, целыми днями валяясь на кровати, — и удумал... Снял однажды со стены арапник, пошел во флигель, где коты, несколько раз перекрестился на образ и ну лупить котов арапником по спинам и по мордам... Коты, конечно, кто куда: под столы, на портьеры вскарабкались... И принялся он проделывать эту штуку целых полтора месяца — ежедневно. Как старуха в церковь, он сейчас же арапник со стены, во флигель войдет, истово перекрестится — и ну утюжить по голове, по чем попало. Те опять — кто куда... И вот однажды, когда счел он дрессировку законченной, — приходит к тетке и говорит: "Тетя! Вы человек богомольный... И мне тяжело говорить, тетя, что вы так котов любите, а в них нечистый дух сидит". "Зачем врешь,» — возмутилась тетка. — Бедных котиков обижаешь. Откуда там в них нечистая сила?" — "А пойдем во флигель, докажу!" Вошли они, стал он посредине и только перекрестился, как коты — кто куда, под столы, на комод, на портьеры карабкаются — визг, мяуканье, будто действительно в них дюжина бесов! "Видите, тетя!" Разогнала тогда старуха котов, а богомольному племяннику почти все деньги при жизни передала.

Я посмотрел на богомольного племянника: у него было кроткое, мягкое, женственное лицо. Такие лица бывают у каторжников, попавшихся за подделку ассигнаций...

ОККУЛЬТНЫЕ ТАЙНЫ ВОСТОКА

Прехорошенькая дама повисла на пуговице моего пиджака и мелодично прощебетала:

— Пойдите к хироманту!

— Чего-о-о?

—Я говорю вам — идите к хироманту! Этот оккультизм такая прелесть. И вам просто нужно пойти к хироманту! Эти хироманты в Константинополе такие замечательные!

— Ни за что не пойду, — увесисто возразил я. — Ноги моей не будет... или, вернее, руки моей не будет у хироманта.

— Ну, а если я вас поцелую — пойдете?

Когда какой-либо вопрос переносится на серьезную деловую почву — он начинает меня сразу интересовать.

— Солидное предложение, — задумчиво сказал я. — А когда пойти?

— Сегодня же. Сейчас.

Фирма оказалось солидная, не стесняющаяся затратами.

Пошел.

* * *

Римские патриции, которым надоело жить, перед тем как принять яд, пробовали его на своих рабах.

Если раб умирал легко и безболезненно — патриций спокойно следовал его примеру.

Я решил поступить по этому испытанному принципу: посмотреть сначала, как гадают другому, а потом уже — и самому шагнуть за таинственную завесу будущего.

Около русского посольства всегда толчется масса праздной публики.

Я подошел к воротам посольства, облюбовал молодого человека в военной шинели без погон, подошел, попросил прикурить и прямо приступил к делу.

— Бывали вы когда-нибудь у хироманта? — спросил я.

— Не бывал. А что?

— Вы сейчас ничего не делаете?

— Буквально ничего. Третий месяц ищу работу.

— Так пойдем к хироманту. Это будет стоить две лиры.

— Что вы, милый! Две лиры!!! Откуда я их возьму? У меня нет и 15 пиастров.

— Чудак вы! Не вы будете платить, а я вам заплачу за беспокойство две лиры. Только при условии: чтоб я присутствовал при гадании!

Молодой человек зарумянился, неизвестно почему помялся, оглядел свои руки, вздохнул и сказал:

— Ну, что ж... Пойдем.

Хиромант принял нас очень любезно:

— Хиромантия, — приветливо заявил он, — очень точная наука. Это не то что какие-нибудь там бобы или кофейная гуща. Садитесь.

На столе лежал человеческий череп.

Я приблизился, бесцельно потыкал пальцем в пустую глазницу и рассеянно спросил:

— Ваш череп?

— Конечно, мой. А то чей же.

— Очень симпатичное лицо. Обаятельная улыбка. Скажите, он вам служит для практических целей или просто как изящная безделушка?

— Помилуйте! Это череп одного халдейского мага из Мемфиса.

— А вы говорите — ваш. Впрочем, дело не в этом. Погадайте-ка сему молодому человеку.

Мой новый знакомый застенчиво протянул хиромантy правую руку, но тот отстранил ее и сказал:

— Левую.

— Да разве не все равно, что правая, что левая?

— Отнюдь. Исключительно по левой руке. Итак, вот передо мной ваша левая рука... Ну, что ж я вам скажу?.. Вам 52 года...

— Будет. (Мягко возразил мой "патрицианский раб".) Пока только 24.

— Вы ошибаетесь. Вот эта линия показывает, что вам уже немного за пятьдесят. Затем проживете вы до... до... Черт знает что такое?!

— А что? — заинтересовался я.

— Никогда я не видел более удивительной руки и более замечательной судьбы. Знаете ли, до каких пор вы доживете, судя по этой совершенно бесспорной линии?!

— Ну?

— До двухсот сорока лет!!

— Порядочно! — завистливо крякнул я.

— Не ошибаетесь ли вы? — медовым голосом заметил обладатель удивительной руки.

— Я голову готов прозакладывать!

Он наклонился над рукой еще ниже.

— Нет, эти линии!!! Что-то из ряду вон выходящее!!! Вот смотрите — сюда и сюда. В недалеком прошлом вы занимали последовательно два королевских престола — один около 30 лет, другой около сорока.

— Позвольте, — робко возразила коронованная особа. — 40 и 30 лет — это уже 70. А вы говорили, что мне и всего-то 52.

— Я не знаю, ничего не знаю, — в отчаянии кричал хиромант, хватаясь за голову. — Это первый случай в моей пятнадцатилетней практике! Ваша проклятая рука меня с ума сведет!!

Он рухнул в кресло, и голова его бессильно упала на стол рядом с халдейским черепом.

— А что случилось? — участливо спросил я.

— Да то и случилось, — со стоном вскричал хиромант, — что когда этот господин сидел на первом троне, то он был умерщвлен заговорщиками!! Тут сам черт ничего не разберет! Умерщвлен, а сидит. Разговаривает!!! Привели вы мне клиента — нечего сказать!!

— Были вы умерщвлены на первом троне? — строго спросил я.

— Ей-Богу, нет. Видите ли... Я служил капитаном в Марковском полку, а что же касается престола...

— Да ведь эта линия — вот она! — в бешенстве вскричал хиромант, тыча карандашом в мирную капитанскую ладонь. — Вот один престол, вот другой престол! А это вот что? Что это? Ясно: умерщвлен чужими руками!

— Да вы не волнуйтесь, — примирительно сказал я. — Вы же сами говорили, что Его Величество проживет 240 лет. Чего ж тут тревожиться по пустякам? Вы лучше поглядите, когда и от чего он умрет по-настоящему, так сказать — начисто.

— От чего он умрет?.. Позвольте-ка вашу руку...

Хиромант ястребиным взглядом впился в капитанскую ладонь, и снова испуг ясно отразился на его лице.

— Ну, что — нетерпеливо спросил я.

— Я так и думал, что будет какая-нибудь гадость, — в отчаянии застонал хиромант.

— Именно?

— Вы знаете, от чего он умрет? От родов.

Мы на минутку оцепенели.

— Не ошибаетесь ли вы? Если принять во внимание его пол, а также тот преклонный возраст, который...

— "Который, который!!" Ничего не который! Я не мальчишка, чтобы меня дурачить, и вы не мальчишка,

чтобы я вам мог врать. Я честно говорю только то, что вижу, а вижу я такое, что и этого молодого человека и меня нужно отправить в сумасшедший дом!! Это сам дьявол написал на вашей ладони эти антихристовы письмена!!

— Ну, уж и дьявол, — смущенно пробормотал молодой человек. — Это считается одной из самых солидных фирм: Кнаус и Генкельман, Берлин, Фридрихштрассе, 345.

Мы оба выпучили на него глаза.

— Господа, не сердитесь на меня... Но ведь я же вам давал сначала правую руку, а вы не захотели. А левая, конечно... Я и сам не знаю, что они на ней вытиснули...

— Кто-о? — взревел хиромант.

— Опять же Кнаус и Генкельман, Берлин, Фридрихштрассе, 345. Видите ли, когда мне под Первозвановкой оторвало кисть левой руки, то мой дядя, который жил в Берлине, как представитель фабрики искусственных конеч...

Череп халдейского мудреца пролетел мимо моего плеча и, кляцнув зубами, зацепился челюстью за шинель капитана. За черепом полетели две восковые свечи и какая-то древняя книга, обтянутая свиной кожей.

— Бежим, — шепнул я капитану. — А то он так озверел, что убить может.

Бежали, схватившись за руки, по узкому грязному переулку. Отдышались.

— Легко отделались, — одобрительно засмеялся я. — Скажите, кой черт поддел вас не признаться, что ваша левая лапа резиновая, как калоша "Проводник"?

— Да я, собственно, боялся потерять две лиры. Вы знаете, когда пять дней подряд питаешься одними бубликами... А теперь, конечно, я сам понимаю, что ухнули мои две лирочки.

—Ну, нет, — великодушно сказал я. — Вам, Ваше Величество, еще 215 лет жить осталось, так уж денежки-то ой-ой как нужны. Получайте.

* * *

Встретил даму. Ту самую.

— Ну что, были?

— Конечно, был. Аванс отработал честно.

— Ну что же, — с лихорадочным любопытством спросила она. — Что же он вам сказал?

— А вы верите всему, что они предсказывают? — лукаво спросил я.

— Ну, конечно.

— Так он сказал, что с вас причитается еще целый ворох поцелуев.

До чего эти женщины суеверны, до чего доверчивы.

ЛОТО-ТАМБОЛА

Оглянитесь назад, на детство — вы вспомните, что в каждом из училищ, в каждой гимназии была такая неожиданно вспыхивающая эпидемия: вдруг — игра в перья! И все мальчишки, все классы с головой уходят в дурацкую игру, ходят, как пьяные, учебники плесневеют, в журналах стройным частоколом вытягивается ряд единиц... Но однажды, во время разгара игры в перья, кто-то, разжевав резинку, на что ушла добрая половина дня, надул воздухом разжеванную массу и причудливо щелкнул ею. И вдруг — первая эпидемия (игра в перья) сразу, как по мановению волшебного жезла, прекратилась, к перьям потеряли всякий интерес, и крупные держатели этих, казалось бы, абсолютных ценностей — сразу потерпели крах...

И вместо перьев — целые ряды безмолвно сидящих за партами мальчишек, с дурацки-благоговейными лицами, с выпученными от напряжения глазами, с механически, как машина, двигающимися челюстями... Это — весь класс заболел новой эпидемией. Это — весь класс жует резину из-за сомнительного наслаждения один раз щелкнуть ею.

* * *

Лица людей, играющих в лото, напоминают мне физиономии мальчишек, жующих целыми часами резину, чтобы один раз щелкнуть ею.

Приходилось мне видеть всякие дурацкие игры, но такой идиотски-бессмысленной, как лото, — целый год ломай голову — не придумаешь.

В чем, собственно, дело? Как начинается лото?

Идет оборотистый человек по улице. Всматривается в выражение лиц прохожих, и приходит ему в голову мысль:

— А ведь почти ни одного умного, одухотворенного лица. Общая печать скудоумия и недомыслия... Надо им,

канальям, лото устроить. Пусть играют; самая для них подходящая игра.

Тут же снимает пустое помещение, вешает вывеску, ставит обдирательный аппарат, нанимает вопильщика и говорит:

— Ну, вы... гуси лапчатые! Идите, обдирать вас буду.

И сразу фабрика начинает работать; публика с физиономиями, как стертые пятаки, втискивается в помещение, обдирательный аппарат с грохотом кружится, вопильщик вопит, а хозяин ходит от одного к другому и у всех отбирает деньги.

Дураковая психология постигнута в совершенстве: если у дурака просто отнять деньги — он будет плакать и стонать, а если ему посулить, что он на свои три лиры проигрыша может получить сорок лир выигрыша, — дураковый взгляд заискрится, заблистает, откроет дурак свой кругленький ротик и примется напряженно следить по куску картона, на котором натыканы без всякого смысла и толку цифры, — примется следить: не выиграет ли?

И сидит он так за куском картона час, три, десять — все свое свободное и несвободное время убухивает на рассматривание унылого бескрасочного куска картона...

А попробуйте сказать дураку:

— Что ты сидишь зря, Васенька? Пошел бы домой, спать...

— Нет, — скажет, — это очень выгодно: позавчера Иван Вахрамеич поставил лиру, а отхватил сразу девять пятьдесят!

Легенда об Иване Вахромеиче поддерживает в нем радужные надежды, а хозяину только этого и надо... То и дело подходит:

— С вас полтинничек.

Будь я сам хозяином и имей я дело не с дураками, а с умными людьми, я просто и честно предложил бы им:

— Вот вы пришли играть в лото... Вносите вы деньги, а я из них каждый раз забираю 20 процентов. Пять игр сыграете — все ваши денежки у меня. Предположим, по десяти раз каждый из вас слазит в карман за деньгами и отдаст их мне все... Так не лучше ли, не проще ли сделать так: вы будете каждый день собираться у меня к условному часу, отдадите все свои деньги, я из них выделю процентов 30, вы их по жребию поделите между собой, как выигрыш, — и ступайте домой. И никакого лото вам не нужно, не нужно торчать в душной и закуренной комнате и до ряби в глазах пялиться на картонную бумажку с бессмысленными цифрами...

Предложи я такую комбинацию — никто на нее не пойдет; и в то же время все делают то же самое — только что больше времени тратится, да лицо после игры приобретает одеревенелое выражение ободранной грабителями мумии из гробницы Фараона: видимость человека есть, внутри все пусто.

* * *

Недавно союзная полиция закрыла все лото.

Но...

Видели ли вы когда-нибудь, как на тоскливом черном пожарище вдруг начинает пробиваться молодая зеленая травка?..

Встречаю приятеля:

— Видели, как тараканы бегают?

— А что?

— Тут в одном доме тараканы бегают.

— Эва, нашли редкость! Я в России сотни домов видел, где тараканы бегают!

— Вы не понимаете! Тут устроены тараканьи бега. Есть старт, тотализатор, цвета жокеев, и бегут живые тараканы. Масса народу собирается играть. Есть верные тараканы! Фавориты!!!

* * *

О, бог азарта — великий бог.

Отнимите у человека карты — он устроит лото; отнимите лото — он зубами уцепится за таракана; отнимите таракана, он...

Да что там говорить: я однажды видел на скамейке Летнего сада няньку с ребенком на руках. Она задумчиво выдергивала у него волосик за волосиком и гадала: "Любит — не любит! Любит — не любит".

Это был азарт любви, той любви, которая может лишить волос даже незаинтересованную сторону...

О ГРОБАХ, ТАРАКАНАХ И ПУСТЫХ ВНУТРИ БАБАХ

Как-то давным-давно мне рассказывали забавный анекдот...

Один еврей, не имеющий права жительства, пришел к царю и говорит:

— Ваше величество! Дайте мне, пожалуйста, право жительства!

— Но ведь ты же знаешь, что правом жительства могут пользоваться только ремесленники.

— Ну, так я ремесленник.

— Какой же ты ремесленник? Что ты умеешь делать?

— Уксус умею делать.

— Подумаешь, какое ремесло, — усмехнулся скептически государь, — это и я умею делать уксус.

— И вы умеете? Ну, так вы тоже будете иметь право жительства!

Прошли идиллические времена, когда рождались подобные анекдоты: настали такие времена, когда не только скромные фабриканты уксуса, но и могущественные короли не имеют права жительства...

Некоторое исключение представляет собой Константинополь: человек, который умеет делать уксус, здесь не пропадет. Искусство "делать уксус" в той или другой форме — все-таки дает право на жизнь.

Вот моя встреча с такими "ремесленниками, имеющими право жительства", неунывающими, мужественными делателями "уксуса".

* * *

Они сидели рядышком на скамейке в саду Пти-Шан и дышали теплым весенним воздухом — бывший журналист, бывший поэт и бывш... чуть, по привычке не сказал — бывшая журналистка... Нет, сестра журналиста была настоящая... Дама большой красоты, изящества и самого тонкого шарма...

Всем трем я искренно обрадовался, и они очень обрадовались мне.

— Здорово, ребята! — приветствовал я эту тройку. — Что поделываете в Константинополе?

Все трое переглянулись и засмеялись:

— Что мы поделываем? Да вы не поймете, если мы скажем...

— Я не пойму? Да нет на свете профессии, которой бы я не понял!

— Я, например, — сказал журналист, — лежу в гробу.

— А я, — подхватил поэт, — хожу в женщине.

— А я, — деловито заявила журналистова сестра, — состою при зеленом таракане.

— Все три ремесла немного странные, — призадумался я. — Делать уксус гораздо легче. Кой черт, например, занес вас в гроб?..

— Одна гадалка принаняла. У нее оккультный кабинет: лежу в гробу и отвечаю на вопросы клиентов. Правда, ответы мои глубиной и остроумием не блещут, но все же они неизмеримо выше идиотских вопросов клиентов.

— А вот вы... который "ходит в женщине". Каким ветром вас туда занесло?

— Не ветром, а голодом. Огромная баба из картона и коленкора. Я влезаю внутрь и начинаю бродить по Пере, неся на себе это чудовище, в лапах которого красуется реклама одного ресторана.

— Поистине, — сказал я, — ваши профессии изумительны, но они бледнеют перед карьерой Ольги Платоновны, состоящей при зеленом таракане!

— Смейтесь, смейтесь. Однако зеленый таракан меня кормит. Собственно, он не зеленый, а коричневый, но цвета́ пробочного жокея, которого он несет на себе, — зеленые. И потому я обязана иметь на правом плече большой зеленый бант: цвета моего таракана. Да что вы так смотрите? Просто здесь устроены тараканьи бега, и вот я служу на записи в тараканий тотализатор. Просто, кажется?

— Очень. Все просто. Один в гробу лежит, другой в бабе ходит, третья — при таракане состоит.

Отошел я от них и подумал:

— Ой, крепок еще русский человек, ежели ни гроб его не берет, ни карнавалье чучело не пугает, ежели простой таракан его кормит...

Это одна сторона — прекрасная сторона — русского характера...

А вот другая сторона...

ЕЩЕ ГРОБ

Иногда — ни с того ни с сего — накатывает такое веселое, радостное настроение, что ходишь внутренне подпрыгивая, как козленок, что хочется весь мир обнять, что внутри — будто целая стая воробьев щебечет.

В такие минуты любо беспричинно бродить по улицам, обращая умиленное внимание на всякий пустяк, попадающий в поле зрения: на турка, исступленно выкрикивающего свой товар; на деловитого грека, бегущего из

харчевни с тарелочкой, на которой — горсточка вареного риса, возглавленного крохотным кусочком баранины; на фотографическую витрину с усатыми, толстоногими гречанками, любящими сниматься непременно у фальшивого бутафорского рояля или около белой картонной лошади, шея которой обвивается топорной рукой самым шаловливым и грациозным образом, — все привлекает праздное, благодушное внимание, все заставляет или мимолетно усмехнуться, или мимолетно задуматься...

В таком безоблачном настроении любо зайти в светлый чистенький ресторанчик, проглотить кружку холодного пива и уничтожить какую-нибудь отбивную котлету, бродя рассеянно глазами по вечному портрету Венизелоса на стене, обильно засиженному мухами, и по разложенным листам бумаги от мух, девственно чистым — на зависть облюбованному летучей армией Венизелосу.

Недавно зашел я в таком бодром искрящемся настроении в ресторанчик, уселся за стол; подошла очень недурная собой русская дама и, сделав независимое лицо аристократки времен Французской революции, ведомой на гильотину, — кротко спросила:

— Чего вы хотите?

— Обнять весь мир, — искренне ответил я, еле сдерживая бурлящую внутри молодую радость жизни.

— Отчего все мужчины думают, — грустно сказала дама, — что если мы служим здесь кельнершами, то нам можно делать всякие предложения...

Я заверил ее, что в отношении к ней лично у меня нет никаких агрессивных планов, и заказал телячью котлету и пиво.

— Салату желаете? — осведомилась она таким душераздирающим тоном, будто спрашивала: сейчас меня будете расстреливать или потом?

— О да! Украсьте салатом мою сиротливую жизнь, — игриво отвечал я, желая немного развлечь ее. — Вы, наверное, беженка?

— Ах, и не говорите. Сейчас принесу пиво, а потом котлету.

Когда она вернулась, я сказал ей:

— Если вам не скучно, посидите со мной, поболтаем.

— Не скучно! А какое, спрашивается, веселье?.. Чему радоваться? Ах, вы знаете — раньше у меня были свои лошади, я приемы делала, а теперь... ботинок не на что купить.

Я отхлебнул пива. Оно показалось мне горьковатым.

— Сестра лежит с ангиной. Хозяева дома, греки, оскорбляют, потому что мы русские...

Я сделал второй глоток. Пиво как будто сделалось еще горче.

— Ничего. Даст Бог, все уладится. Опять будем жить хорошо.

— Не верю я. Ни во что не верю. Наверное, скоро все перемрем. Муж в Совдепии остался. Наверное, убили.

Отхлебнул, опустил голову.

Решительно, черт их возьми, пивные заводы стали беззастенчиво прибавлять желчь в пиво.

— А может, муж и жив, — утешил я.

— А если и жив — так с голоду умер.

Я сочувственно покачал головой, отломил поджаренную хрустящую корочку булки и, посолив, положил в рот.

— Гм... Вот белый хлеб, — со стоном заметила кельнерша. — У нас тут его сколько угодно, белого, мягкого, свежего, а там серый, как глина, со щепочками, с полóвой, со жмыхами. Да если бы этакую порцию туда перенести — так хватило бы на четырех человек. Да и рыдали бы, пережевывая.

Все это было совершенно справедливо, но почему деревцо за окном вяло опустило ветки, портрет Венизелоса скривился на сторону, солнечное пятно на стене погасло и прожеванный кусочек хлеба никак не хотел, несмотря на мои судорожные усилия, проскочить в горло... Я облил его глотком пива вкуса хины, мучительно улыбнулся и заметил:

— Но ведь если я сейчас не буду есть этого хлеба — я им этим не помогу?..

— Им уже ничто не поможет. Как мучаются! Как мучаются! От голода распухает лицо и все тело покрывается кровоточащими струпьями...

Она встала и пошла за котлетой.

Котлета оказалась на редкость сочная, в сухариках, с картошечкой, нарезанной этакими столбиками.

Я отрезал кус, мазнул горчицей и увенчал кусочком огурца.

— Я читала, что от голода шея начинает пухнуть и гнить. Отчего бы это?

— Не знаю отчего, — угрюмо промолвил я.

Мне показалось, что кусочек котлеты на вилке покраснел, распух и в нем что-то зашевелилось...

— Да... Вот вы, например, можете себе позволить здесь удовольствие съесть две или три жареные котлеты, а там даже дров нет, чтобы сварить головку ржавой селедки...

Ах, как все это было справедливо!.. Но котлета покоробилась, съежилась и сделалась вялой, неаппетитной...

— Дайте счет, — со вздохом попросил я.

Она черкнула что-то в книжечке, сардонически улыбаясь:

— Иногда пишешь счет, да как вспомнишь, чем была раньше, как роскошно жила, — так слезы и застилают глаза: цифр даже не вижу...

— Прощайте, — пробормотал я.

— Куда ж вы так скоро?

— Пойти на кладбище, что ли, повеситься.

— Да уж теперь это только и остается, — с готовностью одобрила она.

* * *

Вчера снова накатило на меня такое бодрое бурливое настроение. Я шел по улице, чуть не приплясывая, и наконец решил:

— Не зайти ли в ресторанчик?.. Только — дудки! В этот уж не пойду. Эта милая девушка снова доведет меня до логической мысли привязаться веревкой за шею к перилам Галатского моста, да и спрыгнуть вниз...

Поэтому я, насвистывая нечто мелодичное, вошел в другой ресторан и... первое, на что я наткнулся, — была та давешняя кельнерша.

— Вы... Здесь? — оторопел я.

— Да... Садитесь. Представьте, мне тот хозяин отказал. Вы, говорит, не умеете обращаться с публикой... А я уж, можно сказать, всякого, как родного, встречаю. Все, что есть на душе, — все выложишь. Что будете кушать? А у сестрицы, представьте, кроме ангины еще и дизентерия... Несчастье за несчастьем... Садитесь! Куда же вы?!

БЛАГОРОДНАЯ ДЕВУШКА

Самым серьезным человеком в свете я считаю своего друга Степана Фолиантова.

Даже в имени его и фамилии есть что-то солидное, несокрушимое...

Поэтому я имел полное право окаменеть от изумления, когда одним весенним вечером он, как экваториальная буря, ворвался ко мне и сообщил, изнемогая на каждом слоге:

— Ну, конец, брат! Поздравь меня — я влюблен.

Если бы дьякон соборной церкви остриг волосы, вымазал лицо жженой пробкой и, надев красный фрак, выступил в кафе-концерте на эстраде в качестве негра, исполняющего кика-пу, — это было бы более подходящее, чем то, что сообщил мне Фолиантов.

— С ума ты сошел?! — недоверчиво ахнул я.

— Ну, конечно! Я об этом же и говорю. Ах, какая женщина! Понимаешь: ручки, ножки и губки такие маленькие, что... что...

— Что их совсем не видно? — подсказал я.

— А?.. Ну, это ты уж хватил. Нет, их видно, но они просто крохотные. А глаза, наоборот, такие огромные, что...

— Что занимают территорию всего лица?!

— А? Ну, ты скажешь тоже. Просто огромные глаза. И красивые до безобразия!.. Носик...

— Выпей вина и расскажи лучше о характере.

— Характер? Ангельский. Бескорыстие? Дьявольское! Достаточно сказать, что, когда мы бываем в кафе, — она всегда платит свою треть. Идем в театры — она за билеты платит треть. Садимся на извозчика...

— Почему же такая странная дробь — треть?

— А брат же с нами всегда.

— Чей?

— Странный вопрос: ее! Он ко мне привязался... Светлая личность! Бываем втроем. Ой, опоздал! Уж ждут.

И умчался этот странный Фолиантов — так же бурно, как и появился.

* * *

На другой день появился расстроенный.

— Выгнала.

— Вот тебе раз. За что?

— Я сдуру предложил денег. У них ведь не густо. И брат кричал тоже. Обиделся. Вот тебе и Константинополь! А говорят — город продажных женщин и торгующих женщинами мужчин.

Он вынул портрет прехорошенькой девушки и принялся жадно целовать его.

— Дай и я поцелую, — попросил я, глубоко растроганный.

— На. Ты ее тоже полюбишь, когда узнаешь.

Мы долго по очереди целовали портрет и потом сидели, глядя друг на друга со слезами на глазах...

— Ты, наверное, грубо предложил ей деньги, — укоризненно сказал я. — Вот она тебя и выгнала. А ты сделай как-нибудь деликатнее...

— Ну? Как же?

— Выдай ей вексель на круглую сумму и объясни, что все мы, мол, под Богом ходим, что мало ли что может случиться и что, если ты умрешь, для тебя будет невыносимой мысль, что любимый человек бедствует. Сколько ты ей, дурья голова, предложил?

— 500 лир.

— Ну, вот и напиши на эту сумму. Да вложи в коробку с шоколадом. Все-таки вексель в шоколаде — это не грубые материальные деньги в кулаке.

— А если совсем выгонит?

— В Константинополе-то? Не выгонит.

Умчался Фолиантов.

* * *

Примчался Фолиантов:

— Что было! Слезы, истерика. "Так ты, — говорит, — думаешь, что я тебя из-за денег люблю?! Уходи!" Два часа на коленках стоял. Сказал, что, если не возьмет, — пойду и утоплюсь в Босфоре. Она страшно испугалась, заплакала еще раз и взяла. Просила только брату не говорить.

— Вот видишь, как все хорошо.

Через два дня случилось происшествие, которое потрясло не только Фолиантова, но и меня.

— Понимаешь, — рассказывал он. — Все началось из-за того, что в театре она на кого-то посмотрела, а я приревновал... Вернулись к ней домой, я наговорил ей разных слов и в конце концов сказал, что она меня совершенно не любит. Она заплакала, потом спросила: "Значит, выходит, если я тебя не люблю, то встречаюсь с тобой только из-за материальных интересов?! Так смотри же!" Вскочила, вынула из шкатулки мой злополучный вексель, порвала на клочки и бросила к моим ногам.

Я ахнул:

— Вот это женщина! Прямо-таки Настасья Филипповна из "Идиота"!.. Что ж ты думаешь теперь делать?

— Написал уже другой. Так или иначе — всучу ей.

— Вот тебе и Константинополь... — покачал я головой. — Встречусь с ней — в ножки поклонюсь.

Мы оба сияли, как солнце. Два солнца в одной комнате — это была редкая астрономическая комбинация.

* * *

— Помирились! — радостно крикнул мне с извозчика Фолиантов. — Уговорил принять новый. Ну, характер же! Порох.

На Пере, когда один человек едет на извозчике, а другой плетется по мостовой, — трудно разговаривать. Потому я не добился подробностей.

На другой день произошли новые события.

— Это огонь, а не женщина, — кричал мне с порога Фолиантов. — Теперь уже не я ее, а она меня приревновала!..

— Ну, и...

— И порвала в клочья второй вексель!

— Третий дай! — кричал я в экстазе.

* * *

С тех пор события приняли более или менее ритмичный характер...

При малейшем поводе эта странная бескорыстная девушка выхватывала из шкатулки пошлейший документ моего друга и тут же в бешенстве ревности или незаслуженной обиды разрывала его в мелкие клочья.

Друг прибегал ко мне, мы оба долго сидели растроганные, а потом, как два упорных осла, решали, что это девушке не поможет: она все равно получит новый вексель...

Я помню точно: эта борьба великодуший случалась ровно шесть раз. Шесть векселей было подписано, шесть было выхвачено из шкатулки, шесть, в безумном порыве, было разорвано на глазах друга, шесть раз мы, растроганные, тихо плакали на груди друг у друга...

* * *

А сегодня мой друг Фолиантов явился таким расстроенным, каким я его никогда не видел.

— Шестой изорвала? — догадался я.

Он сидел молча, яростно покусывая головку трости.

— Что ж ты молчишь?.. Как поживает наш цветочек, наше ясное солнышко?..

— Чтоб оно лопнуло, это твое солнышко! — заревел мой друг, стуча тростью по дивану, как по злейшему врагу. — Если бы эту кобылу повесили — я с удовольствием дал бы намыленную веревку!..

— Послушай, Фолиантов... Есть такие границы, которые...

— Нет! Нет никаких границ — понимаешь ты это?! За что я теперь должен платить три тысячи лир или садиться в тюрьму?! А?

— Опомнись, какие три тысячи?!

— Да по векселям, которые я, по твоему же совету, на коленках преподносил этой жадной константинопольской собаке!

— Постой, постой... Об остальном я пока не спрашиваю... Но у нее же был только один твой вексель?..

— Черта с два! Все шесть — целехоньки.

— Да ведь она же их рвала?

— Поддельные рвала! Этот ее альфонс и подделывал под мой почерк.

— Светлая личность?! Ее брат?!

— Брат?! Такой же он ей брат, как ты мне падчерица! Полетел я к ней объясняться, а он выходит и говорит: "Если вы не оставите в покое мою жену и не прекратите преследовать ее своей любовью — я заявлю в английскую полицию!" — "А мои векселя?!" — "Это ваши личные коммерческие отношения — меня они не касаются. Если вы ей дали шесть векселей за проданную вам каустическую соду или подошвенную кожу — кому какое до этого дело? Ведь подпись на векселях ваша?" А?! как тебе это понравится? каустическая сода!!! подошвенная кожа?!!

— Признаться, — примирительно сказал я, — во всей этой истории я не узнавал до сих пор Константинополя, и это меня втайне немного тревожило. Теперь я снова узнаю его неизменяемое вечное лицо, и это меня успокаивает.

— То есть?!

— Раз девушка оказалась не девушкой, брат не братом, порванные векселя — не порванными и любовь — не любовью, а подошвенным товаром — все в полном порядке... Приветствую тебя, старый, изможденный, развратный мошенник — Константинополь!

— А как же векселя?..

— Есть деньги?

— Последние три тысячи лир были. Кое-как наскребу.

— Плати. Там заранее рассчитано.

РУССКИЕ В ВИЗАНТИИ

Этот осколок константинопольской жизни мне хочется написать в благородной форме исторического романа — так он красочен...

* * *

Стояло ясное погожее утро лета 1921 года.

Впрочем, нет. Стоял вечер.

Автор начинает с утра только потому, что все русские исторические романы начинаются этой фразой.

А на самом деле стоял вечер, когда произошла завязка правдивого бытового романа.

Граф Безухов, не доложившись, неожиданно вошел в комнату жены и застал последнюю (она же была у него и первая) в объятиях своего друга князя Болконского.

Произошла ужасная сцена.

— Милостивый государь! — вскричал взбешенный муж.

— Милостивый государь?

— Вы знаете, что вами осквернен мой семейный очаг!!

— Здесь дама, прошу вас не возвышать голоса. Орет, сам не знает чего.

Закусив нижнюю губу, бледный граф молча сдернул со своей руки перчатку, сделал два шага по направлению к князю и бросил перчатку прямо в лицо врагу.

— Надеюсь, вы понимаете, что это значит?! — угрюмо сказал он.

— Готов к услугам, — холодно поклонился князь Болконский.

— Мои секунданты будут у вас в 10 часов утра.

— Хоть в 9, — с достоинством ответил князь, отыскивая свою шляпу.

* * *

По соглашению сторон поединок решен был на завтра, на дуэльных пистолетах.

Выработав все условия и подробности, секундант графа, полковник Н., спросил у княжеского секунданта, гусарского корнета Ростова:

— Теперь — последний вопрос: у вашего доверителя есть дуэльные пистолеты?

— Никаких нет.

— А у вас?

— Откуда, голубчик? Я из Севастополя эвакуировался с маленьким ручным чемоданчиком... До дуэльных ли тут пистолетов!

— И у моего нету. Что ж теперь делать? Нельзя ли у кого-нибудь попросить на время? Например, у барона Берга?..

— Нашли у кого просить! Барон на Пере "тещиными языками" торгует с лотка — неужели, вы думаете, у него удержится такая ценная штука, как ящик с дуэльными пистолетами. Загнал!

Огорченные, разошлись секунданты по своим доверителям:

— Ну, что? — нетерпеливо спросил бледный, с горящими глазами граф Безухов. — Все готово? Когда?

— Черта с два готово! Пистолетов нет.

— Вот тебе раз! У барона Берга нет ли?

— "Тещины языки" есть у барона Берга. Не будете же вы драться "тещиными языками"!

— Может, в магазине можно купить? Если недорого...

— Ваше сиятельство, что вы! В константинопольском магазине?! Дуэльные пистолеты? Да на кой же шут их будут держать? Для греков, торгующих маслинами и халвой?.. Нашли тоже Онегиных!.. Они больше норовят друг друга по шее съездить или — еще проще — обчистить на "пенды-грош", а не дуэль! Заверяю вас, что среди местных греков нет ни Ленских, ни Печориных...

— Гм! Дьявольски глупо... Не отказываться же из-за этого от дуэли!

— Впрочем, попытаюсь пойти еще в одно место: в комиссионный магазин "Окказион" — не найду ли там?..

* * *

— Здравствуйте. Чем могу служить?

— У вас есть дуэльные пистолеты?

— Помилуйте, все есть! Ковры, картины, бриллианты, курительные трубки...

— Ну на кой мне черт курительная трубка? Из нее не выстрелишь.

— Пардон, стреляться хотите? Дуэль?

— Не я. Я по доверенности.

— Ага. Так, так. Присядьте! Ну, желаю удачи. А пистолетики найдутся. Вам пару?

— Не четыре же! Это не кадриль танцевать.

— Нет, я в том смысле спросил, что, может, одним обойдетесь.

— Что вы за чушь городите! Какая же это дуэль с одним пистолетом?!

— А почему же? Сначала первое лицо стреляет, потом, ежели не попал, передает партнеру, тот стреляет, и так далее. Экономически-с.

— Подите вы! Сколько стоит пара?

— Для вас? Двести лир.

— Вы с ума сошли! Они и шестидесяти не стоят!

— Не могу-с. А пистолеты такие, что поставьте в затылок пятерых — пятерых насквозь пронижет.

— Ну, вот! Что ж мы, для вашего удовольствия еще четыре пары дуэлянтов подбирать будем? Уступите за сто.

— И разговору такого нет.

* * *

— Ну, что?!

— Черт его знает — с ума сошел человек! Он, может, из человеколюбия, но нельзя же драть двести лир за пару! Скажите, сколько вы ассигнуете?

— Мм... Могу отдать все, что имею, — сорок лир.

— Впрочем, с какой стати вы сами будете нести все расходы. Вот еще! Пусть противник принимает на себя половину!

— Послушайте! Удобно ли обращаться... по такому поводу!

— В Константинополе все удобно! Я с него и за доктора половину сдеру!..

* * *

Колесо завертелось.

Полковник Н. пошел к корнету Ростову и потребовал, чтобы его доверитель, князь Болконский, заплатил свою долю за пистолеты — 40 лир; корнет пошел к князю

— у князя нашлось только 25 лир; корнет отправился к полковнику, но полковник нашел, что шансы неравны, и предложил взять доктора — на счет князя; потом оба пошли в комиссионный магазин и стали торговаться...

Хозяин уступал за полтораста (без зарядов); секунданты давали 60 с зарядами; не сойдясь, оба разошлись по своим доверителям за инструкциями; граф предложил полковнику Н. взять пистолеты напрокат; полковник отправился к корнету Ростову; оба отправились в комиссионный магазин; хозяин согласился на прокат, но просил залог в полтораста лир; оба снова разошлись по доверителям; один из доверителей (граф) согласился дать в залог брошку жены (100 л.) с тем, чтобы князь Болконский доплатил остальное; корнет Ростов отправился к князю, но у князя оказалось всего-навсего 15 лир; граф передал через своего секунданта, что князь саботирует дуэль, а князь ответил через своего секунданта, что бедность не саботаж и что он, если и задолжает графу за пистолеты, то впоследствии, когда будут деньги, отдаст; граф чуть было не согласился, но жена его возмутилась: "С какой стати, — говорила она, — раз шансы неравны: если он тебя убьет, он этим самым освобождается от долга, а если ты его убьешь, ты с него ничего не получишь... Я вовсе не желаю терять на вашей дурацкой дуэли!"; граф возразил, что это не дурацкое, а дело чести; графиня ответила в том смысле, что, дескать, какая честь, когда нечего есть; из комиссионного магазина пришел мальчик и простодушно спросил: "А что теи господа будут стрелять друг у друга или отдумали, потому как, может, найдутся другие покупатели — так отдавать или как?" Граф послал его к князю Болконскому, графиня послала его к черту, а он вместо этого раскрыл зонтик от дождя и побежал домой.

Наступала осень.

* * *

О Ленские, Печорины, Онегины и Грушницкие!

Вам-то небось хорошо было выдерживать свой стиль и благородство, когда и пистолеты под рукой, и камердинеры собственные, и экипажи, и верховые лошади... "Дуэль? Пожалуйста! Такое-то место, такой-то час, деремся на пистолетах..." А попробуйте, милостивый государь господин Ленский, пошататься по "окказионам", да поторговаться до седьмого поту, да войти в сношения

с Онегиным на предмет взятия на себя части расходов, да получить от Онегина отказ, потому что у него "юс-пара" в кармане... так тогда не "Умру ли я, стрелой пронзенный" запоете, а совсем из другой оперы:

Помереть не померла,
Только время провела.

* * *

Бедные мы сделались, бедные...

И прилично ухлопать-то друг друга не имеем возможности!

АРГОНАВТЫ И ЗОЛОТОЕ РУНО

С тех пор как осенью 1920 года пароход покинул берега Крыма, и до самого Константинополя они так и ходили нераздельно вместе — впереди толстый, рыжебородый со сложенными на груди руками, за ним, немного сзади, двое: худощавый брюнет с усиками и седенький, маленький. Этот вечный треугольник углом вперед напоминал стаю летящих журавлей.

Только один раз я увидел их не в комбинации треугольника: они дружно выстроились у борта парохода, облокотясь о перила, и поплевывали в тихую воду Черного моря с таким усердием, будто кто-нибудь дал им поручение — так или иначе, а повысить уровень черноморской воды.

Я подошел и бесцельно облокотился рядом.

— Ну что, юноша, — обратился вдруг ко мне седенький. — Как делишки?

— Ничего себе, юноша, — приветливо ответил я. — Дрянь делишки.

— Что думаете делать в Константинополе?

— А черт его знает. Что придется.

— Так нельзя, — наставительно отозвался черноусый мужчина. — Надо заранее выработать план действий, чтобы не очутиться на константинопольском берегу растерянным дураком. Вот мы выработали себе по плану — и спокойны!

— Прекрасное правило, — пришел я в искреннее восхищение. — Какие же ваши планы?

Седенький подарил морскую гладь искусным полновесным плевком и, поглядывая на удалявшиеся с глаз

плоды губ своих, процедил сквозь энергично сжатые губы:

— Газету буду издавать.

— Ого! Где?

— Что значит — где? В Константинополе. Я думаю сразу ахнуть и утреннюю, и вечернюю. Чтобы захватить рынок. Вообще, Константинополь — золотое дно.

— Дно-то дно, — с некоторым сомнением согласился я. — Только золотое ли?

— Будьте покойны, — вмешался черноусый. — На этом дне лежат золотые россыпи, только нужно уметь их раскопать. Впрочем, мои планы скромнее.

И две стороны треугольника сейчас же поддержали третью:

— Да, его планы скромнее.

— Журнал будете издавать? — попытался догадаться я.

— Ну, что там ваш журнал! Чепуха. Нет, мне пришла в голову свежая мыслишка. Только вы никому из других пассажиров не сообщайте. Узнают — сразу перехватят.

Я твердо поклялся, что унесу эту тайну с собой в могилу.

— Так знайте: я решил открыть в Константинополе русский ресторан.

— Гм... Я, правда, никогда до сих пор не бывал в Константинополе, но... мне кажется, что... там уже в этом направлении кое-что сделано.

— Черта-с два сделано! Разве эти головотяпы сумеют? Нет, у меня все будет особенное: оркестр из живых венгерцев, метрдотель — типичный француз, швейцар — швейцарец с алебардой, а вся прислуга — негры!

— И вы всю эту штуку назовете русским рестораном?

— Почему бы и нет? Кухня-то ведь русская! Щи буду закатывать, кулебяки загибать, жареных поросят зашпаривать. На всю Турцию звон сделаю.

— Но ведь для этого дела нужны большие деньги!

— Я знаю! Тысяч десять лир. Но это самое легкое. Найду какого-нибудь богатого дурака-грека — в компании с ним и обтяпаем.

Молчаливый доселе бородач вдруг захохотал, подарил морскую гладь сложнейшим плевком с прихотливой завитушкой и дружески ударил меня по плечу.

— Нет, это все скучная материя — дела, расчеты, выкладки. Вот у меня план, так план! Знаете, что я буду там делать?

— А Бог вас знает.

— То-то и оно. Ничего не буду делать. Сложа руки буду сидеть. Валюту везу. Ловко, а?

— Замечательно.

— Да-а. Узнает теперь этот Константинополишка Никанора Сырцова! Ей-бо, право! Палец о палец не ударю. Сложу руки и буду сидеть. Поработали — и буде. Ежели встречу там где — шампанеей до краев налью. Да просто заходи в лучший готель и спроси Никанора Сырцова — там я буду! А може, я в Васькиной газете публиковаться буду: "Такой-то Никанор Гаврилов Сырцов разыскивает родных и знакомых на предмет выпивки с соответствующей закуской". А в кабак мы с тобой будем ходить только в Петькин: пусть нам там негры и венгерцы дурака ломают. Поддержим приятеля, хе-хе! Хай живе Украина!

Журавлиный треугольник отделился от перил, взмахнул крыльями и плавно понесся в трюм на предмет насыщения своих пернатых желудков.

* * *

Пока все беженство кое-как утряслось, пока я лично устраивался — никто из журавлиного треугольника не попадался мне на глаза.

Но однажды, когда я скромно ужинал в уголке шумного ресторана, ко мне подлетел головной журавль — Никанор Сырцов.

— Друг! — завопил он. — Говорил, шампанеей налью, — и налью. Пойдем до кабинету. Какие цыгане — пальчики оближешь. Как зальются — так или на отцовскую могилу хочется бежать, или кому-нибудь по портрету заехать. Благороднейшие люди.

Он сцепился со мной на абордаж, после долгой битвы победил меня и, взяв на буксир, отшвартовался "до кабинету", который оказался холодной дымной накуренной комнатой, наполненной людьми. В руках у них были гитары, на плечах — линялые кунтуши, на лицах — скука непроходимая.

— Эй, брат! — воскликнул Сырцов, становясь в позу. — Люблю я тебя, а за что — и сам не знаю. Хороший человек, чтоб ты сдох! Веришь совести — вторую тысячу пропиваю!.. А ну, вы, конокрады, — ушкварьте. "Две гитары за стеной!.."

Пел Сырцов, рыдал Сырцов в промежутках и снова плясал Сырцов, оделяя всех алчущих и жаждущих бокалами шампанского и лирами.

— Во, брат, — кричал он, путаясь неверными ногами в странном танце. — Это я называю жить сложа руки! Вот она, брат, и есть настоящая жизнь! Ой, жги, жги, жги!..

Последний призыв Никанора цыгане принимали вяло и, вместо поджога, только хлопали бокал за бокалом, зевая, перемигиваясь и переталкиваясь локтями. Впрочем, и сам Сырцов не мог точно указать, какой предмет обречен им на сжигание.

— Постой, — попытался я остановить пляшущего Никанора. — Расскажи мне лучше — что поделывают твои приятели? Открыли ресторан? Издают газету?..

— А черт их знает. Я восьмой день дома не был — так что мне газета! На нос мне ее, что ли?

* * *

Шел я однажды вечером по Пти-Шан.

Около знаменитого ресторана "Георгия Карпыча" раздался нечеловеческий вопль:

— Интер-ресная газета "Пресс дю суар"! Купите, господин!

Я пригляделся: вопил издатель из журавлиного треугольника.

Очевидно, вся его издательская деятельность ограничилась тем, что он издавал вопли, с головой уйдя в несложное газетное дело сбыта свежих номеров.

— Что же это вы чужую газету продаете, — участливо спросил я. — А своя где?

— Дело этого... налаживается, — нерешительно промямлил он. — Еще месяц-два и этого... С разрешением дьявольски трудно!..

— А что ваш приятель? Как его дело с рестораном?

— Пожалуйте! Тут за углом, второй дом, вывеска. Навестите, он будет рад.

— Слава Богу, — подумал я, идя по указанному адресу, — хоть один устроился!..

Этот последний, действительно, увидев меня, обрадовался.

Подошел к моему столику, обмахнул его салфеткой, вынул из кармана карточку и сказал:

— Вот приятная встреча! Что прикажете? Водочки с закусочкой, горячего или просто чашку кофе?

— Вы что тут, в компании? Нашли дурака-грека с деньгами?

— Нет, собственно, он нашел меня, дурака. Или, вернее, я его, конечно, нашел, ну так вот... Гм!.. Пока служу. У него, впрочем, действительно, есть большие деньги. Я только... этого. Не заинтересован.

— А венгерцев и негров нет?

Он отвернулся к окну и стал салфеткой протирать заплаканное стекло.

— И швейцар ваш без алебардов, безоружный, в опорках...

— Шутить изволите. Может, винца прикажете? Хорошее есть...

. . . . . .

Еще месяц с грохотом пронесся над нашими головами.

Проходя мимо греческого пустынного ресторанчика, я иногда видел дремлющего у стены с салфеткой под мышкой смелого инициатора дела, построенного на венгерцах, неграх, швейцарцах и алебардах.

И по-прежнему издатель на углу яркой улицы издавал стоны:

— "Пресс дю суар"!

Вчера, остановившись и покупая газету, я спросил простодушно:

— А что же ваша собственная газета?

— Наверное, скоро разрешится.

— Ну, а что ваш приятель Никанор Сырцов? По-прежнему сидит сложа руки?

— Сложа-то сложа... Только не сидит, а лежит. От голодного тифа или что-то вроде — помер. Все деньги на цыган да на глупости разные проухал! У меня в конце концов по пяти пиастров перехватывал! Да мне тоже, знаете, взять их неоткуда. Вот тебе и "сложа руки"! Много их, таких дураков.

И когда он говорил это, у него было каменное неподвижное лицо, как у старых боксеров, которых другие боксеры лупили по щекам огромными каменными кулачищами, отчего лицо делается навсегда непробиваемым.

Жестокий это боксер — Константинополь! Каменеет лицо от его ударов.

РАЗВОРОЧЕННЫЙ МУРАВЕЙНИК

Разговор в беженском общежитии:

— Здравствуйте... Я к вам на минутку. У вас есть карта Российской империи?

— Вот она. На стенке.

— Ага! Спасибо. А почему она вся флажками покрыта? Гм? Для линии фронта флажки, кажись, слишком неряшливо разбросаны...

— Родственники.

— Ага! Родственники это сделали?

— Какие родственники! Я это сделал.

— Родственникам это сделали? Для забавы?..

— К черту забаву! Для собственного руководства сделал.

— В назидание родственникам?

— Плевать хочу на назидание!

— А при чем же родственники?

— Выдерните флажок из Екатеринослава! Ну? Что там написано?

— "Алеша" написано.

— Так. Брат. Застрял в Екатеринославе.

— Позвольте... А где же ваша вся семья?

— А вот, следите по карте... Отправной пункт — Петербург — застряла больная сестра. Служит в продкоме, несчастная. "Москва" — потеряли при проезде дядю. Что на флажке написано?

— Написано "Дядя".

— Правильно написано. Дальше — "Курск": арестована жена за провоз якобы запрещенных 2-х фунтов колбасы. Разлучили — повели куда-то. Успел вскочить в поезд, потому что там оставались дети. Теперь — ищите детей... Станция Григорьевка — Люся... Есть Люся? Так. Потерялась в давке. Еду с Кокой. Станция Орехово. Нападение махновцев, снова давка — Коку толпа выносит на перрон вместе с выломанной дверью. Три дня искал Коку. Пропал Кока. Какой флаг на Орехове?

— Есть флаг: "Кока на выломанной двери".

— Правильный флаг. Теперь семья брата Сергея... Отправной пункт бегства — Псков. Рассыпались кистью, вроде разрыва шрапнели. Псков — безногий паралитик-дедушка, Матвеевка — Грися и Сеня. Добронравовка — свояченица, Двинск — тетя Мотя, сам Сергей — Ковно, его племянник — где-то между Минском и Шавлями — я так и флажок воткнул в нейтральную зону... Теперь

— гроздь флажков в ростовском направлении — семья дяди Володи, тонкая линия с перерывами на сибирское направление — семья сестры Лики!.. Пук флажков по течению Волги... Впрочем, что это я все о своих да о своих... Прямо невежливо! Вы лучше расскажите — как ваша семья поживает?

— Да что ж рассказывать... Они, кроме меня, все вместе — все 9 человек.

— Ну, слава Богу, что вместе.

— Вы думаете? Они на Новодевичьем кладбище в Москве рядышком лежат...

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Когда я шел по улице, то случилось так, что этим актером будто кто-то швырнул в меня из окна третьего этажа: так неожиданно налетел он на меня, и едва ли — не сверху.

— Осторожнее, грудную клетку поломаете, — испуганно воскликнул я.

— Простите, не заметил. Задумался.

— Небось, все о дороговизне здешней жизни думаете?..

— Так. Млеко-та от крав гораздо-та драгота.

— Я... вас... не понимаю.

— Я насчет крав. Млеко-та ихнее, говорю, гораздо драго-та.

— Это еще что за арго?

— Болгарский язык. Я теперь по-болгарски учусь.

— На какой предмет?

— В славянские земли еду.

— На какой предмет?

— Петь там буду. Я певец. Петь буду.

— На какой предмет?

— Деньги зарабатывать. Там, говорят, очень выгодно для актеров. Болгары — чудесный народ.

В это время к моему собеседнику подошел другой актер. Поздоровались они:

— Живио.

— Наздар!

— Скро едъм?

— Как тлько блгарскую взу плучу-та.

— Вы тоже едете? — спросил я.

— Обязательно. Все едут: Звонский, Кринский, Брутов, Крутов, Весеньев и Перепентьев.

— Позвольте... Вас я еще понимаю, что вы едете: ваша специальность — балалайка... Так сказать, международный язык! А что там будут делать Брутов и Крутов? Ведь они драматические.

— Драму будут играть.

— Но ведь болгары не понимают по-русски!

— Поймут! Все дело в том, что из пьесы нужно все гласные вымарать и к каждому слову "та" прибавить. Тогда и получится по-болгарски. Сейчас помощник режиссера сидит и вымарывает, актеры даже рады: меньше учить придется. Здраво-та?!

— Крпко здраво, — улыбнулся я.

— Вот видите — вы тоже уже научились. Это ведь быстро! Пресимпатичный язык! Когда едете?

— Я не собираюсь.

— Неужели?! Первого человека вижу, который не едет в славянские земли!

— А что мне там делать?

— Писать будете. Написали рассказ, вычеркнули все гласные, да и марш в газету. Как говорится: марш, марш, генерале наш!

— Вздор! Дурацкая мсль-та!

— Ничего не дурацкая. В славянских землях многи листи излази.

— Чего-о?

— Я говорю: многи листи излази. По-нашему — много газет выходит. А театр, по-ихнему, — позорище.

— Вот видите. А вы едете.

— Да ведь не я один. И Громкин, и Самыкин, и Зуев, и Заворуев — все едут.

— Как Заворуев?! Ведь он не актер!

— А он хорошо на пробке играет. Зажмет пробку в зубы и ну по щекам пальцем щелкать. Любой мотив изобразит.

— Гм... да... Теперь я понимаю, почему театр по-славянски — позорище.

— Самыкин, хотя он и беговой наездник, — у нас он будет знаменитым славянским стрелком.

— Ну, дай ему Бог настрелять побольше.

Подошел к нам Сеня Грызунков, существо, умственный багаж которого не позволил бы своему обладателю и до Кады-Кея без посторонней помощи доехать.

— Здрав буди, — сказал Сеня, здороваясь со мной. — Ну, братцы, поздравьте! Исайя, ликуй. Получил заграничный паспорт и еду в церковнославянские земли!

— Сеничка, — сочувственно сказал я. — Как же ты поедешь в церковнославянские земли... Ведь там, поди, церквей много?..

— Ну, так что ж...

— А вашего брата и в церкви бьют.

— Мой брат и не едет. Он в Совдепии застрял. А мы с Маничкой Овсовой едем. У нее позавчера в половине пятого голос открылся. Настоящая Нежданова. Будем цыганскими романсами работать. Едем я, она и ее тетка. Гайда тройка!

* * *

Пришел я домой, взглянул на карту Болгарии, и сердце у меня сжалось:

— Больно-та мала страна-та.

Но тут же и успокоился:

— Это ничего, что страна маленькая, зато сердце у нее великое. Душа гостеприимная.

Вижу отсюда, что пригреет Болгария, по мере возможности, и Громыкина, и Самыкина, и Зуева, и Заворуева.

ТРАГЕДИЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ

Меня часто спрашивают:

— Простодушный! Почему вы торчите в Константинополе? Почему не уезжаете в Париж?

— Боюсь, — робко шепчу я.

— Вот чудак... Чего ж вы боитесь?

— Я писатель. И поэтому боюсь оторваться от родной территории, боюсь потерять связь с родным языком.

— Эва! Да какая же это родная территория — Константинополь?

— Помилуйте, никакой разницы. Проходишь мимо автомобиля — шофер кричит: "Пожалуйте, господин!" Цветы тебе предлагают: "Не купите ли цветочков? Дюже ароматные!" Рядом: "Пончики замечательные!" В ресторан зашел — со швейцаром о Достоевском поговорил, в шантан пойдешь — слышишь:

Матреха, брось свои замашки,
Скорей тангу со мной пляши...

Подлинная черноземная Россия!

— Так вы думаете, что в Париже разучитесь писать по-русски?

— Тому есть примеры, — печально улыбнулся я.

— А именно?..

Не отнекиваясь, не ломаясь, я тут же рассказал одну известную мне грустную историю.

О русском писателе

Русский пароход покидал крымские берега, отплывая за границу.

Опершись о борт, стоял русский писатель рядом со своей женой и тихо говорил:

— Прощай, моя бедная истерзанная родина! Временно я покидаю тебя. Уже на горизонте маячат Эйфелева башня, Нотр-Дам, Итальянский бульвар, но еще не скрылась с глаз моих ты, моя старая, добрая, так любимая мною Россия! И на чужбине я буду помнить твои маленькие церковки и зеленые монастыри, буду помнить тебя, холодный красавец Петербург, твои улицы, дома, буду помнить "Медведя" на Конюшенной, где так хорошо было запить расстегай рюмкой рябиновой! На всю жизнь врежешься ты в мозг мне — моя смешная, нелепая и бесконечно любимая Россия!

Жена стояла тут же; слушая эти писательские слова, — и плакала.

* * *

Прошел год.

У русского писателя были уже квартира на бульваре Гренель и служба на улице Марбеф, многие шоферы такси уже кивали ему головой, как старому знакомому, уже у него были свое излюбленное кафе на улице Пигаль и кабачок на улице Сен-Мишель, где он облюбовал рагу из кролика и совсем недурное "ординэр"...

Пришел он однажды домой после кролика, после "ординэр'а", сел за письменный стол, подумал и, тряхнув головой, решил написать рассказ о своей дорогой родине.

— Что ты хочешь делать? — спросила жена.

— Хочу рассказ написать.

— О чем?

— О России.

— О че-ем?!

— Господи Боже ты мой! Глухая ты, что ли? О России!!!

— Galmez-vous, je vous en prie*. Что ж ты можешь писать о России?

— Мало ли! Начну так: "Шел унылый, скучный дождь, который только и может идти в Петербурге... Высокий молодой человек быстро шагал по пустынной в это время дня Дерибасовской..."

— Постой! Разве такая улица есть в Петербурге?

— А черт его знает. Знакомое словцо. Впрочем, поставлю для верности Невскую улицу! Итак: "...высокий молодой человек шагал по Невской улице, свернул на Конюшенную и вошел, потирая руки, к "Медведю". "Что, холодно, monsieur?" — спросил метрдотель, подавая карточку. — "Mais oui**, — возразил молодой сей господин. — Я есть большой замерзавец на свой хрупкий организм!"

— Послушай, — робко перебила жена. — Разве есть такое слово "замерзавец"?

— Ну да! Человек, который быстро замерзает, — суть замерзавец. Пишу дальше: "Прошу вас очень, — сказал тот молодой господин. — Подайте мне один застегай с немножечком poisson bien frais*** и одну рюмку рабиновку".

— Что это такое — рабиновка?

— Это такое... du водка.

— А по-моему, это еврейская фамилия: Рабиновка — жена Рабиновича.

— Ты так думаешь?.. Гм! Как, однако, трудно писать по-русски!

И принялся грызть перо.

Грыз до утра.

* * *

И еще год пронесся над писателем и его женой.

Писатель пополнел, округлел, завел свой auto — вообще, та вечерняя газета, где он вел парижскую хронику, — щедро оплачивала его — "сет селебр рюсс"****.

---

* Успокойтесь, прошу вас (фр.).

** Ну да (фр.).

*** Хорошая свежая рыба (фр.).

**** Этот знаменитый русский (фр.).

Однажды он возвращался вечером из ресторана, где оркестр ни с того ни с сего сыграл "Боже, царя храни...". Знакомая мелодия навеяла целый рой мыслей о России...

— О, нотр повр Рюсси!* — печально думал он. — Когда я приходить домой, я что-нибудь будить писать о наша славненькая матучка Руссия.

Пришел. Сел. Написал:

"Была большая дождика. Погода был то, что называй веритабль петербуржьен**. Один молодой господин ходил по одна улица, по имени сей улица: Крещиатик. Ему очень хотелось manger***. Он заходишь на Конюшню сесть на медведь и поехать в restaurant, где скажишь: garcon, une tasse de**** рабинович и одна застегайчик avec***** тарелошка с ухами..."

* * *

Я кончил.

Мой собеседник сидел, совсем раздавленный этой тяжелой историей.

Оборванный господин в красной феске подошел к нам и хрипло сказал:

— А что, ребятежь, нет ли у кого прикурить цигарки!

— Да, — ухмыльнулся мой собеседник. — Трудно вам уехать из русского города!

ЯЗЫК БОГОВ

Маленькая грязная комнатка, с гримасой бешенства сдаваемая маленькой грязной гречанкой одному моему безработному знакомому.

Он слишком горд, чтобы признать отчаянное положение своих дел, но, зайдя к нему сегодня, я сразу увидел все признаки: вымытую собственными руками рубашку, сушившуюся на портрете Венизелоса, тарелку, на которой лежал огрызок ужасающей жареной печёнки с обломком семита, — отложенные в качестве ужина, грязная, закопченная керосинка с какой-то застывшей размазней в кастрюле.

* Наша бедная Россия (фр.).
** Настоящая петербургская (фр.).
*** Есть (фр.).
**** Официант, одну чашку (фр.).
***** С (фр.).

Обитатель комнаты так углубился в чтение книги, что даже не заметил моего появления...

— Что ты сидишь, как сыч, — нос в книгу уткнул. Захлопывай книгу, пойдем по взморью на лодке кататься. Погода изумительная!

Поднял он от книги тяжелую голову, поглядел на меня ничего не видящими глазами — опять уставил их в книгу.

— Ну, что же ты?

— Сегодня не могу, книжку читаю.

— Подумаешь, важность — книжка! Что это: откровение великого мыслителя, что ли?

— Подымай выше! Видишь, не могу оторваться.

— Поэма Эдгара По?

— Убирайся ты со своим По!

— Бешеная фантазия Гастона Леру?

— Откровенно говоря, я не знаю, как эта книга и называется: первые несколько листов оторваны. Знакомый газетчик дал.

— Да с чего же начинается?

— А вот послушай: "...вообще, на рынках и в лавках купить хороших, сытых, т. е. откормленных цыплят — большая редкость. Ежели хотите иметь хороших цыплят, то, купив их живыми, следует покормить недельки две дома гречневой крупой, заваренной кипящим молоком, и содержать всех в тесном месте, чтобы цыплята не бегали. Но ежели хотите побаловать себя цыплятами на славу (тут голос моего приятеля дрогнул от волнения), то покормите их ва́ренным на молоке рисом! Цыплята будут объедение: белое, нежное, тающее во рту мясо, с косточками, как хрящики. Правда, такое кормление молочным рисом обходится немало — рубля 3—4".

Я проглотил слюну и нетерпеливо воскликнул:

— Постой! Да ведь это простая поваренная книга!!

— Простая?! Нет, брат, не простая! Послушай-ка: "Главный подвоз рябчиков — вологодских и астраханских — начинается с установившегося зимнего пути. Лучшие сибирские рябчики — кедровики, то есть питающиеся кедровыми орехами. Когда выбираете дичь, она должна быть чиста, чтоб дробинки, так сказать, нигде не было видно. Это тем особенно важно, что тогда во время жаренья жирной птицы сало и сок из ее ранок не вытекают, отчего она не высохнет и не потеряет во вкусе. Хороший рябчик должен быть: бел, сыт, т. е. мясист. Аромат его — приятно-смолянистый".

— Ну, так едем, что ли?

Я внутренне лукаво улыбнулся и добавил:

— Марья Григорьевна тоже едет.

— Марья Григорьевна? Ага. А ты вот это послушай: "Бывают случаи, что люди самые опытные ошибаются в выборе рыбы — да еще как ошибаются-то! Плавают, например, в садке или окаренке две стерляди; рост у них, правильнее, мера, — одинаковая, обе толстые, брюшко у обеих желтое, обе без икры, яловые, что вкуснее. Вы просите подрезать рыб снизу, к наростику, т. е. к хвосту. Подрезать обеих: и обе — как желток, жир — червонное золото. Чего еще требовать? Как еще пробовать? Между тем за столом оказывается, что одна из стерлядей вкусом удивительная, нежная, тает во рту, другая — так себе, грубая, дряблая, темновата, да и жиру в ней оказывается мало — весь он остался в рассоле, в котором варили стерлядь, и потемнела-то она во время варки. Отчего? Оттого, что стерлядь эта другой воды: первая — из Оки, вторая — волжская!!"

— Н-да, — задумчиво сказал я, машинально глотая слюну. — Дела!

— Вот видишь! А ты знаешь, как телят поят?

— Подумаешь, важность; дадут ему воды — он и пьет.

— Ха-ха-ха! Слушай: "Еще не так важно отпоить теленка, как важно выбрать его для отпоя, в чем, главное, и заключается секрет троицких телятников. Именно: выбирайте для отпоя теленка на низких, а не на высоких бабках, смотрите, чтоб у него были белы белки и губы изнутри, когда их подвернете. Теленок, выбранный для отпоя, не должен делать большого движения, для чего его ставят в тесное стойло, где бы он мог только повернуться, лечь и встать, но отнюдь не скакать и играть; подстилки не должно класться никакой: одна соломина, которую теленок будет жевать, — испортит все дело. В стойле должно быть сухо, для чего пол делают наклонным, с дырьями, чистым. Ежели в молоко будет подлита хоть капля воды или подбавлена мука, — телятина будет непременно красна и груба. Менее как в четыре-пять недель порядочно отпоить теленка нельзя; но поят очень хороших по три, даже по четыре месяца. Конечно, таким телятам молока от одной коровы недостаточно, и поят их от двух, трех, пяти и более коров".

— Что ты хочешь этим сказать? — угрюмо спросил я.

— Ничего! — отвечал он торжествующе.

— А Марья Григорьевна тебя два раза спрашивала; она сегодня особенно интересна. И понимаешь — на блузке совсем прозрачные рукава... А руки! Белые, пухленькие, с ямочками на локтях. Грудь...

— А это: "К масленице зернистую икру подвозят в столицы и даже почти во все города нашего отечества в огромном количестве. К сожалению любителей, хорошая зернистая икра всегда в цене (4—4$^1/_2$ руб. фунт); достоинства зернистой икры следующие: малая соль, разбористость, т. е. зерно должно быть цело, не смято и отделяться одно от другого свободно, раскатываться в дробь. Белужья икра крупнее и беловатее, осетровая — мельче и с желтизной, но трудно сказать, которая лучше. Лучшая зернистая икра — багреная, т. е. та, которая вынута из рыбы, пойманной на воле багром, а не садковая, т. е. вынутая из рыбы, сидевшей уже в садках, из потомленной рыбы". Ха-ха! Понимаешь, как люди раньше жили? Икру из томленой рыбы он не лопал!..

— Послушай: замечательная погода. Море тихое, а? Поедем... Сейчас полная луна, с берега доносится музыка, волны тихо шелестят о борта лодки... Марья Григорьевна смотрит на тебя загадочным мерцающим взглядом. Стройная подъемистая ножка шаловливо выглядывает из-под края шумящей юбки...

— А это?! "Макароны Монгляс. В приготовленные и вымешанные с маслом макароны положить тертый пармезан пополам с швейцарским сыром, филеи из кур, нарезанные ломтиками, гусиные печёнки, трюфели и шампиньоны, предварительно обжарив их в масле. Потом прибавить ложку белого соуса, размешать, подавать при консоме..." А? каково?

— Не спорю, — вздохнул я. — Макароны Монгляс — очень вкусная штука. Да, кстати, о Марье Григорьевне. За ней в последнее время усиленно прихлестывает Пузыренко... Если ты не поедешь — он тоже увяжется в лодку...

— Меня не это удивляет, — рассеянно возразил приятель. — Меня удивляет "Гарнир Массена". Полюбуйся-ка: "Снять с дроздов филеи, подрезать верхнюю плеву, подсолить, изжарить. Очистить свежие каштаны и, обжарив немного в сливочном масле, залить бульоном, сварить до мягкости; приготовить на двух яйцах лапшу, сварить в соленом кипятке, откинуть на решето. Когда все будет готово, сложить лапшу на растопленное масло в кастрюле, размешать, выложить на блюдо, сверх лап-

ши уложить филеи, а средину наполнить сваренными каштанами..."

— Ей-Богу, — моляще простонал я, — я дроздов не люблю. Другое дело перепелки... И Марья Григорьевна их очень любит. Знаешь, когда она ест своими беленькими зубками...

— Перепелки, говоришь? Изволь! "Гарнир Шомель". Снять филеи с 6 перепелок и, подрезав верхнюю кожицу, сложить на вымазанную маслом глубокую сковородку и обжарить. Выпустить в кастрюлю 10 желтков яиц, развести выкипяченным соком из перепелов, посолить, процедить, разлить в намазанные маслом формочки и сварить на пару. Нафаршировать овальные гренки фаршем из дичи № 17..."

— Постой, постой! А как делается № 17?..

— Сейчас посмотрим...

Было 2 часа ночи.

Луна, освещавшая где-то далеко на тихом взморье Марью Григорьевну и Пузыренко, заглядывала и к нам в окно.

Так как мой приятель устал читать, — его заменил я.

Наклонившись над книгой, читал я внятно и со вкусом: "Артишоки, фаршированные другим манером. Приготовить артишоки, обдать их кипятком, а потом выбрать на салфетку. Приготовить фарш № 27, прибавить шампиньонов, рубленого трюфеля, рубленой зелени, раковых шеек..."

* * *

Смаковали до утра.

Что ни говори, а бедному русскому в Константинополе удается иногда попировать по-царски.

БРИЛЛИАНТ В ТРИ КАРАТА

Недавно я мог разбогатеть. И я с высоко поднятым челом прошел мимо этого богатства, к которому буквально стоило только протянуть руку.

Что меня удержало? Полагаю, исключительно только те принципы, которым еще в детстве научила меня мама, да то кроткое лицо любимой девушки, которое глянуло на меня с небес.

На Пере около Русского посольства в 4 часа дня ко мне подошел бедно одетый человек с открытым лицом и спросил:

— Где банкирская контора Иванова?

— Не знаю, голубчик, — вежливо сказал я, разглядывая витрину книжного магазина.

Тогда он обратился к другому господину, стоявшему подле, — солидному, приветливого вида господину.

— Где банкирская контора Иванова?

— А зачем вам банкирская контора?

— Да вот хочу русский золотой продать.

На лице солидного ясно отпечаталось ненасытное корыстолюбие:

— Сколько хотите? — спросил он, подмигивая мне...

— Пять лир.

— Давайте.

Я пошел вперед, но солидный догнал меня и, очевидно, не смогши сдержать распиравшей его изнутри радости, объявил:

— Видали вы такого дурака? Золотой стоит семь с полтиной, а он за пять отдал.

— А хорошо ли пользоваться неопытностью ближнего? — мягко упрекнул я.

— Ну, вот еще! Дураков учить надо.

В это время человек, так жестоко охарактеризованный солидным, догнал нас и сказал, таинственно озираясь:

— А у меня еще вещички есть... Не купите ли?

Мой новый знакомый заволновался и толкнул меня по-сообщнически локтем: не будет ли, дескать, поживы?

— Только зайдем под ворота.

И тут в полумгле ворот перед нашими очарованными глазами блеснули из бархатной коробочки два великолепных круглых бриллианта...

— Сколько хотите? — истерически заволновался солидный, даже облизнув запекшиеся губы. — Я куплю.

И шепнул мне на ухо:

— Понимаете... Трехкаратники. Чистая вода. Лир по семьсот. Если хотите — уступлю вам.

Мое врожденное благородство не позволило мне воспользоваться таким щедрым предложением.

— О, что вы! Вам первому предложено...

— Ну, хорошо, я триста лир дам за пару! — засуетился солидный... — Только сейчас в контору сбегаю. У меня тут комиссионно-ювелирная контора. Подождите минутку...

Продавец оказался капризным, как избалованная кокетка:

— Ну, вот еще: ждать! Хотите — берите, нет — не надо.

И, замкнувшись в самого себя, побрел вперед.

Мой новый знакомый схватил меня за руку и умоляюще зашептал:

— Не упускайте его из виду! Задержите хоть на пять минут, пока я за деньгами смотаюсь. Двести вам дам за комиссию!.. Идите за ним. Ведь тут на полторы тысячи.

Я догнал продавца и, усмехаясь, сказал:

— А этот субъект здорово разгорелся на ваши бриллианты. Он просит подождать.

— А ну его!.. Не продам я ему, — угрюмо пробормотал таинственный бриллиантщик.

— Почему?

— Не хочу с жидами дело иметь.

— Фи! Стыдитесь! — огорченно заметил я. — При чем тут эта расовая рознь, когда лучшие умы...

— Купите лучше вы. Я вам за сто отдам.

Суетная гордость наполнила мою душу:

— Вот, подумал я. — Значит, есть же во мне что-то до того привлекательное, что даже незнакомый человек под влиянием этого гипнотического обаяния готов отдать сокровище за десятую долю стоимости.

— Увы, голубчик, — вздохнул я. — У меня и всего-то есть пятьдесят лир.

— Ну, давайте.

— Красиво ли это будет, — вскричал я в благородном порыве, — если я воспользуюсь вашей неосведомленностью! Знайте же, о продавец, что тот господин оценил ваши бриллианты в полторы тысячи!.. Он говорит: чистая вода.

— А Бог с ними... Куда я их дену!..

О, бедное непрактичное дитя!

Сердце мое дрогнуло жалостью...

— Ну... пойдем со мной в магазин! У меня есть знакомый ювелир!.. Я попрошу, он вам заплатит не менее тысячи!

— Нет, какие там магазины... Не пойду я... Начнутся расспросы: что да как?

— Послушайте, — прошептал я, и моя честная кровь застыла в не менее честных жилах. — Честным ли способом приобретены эти драгоценности?!

— Ну, что вы, господин! За кого вы меня принимаете...

— О, простите, простите, — бросился я к нему, в раскаянии пожимая его руку. — Я было усомнился, но ведь это так понятно... И, поверьте, если бы у меня было лир восемьсот...

— Берите за пятьдесят одну штуку!..

— О, нет, нет. Это было бы неблагородно по отношению к вам! Ведь я же вижу, что вы можете получить в десять раз больше... Вот зайдем в этот ювелирный магазин, я устрою...

— В этот? Именно в этот? Зайдем.

Перед намеченным нами магазином стоял человек без шапки, очевидно, приказчик, вышедший подышать свежим воздухом.

— Куда вы? — растопырил он руки. — Магазин на полчаса закрыт. Проверка. Приходите через полчаса. А что вы хотели?

Мой спутник доверчиво раскрыл коробочку.

— Ах, какая прелесть! — вскричал приказчик, совершенно ослепленный. — Каратов по пяти! Постойте, куда ж вы?!

Владелец бриллиантов пошел вперед, а человек с наружностью ювелирного приказчика схватил меня за руку и зашептал:

— Ради Бога, не упускайте! Это пятикаратники! Чистая вода! Купите у него, наш магазин даст вам тысячи полторы! Приходите только через полчаса. Не выпускайте!

Богатство сверкало тут же, можно сказать, перед самым моим носом, ослепляло меня, но... имел ли я моральное право пользоваться наивностью доверчивого простака?

— Ну, что?.. Покупаете, что ли? — обратился ко мне этот чудак. (Он видел, что я колебался.)

— Но... у меня только пятьдесят лир!..

— Берите! Все равно, — беззаботно махнул он рукой.

Дрожа от тайной радости, я засунул руку в карман и вынул пятьдесят лир... О, что мне сейчас эти жалкие гроши, когда через час я буду обладателем сотен...

— Вы мне дайте тот, который побольше, — жадно прошептал я.

— Пожалуйста!

Я протянул руку к бриллианту, и вдруг... кроткий образ моей умершей невесты будто заглянул с неба мне в душу. "Прав ли ты, обманывая своего ближнего?" — прозвучал голос с небес.

— О, Мэри, — воскликнул я внутренно. — Простишь ли ты меня? О, Мэри, это была только минута слабости!

Взор мой просветлел... Я спрятал деньги обратно в карман и твердо сказал:

— Нет, друг мой, это было бы преступлением в отношении вас! Такая драгоценная вещь за гроши... о, нет!.. Я дам вам рекомендательное письмо к одному моему богатому приятелю, а для него полторы-две тысячи лир по справедливой оценке ювелира... Куда ж вы?!

Он взглянул на меня непередаваемым взглядом и замешался в толпе.

О, Мэри! Только ради тебя я оттолкнул протянутую руку, полную роскоши, красоты и богатства.

* * *

Ничего не понимаю.

Вчера один знакомый восторженно рассказывал мне о том, что купил по случаю на Пере "четырехкаратник" за 35 лир...

— Это нечто изумительное! — кричал он. — Это перл природы.

Пошли мы оба сбывать перл природы в ювелирный магазин — хозяин предложил за "перл" 15 пиастров.

Как катастрофически падают цены на бриллианты!

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ ГРЕКИ

До русской революции я знал греков так же, как знал болгар, мадьяр, итальянцев...

Мадьяры ходили по дворам, продавая мышеловки, итальянцы продавали коралловые ожерелья и брошки из лавы, болгарин специально демонстрировал по улицам дрессированную обезьяну, а грек исключительно торговал губками. Каждая национальность имела свою профессию, и никакой путаницы не было. Если бы вы каким-нибудь чудом увидели грека с обезьяной, то — одно из двух: или грек был не настоящий, или обезьяна поддельная...

Встречал в России и чехов: их специальность была — преподавание в русских гимназиях латинского и греческого языков...

А грек торговал губками...

В Константинополе я впервые увидел греков, торгующих и не губками, и это сначала производило болезненное впечатление. Впрочем, если и не губками, то грек все равно торговал. За полтора года я не встретил ни одного грека, который был бы художником, музыкантом, инженером или балетным танцором...

Благодаря новой турецкой политике все греки теперь покидают Константинополь... Для вас, читатель, это пустяки — одно из тысячи второстепенных политических течений, а для греков это то же, что разрушение Помпеи.

У них были огромные магазины, рестораны, склады — и со всем этим грек должен расстаться...

Может быть, и сейчас на вас это не произведет никакого впечатления. Велика важность: Бог дал, Бог и взял.

Вы не знаете константинопольского грека... Все они как один скорей пустили бы себе пулю в лоб, чем расстались с благоприобретенным, но браунинг стоит 18 лир, а они и так на бегстве потеряют две трети состояния.

Не говорите мне, что я жесток, — вы не знаете константинопольского грека...

Когда вся Россия эвакуировалась из Крыма в Константинополь, — России помогали все, кроме греков: турки, армяне, французы, англичане и — только один грек сделал, что мог: повысил вдвое цены на сдаваемые русским комнаты...

У всякого народа бывают хорошие, бывают и плохие элементы. У греков нет ни хороших, ни плохих элементов — все, как один, и один, как все. Правда, они даже по-своему любили русских, потому что русский — широкая славянская душа, и его можно обчистить, обмошенничать как угодно...

Я бы еще понял грека, если бы он, "заработав" на русском, спустил потом легко нажитые деньги в каком-нибудь русском же ресторане — не таков грек. Содранную с нищего русского лиру он, озираясь, прячет в кошелек, кошелек в чулок, чулок в шкатулку, шкатулку под паркет, паркет накроет ковром — и тогда сам черт не достанет этих денег...

Греческое искусство. Греческого театра нет. Греческой литературы нет. Музыки нет. Играют только на лире, и то если она турецкая, бумажная...

Греческие журналы страшны по внешности: оберточная бумага замазана красной и синей краской, а приглядишься — рисунок украден из "Ла ви Паризьен" или "Сурир".

Самая популярная греческая песня — "Пускай могила меня накажет" — украдена у русской улицы, национальный греческий танец — фокстрот, и танцуют они его только в железобетонных зданиях, потому что неогречанки, потомки Сафо, Фрины, Аспазии и Билитис, имеют ноги, по объему и весу своему разрушающие обыкновенный паркетный пол.

Наружность грека. Константинопольский грек черен, гречанка толста. У грека лицо летом и зимой покрыто слоем собственного жира, у гречанки весь жир ушел в ноги...

Одевается грек не по сезону, а по календарю: 6 дней в неделю ходит черт знает в чем, а в седьмой (воскресенье), сотворив все дела свои, надевает дорогой костюм с фирмой скончавшегося 12 лет тому назад портного, надевает великолепное пальто, кашне, лакированные ботинки, калоши (если стоит жаркое лето — это неважно), берет зонтик, берет под руку не менее пышно одетую жену и идет гулять по Пере, толкаясь среди тысячи таких же пышных греков.

Иногда им овладевает припадок безумного разгула; тогда он заходит в кафе и требует: стакан кофе с пирожным (для себя), стакан чудесной кристальной воды (для жены).

Надо отдать ему справедливость — если он не с женой, а с любимой девушкой — он тогда может раскутиться: требует для себя не один стакан кофе, а два, так что звезда его очей получает два стакана кристальной воды, что надолго делает ее гордой своим любимым...

* * *

Вот что такое константинопольский грек и вот почему то, что недавно делалось с греками в Константинополе, — это разрушение Помпеи в грандиозном масштабе...

УТОПЛЕННИКИ

По Пере куда-то спешил человек.

Знакомый остановил его и спросил:

— Куда?

— В тюрьму.

— Навещать кого-нибудь?

— Нет.

Он помолчал и добродушно добавил:

— Может быть, кто-нибудь меня навестит.

И тут же между ними произошел такой краткий диалог, что ему позавидовал бы любой спартанец:

— Долги?

— Огромные.

— Предприятие?

— Идиотское.

— Коммерция?

— Антреприза.

— Прогорели?

— Сажусь.

— Кредиторы подсидели?

— И публика.

Будущий арестант сразу заволновался и вышел из рамок лаконичности.

— Вы знаете, что меня погубило? Султанская вода!

— Да что вы говорите? Такой вкусный освежающий безвредный напиток...

— Я захлебнулся, утонул в нем... Можете представить — что такое Константинополь? Это огромный городище в два или три миллиона жителей... А может быть, пять... Черт его знает. Так из трех миллионов могло в мой сад и театр ходить пятьсот человек?

— Могло.

— Ведь это такой пустяк— одна шеститысячная! Понимаете — из шести тысяч человек пусть только один идиот придет — и мне уже будет хорошо. Поняли? Теперь пойдем дальше: могли эти пятьсот оставить в моем саду в среднем по лире?

— Могли. Отчего же, — утешил его собеседник. — Я бы оставил.

— Спасибо. Теперь уже не надо. Мой расчет был такой: из пятисот человек, если 25 будут пить шампанское, ведь это одна двадцатая пятисот, а остальные пусть жрут кофе, пиво и котлеты — и вот я и мои компаньоны уже с прибылью! Уже мы можем заплатить оркестру, артистам и аренду... О-о, проклятый городишко!

— Шампанского меньше выпили?

— Ни бутылки! Первые дни масса столов занята, но всюду — Султанская вода! Моря, океаны Султанской воды... Сидят, слушают огромную программу и дуют эту воду, как верблюды... Выпили 12 бочек, так что в первые три дня я даже мог покрыть этой Султанской водой свои расходы... Но потом эти пятьсот водяных каналий пересмотрели всю программу и потащились в другие сады пить Султанскую воду. На днях прихожу я в свой сад — у столиков стоят до сорока кельнерш, перед сценой гремит оркестр из 15 человек, на сцене мечутся первые персонажи, хор и балет — 42 человека и... кто же всю эту стоголовую армию должен оплатить? Сидят перед сценой 4 грека и, покусывая зубочистки, пьют Султанскую

воду... И сделалось мне жутко... Представился мне Константинополь огромной ямой, где сотни тысяч человек попрятались по углам, насвистывают сами себе, вместо программы, "Мон-Омме" и дуют целыми цистернами Султанскую воду. А в пустом саду перед четырьмя эллинскими аристократами мечутся за две бутылки Султанской воды хор, балет, лучшие артисты — все это одетое, загримированное, срепетованное... Хватился я за голову, да и крикнул компаньонам: "Лопнули!" В корабле пробоина, и в пробоину вливается Султанская вода... (Он помолчал.) Теперь, слава Богу, хоть посижу в сухом месте. Впрочем, что это я все о себе да о себе... Расскажите, что вы поделываете?

— А как же! Я теперь в больших хлопотах. С одним денежным человеком в компании сад и театр открываем. Расчет у нас, извольте видеть, такой...

ДЕЛА

На далеких кофейных плантациях под лучами жгучего беспощадного солнца тысячи полуобнаженных людей работают, добывая миллиарды зерен кофе.

Потом этот кофе грузится на корабли.

Корабли бороздят неизмеримые пространства морей и океанов.

Потом в Константинополе тюки кофе выгружаются.

Потом его мелют.

Потом жарят.

Потом приносят в кафе.

Варят, подают посетителям, которые делают дела только за чашкой кофе.

Потом из этих дел ни черта не выходит.

И прямо-таки больно мне: стоит ли тысячам полуобнаженных людей жариться под раскаленным солнцем, пароходам — плыть, рабочим — выгружать, кому-то молоть, жарить, варить, чтобы в результате ни из одного дела, решенного за чашкой кофе, — ничего не вышло.

* * *

Вот те нижеследующие элементы, из которых слагается каждое константинопольское дело: одному человеку приходит в голову деловая мысль; он сообщает ее посреднику; при этом в кафе пьют кофе; очарованный деловой мыслью посредник мчится к капиталисту; пьют кофе; капиталист тоже приходит в восторг от замечательной деловой идеи. Сходятся, наконец, все трое, дуя кофе изо всех чашек, которые только видны в окрестности. Торжественные клятвы положить все дни своей оставшейся жизни, все соки своего ума — на проведение замечательного дела. Расходятся.

Через три дня.

Капиталист (посреднику):

— Видите ли... Я, к сожалению, не могу внести деньги на это дело, потому что аргентинская шерсть упала по сравнению с бразильским зерном. Понимаете?

Посредник:

— Я вас понимаю. (Он ничего не понимает.) Мне самому, впрочем, сейчас не до этого дела: устраиваю метрополитен под Босфором!

Посредник (встречается с автором идеи):

— А знаете, что наш капиталистишка закинулся?

— Я чувствовал это с самого начала.

— У меня, впрочем, есть другой на примете. Если хотите...

— Нет, спасибо. Я уже без вас нашел кое-что, очень подходящее...

— Да? Ну, и слава Богу. Я бы все равно не мог заняться этим делом. Открываю воздушный ресторан на привязном шаре. Чудная мысль! Вот только бы капиталиста найти.

— Гм! Капиталиста? — призадумывается автор предыдущей идеи. — У меня, кажется, есть для вас кое-что подходящее.

И, о чудо! Прежнее дело безболезненно и легко забыто, инициатор предыдущего дела превратился в посредника настоящего дела, а посредник предыдущего, наоборот, — в инициатора.

Капиталист отыскивается моментально!

И снова: на кофейных плантациях кипит работа, собирают, грузят, везут, выгружают, жарят, мелют, варят — для чего? Только для того, чтобы три деловых человека поговорили, выработали проект договора, поклялись бодро идти нога в ногу по избранному деловому пути до конца своей жизни — и разошлись в разные стороны, не моргнув бровью.

* * *

Никогда не предлагайте константинопольцу верных дел — они не для него.

От дела, могущего принести 50 процентов пользы, он брезгливо отвернется.

Но в воздушный ресторан на привязном шаре он ринется с головой, с руками и ногами; но на оригинальный симфонический оркестр, составленный исключительно из гермафродитов, он убухает все денежки...

Никогда не пытайтесь убедить его минимальными цифрами затрат; Боже вас сохрани прельщать его скромной, дешевой сметой расходов.

Звоните, бухайте, сверкайте, дерите — тогда он, завороженный, как кролик змеиной головой, — сам бросится вам в пасть.

— Помилуйте, наша прачечная, которую я предлагаю вам открыть, будет лучшая в городе! Десять паровых машин по сорок атмосфер, двести восемьдесят прачек, 102 гладильщицы — все красавицы, как на подбор! Конечно, свой мыльный завод и небольшой участочек для посева картофеля — собственный крахмал будем делать. Восемь грузовичков будут развозить белье по всей периферии города, электрическая станция, тройная испанская бухгалтерия!!

Дзинь, бум, трах-та-ра-рах!

* * *

Перед своим отъездом в Чехословакию я подвел и погубил целую массу константинопольских деловых людей. Простодушный, но крепкий, как медная ступка, я получил заманчивое предложение от одного капиталиста открыть в Берлине прекрасное предприятие.

Я еще не выпил и дюжины чашек кофе, как работа у меня закипела: я привлек других капиталистов, снял с места служилых людей, организовал, устроил, но... все были мной погублены, кроме первого капиталиста; он по-прежнему безмятежно пьет свой кофе, а они:

1. Отказались от места.
2. Продали свои громоздкие вещи.
3. Перевели свои деньги на германские марки.

Они именно сделали это потому, что я крепкий и устойчивый, как медная ступка. Такой человек не подведет.

Не будь меня, они бы мирно сошлись, мирно поглотили два-три литра кофе и мирно разошлись по своим делам.

Но... нельзя упаковывать медную ступку в один ящик с хрупким богемским хрусталем; своей солидностью я их передавил, стер в порошок: места они потеряли, марки их упали, проданные вещи они прожили — в живых остались только медная ступка да первый капиталист, который — скажи я ему, какая призошла из-за него суматоха, — только широко открыл бы глаза: вольно им, дуракам, было верить.

— Да ведь, позвольте! Сколько кофе было выпито, клялись идти об руку и, как говорилось в древности, — "на том крест целовали"!

— Что поделаешь — кофейное дело!

* * *

Экие канальи — эти полуголые негры на кофейных плантациях: сколько они хорошего народу подводят!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Снова перечитал я свои "Записки Простодушного" и, сидя сейчас за письменным столом, призадумался...

Точно ли я теперь такой "Простодушный", каким был тогда, когда, ясным ликующим взором оглядывая пеструю Галату, высаживался на константинопольский берег в полной уверенности, что ожесточенная борьба хамалов из-за моих вещей — результат радости при встрече восточных поклонников с русским писателем. Точно ли я таков теперь, каким был тогда?..

О, нет. Гляжу я искоса в зеркало, висящее в простенке, — и нет больше простодушия в выражении лица моего...

Как будто появилось что-то себе на уме, что-то хитрое, что-то как будто даже жестокое.

А может быть, эти резкие складки около губ — результат дорого приобретенной мудрости?

Во всяком случае — умер Простодушный...

Доконал Константинополь русского Простодушного.

Целый ряд лет еще промелькнет перед нами... Но все эти годы уже будут обвеяны мудростью, хитростью и, может быть, — жестокостью.

Выковали из нас — благодушных, мягких, ласковых дураков — прочное железное изделие.

. . . . . .

ЧЕХО-СЛОВАКИЯ

ПРАГА

Недавно я прогуливался в сопровождении своего импресарио по улицам Праги, погруженный в тихое умиление.

— О, прекрасная старуха, милая сердцу каждого художника, — думал я, — сколько веков копила ты свои каменные сокровища и как ты ревниво бережешь их, подобно скупому рыцарю...

— Очень недурной городишко, — прозаично перебил мои грезы импресарио — этот человек с книжкой театральных билетов вместо сердца и с идеалами, заключающимися в красиво отпечатанной афише.

— По отношению к Праге вы могли бы выражаться почтительнее, — сурово заметил я.

— Я восхищен Прагой. Чего ж вам еще нужно...

Я просветлел.

— А-а, понимаю. Вам нравятся эти живописные серые дремлющие дома, многовековый сон которых...

— При чем тут дома... Я восхищен тем, что здесь нет этой идиотской манеры — заклеивать чужие афиши.

— Черт знает о чем вы говорите! Какие афиши?!

— Обыкновенные, театральные. Я знал города, где только что наклеишь афишу, как другой импресарио уже бежит и наклеивает на вашу афишу свою.

— Глупости вы говорите.

— Нет-с, не глупости. Да вот вам наугад одна из многочисленных историй. Приехали в один город два гастролера и выпустили их импресарио афиши. Вышел один импресарио погулять, полюбоваться на раеклеенные афиши — глядь, — а они уже сплошь заклеены его конкурентом... Побежал он домой, взял новые и пошел заклеивать афиши конкурента собственноручно. Только что кончил, видит, идет конкурент с пачкой афиш под мышкой и с ведром клею. Ходит и заклеивает только что наклеенные афиши. Побежал первый домой за свежими афишами и — давай восстанавливать свои нарушенные права. Около одного пункта оба сошлись. Стоят молча друг около друга и клеят. Один наклеивает, другой искоса взглянет на него, да на свеженькую афишу свою и прилепит. Полчаса они так клеили одна на другую — прямо слоеный пирог на стене получился!

— Чем же кончилось? — спросил я, не на шутку заинтересованный.

— У первого афиши раньше кончились. Посмотрел он на свои пустые руки, вздохнул, снял пиджак, мазнул по нему кистью и залепил пиджаком афишу конкурента. Обиделся тот за такое нарушение театральной этики да хвать беспиджачного кистью по голове...

— Убил?!

— Не особенно. Тот два месяца в больнице пролежал, а этот два месяца в тюрьме просидел. Сенсационнейший процесс был, но в результате оба по хорошему сбору сорвали. Знаете, я запишу, чтоб не забыть.

— Что запишете?

— Что в Праге такое хорошее правило — афиши не заклеивать. Приеду в Россию — у себя введу.

— Мне здесь другое нравится, — задумчиво сказал я. — Очень любят здесь старину и сохраняют ее. Есть дома, которые по пятьсот лет стоят, и их любовно берегут. А у нас в России на старину смотрят, как на рухлядь. Вернусь в Россию — буду пропагандировать сохранение старины. Запишите, чтобы не забыть.

— Запишу. А потом тут хорошая манера: при пивных заводах есть такие садики — дают только пиво на стол, а сосиски и ветчину посетители с собой в бумажке приносят. У нас в России хозяин пивной за это огромный скандал закатил бы. Да и посетитель считал бы моветоном и верхом мещанства — прийти в ресторан со своими продуктами. А ведь — очень удобно. Запишу в книжку, чтоб не забыть, и потом в России введу.

— А мне вот тоже нравится, что город просыпается с зарей и в шесть часов утра уже работа в полном ходу. Записать, а?..

— Запишите.

— А соколов видели? Какие молодцы! Тренированные, бодрые. Всегда с музыкой, и публика их приветствует криками и аплодисментами. А наша русская молодежь... Я запишу, а?

— Запишите. Кстати, вот трамвай идет. Ну-ка, кто ловчее вскочит на ходу...

Я употребил ловкий, чисто сокольский прием и, как птица, взлетел на подножку трамвая. Импресарио — за мной.

Но... тут случилось что-то непонятное... кто-то крикнул, кто-то свистнул, трамвай остановился, и молодцеватый полицейский вежливо отнесся ко мне:

— С вас четыре кроны.

— Так я их кондуктору уплачу, — бодро возразил я.

— Нет, мне. Штраф. Нельзя вскакивать на ходу.
— А у нас в России...
— Вот вы в России и скачите.
Дальше мы пошли пешком.
— Записать? — спросил притихший импресарио.
— Насчет чего?..
— А вот насчет скакания. Когда в Россию вернемся, чтоб ввести.
— Гм... запишите, пожалуй, только помельче... А вот на углу русские газеты. Купите. Интересно, как поживает Ленин.
Мы развернули газеты и уткнулись в них носом с таким интересом, будто о болезни родного отца читали.
— Жив еще!
— Жив, но уже, как говорится, ни папа, ни мама не скажет.
Сзади кто-то деликатно тронул меня за плечо.
Я оглянулся.
— Пожалуйте четыре кроны штрафа, — сказал полицейский.
— За что?!
— На улице читать запрещено.
— Да я и не читал.
— А что ж вы делали?
— Жарко, я хотел лицо утереть газетой. Знаете, при нашем беженском положении, когда нет носовых платков...
— Утираться газетой, на которой свежая краска! Тогда я вас оштрафую за нечистоплотность.
Я разозлился.
— Попробуйте! У меня родной дядя — Масарик.
— Не завидую ему, что он имеет таких родственников.
— Ну и насчет полиции ему тоже не повезло.
— Объяснитесь.
— Послушайте, вы меня лучше не задерживайте. Я спешу на завтрак к Бенешу и, если опоздаю...
— Ничего. Вы ему покажете квитанцию в уплате штрафа...
— Это вот такая квитанция? Могу я прочесть, что вы в ней написали?
— Можете!
Я ехидно улыбнулся:
— Да как же я могу читать ее, когда вы сами говорите, что на улице читать запрещено.
Крупные капли пота выступили на честном полицейском лбу.

— Тогда пожалуйте за мной в участок — там в закрытом помещении и прочтете.
— Не беспокойтесь. Нате ваши четыре кроны. Кланяйтесь вашему начальнику полиции и скажите, что между нами все кончено...
Мне недавно говорили, что пражская полиция отличается гениальным искусством открывать преступления и находить преступников. Мне говорили, что за все время существования полиции только одно преступление осталось не открытым и не наказанным.
Теперь прибавилось еще другое преступление — не открытое и не наказанное: когда мы зашли за угол, я все-таки, озираясь по сторонам, дочитал газету на улице.
Омраченный импресарио спросил меня:
— Это записать? Насчет чтения на улице?
— Не надо, — угрюмо сказал я. — Незачем портить записную книжку.
P. S. Если орган, в котором будет напечатан этот фельетон, опубликует мое второе преступление с газетой и полиция явится ко мне за штрафом — я запишу этот штраф на счет редакции. Записать?

ЧЕХИ

Нет на свете человека деликатнее и воспитаннее чеха...
Он ласков. Он заботлив. Он внимателен. Невозмутим. Всегда прекрасное расположение духа. Исключительно любит нас, русских.
Я никогда не видел, чтобы чех в обществе вышел из себя. А для меня нет ничего приятнее, как взвалить на свои плечи самую трудную задачу в мире... Поэтому я решил вывести чеха из себя...

* * *

Трое чехов и я — мы сидели в углу ресторана и дружелюбно попивали пиво.
Я подстерег паузу, обвел компанию хитрыми глазами и неожиданно сказал:
— Мне ваше правительство не нравится.
Будь я на месте чеха — я бы съязвил:
— Зато у вас, у русских, хорошее правительство!
Вместо этого чех кротко возразил:

— Видите ли, у нас правительство еще молодое. В будущем оно сделается старше, опытнее и, вероятно, не будет делать тех ошибок, которые вы имеете в виду.

— И Прага мне ваша не нравится, — сказал я, втайне приготовив руку для защиты на случай удара по голове со стороны соседа.

— А мне кажется — город красивый, — деликатно возразил мой сосед.

— Что толку, что красивый! Трубочист! Если трубочист, покрытый сажей, будет Аполлоном Бельведерским — все равно сквозь слой сажи красоты не видно.

— Прага — старый город.

— И напрасно. Надо бы помоложе. И потом, господа! Как вам не стыдно? Как можно на спящего человека наваливать 5 пудов?!

— Кто на вас навалил 5 пудов?! — испугался мой сосед с другой стороны.

— Помилуйте! А перины, которыми вы накрываетесь?! Внизу перина, сверху перина; получается огромный пирог, в котором тоненькая прослойка фарша, — полураздавленный плоский человек. Мне всегда снится, что на меня обрушился глетчер и засыпал меня миллионом пудов снегу!.. Это не постель, а обвал в горах! Утром горничная долго должна искать маленькое сморщенное задохшееся существо, чтобы с помощью массажа и искусственного дыхания пробудить его к жизни!..

— Зимой под периной теплее, — робко возразил чех. — Впрочем, действительно, с непривычки, может быть, неприятно...

— Неприятно!.. Это даже неэстетично!! Вообразите молодую, хорошо сложенную женщину под этой горой! Каковы получаются у нее контуры? А? А как у вас подают водку в ресторане? Вы видели хоть одного кельнера, который, несмотря на все ваши мольбы, подал бы вам водку перед обедом?! Он всегда норовит притащить водку к сладкому!! Это разве порядок?!

— Это, вероятно, потому, что наш национальный напиток — пиво...

Я кричал, жестикулировал, выдумывал самые тяжелые вещи — чехи были неизменно вежливы, кротки и безмятежны. Я головой бился об эту каменную стену деликатности, я охрип и, наконец, не найдя больше других недостатков, ворчливо сказал:

— И потом мне совершенно не нравятся ваши...

Я боюсь даже написать произнесенное мною слово, потому что — едва это слово прозвучало — с моими компаньонами произошла разительная, волшебная перемена... Лица их налились кровью, глаза засверкали негодованием, и мужественные кулаки, как молоты, застучали по безвинному столу:

— Вы у нас в Чехии гость! — загремели голоса. — И поэтому невежливо говорить в Чехии такие вещи! Если вам не нравится — уезжайте к себе в Россию!

Господи! За что они так на меня напали? Ведь я только сказал, что мне не нравится такая простая вещь, как...

Нет... страшно. Лучше я напишу это слово завтра.

КНЕДЛИКИ

"Кнедлики"!!!!!

Вот то слово, которое привело в возмущение и ярость моих друзей-чехов...

— Позвольте, господа, — оправдывался я. — Ну, что в них хорошего? Что такое — кнедлики?! Это вареный, тяжелый, как свинец, хлеб, который кирпичом ложится в желудке. Ведь если я буду есть кнедлики каждый день — у меня в желудке будет кирпичный дом!

— У вас не в желудке кирпич, — кричал мой сосед по столу, — а в сердце у вас кирпич! Да ели ли вы когда-нибудь настоящие кнедлики?!

А другой чех — самый деликатный — сказал:

— Я и забыл, что мне нужно домой...

— Позвольте! — забеспокоился я. — Вы же говорили, что у вас свободный вечер...

— Да, но я не думал, что он так печально кончится.

— Пойду и я, — встал другой.

— И я!!

Я остался в грустном одиночестве...

— Ничего не поделаешь — придется обедать одному. Кельнер, дайте обед!

На первое мне дали суп с кнедликом; на второе — "вепшово печенье" с кнедликом; на десерт — кнедлик с яблоком внутри. Смотрел я на эти три невинные штучки, лежащие передо мною нетронутыми, и думал:

— Неужели такой пустяк может повести к международным осложнениям и к разрыву дипломатических сношений?..

* * *

Забыл сказать: потребованную мною к предобеденной закуске водку кельнер подал вместе с кофе...

Побрел я грустно домой, разделся и подполз под перину... Может быть, здесь людская ненависть не отыщет меня!

КАК ДОБЫТЬ СЕБЕ В ПРАГЕ КОМНАТУ

Все живущие в Праге хорошо знают, как трудно добыть в этом прекрасном городе даже непрекрасную комнату...

Бесквартирные квартиранты бьются и разбиваются о занятые уже квартиры, как слабая волна о несокрушимый каменный утес.

Любя своих читателей по-христиански, — я хочу дать им очень полезный совет:

"Как добыть себе комнату"!

* * *

Наметив себе владельца уютной комнатки, очень ревнивого и имеющего хорошенькую жену, вы садитесь за стол и пишете жене и мужу два совершенно различных письма...

Первое:

"Мадам! Ваш муж вам изменяет. Если хотите убедиться — идите завтра в 8 часов вечера в гостиницу "Гранд-Отель" и постучите в 42 номер. Ничего не подозревая, он откроет вам, вы ворветесь и застанете его с вашей соперницей. Письмо это сожгите. Захватите на всякий случай револьвер... Ваш доброжелатель".

И второе:

"Послушайте вы, рогатый муж! Ваша жена вам изменяет. Если хотите убедиться, идите завтра в 8 часов вечера в "Гранд-Отель". Там, в 42 номере живет тот, который надсмеялся над вашим семейным очагом. P. S. Захватите револьвер. Письмо сожгите. Ваш доброжел.".

Можете для верности написать и третье письмо кроткому, ничего не подозревающему жильцу № 42 "Гранд-Отеля":

— "М. Г. Я знаю, вы живете в "Гранд-Отеле", № 42. Завтра в 8 час. вечера на ваш номер будет сделано

преступное нападение с целью грабежа. Когда к вам ворвутся — стреляйте! Ваш доброжелатель".

Послав все три письма, ждите кротко результатов...

Что-нибудь, да выйдет: или муж ухлопает жену, или жена — мужа, или муж — безвинного жильца № 42, или жилец — мужа...

Одним словом, будет кровавая неразбериха, которая вам на руку... В том или другом случае — кто-нибудь попадет в тюрьму, кто-нибудь на кладбище...

Тут-то вы не зевайте. Занимайте освободившуюся комнату, пока из-под носу не выхватили.

Не смущайтесь, если призраки загубленного вами мужа или жены будут являться вам.

Днем они не являются, а ночью — пусть себе ходят.

Походят, походят, да и отстанут.

МОЙ УЧЕНИК

Результаты моего вчерашнего совета "Как найти себе в Праге комнату" — сказались очень быстро. Даже — молниеносно!

Он вошел ко мне, не постучавшись, и первыми его словами были:

— Чтоб они провалились, ваши адовы, анафемские фельетоны!!!

— Сами вы провалитесь, — застенчиво сказал я.

— Чтоб она лопнула, газетенка ваша несчастная!! Будь они прокляты, все номера "Прагер Прессе", от первого до последнего!!

Я одобрительно потрепал его по плечу венским стулом, но он угрюмо уклонился от этой ласки и, стукнув кулаком по столу, сказал:

— Ищите мне комнату!

— Камера в городской тюрьме вам подойдет? — заботливо осведомился я.

— Скажите, вы зачем учите читателей разным гадостям?

— Ничего подобного! Я сею разумное, доброе, вечное.

— Пусть его вместе с вами в могилу положат, это вечное! Не откажитесь же вы от того, что напечатали вчера совет: "Как получить себе в Праге комнату"...

— Надеюсь, вы ее получили?

— Получил?.. (он горько засмеялся). Так слушайте ж!

* * *

Я приехал в Прагу 3 недели тому назад. Конечно, о комнате или о номере в гостинице нечего было и думать!

Ну... устроился я пока у одного знакомого гостеприимного чеха-мануфактурщика под прилавком. Снаружи стенка прилавка была не до полу, и поэтому я, отдыхая после обеда, мог свободно изучать обувь всех покупателей...

Лежу я однажды днем, читаю книжку. Вошел один покупатель, купил что-то, а когда расплачивался — уронил бумажник. Нагнулся, глянул под прилавок — и узнали мы друг друга. Мой старый приятель!

— Что ты тут делаешь? — изумленно спросил он.

— Читаю при свечке Альфонса Доде.

— Под прилавком?!!

— Ну да. На прилавке — это было бы неудобно и для хозяина, и для покупателей. Одним словом: у меня нет комнаты!..

Он вытащил меня из-под прилавка, обнял, расцеловал, очистил от пыли и сказал:

— Я никогда не допущу, чтобы мои друзья валялись, как гнилая бумазея, под прилавками. Иди жить ко мне! У меня всего одна комната, но мы как-нибудь поместимся.

Представьте себе, что эта его комната мне очень понравилась: уютная, светлая... Но в ней был огромный недостаток: мой приятель. Одному мне она приходилась бы как раз по душе, а он был лишний.

Приятель угостил меня, напоил винцом и рассказал о себе. Рассказал, что он влюблен, что его избранница замужем, что они встречаются у нее, когда муж уходит на дежурство, — одним словом, выложил всю подноготную...

И как раз на другой день — только что я утром продираю глаза, натыкаюсь на ваш фельетон в газете — "Совет, как найти себе в Праге комнату".

Прочитал я, обрадовался — прекрасный верный способ, тем более что и комната была у меня на примете: та самая, где я жил.

И вот, когда приятель ушел на свидание к своей милой, я сел и тут же настряпал письмо ее мужу — по вашему же рецепту: "Ну, и фрукт же вы, господин рогоносец! Ха-ха. Пока вы дежурите на службе — у вашей

жены дежурит возлюбленный! Бегите скорей домой, захватите револьвер и застрелите его, нечего там стесняться. Она же не виновата, это он ее соблазнил, я знаю! Ваш доброжелатель".

Написав, занес это письмецо мужу на дежурство, вернулся домой и стал ждать.

И вдруг раскрывается дверь...

Я вскочил и, с бешенством тряся его за плечи, вскричал:

— Раскрывается дверь?!! Так? Говори, каналья, — так?.. И вносят бездыханный труп вашего друга?!!

— Будьте вы прокляты с вашими "советами"!! Ничего подобного! Раскрывается дверь, и входит мой приятель — живой и здоровый — под руку с какой-то дамой...

"Прости, — говорит, — Володя (это я Володя), — я, — говорит, — знаю, что поступаю не по-товарищески, но, понимаешь, какое вышло дело: кто-то донес мужу, он нас застал и, узнав обо всем, дал ей полную свободу! Теперь она будет жить у меня, а ты... Ты сам понимаешь, втроем жить неудобно... Так что — иди опять под прилавок".

— Ну-с?!

Он замолчал, злобно поглядывая на меня.

— Чего ж вы от меня хотите?

— Я вас спрашиваю: куда вы меня денете, раз вы во всем виноваты?

— Куда я вас дену?

Я дружески взял его сзади за воротник, любовно повернул, приветливо распахнул дверь, заботливо сбросил его с лестницы, и пока он катился, мелодично спускаясь головой по ступенькам, я задумчиво шептал:

— Однако какая страшная могучая сила — печать — в умелых руках!

САМЫЙ СТРАШНЫЙ ПРИТОН ПРАГИ

Я спросил одного приятеля-чеха — большого знатока пражской жизни:

— Скажите, а есть у вас в Праге какие-нибудь притоны?..

— Что вы называете "притоном"? — осторожно осведомился он.

Ну, понимаете... Какой-нибудь страшный зловещий притон, где собираются воры, убийцы, грабители и их

дамы — падшие женщины, обольщающие посетителя и подводящие его под нож своего друга... Есть такие места в Праге?

— Да вам зачем, господи Иисусе?!

— Люблю сильные ощущения... Я шатался в Париже, в Риме, Константинополе по таким трущобам, где рука всегда должна быть в кармане, а палец на курке браунинга.

— Да... Есть такие места и в Праге, — с некоторой даже гордостью промолвил чех. — Я знаю один такой притон, что — когда я туда попал — у меня кровь заледенела в жилах...

— Ради Бога, адрес!..

— Ну, что вам за охота рисковать?!

— Ах, вы не понимаете, какая прелесть в риске! Как туда попасть?

— Гм! Ей-Богу, не советую. А впрочем, как хотите! Вот вам адрес...

* * *

С замирающим сердцем брел я по узкой темной улице, еле освещенной редкими фонарями... Грязный двухэтажный дом... В завешенных окнах видны какие-то странные силуэты... До меня донеслись звуки резкой странной музыки и чей-то хриплый смех...

Поколебавшись несколько секунд, я толкнул дверь и вошел.

Душный, дымный, спертый воздух, и в этом тумане кружатся в причудливом "шимми" две зловещие подозрительные пары.

При моем входе обе пары приостановились и сказали:

— Мфутета!

— Поклона!

Я в первый раз в жизни видел таких приветливых убийц, таких простодушных грабительских дам.

"Эге, — подумал я, — усыпляют мою подозрительность! А потом опоят чем-нибудь и зарежут. Ну, что ж — поборемся".

Я уселся за большой стол рядом с сосущим трубку старичком самого зловещего, подозрительного вида — и постучал:

— Дайте мне ликеру!

Зловещий старикашка, видя, что ко мне никто не подходит, — засуетился:

— Пан верхник! Этот господин желает ликеру. Что ж вы его заставляете ждать?!

"Э, — подумал я, — мягко стелешь, да жестко спать будет".

И вызывающе добавил:

— Только у меня с собой тысячекроновая бумажка! Можете потом разменять?

Дьявольская выдержка у этих чешских убийц и грабителей! Парижские или константинопольские при виде такой депозитки сразу бы перерезали горло ее обладателю, а эти — даже глазом не моргнули.

— Не беспокойтесь, пан. Как-нибудь разменяем.

— Вы русский? — хитро спросил меня ужасный старик, хрипя своей огромной кривой трубкой...

— Да-с, русский! Может быть, это вам не нравится?!

— Нет, я люблю русских. Только я удивляюсь, как это русские могут носить при себе такие большие деньги! Ведь потерять можно.

— Да, — ехидно усмехнулся я. — Или какой-нибудь молодец полоснет ножом по горлу и отнимет.

Очевидно я разгадал страшного старика, потому что он испуганно от меня отодвинулся.

Подошла подруга одного из убийц и, сев рядом, спросила старичка:

— Нет ли у вас папиросы?

— Извольте! — засуетился я с самым залихватским видом. — Может быть, и вина хотите? Ликеру?

Тут же решил поддразнить ее апаша и, если можно, — вывести его из себя.

— Можно вас поцеловать в щечку?

— Если это вам доставит удовольствие — пожалуйста, — засмеялась она. ("Боже, какое несчастное создание... Ну, что она знает, что она читала? Бедный кусок дикого мяса!..")

— Вы русский? — спросила она, прихлебывая ликер.

— Да, милашка, русский! И есть деньжата — ха-ха-ха!

— Я читала русских писателей. Вы знаете Чирикова?

— Неужели читали Чирикова?

— Я его много читала. И Куприна читала, и Аверченко...

"А, чтоб ты лопнула", — подумал я.

Мне сделалось душно.

— Кельнер! Счет. Я ухожу.

Один из убийц принес счет. Другой — взламыватель касс — стал менять мою тысячу крон.

"Сейчас будут резать".

Дьявольская выдержка — никто даже не пошевелился.

"Крон на двести обсчитает", — явилось у меня слабое утешение.

С легкой досадой в душе я встал, причем молодой подкалыватель вежливо поднял мою упавшую шляпу.

— Мфутета, — сказал ростовщический старик.

— Поклона! Служебник! Доброй ночи, — попрощались со мной из угла двое (наверное, конокрады!).

* * *

Я вышел на темную глухую улицу. Прошел квартал. Вдруг — услышал сзади себя топот чьих-то догоняющих меня ног. Оглянулся: так и есть! Молодой убийца, подругу которого я неосторожно поцеловал, догонял меня.

"Гм... Вот оно! Начинается!"

Я прижался к стене и приготовился к защите.

— Извините, милостивый пан, — сказало это отребье человечества, запыхавшись. — Вы, когда получали сдачу, уронили около стула пятидесятикроновую бумажку... Вот — извольте!

Схватившись за голову, я отшвырнул деньги, глухо застонал и побежал прочь от недоумевающего "отребья человечества".

* * *

Вот что такое — "самый страшный притон Праги"!

Для такого большого благоустроенного города — это даже неприлично.

* * *

Родители! Если в кинематографе идет какая-нибудь очень пикантная фильма — можете послать ваших детей-подростков в этот притон.

Там — приличнее.

РУССКИЙ БЕЖЕНЕЦ В ПРАГЕ

Всякому, даже не учившемуся в семинарии, известно, что, если человека, долго голодавшего или томившегося жаждой, сразу накормить до отвала или напоить до

отказа — плохо кончит такой человек: выпучит глаза и, схватившись исхудалыми руками за раздутый живот, тихо отойдет в тот мир, где нет ни голодных, ни сытых.

История, случившаяся с гражданином советской республики Андрюшей Перескокиным, вполне удовлетворительно иллюстрирует это вышеприведенное бесспорное положение.

Всякому, даже не учившемуся в семинарии, известно, что долго голодавшего или жаждавшего человека надлежит откармливать или отпаивать постепенно: кусочек хлебца или мяса, глоточек воды, через час опять кусочек хлебца, глоточек воды. И эти порции усиливать только постепенно и с крайней осторожностью.

Будь моя власть, я бы на всех границах, через которые переваливают беглые советские граждане, стремясь в Белград, в Прагу и прочие места, — я бы на всех таких границах понастроил этакие предбанники, нечто вроде карантина, где беглецы подготовлялись бы к предстоящей сытой, безопасной жизни — постепенно, исподволь.

Скажем так: голодный, жаждущий, носящий на своем бренном теле шрамы от красноармейских штыков советский федеративный бедняга с разбегу перелетел границу и ввалился прямо в мои объятия.

Такого беднягу надлежит прежде всего схватить за шиворот и дать два-три тумака, чтобы переход от советской жизни к обыкновенной был не так резок.

Для этой же цели надлежит потом стащить беглеца в особую казарму и там дать ему кусок белого, но черствого хлеба, сдобрив его стаканом черного, но слегка прокисшего пива.

Ешь, собака! Пей, каналья!

Ночью рекомендуется разбудить спящего скитальца, произвести у него легкий пятиминутный обыск и ткнуть слегка штыком или прикладом в бок.

На следующий день федеративный беглец перевозится уже в более удобное помещение. Хлеб ему дается менее черствый, пиво прокисшее чуть-чуть, а вместо тычка штыком — пара снисходительных оплеух.

Когда вы заметите, что у беглеца уже появилась краска в лице и взор сделался более спокойным, а манеры самостоятельнее, рискните к мягкому белому хлебу прибавить немного жареного мяса, копченую кефаль и кусочек вареного поросенка. К этому: стаканчик казенной водки и полбутылки вкусного, свежего, пражского пива. Вместо побоев — легкий щипок или щелчок по голове,

нечто среднее между болевым ощущением и игривой лаской.

На следующий день накормите беглеца супом, судаком, гусем и пирожными и, потрепав по плечу, можете уже выпустить его на свободу: вы приготовили его достаточным образом к восприятию прелестей спокойной, нормальной, сытой жизни.

Вот как нужно было делать.

А у нас — в Константинополе, Белграде, Праге — это дело поставлено чрезвычайно плохо... (Я говорю "у нас", потому что я теперь чувствую себя всюду у себя — Прага ли, Лондон или Мельбурн — это все мои летние виллы, в которых я спасаюсь от советской духоты...) Так вот, я и говорю — у нас дело поставлено из рук вон плохо: перескочил человек границу, почувствовал приволье и свободу, съел 10 фунтов белого хлеба, уписáл поросенка и...

Впрочем, тут вполне уместно вернуться к описанию трагической истории, случившейся с Андрюшей Перескокиным...

* * *

— Андрюша, голубчик! Ты! Не чаял и видеть тебя в живых! Давно из Совдепии?

— Только сегодня, родной. Пешком в Прагу добрел, не успел еще очухаться... Фу-фу!..

— Что это у тебя в руках за свертки?

— Поросенок и бечевка для упаковки — 20 фунтов...

— Зачем это тебе?

— Замечательно дешево. Купил на всякий случай. У нас ведь в Москве бечевок совсем нет. А о поросятах даже забыли, какой он и есть. А тут за 80 крон...

— Да зачем тебе сырой? Ты бы лучше жареного купил.

— Чудак, да разве сейчас можно разбирать. Увидел: несет баба поросенка, и купил. А то еще перехватят. Угля купил два пуда. В гостинице оставил.

— А уголь тебе зачем?

— Вот оригинал! Да ведь совсем даром! А поищи-ка у нас в Москве! Эй, мальчик, что несешь? Газеты? Это не советские? Ну, дай тогда десять штук. Что, одинаковые? Это, брат, неважно, зато правду всю узнаю. Все десять и прочту. Голубчик! Обойдем, пожалуйста, этот перекресток — тут нечто вроде милиционера стоит.

— Да тебе его чего ж бояться?

— А вдруг прикладом по спине треснет?

— С ума ты сошел? За что? У нас тут полиция вежливая.

— Толкуй! Эй, баба, постой! Что это, хлеб? Белый? Сколько хочешь за всю корзину? Тридцать крон? О, Боже! Почти пуд... Давай, м....., давай, драгоценная.

— Послушай... Ты этого хлеба в неделю не съешь.

Но он не слушал меня. Глаза его помутнели, а руки судорожно уцепились за корзинку.

Я махнул рукой и отошел от него.

— Эй, куда ты! Стой! Можно будет у тебя сегодня переночевать?

— Да ведь ты говорил, что имеешь номер в гостинице.

— А вдруг ночью обыск? А я как назло нынче в разговоре с извозчиком осуждал советский федеративный строй... Кстати... автомобили здесь дешевы? Что ты говоришь?! Тридцать крон?! А у нас 7 миллионов за конец! Вези... Вези меня, милый!..

— Куда прикажете?

— Куда-нибудь... Главное — совсем почти даром! Хе-хе. Вези на базар: куплю сосисок — толстенькие такие у вас тут в Праге есть — куплю про запас килограммов восемь!..

И вот вчера с Перескокиным Андрюшей случилось то, чего я боялся больше всего...

Я увидел его едущим по одной из окраинных улиц Праги на возу с сеном (купил Андрюша сено очень дешево, совсем даром); в одной руке Андрюша держал жареного гуся (ошеломляющая дешевизна — сто крон!), в другой руке — бутылку водки (а у нас в Совдепии за водку — расстрел!). Сидя на возу с сеном, Андрюша лихорадочно пожирал гуся, запивал водкой прямо из горлышка, а в промежутках между жевательным и глотательным процессами на всю улицу горланил "Боже, царя храни!". Увидел меня, загадочно подмигнул — и его леденящий душу хохот огласил улицу.

— Видал-миндал?! Дорвался я теперь... Гуляй, душа! В гостиницу с сеном не пускают, так я теперь тово... Крейсирую! Си-иль-ный, державный ца-арствуй на славу...

— Доктора! — крикнул чей-то озабоченный голос. — Готов паренек! Скапустился.

Сняли Андрюшу с сена... Повели...

И сидит он теперь в компании Наполеона Бонапарта, стеклянного человека и человека-петуха, хлопающего над

самой Андрюшиной головой ладонями и оглушительно кукарекающего...

Андрюша уже приторговался к нему... Ведь в Совдепии петухов давно не видели...

* * *

А выдержи Андрюшу в проектированном мною подготовительном карантине — ничего бы этого и не было...

Нет того, чтобы позаботиться о приезжающих.

ПАНТЕОН СОВЕТОВ МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ,

или Вернейшие способы, как иметь успех в жизни (1924)

ОТ АВТОРА

Молодые люди! Я вижу — некому о вас позаботиться по-настоящему... Вас с детства учат истории, географии, геометрии и тригонометрии, но скажите по совести: разве все эти науки помогают вам в обычной вашей светской и сердечной жизни? Нужна ли вам тригонометрия, когда вы объясняетесь в любви дорогой вашему сердцу женщине? И зачем вам география, если вас пригласили на свадебный обед или на похороны вашего друга, или вы приступили к изложению смешного, для забавы общества, анекдота?..

Светская жизнь — очень хитрая, запутанная штука, и не всякому удается проникнуть в ее прихотливые изгибы и завитушки.

Я проник! Я проник во все: и в психологию хорошенькой женщины, и в психологию жениха, и даже в психологию тетки жениха с материнской стороны. Я могу заботливо сопровождать вас по скользкому житейскому пути, деликатно поддерживая под руку, чтобы вы не шлепнулись носом о мать-сыру землю.

Я все могу.

Вы желаете сделаться журналистом и составлять заметки, которые вызовут сенсацию, — пожалуйста. Я вас научу этому. Желаете сказать речь над могилой вашего друга — говорите. С моей стороны никаких препятствий — сплошная поддержка. Вы — скажем — тщеславны в военном смысле слова и желаете сделаться полководцем... Кто вас научит этому? кто наставит, — как не я, — ваш вечный, ваш мудрый, ваш неизменный друг.

Вот оно, какие дела.

Ну, всего хорошего — желаю вам успеха.

Арк. Аверченко

УМЕНИЕ ДЕРЖАТЬ СЕБЯ В ОБЩЕСТВЕ И НА ЗВАНОМ ОБЕДЕ

Как часто видим мы, что человек — даже способный, даже талантливый — проигрывает в жизни только потому, что не умеет держать себя в обществе...

Один известный нам господин — автор гениального труда "Нравы и привычки ихтиозавров" — погиб во мнении приличного общества только потому, что однажды на официальном обеде не только резал спаржу вилкой, но еще и пил ликер из большой рюмки, как известно предназначенной для белого вина, а высосав тремя мощными глотками весь ликер, — утер губы краем пышного газового рукава своей дамы, хотя для этой цели у него был под самым носом край скатерти.

Человек, изумительно изучивший нравы и привычки ихтиозавров, не знал нравов и привычек светского общества — и общество это сурово на другой же день закрыло перед ним двери.

Конец его был ужасен. Осматривая однажды с научной целью мыльный завод, он нечаянно упал в котел с кипящим мылом и сварился там, как курица в супе.

Читатели! Если не хотите, чтобы вас постигла такая же участь, — изучите нижеследующие советы, как держать себя в обществе, и следуйте им. Советы эти пригодны для любого общества — даже для "Общества Шкодовских заводов" или "Общества кролиководства", учрежд. в 1895 году.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ОБЕД

Получив приглашение на званый обед, вы отнюдь не должны тащить на этот обед всех ваших приятелей, не получивших приглашения, — радушно уговаривая их:

— Да пойдем, господа! Какого дьявола вы ломаетесь. Они ребята хорошие — всех накормят.

Явиться вы должны только в том количестве, которое указано в приглашении, и явиться вы должны только за 15 минут до указанного вам часа. А то другой светский молодой человек способен забраться к хозяевам званого обеда вечером предыдущего дня, захватив с собой халат и ночные туфли и мотивируя свой поступок так:

— Я, знаете, уж решил пораньше... Чтоб и переночевать у вас. А то — знаю я ваших гостей — опоздай на

пять минут, так они родного отца слопают, не только обед.

Форма одежды — фрак или смокинг. Пижама — даже из дорогого тончайшего шелка — не произведет на присутствующих того впечатления, на которое она рассчитана в других случаях...

Войти вы должны чинно, не запыхавшись и не восклицая испуганно еще в передней:

— Не опоздал я? Вот-то волновался!! Все время подгонял вагоновожатого трамвая...

О трамвае не принято говорить в обществе. Самое лучшее — это дома вычистить брюки бензином, а когда гости потянут подозрительно носом воздух, беззаботно заявить:

— А я сейчас свой новый автомобиль пробовал!

В передней очень рекомендуется для хорошего тона потрепать снимающую с вас пальто горничную по щечке и ущипнуть за подбородок... С лакеем это делать не принято, равно как и с хозяйкой, хотя щечки и подбородок были бы у нее самые располагающие к этому игривому жесту.

Войдя в гостиную, вы не должны осведомляться с лихорадочным любопытством:

— А что у вас сегодня готовили на обед?

Самое лучшее — завести светский разговор или похвалить хозяйских детей, которые, обыкновенно, до обеда вертятся тут же.

Впрочем, и о детях нужно говорить с толком...

Нам известен один господин, который не нашел ничего лучшего, как пошевелить носком сапога возившегося на ковре малютку и, зевая, спросить хозяйку:

— Ваш ребеночек?

— Мой, — расцвела хозяйка.

— От кого?

— Что значит от "кого"? — смутилась хозяйка. — От мужа!

— Ну да! Все вы так говорите. Неужели от мужа? Вот не думал! А мальчишка — вылитый секретарь вашего супруга. Здравствуй, секретаренок!

Вместо такого бестактного разговора — самое лучшее — это восхищаться ребятами, для чего особого ума не требуется.

— Ваш сынишка? Какая прелесть!! Говорит уже?

— Помилуйте — ему десятый год.

— Да вы что? Гениальный ребенок! В университете?

— Куда ж ему — он еще маленький.

— Совершенно верно — совсем грудной!

Пусть этот разговор бессмыслен, но от него так и пышет хорошим тоном.

Когда посреди этих светских разговоров лакей возвестит: "Кушать подано", не рекомендуется, перепрыгнув через кресло и оттолкнув стоящую на пути даму, мчаться с воинственным кличем в столовую. Подобный искренний порыв нужно затаить в глубине души, а вместо этого, сделав равнодушное лицо и мило упрекнув хозяйку: "Ах, зачем вы, право, тратитесь!" — предложить даме руку:

— Осчастливьте меня разрешением быть вашим соседом.

На суп рекомендуется не набрасываться с торжествующим ревом, а есть его тихо. Некоторые имеют пагубную привычку втягивать суп губами из ложки с таким свистом — будто бы вблизи работает паровозный поршень. Один англичанин рассказывал пишущему эти строки, что они ходили компанией для развлечения в один лондонский отель "слушать, как иностранцы едят суп". Читатели — запомните этот ужас!!

Не рекомендуется также есть мясо или другую какую пищу с ножа, хотя бы после этого на губах порезов и не наблюдалось.

В книге "Светский тон" ясно сказано:

— ...Дали тебе, подлецу, вилку — так ты и ешь вилкой.

Жестоко, но верно.

Во время обеда не следует задавать хозяйке меркантильных вопросов вроде:

— Почем покупали рыбу?

И если даже хозяйка ответит:

— По 5 $^1/_2$ марок.

Не следует просить моляще:

— Ну, дайте мне еще кусочек пфеннигов на шестьдесят!

Когда подадут десерт — не надо спрашивать разочарованно хозяйку:

— Уже сладкое? Это и весь обед?! А я думал — еще цыплята будут!.. Знал бы, так лучше к Мамевкиным пошел!..

Мы знали таких рассеянных гостей, которые, пообедав, стучали ножом о тарелку и бодро кричали:

— Человек! Счет!

От этого следует удерживаться, хотя в глубине души такой результат обеда и был бы приятен хозяевам дома...

Уходить нужно не сразу после обеда, дожевывая в передней грушу. Посидите еще минут 20 и только потом, как будто случайно взглянув на часы, озабоченно вскрикните:

— О, ля-ля!! Уже седьмой час... А меня на заседании ждут.

Уходя, не забудьте поцеловать руку хозяйке и дайте горничной на чай. Если перепутаете эти два светских поступка, — то вызовите тем неудовольствие и хозяйки, и горничной...

Со своей стороны, рекомендуем хозяевам провожать гостей до самой передней...

Во-первых, это вежливо, во-вторых, и гость не утянет вместо своего — чужое пальто.

КАК ДЕРЖАТЬ СЕБЯ НА СВАДЬБЕ

Самая существенная разница между свадьбой и похоронами та, что на похоронах плачут немедленно, а после свадьбы только через год. Впрочем, иногда плачут и на другой день.

В великосветских кругах празднуют только свадьбу. Развод не принято праздновать. Хотя радости во втором случае, конечно, больше.

Нижеследующие советы — как держать себя на свадьбе и на похоронах — очень пригодны как вообще для пытливого ума читателя, так и для тех людей, которые без подобного руководства способны заплакать на свадьбе или заплясать на похоронах.

Положение жениха на свадьбе неизмеримо затруднительнее, чем положение приглашенного гостя: гость в крайнем случае может и не приехать, а отсутствие жениха в венчальной процедуре иногда основательно омрачает общее веселье.

Впрочем, я знал жениха, который перед самой свадьбой заявил с беззаботным видом своей невесте:

— Я на часок поеду по делам. А если опоздаю в церковь, — начинайте без меня.

Если я скажу, что жених этот был почетным членом Археологического общества, — читатель не будет очень удивлен вышеизложенным бессмысленным заявлением.

Итак — "вернемся к нашим баранам", как говорят французы. Вернемся к жениху.

Если выразиться возвышенным слогом — положение его самое дурацкое. Представьте себе молодого человека

с растерянным, искаженным лицом, бледного, с трясущимися руками, заключенного в черный фрак и в цилиндр, замкнутого в белый шелковый жилет, зажатого в лаковые ботинки, выслушивающего идиотские поздравления и шуточки друзей, наставления родителей и безмолвное, остолбенелое, истерическое любопытство полдюжины горничных, прачек с ближайшего квартала и мальчишек из бакалейной лавки, забравшихся спозаранку в церковь, чтобы "видеть жениха и невесту".

Один очень культурный умный человек рассказывал мне, что для него было самым трудным в жизни — это выдержать инквизиторский осмотр нескольких горничных и мальчика — продавца папирос, которые (не папиросы, а эта публика) подвергли его в церкви ураганному огню перекрестных взглядов и критических замечаний.

— Бедненький, — вздохнула пожилая кухарка, — такой молоденький! Губы-то как трясутся, не сладко, поди, ему!

— А ты думаешь! У нас намедни в лавочке говорили, что невеста-то — чужая жена. Застал их муж — да пистолетом и уговорил его жениться.

— Да что ты! А он хорошенький...

— Тоже — нашла красоту. Одна ноздря, и больше ничего.

— Свинячий жених, — строго осудил папиросный мальчишка, толкнув горничную в грудь локтем, чем снискал полное ее сочувствие.

От этой падкой на зрелища публики не скроется ничто. Малейший штрих будет осмотрен острыми глазами и обсужден:

— У невесты-то, гляди, гляди!.. Глаза красные.

— Нос у нее красный, а не глаза.

— А губы намазала так, что краска сыплется.

— А у жениха сбоку лаковый башмак лопнул! Хи-хи! Видали!

Я лично думаю, что под такими инквизиторскими взглядами сам Мунэ-Сюлли не мог бы сохранить присутствие духа и импозантность...

Знавал я женихов, которые в этих случаях или прятались, смущенные, в церковный притвор, или (что еще хуже) пытались с наружной беззаботностью насвистывать веселую мелодию.

Вернемся к свадебному гостю.

Главное, что от него требуется, — это неувядаемая жизнерадостность и умение сказать во время свадебного пира приличный случаю тост.

На свадьбу он должен явиться также во фраке, в белом жилете и в белых перчатках, с веселым лицом даже в том случае, если он только что вернулся с похорон любимого друга.

В руках — букет белых роз (хотя бы и стащенный украдкой с гроба того же безропотного друга).

Подлетев к невесте и передавая ей букет, гость должен сказать небольшую речь:

— Дорогая такая-то, пусть эти чистые невинные цветы будут залогом вашего чистого будущего счастья и символом вашей нынешней невинности и целомудрия...

Последние слова можно говорить даже в том случае, если невеста до свадьбы прожила десять лет на иждивении владельца дровяного склада...

Подаренный букет нельзя отбирать обратно, хотя бы за свадебным пиром вас обнесли мороженым или подсунули кислое вино.

А то человек, одержимый мелким самолюбием, может перед уходом подойти к невесте и заявить на ухо:

— Ну, и накормили! Ну, и напоили! Не вино, а уксус. Я вам там дал букет, так вы его, голубушка, верните-ка мне обратно. У меня через два дня еще одна свадьба. Полью букетик водичкой — и опять он, голубчик, у меня в работу...

Застольные речи на свадьбе — очень тонкая штука. Нужно сказать так, чтобы никого не обидеть, чтобы всем было приятно.

Я помню то неблагоприятное впечатление, какое произвела речь сатирически настроенного гостя на свадьбе одного моего знакомого:

— Ну-с, — сказал он. — Позвольте и мне поздравить новобрачных. Я бы мог пожелать жениху долгой жизни, если бы не боялся, что тот... гм! гм! образ жизни, который жених вел до брака, — сделает мое пожелание совершенно бесцельным. Ох, нужно тебе, Вася, заняться своим здоровьем, ох, как нужно! Я бы мог пожелать невесте пару хорошеньких деток, если бы она уже не поторопилась до свадьбы наполовину исполнить мое это пожелание!.. Поздравляю я также и родителей невесты! И есть с чем поздравить! Экую обузу с плеч свалили... Правда, домик, что дали мужу в приданое, строен в полтора кирпича, да и фундамент уже осел от сырости, но так как, полагаю, дом этот будет немедленно заложен сияющим новобрачным — так о чем же тут говорить?! Желаю я счастья и уважаемой матери жениха. Льщу себя надеж-

дой, что сын ее не будет поступать так со своей женой, как его папаша, разбивавший о голову своей супруги любые предметы стеклянного производства, находившиеся в районе военных действий. Рад я и за двух теток невесты — наконец-то они поедят сегодня как следует, да и не только поедят, а еще и дома что-нибудь останется... Хотя должен предупредить, что сунутые в ридикюль две столовые ложки суть не серебряные, а фраже... Хе-хе — ошибочка, тетеньки, вышла... Я кончаю, господа! Пью за здоровье всех присутствующих и очень сожалею, что большинство из них не может мне ответить тем же, потому что публика уже налилась до краев... Ур-ра!!!

Констатирую, что эта речь не только не имела успеха, а наоборот, в прихожей при разъезде неизвестный оппонент ударил оратора по голове эмалированной плевательницей...

Во избежание таких недоразумений я предлагаю образец вполне благопристойной свадебной речи, которая должна удовлетворить многих:

— Милостивые государи и милостивые государыни! Я вижу под сенью этой крыши цветущую молодость и мудрую старость, которые соединились здесь роскошной причудливой гирляндой. Что же за день такой, что это за событие?! Вы скажете — очень просто: Петр Николаевич женится на Верочке и берет за ней сорок пять тысяч приданого, не считая перин и столового серебра... О господа! Как вы поверхностно смотрите на то, что здесь происходит. Перед вами, господа, творится великая тайна — тайна зарождения будущей плодотворной ячейки, из которых составляется государство!! (Одобрение присутствующих.) Петр Николаевич исполнил наконец-таки свой долг перед государством и перед обществом. И если вы посмотрите на очаровательную невесту, то скажете: "И какой приятный долг!" Да, господа... я и сам бы не прочь... гм... гм... (Общий смех, рукоплескания.) Но для меня путь этот закрыт, отчасти потому, что я — закоренелый женоненавистник, отчасти же потому, что, к сожалению, я уже женат 18 лет... (Движение на левой стороне, где жена оратора.) Господа! Я поднимаю тост за жениха, за этого мужественного благородного человека и прекрасного друга, я пью за невесту, которая, дожив до 19 лет, ухитрилась донести до семейного очага свою чистоту и невинность, я пью за будущих детей, которые, если унаследуют характер своих родителей, — будут сплошь членами парламента и министрами-президентами!! И за родителей невесты я пью, за родителей, щедрой рукой (45 тысяч и 3 перины) снабдивших цветущую пару земными благами... (Восторг родителей, аплодисменты...) Пью я и за престарелую тетку жениха, которая сумела вынести под сердцем такое сокровище, как ее сынишка Федя, из скромности уже полчаса как скрывшийся и лежащий под этим обильным столом... И наконец, последний мой тост за того неизвестного мне господина, который, пролив красное вино на скатерть, усиленно засыпает вино солью, — это настоящий друг семьи, который ни в чем не нанесет ущерба... (Аплодисменты, крики, переходящие в овацию.)

Здесь оратор должен отпить из своего бокала и шаловливо крикнуть: "Горько", что, как известно, по русскому обычаю влечет за собой поцелуй жениха и невесты, чтобы "подсластить" это горькое вино.

Этот русский обычай применяется только на свадьбе. Впоследствии он видоизменяется: уже не муж с женой целуется, когда посторонний господин кричит "горько", а посторонний господин целует его жену, и кричать "горько" приходится мужу...

Но вот свадьба окончена. Все, безусловно, должны разъехаться по домам, и нельзя напрашиваться переночевать в комнате новобрачных, хотя бы на том основании, что я "старый друг и не могу стеснить"...

* * *

Следующий очерк, "Как держать себя на похоронах", я напишу, если к тому времени не буду занят на собственных похоронах.

КАК ДЕРЖАТЬ СЕБЯ НА ПОХОРОНАХ

В смерти есть тайна. Поэтому к похоронам нужно подходить благоговейно, деликатно. Шутки здесь неуместны. Меня почему-то считают юмористом, но я умею быть серьезным.

Меня однажды очень обидели слова моего друга, писателя, с которым мы встретились на каких-то похоронах... Увидев меня, он подошел и сурово спросил:

— Зачем вы здесь?

— А почему же мне не быть здесь?!

— Гм. Что же здесь смешного?!

Этот грубый человек забыл, что у меня кроме смеха есть еще и сердце. На упомянутых похоронах я рыдал так, что дал вдове сто очков вперед, а на кладбище обскакал ее на две головы, закатив такую истерику, что распорядитель попросил меня выйти вон, чтобы не нарушать благолепия церемонии.

— Попробуйте только меня тронуть, — кротко возразил я распорядителю. — Сами покойником будете!

И я остался, и я говорил речь на могильной насыпи, и эту речь я считаю одним из лучших своих литературных произведений.

— Кого мы хороним?! — воскликнул я, обведя присутствующих горестным взглядом.

На этот вопрос любой из присутствующих мог бы ответить, что "хороним мы Игнатия Фомича Зябкина, а если я не знаю такой простой вещи, то лучше бы мне и не взбираться на могильный холм...".

Но все промолчали, потому что поняли: такая фраза всегда говорится ораторами для разгона.

— Кого мы потеряли?! — взывал я (промолчали и на этот вопрос), — Игнатия Зябкина мы потеряли — вот кого! Ты среди нас сиял, как солнце... (По правде сказать, сиял не весь покойник, а только самая верхушка — лысина, но фраза вышла очень звучная... Правда?) Ты озарял этими лучами всех, кто тебе был близок (жену, любовницу и четырех детей от той и от другой), ты своим талантом поднимал и украшал русскую промышленность и торговлю (покойник имел скобяной и москательный магазины), и вот — ты на небесах оказался нужнее, чем на этой грешной земле, и Всевышний потребовал тебя к себе (удар пивной бутылкой по темени в трактире "Балканы" ускорил это желание Всевышнего).

Так спи же, Игнатий, — ты, чудный человек, отец и гражданин!! Земля тебе пухом, и пусть ангелы небесные охраняют последний кров твой... не тяните за рукав — пальто порвете!.. (Последняя фраза относилась, конечно, к распорядителю, который сгонял меня с могилы, не могши перенести моего шумного успеха.)

Вот случай, который доказывает, что бывают моменты, когда и я умею быть серьезным, и поэтому о похоронах я буду писать с полным знанием дела.

* * *

Вы, скажем, узнаете, что умер ваш приятель. Вы надеваете на рукав креповую повязку (она стоит совсем гроши) и, выработав себе перед зеркалом выражение лица, полное тихой скорби и уныния, отправляетесь к вдове покойника.

Она, прижав платок к глазам, спросит:

— Слышали вы, какое у меня горе?

Отвечаете:

— Да, да. Вполне разделяю вашу скорбь. Но... ему там лучше будет...

Лучше или хуже — это неважно, но вышеуказанные слова очень успокоительны. Можете еще добавить:

— Бог дал, Бог и взял.

Или:

— Все под Богом ходим.

Если вдова осведомится у вас для порядка:

— На похоронах будете?

Не надо расшаркиваться и радостно восклицать:

— Я-то? Да с наслаждением! За удовольствие почту!

Надлежит свесить голову и скорбно ответить:

— Это мой долг.

Тут к вам подойдет другой сочувствующий, и так как говорить о чем-нибудь постороннем, вроде премьеры в "Варьете" или биллиардном проигрыше в близлежащей пивной, — не принято, то он скорбно осведомится:

— Будете на похоронах Ивана Николаевича?

Вы не должны задорно возражать:

— Вот еще, с какой стати! А он на моих похоронах будет?..

Ибо перед отверстой могилой умолкают все мелкие светские счеты визитами...

* * *

На кладбище идите с печально опущенной головой, изредка вздыхая и покачивая ею; перемигиваться со встречной барышней — хотя бы и царственно прекрасной — не следует. Если устанете, — можете влезть в медленно движущуюся сзади карету. Если все кареты заняты, — не пытайтесь влезть на катафалк к покойнику, хотя бы под тем предлогом, что вы с ним были на "ты". Будет время — еще успеете наездиться в катафалке.

В момент последнего печального обряда зорко следите за вдовой, потому что эта публика любит рваться к отверстой могиле и кричать: "Пустите меня к нему!"

Вы должны ловко подхватить ее под руку и успокоительно шепнуть:

— Куда вы? Ведь покойник изменял вам на каждом шагу и в пьяном виде бросал вам в голову все предметы домашнего обихода. Вспомните-ка! Да и ваши отношения с репетитором сынишки таковы, что лучше я вас к нему пущу, к репетитору. Хотите?

Эти правдивые слова могут пролить бальзам на самое измученное, разбитое сердце.

Речей старайтесь не говорить, потому что вам до меня далеко и такую речь, какую произнес я на могиле скобяного Игнатия, — вам произнести не удастся.

Пусть говорят другие, а вы стойте в стороне и учитесь. Еще один совет: если произнесенная кем-либо прочувствованная речь привела вас в восторг, пожалуйста, не аплодируйте и не кричите одобрительно: "Бр-раво! Бис!! Ловко, шельмец, зашпаривает!" Помните — здесь витает душа усопшего, да и распорядитель по головке не погладит.

Вообще, похороны — вещь серьезная, и ничто не должно нарушать их строгой величавости... Когда пьяный механик в кинематографе, демонстрируя похороны какой-нибудь знаменитости (я это видел однажды), начинает вертеть ручку аппарата шибче, чем нужно, — получается зрелище совершенно непристойное: впереди радостно скачут священники, будто Максы Линдеры убегают от погони, за ними резвой рысью летят погребальные лошади, увлекая молниеносно мчащийся катафалк, а сзади стремительно несутся друзья покойного, будто опасаясь пропустить поминальный обед.

В довершение всего пианист, сослепу не разобрав, в чем дело, начал с треском наигрывать очень милую в других случаях песенку:

Сегодня я не в духе,
Ужасно колет в ухе,
Вчера один нахал
Мне ухо искусал!..

и, таким образом, все благолепие и пышность погребального обряда свелись в упомянутом мной случае на нет.

В петербургской хронике имеется факт еще неприличнее — петербуржцы и до сих пор помнят его: везли однажды по Садовой покойника — и вдруг из-за угла стремглав выскочил трамвай; налетел на катафалк, опрокинул его, выбросил на мостовую гроб, и вдруг все

с ужасом заметили, что из гроба вылез покойник и, потирая ушибленную ногу, завопил:

— Черти полосатые! Ездить не умеете. Мало вас, скотов, штрафуют.

Это непредвиденное обстоятельство совершенно испортило похороны: покойник, заботливо и хозяйственно собрав остатки дорогого дубового гроба, уехал на извозчике домой, духовенство и провожавшие сконфуженно рассеялись кто куда, пустую могилу пришлось засыпать, а вторую половину поминального обеда выбросили — испортилась, хотя все радостное семейство покойного и загубило себе желудки первой половиной.

Я бы не хотел умереть так двусмысленно.

* * *

Кстати, о поминальном обеде.

Мне часто случалось присутствовать на таких обедах, и должен сознаться, что они проходят превесело...

Я так и не мог докопаться до разгадки этой странности: то ли — вернувшиеся с похорон рады, что не их закопали, то ли — они довольны, что развязались-таки наконец с никому не нужным мертвым телом, а может быть, вкусная закуска с выпивкой веселит все сердца, — не знаю; но я заметил, что все на поминальных обедах бывают очень оживлены и, пожирая пироги и закуску, не успевают даже бросить вдове или врачу небрежную обязательную фразу:

— Там ему (или ей) лучше будет!

Или:

— Бог дал, Бог и взял.

Не до того друзьям. Кончают иногда и тем, что поднимают тост за здоровье усопшего, рассказывая пикантные анекдоты из его сердечных похождений...

Забавная скотина — человек. Веселая скотина.

* * *

В заключение я должен сознаться в своей неопытности в одном смысле: я прекрасно знаю ритуал обыкновенных старинных похорон: с гробом, катафалком и могилой, но теперь пошла мода на сжигание трупов в крематориях, и как при этом нужно себя держать — совершенно неизвестно.

Ритуал еще не выработался, не окостенел.

Вообще я против таких похорон.

Один очень скромный достойный молодой человек со скорбью и ужасом рассказывал мне, как он вычистил собственные зубы собственной бабушкой.

Приехал он к родным, когда бабушку уже сожгли в крематории по новой моде, погоревал с полдня (много ли нужно для старушки), а вечером отошел ко сну... Проснулся рано утром, приступил к умыванию — хвать-похвать — зубного порошка нет.

Стал шарить по комнате — видит: на подоконнике стоит сигарная коробка, а в ней — полно пепла.

Вспомнил, что пеплом тоже хорошо чистить зубы, — вычистил.

А к чаю, когда за столом собралась вся семья, — мать его и говорит:

— Слава Богу, наконец-то мраморщик привез заказанную урну!..

— Какую урну?

— А для бабушки. Пепел в урну положим. А то держать его в сигарной коробке — прямо-таки неуважение к покойнице!

Читатель, может быть, усомнится. Но, клянусь честью, — это факт.

Жизнь любит иногда подшутить и посмеяться даже над смертью.

Видел же я в городе Орле наклейку на окне одного гробовщика: "Здесь продаются модные гробы "Танго"..."

Смерть опошлили, начиная с гроба и кончая траурной креповой повязкой на руке. Еще счастье носителей повязок, что ширина повязки не должна быть прямо пропорциональна скорби об усопшем.

А то — многим пришлось бы перевязать руку черной швейной ниткой.

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ ПОЛКОВОДЦАМ

(Как выигрывать войны)

ВВЕДЕНИЕ

Теперь, когда почти весь мир грозно бряцает оружием, когда международные тучи сгустились до невозможности, мои советы начинающим полководцам должны сделаться настольной книгой для всякого неопытного полководца...

Все мы знаем, что у всякого военачальника во время войны есть только одно безудержное стремление: победить врага!

Но как это сделать, с чего начать и чем кончить? Неопытный человек решительно не знает.

А неопытность в военном деле — ужасная вещь.

Пока такой человек раздумывает, да примеривается, да взвешивает, — у него постепенно отбирают крепости, потом броненосцы, забирают в плен всех солдат, и вот наш неопытный полководец в один прекрасный день видит себя одиноко сидящим на лошади или миноносце, размахивающим победоносно золотым оружием "За храбрость", — но без войска, броненосцев и крепостей.

Что остается делать такому полководцу?

Извиниться перед родиной — выйти в отставку и заняться выпиливанием по дереву, игрой на окарине или коллекционированием почтовых марок — три поприща, которые почему-то привлекают сердца всех неудачников...

Чтобы этого не случилось — я позволяю себе дать ряд полезных советов и указаний на предмет:

"Как вести войну".

КАК НАЙТИ СРЕДСТВА ДЛЯ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Надлежит изготовить в главном штабе около десятка планов мобилизации, расположения крепостей, диспозиции и статистических данных о количестве и месте расположения ваших войск. Все изготовленное поручить наиболее расторопному и плутоватому чиновнику штаба продать соседним державам, содрав с них за такой лакомый кусок несколько десятков миллионов.

Вообразите же себе удивление и злость этих держав, когда все планы и сведения окажутся фальшивыми, а вы имеете лишних несколько миллионов для ведения победоносной войны...

КАК ОБЕЗОПАСИТЬ СВОЮ СТРАНУ ОТ ВТОРЖЕНИЯ ВРАГА

Наиболее действенным можно признать следующий способ: на границе устанавливается ряд деревянных столбов через каждую сажень с прибитыми к верхушке каждого столба дощечками, на которых написано: "Вход посторонним строго воспрещается".

Можно легко представить себе ярость и бессильный гнев противника, когда он, дойдя до этой естественной преграды, — остановится и, потоптавшись на месте, должен будет уйти восвояси...

Некоторые стратеги, кроме того, советуют еще применять способ с зеркалом, заключающийся в следующем: на поле устанавливается громадное, в несколько верст, зеркало. Неприятель, победоносно шагая по полю, вдруг видит против себя другого неприятеля, шагающего ему навстречу не менее победоносно...

Тогда настоящему неприятелю ничего не остается сделать, как повернуться и убежать от своего собственного отражения.

Мы не рекомендуем этого способа по одной причине: а вдруг неприятель не испугается, а начнет стрелять... Что тогда? И хитрость будет раскрыта, и дорогое зеркало испорчено.

Нет, это не научный способ, это — утопия.

ПЕРВЫЙ СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Выследив место расположения неприятеля, вы начинаете возводить вокруг него высокую крепкую стену. Сначала неприятель будет только радоваться этому, видя в такой стене удобную крепость для себя. Но радость его — преждевременна.

Ясно, что, когда вы замкнете неприятеля этой стеной, он очутится как в ловушке, и ему ничего не останется, как сдаться на позорных условиях или помереть с голодухи.

ВТОРОЙ СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

(Бескровный)

Для задуманной вами цели нужен специальный человек, но, мы полагаем, среди вашей многочисленной армии найти его нетрудно. Вы даете ему инструкции, он идет к аванпостам и заявляет, что его прислали вести переговоры с вражеским военачальником...

Военачальник обыкновенно ловится на эту удочку: принимает вашего посланника, который оказывается лишь ловким гипнотизером. Полчаса глаз на глаз — и остальное ясно: вражеский начальник приказывает своей

армии сдаться, отдает свои пушки, провиант и сам попадает в плен. Конечно, никому и в голову не придет, что это дело рук загипнотизировавшего его вашего посланника.

МОРСКОЙ БОЙ

Принцип всякой морской кампании — это вывести из строя как можно больше неприятельских судов.

Вот способ, который почти всегда удается: узнав тот фарватер, в котором крейсирует неприятельская эскадра, — вы выбираете самое глубокое место и насыпаете на дно громадную земляную гору, чуть-чуть выдающуюся из воды...

Вообразите же удивление броненосца, когда он, идя на всех парах по известному на картах глубокому месту, вдруг со всего размаху налетает брюхом на мель.

САМЫЙ ХИТРЫЙ СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Вы изобретаете пушку, ядро которой летит несколько десятков тысяч верст по прямой линии не останавливаясь, и продаете с самым невинным видом через подставное лицо это ужасное изобретение неприятелям.

Они не замечают той страшной ловушки, которую вы им готовите, и, устроив такую пушку, стреляют в вас. Ядро преспокойно полетит, огибая весь земной шар, возвращается с противоположной стороны на старое место и бьет несчастных артиллеристов прямо по затылку.

Вообразите же их удивление, когда... и т. д.

СРЕДСТВО ПРОТИВ АЭРОПЛАНОВ

Существует мнение, что борьба с вражеской воздушной эскадрильей совершенно невозможна.

Но и тут умный полководец может найтись.

Как известно, у всех неприятельских пилотов есть подробные карты вашей страны, в которых указаны местоположения городов, лесов и направление рек.

Что же делаете вы?

Да очень просто: стоит только вам перевести города совсем в другое место, выдернуть с корнем лесные деревья и вкопать их на место городов, а русло рек отвести

совсем в другую сторону. Что же получится? Ясно: неприятель покрутится-покрутится, полетает-полетает — да и плюнет на все это дело.

Вернется на свои позиции и заявит начальству:

— Мы ничего не понимаем. Очевидно, это совсем другая страна, с которой мы не воюем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот те несколько военных приемов, применяя которые молодой полководец всегда выиграет войну.

Но, конечно, еще с большей уверенностью можно гарантировать полководцу выигрыш войны, если все предлагаемые мною вышеизложенные приемы будет применять не он, а неприятель.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ

(Как составлять смесь)

Всякому из вас, друзья мои, приходилось встречать в журналах и газетах такой отдел, который носит название:

"Смесь".

В этом глубоко интересном отделе вы встречали, вероятно, помимо научных сведений, — много разных полезных советов: "как вскипятить в игральной карте воду", "как лечиться от укуса гремучей змеи", "лучшее средство против тайфуна" — одним словом, на все случаи жизни человеческой в отделе "Смесь" предусмотрительно даются советы.

Всякий читатель наизусть знает: "как склеивать разбитый фарфор", "способ изготовить самому себе карманные часы", "приготовление молока из вишневых косточек" и прочее...

И тем не менее в "Смеси", в отделе полезных советов, — я наблюдаю колоссальный пробел...

Нигде не сказано:

— Как изготовить самому себе "Смесь"!

Иногда семья ваша или ваши знакомые хотят почитать отдел "Смеси", а под рукой нет журналов или газет, а если есть, то без отдела "Смесь" или с отделом, но неинтересным или затасканным.

Вот в этом случае мои советы "Как самому себе изготовить "Смесь" могут быть прямо-таки драгоценны.

Все, что я приведу ниже, основано на собственном опыте (первые шаги моей литературной деятельности были, — именно, составление "Смеси" для еженедельных журналов и газет), а также на многочисленных наблюдениях...

Вот оно, значит, как!

"Смесь" можно разделить на следующие отделы: 1) Вообще научные сведения; 2) Этнографические штришки; 3) Удивительные курьезы природы; 4) Статистика; 5) Успехи техники; 6) Об американских миллиардерах; 7) Еще об уме животных; 8) Странности великих людей и, наконец, 9) Полезные советы.

ВООБЩЕ НАУЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Если вы хотите надолго приковать внимание читателя к вашей скромной заметке, вы просто пишите:

"Один ученый в штате Миссури (Арканзас), по имени Пайкрафт, открыл удивительное свойство серебра: терять вес, если его покрыть особым составом из двухлористого гелия (h^4G—7Do) и цинковой обманки (процент обманки в цинке — пока секрет ученого).

Обмазанная этим составом, серебряная монета настолько теряет свой вес, что может быть помещена в воздухе на любой высоте.

Этим любопытным открытием заинтересовались многие ученые авторитеты штата Иллинойс.

Нечего и говорить, что новооткрытое свойство этого металла произведет целый переворот в текстильной промышленности".

Перед вами — заметка, составленная вполне скромно, научно (химическая формула, ссылка на авторитеты и указание на переворот в текстильной промышленности).

Конечно, всякий, кто прочтет заметку, призадумается... Открытие действительно интересное, полное заманчивых перспектив.

Вы мне возразите, что читатель, прочтя заметку, может попробовать проверить на опыте это открытие? Это невозможно!

Во-первых, в заметке предусмотрительно скрыт процент цинковой обманки, а во-вторых, его сзу испугает такая сухая научная формула — (h^4G—7Do).

Вообще, эта заметка, если в нее вчитаться, составлена очень предусмотрительно: ученый живет в штате Миссури, и если бы кто-нибудь даже заинтересовался открытием, то ехать для этого в Америку, отыскивать ученого Пайкрафта, лишь на основании пустякового сообщения в отделе "Смесь" — было бы безумием.

Если такой сорт заметки все-таки вам почему-либо не нравится — можете изготовить другую... Например: "свойство некоторых пород ясеня растворяться в воде, насыщенной азотнокислыми соединениями аммиака, открыто профессором Бруком — лауреатом Кентуккийской высшей школы (штат Кентукки)".

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ШТРИШКИ

Тут вам дается полный простор.

Вы можете описать свадебные обычаи на островах Спасения или на острове Тристан д'Акунья. Можете привести даже самые нелепые обычаи: в день свадьбы, например, жениха обваривают кипятком, после чего он, по туземному поверью, будто бы горячее любит жену, а невесте вырывают передние зубы и вставляют их на место глаз (символ верности. Отметить полный контраст дикарской психологии с культурным русским поверьем: "возьми глаза в зубы"). Можете добавить, что празднование свадьбы продолжается пять месяцев и на свадьбе все приглашенные с аппетитом едят белую глину, смешанную с листьями араукарии (туземное лакомство).

Эта заметка тоже совершенно безопасна в смысле достоверности. Ни один из ваших читателей не устроит себе такой свадьбы, а дикари островов Спасения или Тристан д'Акунья не будут писать писем в редакцию, с опровержением, потому что ваше издание едва ли попадет к ним в руки.

Дело кончится тем, что читатель, прочтя заметку, вздохнет и скажет жене:

— Смотри, Маруся, какие есть ужасные обычаи! И чего только на свете не делается. Как все премудро устроено Создателем.

Вы его заставили призадуматься. Он уже философствует! В этом ваша заслуга.

Боже вас сохрани, сообщать сведения о каких-нибудь мюнхенских или кавказских свадебных обычаях. Легко может случиться, что читатель там был и поэтому обругает вас лгуном и мошенником.

Этого — избегать.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ КУРЬЕЗЫ ПРИРОДЫ

Здесь вы можете не заезжать в Американские штаты. Опытные составители "Смеси" ограничиваются обыкновенно Венгрией.

Почему Венгрией — мне доподлинно неизвестно. Но это любопытный штрих в психологии составителей "Смеси".

Именно в деревушках Венгрии рождаются все младенцы с тремя головами, все одноглазые телята и зебровидные жеребята, а на венгерских огородах произрастают картофелины, формой напоминающие группу детей, идущих в воскресную школу, или памятник Виктору-Эммануилу в Риме, или просто машинку для стрижки волос.

Если же вы, из-за совершенно неуместной добросовестности, не захотите выдумывать — то и тут можете сообщить факты, хотя и достоверные, но для поверхностного взгляда кажущиеся ошеломляющими.

Например:

"В одной из деревень Восточной Венгрии у крестьянки родился удивительный ребенок: он имеет две головы, четыре ноги, четыре руки, два туловища и два сердца. Любопытно, что туловища эти несросшиеся, равно как и другие части тела".

Кажется любопытно? А ведь тут говорится о самых обыкновенных двойнях.

Или:

"Игра природы. Один венгерский крестьянин (Западная Венгрия) нашел на огороде картофелину, очень напоминающую по форме лошадь с всадником, только без ног, без рук и без головы. Заметна только шпора на ноге всадника".

Согласитесь — курьезно! А ведь самая обыкновенная картофелина может подойти под это определение.

Вообще, с Венгрией стесняться нечего... Я своими глазами читал заметку (кажется, в приложении к "Ниве") об одном венгерском мальчике, у которого на лбу из прыщика вырастало каждые шесть месяцев перо — не

сказано, птичье или стальное, — которое потом отпадало на радость родителям. В заметке, конечно, было сказано, что многие ученые заинтересовались этим феноменом (еще бы!).

В заключение замечу, что в Венгрии иногда рождаются дети, форма головы которых напоминает кирпич, в графстве Сюррей (Англия) изредка появляется девочка, которая может говорить ухом (редкий случай перемещения голосовых связок), а в штате Небраска (Америка) любопытствующие могли бы найти доктора, под названием "человек-термометр", или "человек-зебра", или просто "обжора Дик".

Все это приковывает внимание читателя.

СТАТИСТИКА

Статистика — наука точная, и поэтому здесь нужно с фактами обращаться особенно осторожно. Остерегайтесь придумывать статистику вооружений европейских стран или сравнительную таблицу ввоза и вывоза.

Это все уже известно и без вас.

Если вы все-таки соблазнились отделом статистики, сообщайте следующие безобидные сведения:

1) "По статистике, потребление Норвегией соли, равняется трем пятым потребления этого же продукта Персией".

Или:

2) "Количество раздавленных автомобилями на парижских бульварах в текущем году превысило на 20% таковых же за прошлый год. Вот он современный Вавилон, Молох, пожирающий жертвы!"

3) В австралийских колониях в 1891 году насчитывалось слепых 1327 человек.

Это, правда, читателя не увлекает, не будоражит, но статистика ведь, вообще, скучная, сухая вещь.

УСПЕХИ ТЕХНИКИ

"Один ливерпульский механик изобрел машину, которая сама сеет лен, поливает его, выращивает, снимает с поля, очищает, сучит нитки, ткет льняную материю, и сама же снашивает ее; льняное же масло, добываемое машиной из семян, идет на смазку частей машины".

Ясно, что этот ливерпульский механик — просто дурак. Кому нужна такая машина?! Но читатель не будет задаваться таким вопросом. Его внимание привлекает просто сложность такой удивительной машины.

Если хотите быть вполне научным, напишите что-нибудь об Х-тории или радии (броненосец в 18 000 тонн можно, по словам ученых, приводить в движение одним миллиметром радия; или: радий как средство от бессонницы).

Остерегайтесь писать что-нибудь о рентгеновских Х-лучах. Они вышли из моды.

Потому что "Смесь" имеет свою моду, свою этику, свои законы.

ОБ АМЕРИКАНСКИХ МИЛЛИАРДЕРАХ

Этот отдел распадается на такие ясно очерченные подотделы:

а) Карьера миллиардера (Миллиардер Джон Гуд был сапожным подмастерьем; или продавцом сигар в разнос; или угольщиком... Но, скопив немного денег, он открыл небольшое дело; его ум и предприимчивость сделали то, что и т. д.).

б) Пожертвование миллиардера Карнеджи на... (можно писать на что угодно — в зависимости от вкусов и наклонностей пишущего).

в) Причуды миллиардеров. — Главным образом — устройство специальных обедов...

Например — "тигро́вый обед".

Пишется так: "На днях Пятое Авеню было позабавлено оригинальным "тигровым обедом", устроенным королевой пуговиц, мистрисс Адью Снобс. Обед происходил в громадной тигровой клетке, устроенной из железных прутьев... Все обедающие лежали на тигро́вых шкурах, а лакеями были настоящие индусы-шикарри (охотники за тиграми); ели сырое мясо, терзая его зубами. Одеты все обедающие были в полосатые костюмы; из драгоценных камней допускался только тигровый глаз. На стене висела карта реки Тигр. Оркестр играл старинный романс "Тигренок".

Конечно, то, что вы выдумали — очень глупо, но ведь и выдумки американских миллиардеров особым остроумием, вероятно, не отличаются.

В крайнем случае, обругают, и то не вас, а американцев. И поделом.

Можете описать, если хотите: "Людоедский обед", "Жемчужный обед", "Обед убийц" и "Собачий ужин".

ЕЩЕ ОБ УМЕ ЖИВОТНЫХ

"Еще" — значит уже многое об уме животных писалось; таким образом, нужно что-нибудь экстравагантное.

Никто вам не мешает рассказать о диковинной собаке, живущей в бассейне реки Ориноко (пойди-ка, поищи!). Собака эта очень недурно пишет масляными красками и недавно написала такой схожий портрет хозяина, что многие ученые заинтересовались ею (ученые обязательно должны интересоваться такими вещами); эта же собака поворачивает зубами электрические осветительные кнопки, когда ее сажают в темную комнату, и недавно исправила даже испортившийся электрический звонок.

Скажете — невероятно! Самый простодушный читатель не поверит... Пове-е-ерит!

Вот что написал я однажды в отделе "Смесь" (в одной харьковской газете): "Еще об уме слонов. В гамбургском зоологическом саду содержался слон Джипси — общий любимец... Недавно он заметил, что несколько дней подряд к нему подходил грустный бедно одетый симпатичного вида незнакомец и, лаская его, кормил вкусными булками. Но однажды он пришел еще более грустный и похудевший; пошарив по карманам, он вздохнул и отвернулся. Сердце слона разрывалось от жалости. Но в это время к друзьям приблизился какой-то незнакомец жестокого вида и стал кричать на печального господина, показывая ему белую продолговатую бумагу; нужно ли говорить, что это был вексель симпатичного господина, которому (векселю) наступил срок. Бедняк печально смотрел на вексель, предвидя разорение, но — слон мигом сообразил, в чем дело... Протянул хобот, выхватил из рук заимодавца вексель и в один миг... съел его! Нужно ли говорить, что все окончилось ко всеобщему благополучию, и обезумевший от радости должник долго ласкал своего спасителя".

Кажется — невероятно? А я даю честное слово, что восемь провинциальных газет напечатали этот вздор с самым серьезным видом; одна даже поместила "Случай со слоном" в отделе телеграмм от собственного корреспондента.

В заключение позволю себе рассказать следующий характерный случай: "У одного акцизного чиновника (штат Калифорния) была собака — пудель Тобби. Собака все время слышала, как хозяин плакался на бедность и говорил:

— О, если бы у меня были деньги в банке!

И что же! Однажды, когда ее послали в мелочную лавочку за сигарами (она часто это проделывала), собака прибежала в лавочку, прыгнула на прилавок, схватила какой-то предмет и помчалась к хозяину.

Каково же было всеобщее удивление, когда она принесла к ногам хозяина стеклянную банку из-под леденцов, в которой лежали данные ей хозяином на сигары деньги!

Умная собака, слыша разговоры людей, устроила так, чтобы у хозяина были деньги в банке!"

СТРАННОСТИ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

Пишите смело:

"У всех великих людей были свои странности: Россини мог творить только, держа ноги в холодной воде, Вольтер писал, нюхая испорченные яблоки, Веласкес надевал тесные ботинки, а Наполеон все письма писал на барабане, держа правую руку за бортом сюртука, а левой размахивая в такт".

Ничего, если вы Россини заставите нюхать испорченные яблоки, а Вольтеру наденете тесные ботинки — мертвые не говорят.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

Давайте только радикальные советы, и вы заслужите внимание читателей. Умный человек может дать совет на всякий случай жизни. Например — пятно на скатерти.

"Нужно взять скатерть и слегка помочить запятнанное место рисовой водкой; потом, присыпав тальком, вынести скатерть на улицу и положить около дома на тротуарной тумбе. А самому — уйти домой... Не пройдет и получаса, как пятно исчезнет".

Составленные советы обратят внимание читателя и вызовут в нем интерес к печатному слову.

* * *

Вот и все.

Читатель видит, что с помощью этих деловых практических советов всякий может на дому приготовлять какую угодно "Смесь" для своих домашних и знакомых,

— не прибегая к дорогостоящей выписке журналов и газет, где все это может быть подано точно так же, если не хуже.

А я за это не хочу себе никакой награды, никакого памятника.

Несколько десятков тысяч золотых рублей, собранных почитателями по подписке, или скромная статуя на Невском проспекте, изображающая меня, — будут мне лучшими памятниками.

ПРИЛОЖЕНИЕ К "ПАНТЕОНУ СОВЕТОВ МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ"

ПАСХАЛЬНЫЕ СОВЕТЫ

ВВЕДЕНИЕ

О, лучший из праздников, когда колокола, сладко волнуя сердце мелодичным и гулким звоном, будят в душе грустные ласковые воспоминания о былом, о празднике пышной весны, когда ароматные почки на деревьях радостно распускаются... впрочем, им хорошо распускаться, когда никаких расходов они не несут, а мы, люди, и тому должны заткнуть глотку, и этому, да подарки разные, да "на чай"... И что это еще такое за "на чай"?! Один разврат. И без чаев хороши будут.

Об ароматных почках, да и мелодичных колоколах это у меня к слову пришлось, а вообще я человек деловой и подхожу к пасхальным вопросам с утилитарной точки зрения...

Цель моя — научить читателей, как по-христиански, но безубыточно отпраздновать Пасху, когда колокола мелодичным звоном будят в душе... — впрочем, об этом я уже говорил. Ни к чему это все. Главное — практичность. Вот, например:

ПРАЗДНИЧНЫЕ ПОДАРКИ

Жену имеете? И детей? И кухарку?

И напрасно. Не такое теперь время, чтоб на своей шее всю эту публику держать.

Но раз глупость уже сделана — нужно подумать, — как же выйти из этого положения? Жена-то, небось, спит и видит бриллиантовое колечко, да и детишки, как молодые крокодилята, пáсти пораскрывали на ящик с красками или на собрание сочинений Жюля Верна. А кухарка уже целую неделю страшно щелкает крепкими зубами, предчувствуя впереди сарпинку на кофточку. Сарпинку тебе? О душе нужно подумать, матушка!

Для того чтобы избежать всех этих расходов, хозяин должен обзавестись сущими пустяками: одним анонимным письмом, изготовленным собственными средствами, одним дохлым мышонком и надтреснутым бракованным блюдом, которое за гроши можно купить в любом посудном магазине.

И вот, скажем, приходите вы в Страстную пятницу домой к обеду с дохлым мышонком в одном кармане, с анонимным письмом в другом и с треснутым блюдом, завернутым в бумагу, — под мышкой.

— Обедать! — радостно кричите вы. — Обедать! Я голоден как волк... А я сегодня, друзья мои, по случаю купил чýдную, замечательную вещь — старинное блюдо Императорского фарфорового завода. Цены нет этому блюду! Ну-ка, Миша, разверни.

Ваш сынишка доверчиво начинает распутывать накрученную вами бечевку и снимать с блюда несколько слоев бумаги...

— Развернул? Ну-ка, полюбуйт... Это что такое? Почему трещина?! Разве тебе можно поручать что-нибудь, паршивец этакий!!! Расколол!!!

Орите во все горло:

— Нежная старинная вещь!! Пятьсот рублей стóит, а ты, как ломовик, набросился. Разве я тебя для того рожал, чтобы ты мне блюда бил... Сегодня блюдо разбил, завтра всю посуду перебьешь, а послезавтра отца начнешь бить... Это что?! Слезы?! Вон из-за стола!! Блюдо полторы тысячи стоит, а он своими копытами... Вон! (Эквивалент ящика с красками и Жюля Верна, глядишь, и в кармане остался.)

Если жена кротко запротестует, — орите дальше:

— У людей дети, как дети, а у нас... На кого же я, спрашивается, работаю, минутки свободной не имею?! Вот, например, утром еще получил письмо — до сих пор пяти минут не имел прочесть! Ты позволишь, милая?

— Читай, — кротко говорит жена. — Какие там церемонии.

Вы извлекаете из конверта анонимное письмо и начинаете громко читать:

"Здравствуйте, обманутый дурак! В то время, как вы заботитесь о семье, хлопочете, — ваша жена дарит своей благосклонностью другого... Спросите у нее — у кого она была позавчера и почему ее головные шпильки очутились на подзеркальнике известного донжуана Пробиркина?! Прощайте, тупой осел!"

Жена, конечно, заплачет, но... ничего. Женские слезы, как говорится, вода, а колечко так и останется торчать в витрине ювелира. Вот вам и экономия!

Наконец, подают суп. Пользуясь тем, что жена продолжает рыдать в салфетку, выньте дохлого мышонка и подсуньте его в свою тарелку...

Орите:

— Что это?! Мертвое животное в супе?!! Чумная крыса?! Отравить нас хотят?! Аксинья!! Поглядите-ка!.. Надеюсь, сама понимаешь...

И меркнет, тухнет в пылких кухаркиных очах долгожданная сарпинка...

До сарпинки ли тут, когда барина колесом от ярости скорчило.

Если же вы по доброте душевной считаете эти остроумные приемы жестокими, — то, так и быть, сделайте своим домашним такие подарки: жене — коробочку хороших сигар или бритвенный прибор, сынишке — лампу для гостиной или материи на халат, а кухарке — собрание сочинений Эмиля Золя. Не знаю, как им, но вам эти подарки доставят тихую радость...

УСТРОЙСТВО ПАСХАЛЬНОГО СТОЛА

О, сколько красоты и поэзии в праздничном столе, накрытом белоснежной скатертью!..

Сколько дразнящего, будящего аппетит в этих группах разноцветных водок и вин; каким дьявольским соблазнительным топазом сверкает мартелевский коньяк, как сочно и плотно лежат в коробке ле-маршановские сардины! А этот огромный запеченный окорок, украшенный курчавой разноцветной бумагой, с румяной коркой, художественно утыканной черненькими пятнами гвоздички?! А эта зернистая икра, свежая, пахнущая морем, в круглой большой жестянке?! Да-с! Хорошо-то оно хорошо, а пойдите, купите — без рубашки останетесь.

А разве визитер оценит? Он думает — все это так и полагается! По-моему, достаточно ему рюмки водки и куска вареной колбасы. Пусть и за это будет благодарен...

А стол все-таки украсьте как у людей.

Делайте же это так.

Ви́на. Поставьте несколько запечатанных бутылок (можно взять в магазине напрокат), достаньте пустую бутылку из-под коньяка, налейте ее чаем и поставьте на видное место. Других же вин не откупоривайте — ради Бога! Потому, визитер твердо помнит правило: раз вино откупорено — его надо пить. И водки выпьет — хорош будет.

Окорок. Срежьте с окорока все мясо, спрячьте его подальше, покройте масталыг кожей — пусть стоит.

Сардины. Металлический язычок, что торчит в одном углу коробки, — незаметно подпилите напильником.

Яйца. Вымажьте их красными и черными ализориновыми копировальными чернилами. Рекомендую: дьявольски линяют.

Зернистая икра. В пустую коробку из-под икры налейте доверху жидкого столярного клея. Плотно закройте крышкой. Дайте высохнуть.

Вот и все праздничные хлопоты.

Теперь — предположим, пришли визитеры...

Вы (радостно):

— А-а, гости дорогие! Христос Воскресе! Воистину! Ну, не грех и закусить чем Бог послал... Вам чего прикажете? Водочки?

— Нет уж, знаете, я коньяку...

— Пожалуйста!! Настоящий мартель (берете в руку, смотрите на свет. Любовно подбрасывая, как ребенка, нечаянно роняете на пол с расчетом, чтобы бутылка разбилась...) Ах, черт возьми! Какое несчастье! Что ж теперь делать? Придется уж водочки. Закусите, пожалуйста. Ветчинки?!

— Режьте, господа, сами, не стесняйтесь, будьте как дома! Что?.. Одна кость там? А! это до вас Петр Иванович был — так он тово... Хе-хе... Весь окорочок усидел. А может, яичек? Не хотите? А вот сардинки. Сейчас открою! Где ключ?.. Тр-рах!!

— Эх, неудача. Язычок сломался. Теперь как ее откроешь, проклятую... Икры вам предложить, что ли? Открывайте банку, накладывайте столовой ложкой! Что? Плотно закрыта? А вы покрутите. Нет? Не открывается?

Гм... Разве в теплую воду поставить, может отойдет через часик крышка. А пока колбаски рекомендую — дивная колбаса! Трипль — сек. за ваше здоровье!..

. . . . . .

— Уже уходите? Ну — всего вам, всего-всего хорошего. Спасибо, что не погнушались хлебом-солью.

Прилично вышло? Прилично. Дешево. Ну так чего ж вам еще?!

КАК ИЗГОТОВИТЬ ДЕШЕВЫЙ СЫТНЫЙ ОБЕД

На праздники хочется пообедать особенно вкусно и особенно сытно.

Как же изготовить себе наиболее дешевый и наиболее вкусный обед?

Вот один из самых приемлемых способов, которых не найдете ни в одной поваренной книге...

Взять столовую ложку бензину. Взять чистенькую тряпочку. Взять свои брюки и сюртук. Почистить их. Накрыть сверху шляпой. Пойти к знакомым, которые еще не читали моих советов. Норовить попасть к обеду. Будете есть:

Куриный бульон.
Пирожки.
Отварную лососину.
Соус тартар.
Жареных цыплят.
Салат.
Спаржу.
Суфле яблочное.
Кофе, вина, водки, ликеры.

Правда, вкусно?

КАК СЭКОНОМИТЬ НА ЧАЕВЫХ

На первый день праздника, едва вы откроете сонные глаза, — как к вам нагрянет вереница поздравителей с недвусмысленным выражением, начертанным на лице кистью великого мастера: дай, собака, на чай.

Придут: три дворника, швейцар, трубочист, приказчик из бакалейной лавки, человек, который в прошлом году выводил у вас тараканов; почтальон, шофер, переехавший вашу тетку; неизвестный, которого вы на Страстной неделе били в биллиардной кием; ловец бродячих собак.

Как же с ними со всеми устроиться наиболее прилично и экономно?

Существуют до сих пор только два способа, наиболее практичных и радикальных:

а) уехать перед праздником в Аргентину;

б) заболеть сыпным тифом.

В этом случае ничего другого для вас придумать не могу. . . . . .

ИСКУССТВО РАССКАЗЫВАТЬ АНЕКДОТЫ

Истинно светские люди могут иметь успех в обществе и свете — помимо всех других качеств — только в двух случаях: или когда они хорошо рассказывают анекдоты, или когда они анекдотов совсем не рассказывают...

Насколько хороший анекдотист пользуется шумным, заслуженным успехом, насколько общество фигурально носит его на руках — настолько же плохой, бездарный претендент на "анекдотский престол" видит кругом плохо скрытое отвращение и тоску, настолько общество, выражаясь фигурально, — топчет его ногами!

Существует старинное распределение рассказчиков анекдотов на четыре категории:

1. Когда рассказчик сохраняет серьезное выражение лица, а слушатели покатываются со смеху...

2. Когда смеются и сам рассказчик, и слушатели...

3. Когда рассказчик за животик держится от смеху, а слушатели, свесив головы, угрюмо молчат...

4. Когда слушатели, вооружившись стульями и винными бутылками, хлопотливо бьют рассказчика.

Вот те поистине ужасные последствия, которые могут обрушиться на голову плохого рассказчика. В американской газетной хронике (штат Иллинойс) был по этому поводу рассказан поистине леденящий душу факт: компания вакеросов, выслушав подряд семь отвратительных тягучих анекдотов, так освирепела, что схватила рассказчика, облила его керосином и подожгла, выплясывая вокруг него веселый джиг; потом обгоревшего неудачника вакеросы купали в реке, а потом, зацепив за шею веревкой, долго волочили при свете факелов по городским улицам, и разбуженные шумом матери поднимали с постелек своих детей и подносили их к окнам — со словами: "Глядите, детки, — вот вам пример: никогда не рассказывайте глупых старых тягучих анекдотов. А то

и с вами будет то же, что с этим куском жареного мокрого мяса!"

И — наоборот.

Пишущий эти строки знал одного молодого человека, ничем особенно не отличавшегося, кроме искусства замечательно рассказывать анекдоты (см. первую категорию рассказчиков). И что же?! Все женщины города ласкали и целовали его, мужчины угощали водкой и папиросами лучших фабрик, а начальство повышало его по службе так, как в 1923 году повышался доллар в Германии. Однажды, рассказывая в поезде какой-то уморительный анекдот, он свалился с площадки вагона под колеса и ему отрезало обе ноги, за что железная дорога уплатила счастливчику огромную премию, и он прожил свой век в богатстве и роскоши, окруженный любовью и почитанием современников.

* * *

Всякий рассказчик должен помнить три основных правила своего изящного искусства:

1. Анекдот должен быть краток.
2. Блестящ по передаче
— и 3. В конце — неожидан.

Самое главное — пункт первый (краткость).

Длинный анекдот напоминает Эйфелеву башню, на которую вас заставили взобраться пешком, без лифта... С самой верхушки башни вид-то, может быть, очаровательный, но вы так устанете, взбираясь, что вам и на свет Божий глядеть противно.

Затем — ненужные, не имеющие к анекдоту отношения подробности, — могут довести слушателей до молчаливой ярости, до преступления.

Пишущий эти строки слышал один анекдот в передаче директора департамента народного здравия.

— Вот я вам расскажу хороший анекдот, — пообещал он. — Дело было в небольшом торговом городке. Городок был, как я уже сказал, небольшой, но оживленный. Потому что стоял он на берегу Волги и там перегружали муку, соль, ну, конечно, лес тоже сплавлялся... Население преимущественно торговое. Поэтому в городке была пропасть трактиров, и в этих трактирах целый день толокся торговый люд, попивая чай, пиво и водку. Так вот — в один из таких трактиров — не помню, как он назывался — не то "Китай", не то "Большая парижская

гостиница", — в один из таких трактиров пришел подпивший купец. Ну, вы сами знаете, русская душа — разгулялся, потребовал еще водочки, закусочки, селяночки на сковородке с осетриной. Ест, пьет, а над ним в клетке в окне заграничная канарейка поет, заливается. Ну, так-с. Слушал ее купец, слушал — пришел в восторг. Потому — вы же знаете — канарейки иногда очень хорошо поют. Недаром даже Канарские острова по их имени названы. Вот послушал он эту канарейку и зовет слугу. Слуга прибежал — этакий русский молодец, румянец во всю щеку и волосы подстрижены в скобку. "Что прикажете?" — "Сколько стоит канарейка?" — "Триста рублей". — "Зажарь мне ее в масле". Слуга видит, что купец богатый, значит, может заплатить за свою причуду, — беспрекословно снял канарейку, снес на кухню, зажарил. Приносит. "Готово". — "Отрежь на три копейки".

Присутствующие вежливо посмеялись, полагая, что директорский анекдот окончен. Но директору жаль было расстаться со своим длинным, как пожарная кишка, анекдотом.

Пожевал губами и продолжал:

— Да... "Отрежь, говорит, на три копейки". Тот поднял крик: "Как так?! Неужели зря дорогую канарейку загубил?!" — "Что ты кричишь, чудак... Мне надо только на три копейки!.." Ну, конечно, шум был, скандал. Полицию позвали. Кажется, протоколом кончилось. Ну, купец дал околоточному — не помню — не то десять, не то пятнадцать рублей...

Все исступленно молчали, а один из слушателей тихо вышел в переднюю, отыскал директорское пальто и сигаретой прожег на спине преогромную дыру.

Кто упрекнет его за то, читатели?!

* * *

Вот как не надо рассказывать.

Излагайте анекдот приблизительно так:

В двери шикарной кондитерской просовывается чья-то голова: "Скажите, есть у вас сдобный хлеб с цукатами и миндалем?" — "Есть, есть, пожалуйте". Протискивается вся фигура. Снимает шапку, жалобно: "Подайте хлебушка, Христа ради, бедному. Три дня не ел!"

Или: "Цедербаум, это совершенно неудобно: весь город говорит, что Кегельман живет с вашей женой!"

— Муж: "Э! Подумаешь какое счастье! Захочу — так я тоже буду жить с ней!.."

Или: "Яша, чего ты за щеку держишься?" — "Понимаешь, один шарлатан хотел ударить меня по морде!" — "Так он же только хотел! Чего ж ты держишься?" — "Так он уже ударил!" — "Чего ж ты говоришь — "хотел"?" — "Ну если же бы он не хотел, он бы не ударил!"

Или:

"На парижском аэродроме к пилоту подходят два еврея: "Послушайте! Вы сейчас в Лондон летите. Возьмите нас". — "А вы кто такие?" — "Так себе, обыкновенные евреи". — "О-о, евреи! Ни за что не возьму. Евреи — такой темпераментный народ, что начнут кричать, за плечи меня хватать — еще катастрофа будет". — "Но мы не будем кричать, ей-Богу! Абраша, правда, не будем?" — "Ей-Богу, — говорит Абраша, — не будем!" — "Ну, я вас возьму, но с условием: за каждое сказанное слово вы платите мне фунт стерлингов! Согласны?" — "Абраша, ты согласен?" — "Согласен!" Сели. Полетели. Прилетели в Лондон, пилот спустился, слез, мотор осматривает. Подходит к нему один из пассажиров: "Теперь уже можно разговаривать?" — "Теперь можно". — "Абраша в воду упал!.."

А начните вы, передавая эти анекдоты, описывать место действия, наружность и возраст действующих лиц, и анекдот уже погиб, завял, покрылся скучной пылью!..

Нет ничего трагичнее рассеянных, забывчивых рассказчиков...

— Вот — расскажу я вам анекдот... Было это в тысяча восемьсот девяносто... Нет! В тысяча девятьсот... девятьсот?.. Постойте!.. В каком же году это было?..

— Да неважно! — кричат слушатели. — Дальше!..

— Ну-с. Был в городе Елабуге один еврей... нет, не еврей. Армянин, кажется? Или, что ли? По фамилии... гм. Как же его фамилия? Гм! Дай Бог памяти...

— Неважно! Дальше!! — ревут слушатели.

— И поехал этот мужичок пароходом... Нет!!! Позвольте... не пароходом, а пешком он пошел...

— Аэропланом!!!

— Нет, тогда еще аэропланов не было. Встречается со старухой NN. Впрочем, нет... Это было ее свадебное путешествие... Значит, молодая. Постойте!.. Тогда почему же у нее зубов не было?.. Но этот же анекдот, кажется, построен... Или нет?.. Ах, да!

За убийство такого рассказчика не судят, а выдают премию, как за удачное санитарное мероприятие...

А есть и такие рассказчики: начнет в обществе передавать что-то вязкое, тягучее, а на половине вдруг вспыхнет, как маков цвет, и замолчит.

— Ну? Что же дальше?!

— Простите — дальше неприлично, я и забыл совсем... А тут дамы.

* * *

Ужасная язва общества — так называемые "подсказчики анекдотов".

— Иван Петрович! Расскажите тот анекдот, который рассказывали на прошлой неделе... Вы так хорошо рассказываете...

— Какой анекдот?!

— Да помните, о том еврейском мальчике, который просил у учителя отпуск на завтрашний день, а когда тот спросил "зачем?", мальчик ответил: "Папа говорил, что у нас завтра дома пожар будет". Расскажите!

Что тут рассказывать бедному анекдотисту?

* * *

Иногда можно рассказывать старый, затрепанный анекдот, — но — смотря где. Если общество захудалое, провинциальное — можете перетряхивать в их присутствии всякое старье.

Но в изысканном, изощренном, насыщенном модными анекдотами кругу — остерегайтесь.

...За столом сидели шесть человек — три актера, два журналиста и адвокат. Я подсел к ним и принялся рассказывать анекдоты — все, какие знал.

И после каждого анекдота присутствующие вынимали из карманов белые платки и прикладывали к ушам концами, так — что все лица были окаймлены белыми платками.

В конце концов я не выдержал и спросил:

— Что это значит?

— Это? Белая борода!

— Почему?

— Все анекдоты, рассказываемые вами, так стары, что имеют седую бороду!!! . . . . . .

Очень было обидно.

* * *

При выборе анекдота нужно считаться с составом слушателей.

Есть анекдоты для барышень. Есть для дам. Есть специальные "мужские". Третью категорию иногда можно рассказывать второй категории, предварительно деликатно нащупав почву, но не дай Бог обрушить третью категорию на головы благоуханной девственной первой категории.

Один негодяй при пишущем эти строки рассказал целому цветнику светских, невинных, кротких молодых девушек такое:

— Молодому еврею из Житомира сват предложил житомирскую девушку в жены. "Она (говорил он) очень хорошая девушка — общая любимица". Познакомился с ней жених через свата, поехал в театр. Все друзья и знакомые, увидев их вдвоем, набросились на жениха: "С ума вы сошли? Что это за компания для вас — с ней весь Житомир путался!" И побежал молодой человек в ярости к свату... "Слушайте!! — кричит. — Вы! Мерзавец! Кого вы мне сосватали?! Мне говорят, что с ней весь Житомир жил..." — "Э, вы скажете тоже, — хладнокровно говорит сват, — уже и "весь Житомир!" В Житомире 50 000 жителей. Так считайте — половина женщин. Из 25 000 — 10 000 детей. Потом 5000 стариков, калек, нищих... остается 10 000... Так это, по-вашему, — весь Житомир?!"

Слушательницы испуганно переглянулись, а я отыскал хозяев и сообщил им, что вышесказанный молодой человек украл из столовой две серебряные ложки.

* * *

Вот, читатель, — мой тебе подарок.

Пытаясь занять общество анекдотами, — всем вышеизложенным руководствуйся.

Тогда — процветешь...

СОВЕТЫ, КАК ИМЕТЬ УСПЕХ У ПРЕКРАСНОГО ПОЛА

Как часто видим мы очень интересных молодых людей, красивых, изящных, но — увы! Эти молодые люди не имеют никакого успеха у женщин.

И наоборот: не встречали ли вы рыжих, веснушчатых молодцев с кривыми ногами, расплющенным носом и заплывшими жиром глазами, которые (не глаза, а эти молодцы) имеют среди прекрасного пола бешеный, потрясающий успех?!

А почему? Очень просто: первые (красавцы) не знают, с какого боку подойти, как взяться за дело, вторые же (кривоногие) обладают этим священным даром в такой же степени, как Кубелик играет на скрипке.

И вот — я хочу пойти навстречу назревшим нуждам неопытных красавцев. Кривоногие же пройдохи и без меня обойдутся. Им мои советы не нужны. Они сами много чего могут мне посоветовать.

* * *

Вначале — маленькое разъяснение: я вовсе не хочу идти против Священного писания, которое гласит:

"Не пожелай жены ближнего твоего".

Что здесь главное? То, что он "ближний". Жены ближнего и не желайте.

Но если жена в Кишиневе, а муж, скажем, во Владивостоке, то он уже делается дальним, и, значит, всякое нарушение священной заповеди отпадает.

Из этого, конечно, не следует, что всякий молодец, влюбившийся в замужнюю женщину, должен таскать под мышкой глобус и, осведомившись о местопребывании мужа, начать вслух рассчитывать расстояние, тыча пальцем в разные места глобуса.

Это слишком наглядно, а всякое чувство требует тайны.

* * *

Влюбившись, вовсе не нужно моментально напяливать фрак, белый галстук, зажимать в мокрой от волнения руке букет цветов и, явившись к предмету своей страсти, преклонять перед ней колено со словами:

— Ангел мой! Я не могу жить без тебя. Будь моей женой!!

— Что вы, помилуйте. Да ведь я замужем!

— Я вас разведу с мужем!

— Но у меня дети...

— Детей отравим. Новые будут.

Глупо и глупо. Женщина никогда не пойдет на эту примитивную приманку.

Вот как сделайте: явитесь в сумерки с визитом к дорогой вашему сердцу женщине, припудривши лицо и подведя глаза жженой пробкой, явитесь и, севши в уголок, замрите.

— Что это вы сегодня такой грустный?.. — спросит хозяйка.

— Так, знаете. Нет, нет. Лучше не расспрашивайте меня.

— Дела плохие?

— Что для меня дела. (Вздох.) Я о них даже и не думаю.

— Вы что-то сегодня бледны...

— Ночь не спал.

— Бедный!.. Почему же?

— Вы мне снились всю ночь.

Даю слово, что самая умная женщина не обратит внимание на резкое несоответствие между первой фразой ("не спал всю ночь") и второй ("вы снились всю ночь").

— Я вам снилась?.. — задумчиво скажет она. — Вот странно.

И довольно на сегодня. Конец. Маленькая, крохотная зацепка уже сделана. Уйдите, оставив ее задумчивой.

На другой день:

— Вы сегодня опять какой-то бледный... (Пудра "Клития" — замечательное вспомогательное средство для влюбленного человека.)

— Бледный, я? Гм... Отчего бы это? Может быть, потому, что опять плохо спал?

— Бедняга! А теперь кто вам снился?

— Догадайтесь... (В этом месте можно рискнуть взять ее за руку. Полагаю, опасности особой нет.)

— Ну, как же я могу догадаться... (Врешь, милая! Уже догадалась. Иначе зачем бы он взял тебя за руку?..)

— Не догадываетесь? Вы, такая чуткая, такая красивая...

Красота тут, конечно, ни при чем, но — каши маслом не испортишь.

Скачите дальше:

— Вы... не догадываетесь? Вы, у которой сердце звучит, как Эолова арфа, под малейшим порывом налетевшего ветерка, вы, у которой глаза, как зеркальная лазурь Лаго-Маджиоре, проникающая, как стрела, в самую глубину сознания бедного больного человеческого сердца, бьющегося в унисон с теми тонкими струнами... которая...

Такой разговор требуется минут на шесть.

Ничего, что глупо. Зато складно. Тут тебе и Эолова арфа, и Лаго-Маджиоре, и унисон. Советую напирать не на смысл, а главным образом на звук голоса, на музыку.

Очень рекомендуется, не окончив фразы, нервно вскочить, махнуть рукой и, наскоро попрощавшись, уйти.

Это производит впечатление. А кроме того, и из запутанной фразы выкрутитесь.

На третий день смело входите и говорите такую на первый взгляд странную фразу:

— Мэри (или Ольга, или Эльза)! Что вы со мной делаете?!

— А что такое? Что я с вами делаю?

— Посмотрите на меня (не нужно забывать — еще в передней — смахнуть платком пудру с лица. Но — осторожно: жженая пробка под глазами может размазаться). Вы видите?!

— Да, вид у вас неважный... Но разве я виновата?..

— Вы виноваты! Только вы. Вы приходите ночью к моему изголовью, и... и... я больше так не могу!!!

По общечеловеческой логике нужно бы ответить на это так:

— Чего вы ко мне пристали с вашим изголовьем? Мало ли какая ерунда будет вам сниться? Что ж, я за это должна и отвечать?!

Но... ни одна женщина не скажет так. Нужно знать женщину.

Она только воскликнет:

— Боже мой! Но разве я этого хотела?! Мне самой тяжело, что вы так мучитесь...

Слышите? Ей тяжело! Она, значит, вам сочувствует. Она, значит, как говорят профессиональные рыболовы, — "зацепилась на крючок".

В этом месте я подхожу к самому деликатному вопросу, о котором мне, при моей застенчивости, трудно и слово вымолвить.

Вы должны ее поцеловать.

Только, ради Бога, не сразу.

Не обрушивайтесь на нее, как глетчер, не рычите, как бегемот.

Тихо, деликатно возьмите за руки. Приблизьте свои глаза к ее глазам (губы, как известно, покорно следуют за глазами — деваться им некуда). Ближе... Ближе... Загляните в таинственную бездну ее глаз.

И вот — в этой позиции сразу и не разберешь: вы ли ее поцеловали, она ли вас.

Конечно, дальнейших советов я не могу давать. Я слишком скромен для этого. Можете даже, поцеловав, пойти домой — и на этом успокоиться.

* * *

Знавал я одного человека, который всю рассказанную мною поэтичную процедуру невероятно упрощал. Именно, оставшись с женщиной наедине, бросался на нее, точно малайский пират, и принимался ее целовать.

Я как-то спросил его возмущенно:

— Как можешь ты так по-разбойничьи вести себя с женщиной? А если получишь отпор? Скандал?!

— Отпор бывал часто. А скандалу не было. Женщина предпочитает молча, без крику, отвесить пощечину.

— Ага! Значит, ты получал пощечины?!

— Ну, от женщины не считается. И потом, на 100 женщин — только шестьдесят дерутся. Значит, я работаю в предприятии из 40% чистых. Этого не приносят владельцам даже самые лучшие угольные копи или учетный банк.

— А вдруг жена пожалуется мужу?

— Побоится! Ты не знаешь мужей. Муж никогда не поверит, чтобы человек ни с того ни с сего — полез целоваться. "Ага, — скажет он. — Значит, ты перед этим кокетничала, значит, дала повод?!" Нет, это штука безопасная.

Этот пример я привел для того, чтобы сказать, что я отношусь к такой манере ухаживать с отвращением. Я — поэт и нахожу, что всякое красивое чувство не должно быть оптовым — с исчислением процентов прибыли.

Как поэт — еще раз говорю: лучший прием для успеха, это — "вы мне снились". Долбите, как детям, пока не подействует.

* * *

Другой мой знакомый, как он сам выражался: "работал фарфором". Прием, по-моему, тоже дешевый.

Однажды купил он на аукционе прескверную фарфоровую кошку и китайца, которого если ткнуть в затылок — он начинал мотать головой. С тех пор владелец этих вещей говорил всем дамам, на которых имел виды:

— Старинный фарфор любите?

Какая уважающая себя дама осмелится ответить "не люблю"?

— Люблю, — ответит она.

— Очень?

— Ах, ах, ужасно люблю!!

— У меня есть очень недурная коллекция старинного фарфора. Не хотите ли зайти осмотреть?

— Гм?.. Удобно ли это? Впрочем...

Часто дама, уже собираясь уходить и надевая перед его зеркалом шляпу, вспоминала:

— Да! А где же этот твой знаменитый фарфор?

— А вот там стоит. Ткни китайца в затылок. Видишь, как забавно? Настоящий, брат, алебастр!

И долго еще после ухода парочки — китаец с задумчивой иронией качает видавшей виды головой. .....

.....

Последний совет: женщина, даже самая бескорыстная, ценит в мужчине щедрость и широту натуры. Женщина поэтична, а что может быть прозаичнее скупости?..

Любящая женщина, которая с негодованием откажется от любой суммы денег, — ни слова не возразит вам, если вы купите ей билет в театр или заплатите за нее в кафе.

Один известный мне человек сразу погиб во мнении любящей женщины после того, как, расплачиваясь в кафе, стал высчитывать:

— Два стакана кофе с булочками — 3 $^1/_2$ марки. Ты пила белый кофе, я черный — значит, с меня на $^1/_2$ марки меньше. Да, ты откусила своими очаровательными белыми зубками у меня кусок пирожного, приблизительно одну треть, — значит, с тебя еще 20 пфеннигов. С тем, что я платил за тебя в трамвае, — с тебя, царица души моей, 2 марки 35 пфеннигов.

Нужно ли говорить, что на таком пустяке этот идиот сломал себе шею, хотя и был красив как бог!

* * *

Кстати, вы, может быть, спросите: а где же советы, как ухаживать не за дамами, а за девушками?

Этих советов я не могу дать.

Потому что за девушками не "ухаживают".

Им делают предложение и женятся.

После же женитьбы молодой человек может прочесть мое руководство сначала.

И то, руководство это будет полезно не тому, который женился, а другому молодому человеку — постороннему.

ОТДЫХ НА КРАПИВЕ (1924)

ПОЧЕМУ?

Этот вопрос задал мне издатель, когда я вручил ему материал для настоящей книги.

— Что — "почему"?

— Почему книга так называется: "Отдых на крапиве"?

— Хорошее название, — одобрительно возразил я, ласково похлопав по папке с рукописями.

— Неплохое. Но что, собственно, оно обозначает?

— Неужели не догадываетесь? Так просто! Вы когда-нибудь пробовали отдыхать на крапиве?

— На крапиве? В детстве пробовал. Но, какой уж то был отдых — на крапиве! Одно жгучее беспокойство.

— Вот то-то и оно. Дело в том, что я немного зол на моих читателей. Всю свою и всю мою жизнь они считали меня предобродушным малым, и при личном со мной знакомстве пытались всегда отпустить сомнительного сорта комплимент: "Ах, знаете, я люблю вас читать! На ваших книгах — прямо-таки отдыхаешь!" Я всегда был против того, чтобы мои книги низводились до степени мягкой перины — это ужасно обидно! Литература должна звать куда-то, будить, тревожить, вызывать разные вопросы и запросы. Вот как я смотрю на литературу! А мои читатели?.. Им, извольте ли видеть, удобно отдыхать на моих книгах! Возмущенный этим, я и решил в настоящем случае подсунуть им такую книгу, на которой не очень-то отдохнешь! Она почти вся — едкая, колючая — ну точь-в-точь будто вы легли в крапиву, опираясь об нее голой рукой, щекой и шеей...

Издатель внимательно выслушал меня и потом сказал:

— А вдруг читатель и не почувствует даже, что у него под рукой жгучая крапива?!

— Тогда он не читатель. Крокодиловую или носорожью кожу — я предпочитаю на разных изящных изделиях, но не на читательском теле. Эта моя книга для людей тонкокожих...

Издатель ухмыльнулся и хлопнул рукой по книге:

— Значит — "Отдых"?

— "Отдых"! — хлопнул и я рукой по тому же месту.

— "На крапиве"? — поглаживая книгу, будто это была только что купленная лошадь, спросил издатель.

— "На крапиве", — подтвердил я, ласково пощекотав книгу под корешком.

В этой несложной процедуре и заключался акт крещения новорожденного, который скоро-скоро выплывет на бурный водоворот жизни — под ясным звучным названием:

— "Отдых на крапиве"...

Автор

ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК

Для разговора Сукачев выбрал самое неудобное место: нас толкали, нам наступали на ноги, потому что встретились мы с Сукачевым на скрещении двух главных улиц... Все-таки Сукачев ухитрился рассказать свою историю до конца.

Я, впрочем, того мнения, что наша встреча именно на улице — к лучшему: будь это в закрытом помещении — Сукачев плакал бы, как ребенок.

Сукачев уцепился за пуговицу моего пиджака, как тонущий матрос за обломок реи, и начал рассказывать так:

* * *

Видите ли, я имею некоторые дела с Будапештом и рано или поздно собирался даже туда съездить. Но мне страшно мешало незнание ихнего венгерского языка.

И пришла мне однажды в голову благая мысль, чтоб ее черт побрал, эту мысль: пошел я в контору газеты и сдал такое объявление: "Ищу преподавателя венгерского языка. Гонораром не стесняюсь".

На другой день ко мне явился крайне благообразный скромного вида молодой человек и сказал:

— Я могу выучить вас венгерскому языку.

— А вы что же сами... венгерец?

— Нет, но мой дед долго жил в Венгрии. Потом, в 1848 году, бежал от преследований Хорти.

— Что вы такое говорите?! Да ведь Хорти в 1848 году и на свете не было.

— Допустим, но что же из этого следует? Если у меня был дедушка, почему же у Хорти не могло быть дедушки?! Один дедушка бежал от другого дедушки — вот и все! Так хотите учиться венгерскому языку?

— Очень. А сколько вы возьмете за полный курс?

— Это будет зависеть от вас, я могу получить за весь язык сдельно, могу получить за ежедневный кусочек языка — поденно.

— А какая разница?

— Сдельно — в два раза скорей выучитесь.

— Тогда, конечно, сдельно. Сколько хотите?

— Две тысячи крон. Только я должен поселиться у вас и не разлучаться с вами — тогда будет толк. Через месяц вы будете говорить по-венгерски, как Бетховен!

— Виноват, Бетховен никогда не говорил по-венгерски!

— Ему же хуже. Встреться он со мной в свое время — он объяснялся бы, как Данте Алигьери!

— Данте был итальянец.

— Это безразлично. Я и по-итальянски говорю, как бог. Могу я завтра к вам переехать?

— Хоть сегодня.

* * *

Первый наш урок произвел на меня самое выгодное впечатление...

— Вероятно, мы начнем с грамматики? — осведомился я.

— Вы будете сейчас приятно удивлены, — усмехнулся мой юный преподаватель. — Дело в том, что венгерский язык не имеет никакой грамматики!

— Вы меня поражаете!

— О, это удивительный язык! Там все слова не склоняются и не спрягаются. Например, по-русски вы скажете: "Я видел его идущим по улице"... А по-венгерски это звучит так: "Я видеть он идти улица".

— Оказывается, значит, что это очень легкий язык!

— Не скажите. Слова очень трудные. Но за месяц я вас выучу.

Я знал единственное венгерское слово и поэтому решил щегольнуть им перед своим преподавателем.

— *Киссенем,* — расшаркался я.

Он удивился:

— Что-о?

— Я говорю: "киссенем" — по-венгерски — спасибо. Неужели вы не знаете такого простого слова?!

— Ах, да! Но вы неправильно произнесли это слово — потому я и не понял. Не "киссенем", а "куссенем"!

— Вот оно что! То-то я там над первым "и" видел две черточки.

— Верно. Благодаря этим черточкам "и" всегда переходить в "о".

— Вы раньше сказали в — "у".

— Ну, да — это среднее между "о" и "у". Однако не будем отвлекаться. Для первого раза запишите и выучите самые распространенные фразы: "Здравствуйте — авалакиташвара", "как поживаете? — газогенератор", "до свиданья — дизель-мотор".

Я аккуратно записал эти слова в тетрадку. Так как венгерские женщины мне давно нравились, то во мне вдруг властно заговорил мужчина:

— Скажите, а как по-венгерски сказать женщине: "Я вас люблю".

Он застенчиво усмехнулся и после некоторого колебания ответил:

— Ду бист эйзель!

— Благодарю вас. Запишем.

Работа у нас кипела вовсю. Я с каждым днем расширял свои познания в венгерском языке, хотя меня огорчало то, что мой преподаватель строго-настрого запретил мне разговаривать с посторонними по-венгерски:

— Вы этим только испортите произношение.

А произношение у меня было действительно неплохое! Каждое утро, после пробуждения, мы обменивались несколькими фразами по-венгерски, и я подавал реплики самым шикарным образом.

— Авалокиташвара, — приветствовал меня учитель.

— Ишиас, — отвечал я. (Учитель утверждал, что "ишиас", это — "Мое почтение".)

— Флегмона печени? — спрашивал он. (Как спали?)

— Хирагра! (прекрасно!) — быстро отвечал я.

— Фистула фурункул? — осведомлялся учитель. (Будем пить чай или кофе?)

— Диабет! (коньяк) — радостно кричал я.

Вообще венгерский язык очень забавлял меня. Например, однажды я спросил преподавателя:

— Как по-венгерски "дерево"?
— Там, — сказал он, не задумываясь.
— А два дерева?
— Там-там.
— А три?
— Там-там-там.
— Удивительный язык! А если целый лес?
— Это уже поется на мотив марша: "Трам-да-там-там, тра-там-там"...
— Замечательно! Вот уж этого я никогда не забуду.
— О, конечно. Всю жизнь будете помнить.

* * *

И вот в один прекрасный день преподавание было закончено... Учитель мой уложил чемоданчик, пожал мне руку и сказал:
— Ду бист гроссе эйзель! (я вас очень полюбил).
— Пинакотека! — с чувством признался я (и вы мне очень симпатичны).
— Дизель-мотор симменс-шукерта! (будьте счастливы!)
— Куссенем.
И он ушел, получив свои две тысячи прекрасных чешских крон. Навсегда ушел!

* * *

Окончив свой рассказ, Сукачев печально повесил голову и смолк.
— Чем же дело кончилось? — спросил я.
Он дико завопил:
— Чем?! Я осел! Поехал я в Будапешт, переехал границу — вот, думаю, где наговорюсь на своем новеньком, только что отлакированном языке, выглянул в окно — вдали виднеется лес. Я и обратился к соседу по купе на певучем венгерском наречии:
— Хороший лес! (Бум, трам-та-та-там!)
Он дико глянул на меня и отодвинулся.
— Газогенератор? — спросил я.
Он взял свой чемоданчик и, молча, перешел в другое купе.
Язык мой все-таки чесался: я вышел в коридор, подошел к одиноко глядевшей в окно барышне и осведомился: скоро ли ближайшая станция... Она подняла крик,

и кто-то с перепугу остановил тормозом поезд. Привезли меня... Сняли... повезли куда-то...
Как я им ни объяснял на своем венгерском языке происшедшее — продержали меня полтора месяца в каком-то огромном очень неуютном помещении, где весь персонал был в белых халатах. И я был в халате. В сером. Не мерзавец ли мой венгерский преподаватель, а?
Я засмеялся:
— Ну, мне пора домой. Вперед будете умнее. Дизель-мотор!
— Что-о!
— Вы же сами говорите, что по-венгерски это — до свиданья.
— Пойдите к черту.
И побрел по улице одиноко этот удивительный человек, знавший по-венгерски только одно слово "киссенем", да и это слово испортивший за две тысячи чешских крон.

ЖЕНЩИНА И НЕГР

Мне рассказывали историю об одном африканском дикаре, попавшем раз в жизни в игорный дом.
Этот негр был — прекрасное чернокожее дитя природы, без всякого налета культуры и цивилизации — совершенно голый морально, как он был гол физически у себя на плоском побережье Бенгуалы, залитом лучами раскаленного солнца, под корявыми лапистыми пальмами, среди доверчивых добрых обезьян.
Попав в игорный дом, этот простодушный чернокожий впервые увидел карточную игру.
— Что это они делают? — спросил он своего спутника.
— Играют в карты.
— Для чего?
— Чтобы выиграть.
— Все выигрывают?
— Некоторые. А некоторые проигрывают.
— А что же они выигрывают?
— А вон, видишь, эти бумажки, что лежат около некоторых.
— Странно, — задумчиво заметил негр. — Они так волнуются, будто эти бумажки можно есть, и они вкусные.
— Их не едят, но на них можно купить и еды, и кумача, и бус, и целый ящик рому!

Спутник негра, насколько мог, вдолбил в курчавую голову собеседника принцип монетного обращения.

Чернокожий чрезвычайно заинтересовался.

— Значит, если вот этот красный человек выдернет из пачки один раскрашенный квадратик, — он получает кучу этих бумажек, на которые можно купить рому?!

— Гм... Да! Приблизительно.

— А тот, худой, должен отдать ему ни за что ни про что пачку денег, на которые можно купить рому?

— Ну, конечно.

— Да ведь жалко. Я бы на месте худого не отдал.

— Нельзя. Так надо.

— Почему? — завопил негр. — Я еще понимаю, если бы красный угрожал худому ножом или повалил бы на землю и отнял деньги, а то что же выходит?.. За один вынутый квадратик отдавай добровольно и ром, и еду, и кумач!

— Это игра! Пойми ты это.

— А я бы не отдал. Гм! За какой-то квадратик. Я бы лучше сам вцепился красному в воротник и отнял деньги.

— А если бы он оказался сильнее?

— Ну, он бы у меня отнял. Ничего не поделаешь.

Так и не удалось втолковать негру принципов благородной карточной игры.

Из-за того, что ты выдернул не тот кусочек раскрашенного картона, а другой, — ты должен без боя отдать ром, бусы и красное одеяло?! Вот дураки-то! По-моему, проще отнять без этих кусочков картона!

Я теперь все время думаю об этом негре и отчасти восхищаюсь им.

Игроки меня не поймут, а умные люди, может быть, поймут.

* * *

Сегодня я только что засел за работу, как ко мне пришел один из моих приятелей.

Я сразу увидел, что он хочет попросить у меня денег взаймы, и даже отчасти обрадовался этому: возьмет деньги и уйдет, не мешая моей работе.

Но это оказался светский воспитанный человек — не какой-нибудь хам, не понимающий приличий.

Он опустился в кресло, отер пот с лица и сказал:

— Ну, что у вас новенького?

— Ничего, — торопливо ответил я.

— Пяткина давно видели?

— Не видел Пяткина.

— А-а. А Семен Николаич к вам захаживает?

— Нет!

— Так, так. Тру-ру-ру-ру... Солнце жарит, как безумное, а все-таки знаю: будет дождь. Вы как думаете?

— Что?

— Будет дождь?

— А черт его знает.

В голове же у меня все время долбил клювом какой-то внутренний дятел: "Да проси же скорее денег, каналья, проси! Проси! Что тянешь? Возьми и уходи. Все равно ведь дам, и ты сам знаешь, что дам!"

— Что это с Лазуткиным делается?

— С ке-ем?

— С нашим знакомым Лазуткиным?

— А что?

— Да совсем закружил Лазуткин. Сегодня его с одной дамой видишь, завтра с другой.

— К черту Лазуткина, — сухо промолвил я. ("Да проси же, анафемский палач, проси скорее!")

— Почему к "черту"?

— Не интересуюсь Лазуткиным.

— Вы сегодня какой-то странный, — обиделся он. — Были на премьере "Колесо жизни"?

Я вскочил с места.

— Сколько?

— Что "сколько"? — вспыхнул он.

— Сколько вам надо?

— Чего?

— Денег, за которыми вы пришли.

Он встал с кресла, красный, негодующий.

— Кто вам дал право так со мной разговаривать?!..

— Значит, вы не за деньгами пришли?

— Положим, я действительно пришел просить ссудить меня некоторой суммой, но после такого обращения...

— Голубчик, не сердитесь. Но зачем мне все эти Лазуткины, Семены Николаичи, "Колеса жизни"? Скажем, пришли вы: "Здравствуйте". — "Здравствуйте". — "Дайте денег". — "Нате". — "До свиданья". И больше ничего! Ведь я же видел, что и Лазуткин, и "Колесо жизни" вам, как и мне, совершенно неинтересны! К чему это?

— Простите, но я прекрасно понимаю, что такое долг вежливости и приличия, — угрюмо пробормотал он. — И по вашему способу денег никогда не попрошу! Я никогда не был хамом. И вообще после всего этого нам говорить не о чем! Прощайте. Навсегда.

Вот таким-то образом между тремя и половиной четвертого пополудни я потерял приятеля.

Вечером пошел к женщине, которая мне очень нравилась и которой, вероятно, я нравился. ("Приходите почаще. С вами так хорошо".)

Мы сидели с ней на диване друг около друга.

Я, не отрываясь, глядел на ее белую шею, упругие плечи, на красные, как вишни, губы, и она тоже глядела на мои широкие плечи и на мои губы, и мне страх как хотелось поцеловать ее, а она (я уверен) тоже стремилась спрятать свою голову на моей груди и прижаться губами к моему лицу.

В это же время она говорила:

— Собиралась я на "Колесо жизни", да не попала. Хорошая пьеса?

— Хорошая, — со вздохом отвечал я. — А я не видел. Лазуткин видел. Кстати, вы знаете, Лазуткин совсем закрутился.

Она с трудом отвела глаза от моего лица и, проведя по лбу рукой, сказала:

— Да... Лазуткин... "Колесо жизни"... а этого... Пяткина встречаете?

— Три раза и еще два. А Лазуткин все с дамами. Хочу вас поцеловать в губы.

— Что-о?

— Это Лазуткин своим дамам так говорит...

— А-а...

Она промолчала, но, мне кажется, я угадал ее мысль: "Что мне Лазуткин с его дамами. Лучше бы ты поцеловал, сокровище мое!"

— Хорошо, — согласился я.

— Что хорошо?

— Поцелую вас.

Я схватил ее и сжал в крепких и теплых объятиях.

Она забилась, как воробей в кулаке, вырвалась и, красная, со сверкающими, точно алмазы, глазами, сказала прерывающимся от негодования голосом:

— Этакая пошлость! Вы забылись. Подите вон.

— Господи! — растерялся я. — Да ведь весь мир целуется друг с другом. Почему бы и нам не поцеловаться? Ведь мы же нравимся друг другу.

— На все должен быть переход и должно быть место. И вообще, мы знакомы с вами только полтора месяца! Я не привыкла, чтобы ко мне вдруг, ни с того ни с чего, лезли с объятиями. Уходите!

Вот таким-то образом между девятью и половиной десятого вечера я потерял любимую женщину.

С горя пошел в какое-то варьете с десятком кафешантанных номеров.

Все было уныло, глупо и безграмотно; визгливо пели, разухабисто танцевали, вскидывая ноги до самого носа.

Но вот — восьмым номером — вышла красивая полногрудая женщина с белыми гибкими обнаженными руками и большим декольте. Что-то в ее веселом лице и смеющихся глазах было такое, что я пригляделся к ней пристальнее.

Аборигены бешено зааплодировали: видно, это была местная любимица.

Оркестр заиграл ритурнель какой-то шансонетки; певица открыла рот и издала десяток невероятно фальшивых звуков:

— Мне мама скрипку подарила...

И умолкла.

Улыбнулась и попросила:

— Дайте еще ритурнель.

Оркестр "дал".

Она замолкла, чарующе улыбнулась и, махнув беззаботно рукой, приблизилась к самой рампе.

Подмигнула публике и начала с самым беззаботным видом:

— Позвольте мне, господа, быть с вами совершенно откровенной, хотя в шантане это и не принято... Ну, какая я певица? Голос, как у драной кошки. И никакую мне мама скрипку не дарила, да тут и не скрипка подразумевается, а просто пошлость. Неужели вы думаете, я поверю, что вам нужно мое пение, и слова этой песенки хоть на минуту заинтересуют вас. Неужели вы из-за этого пришли? Конечно, не из-за этого! Зачем же я буду вас мучить: голос фальшивый, мотив жалкий, примитивный, вроде "Чижика", а слова глупые. Почему же мы, все шансонетные певицы, это делаем? Зачем фальшиво поем и неуклюже танцуем? Да просто это предлог, чтобы

показаться вам, чтобы вы могли рассмотреть — какое у нас лицо, тело, как мы сложены. Так вот, и нечего мне с вами притворяться. Ни "альбома", ни "скрипки" мама мне не дарила, — слышите вы? Просто я хорошенькая женщина, ничего не умеющая делать, бездарная-пребездарная!.. Зачем же я здесь стою на сцене перед вами? Очень просто: вот мои руки — смотрите на них без мамы и без скрипки. Правда, красивые? Ничего себе, а? И ямочки на локте есть. А грудь? Хорошая грудь, нечего греха таить. Танцевать я тоже не умею, поэтому покажу вам ногу так, без танцев. Вот. Красивые ножки; высокий подъем; ажурный чулок довольно мило их обтягивает. Вот это левая, это правая — не сбейтесь. Ну, довольны? Вот затылок и спина. Я ее немножко больше декольтировала, чтобы возместить то, что я не пою о маминой скрипке. Ну, нагляделись? Простая и обыкновенная женщина без голоса, таланта, но и без предрассудков. Видите, как со мной легко? И я с вами поговорила по душам, родненькие мои, да и оркестр отдохнул. А теперь пойду переодеваться: наверное, кто-нибудь меня сейчас ужинать пригласит!

Я вскочил с места и вне себя от восторга закричал:

— Я приглашу!

Она добродушно засмеялась.

— Ну, вот видите. Какой шумный успех! Сейчас приду. И то уж, заболталась я тут с вами. До свиданья, родненькие, до завтра!

Этой ночью я нашел то, что растерял днем и вечером: женщину и друга...

И когда мы весело ужинали вдвоем, запивая котлеты бокалами холодного вина и объясняясь друг другу во взаимной симпатии, мне почудилось, что с нами сидел третий. Он был такой же веселый, как и мы, белые зубы его радостно сверкали на черном лице, серые ладони рук одобрительно аплодировали нам, а из толстых красных губ вылетали добродушные слова:

— Халло! Вот это по-настоящему! А то — вытянет из пачки кусочек раскрашенного картона — давай ему и ром, и бусы, и одеяло. Зачем так запутано? Раз что нравится и можешь взять — бери так! Не можешь — уйди сразу! А то играет другой человек целый год, играет — и на бутылку рома не выиграет!

— Верно! — посмеивался я. — К черту Лазуткина!

МОЙ ДЯДЯ

Сегодня годовщина смерти моего дяди...

Надеюсь, читатели так хорошо относятся ко мне, что вместе со мной разделят скорбь по этой безвременной утрате, тем более что дядя мой был замечательный человек: жил он хорошо, и кончина его была не менее блестящая...

Как говорится в Евангелии, "смерть его была мирная, безболезненная и непостыдная" (батька Махно осенью прошлого года повесил его на железнодорожной водокачке за то, что у дяди были золотые очки и крахмальный воротничок...).

Склонив благоговейно голову, хочу вспомнить хоть что-нибудь из жизни этого замечательного человека, начавшего карьеру за кассовым окошечком в казначействе и окончившего ее железным крюком на водокачке.

* * *

Будучи пылким юношей, пришел я однажды к дяде и говорю ему:

— Дядя, вы мошенник!

Он вскинул очки на лоб и рассудительно возразил:

— Я бы мог сейчас отдубасить тебя казначейской книгой "ресконтро". Но лучше я выслушаю целиком твои обвинения, а потом уже начну колотить. Может быть, тогда я буду трудолюбивее.

— Дядя! Вчера вы купили дом за 25 тысяч!!

— Купил. Может быть, я раньше должен был получить твою санкцию на это?..

— Дело не в санкции. Вы сами рассказывали мне, что десять лет тому назад, когда вы поступили на кассирскую службу, у вас не было ни гроша в кармане...

— Что же из этого?

— Получаете вы в год 1500 рублей... За десять лет это составит пятнадцать тысяч. Прожили вы за эти десять лет тысяч восемь. Остается семь тысяч. Откуда же еще 18 тысяч для нового домика?!

В глазах дяди забегали веселые искорки. Он хлопнул меня поощрительно конторскими счетами по спине так, что костяшки щелкнули, и сказал:

— Щенок! Твоя математика — дура. Вот тебе пример: возьми или укради на базаре фунт свиного сала...

— Я лучше куплю.

— Покупай. Ты всегда был расточительным юношей. Возьми предположительно сто человек и поставь их шеренгой...

— Поставил.

— Дай первому подержать в руках этот фунт сала, чтобы он потом передал его второму, тот, подержав, — третьему, и так далее — до последнего...

— Ну-с?

— Что у последнего будет в руках?!

— Конечно, фунт сала.

Вскочил дядя и заревел, как тигр:

— Болван! "Конечно, фунт сала"!! А в чем будут вымазаны руки у предыдущих, которые держали сало в руках?

— В... сале.

— Так вот тебе, откуда у меня домик!! Я человек честный, но деньги — то же сало...

* * *

Ну, разве не умный мой дядя?.. Еще до "теории Эйнштейна" он опрокинул всю математику вверх ногами.

Мир праху его на железном крючке...

РАССКАЗЧИКИ

В купе вагона народу набилось очень много. Было это купе на четыре человека, а втиснулось в него одиннадцать.

Большая часть пассажиров разговаривала, но все о скучном: о каком-то ужиленном у кого-то подряде, о дороговизне дров, о помещике Иване Никанорыче, об огурцах.

Толстый рыжий господин с багровым лицом и выпученными глазами, попав в одну из пауз, шумно с хрипом вздохнул и предложил неожиданно:

— Ехать нам еще долго, а спать все равно неудобно... Давайте рассказывать какие-нибудь удивительные случаи, которые произошли с каждым. Это бывает интересно.

Все покосились на него пугливо и недоверчиво.

— Какие там еще истории, — скептически сказал отец дьякон, занявший лучшее место — у окна.

Поразил всех мужичонка, стоявший с узелком у притолоки и досель одинаково жарко и сочувственно принимавший все разговоры: и об огурцах, и об Иване Никанорыче, и о дровах...

— Ах, да и истории же бывают, братцы, — вдруг оживился он. — То есть такие, такие, что ну-ну... На ночь оно глядя и рассказывать будто страшно. Все бывает; но знаете, что произошло с кузнецом нашим Колесниченко? Кузнец он был, и такой хороший кузнец, что прямо и непонятно, — чего это он так?

— А что? — благожелательно спросил господин с рачьими глазами.

— Нечистое дело вышло, от черного. Постукивал себе он, постукивал в своей кузнице, и подковывал, и сверливал, и шипу тебе, и то и се, не без того, что по праздникам выпивал, — да вдруг с такой спокойной благородной жизни — пришел в избу — вдов он был — пришел, любезные вы мои, взял да и повесился. И гвоздь-то был евонной работы — вот оно какие дела!

— Ну чего уж тут такого, — покривился скептически дьякон. — Мало ли какого народу вешается — всего не перескажешь.

— Нешто я об этом! — всплеснул руками мужичонка и провел ладонью по бороде и усам.

Рыжеватые, выцветшие — они, от частого проведения ладонью слева направо, повинуясь мановению руки хозяина, — тоже раз навсегда приняли направление слева направо, так что получилась полная асимметрия растительности. — Рази я об этом? — повторил асимметричный мужичонка. — Действительно, мало ли нашего брата в петлю лезет? Виси себе на здоровье, коли так надо. Ему с горы видней. А только вышло с кузнецом в ту же ночь дело темное, нехорошее дело. Как, значит, он повесился днем, а мне в сумерки поехать занадобилось в Кузмичево, — в двух верстах от нас. За дугой к куму. Кум у меня там. Григорьем их звать. Ей-Бо-право! Поехал я себе и поехал. Только вертаюсь, а как кузнец на краю села, то глядь, а в евонной избе огонек мигает. Так сердце у меня и закатилось: надысь сам его с десятскими в волостную избу оттартал, а тут огонек, гляди-кось, мигает.

— Мигает? — переспросил рачий господин.

— Мигает! Кабы он еще там, в избе-то лежал, ну иное дело: а может, дьячок по нем читает — почем я знаю? Но раз его в волостное препроводили...

— Мигает? — качнул сочувственно головой рачий господин.

— Мигает. Так вот тебе как есть мигает. Я еду на чалой, а оно из окошечка тово...

— Мигает?

— Во-во. Прямо видно все совершенно беспрекословно.

— Мигает?

— Ай, и мигает же, — до чего мигает — прямо уму непостижимо, — воодушевился мужичонка чрезвычайно. — Ведь это како дело, а? Мигает.

— Да может, то какой-нибудь знакомый его зашел за делом и огонек зажег? Аль бо вор?

— Может — и так, — вяло согласился вдруг погасший мужичонка.

Все неловко помолчали.

— Так мигает? — спросил снова добрый рачий господин — больше для мужичонкова одобрения.

— Мигает, — бестемпераментно пробормотал мужичонка, свеся голову.

Против дьякона сидела полная недурная собой дама с растрепанными белокурыми волосами, выбивавшимися из-под красной повязки, — какие любят себе делать во время путешествий все кокетливые дамы.

— Ну знаете, уважаемый крестьянин, — сказала она. — Ваш рассказ оказался не на высоте. Ну что это: какие-то кузнецы, мигает.

— Мигает, — как эхо прошелестел "уважаемый крестьянин".

— Я не в восторге, — критически отметила дама. — Из такого рассказа даже мой муж рассказа не сделает.

— А кто ваш муж? — спросил рачий господин, очевидно прочно принявший на себя обязанности добровольного конферансье.

— Мой муж? — Аркадий Аверченко.

Это было так неожиданно, что я только качнулся, будто меня сзади толкнули коленкой, но не нашелся что сказать.

— Неужели ваш муж — Аркадий Аверченко? — спросил оживившийся дьякон. — Ну как он, вообще?

— Ничего, спасибо.

— Все пишет?

— Пишет.

— Так-таки все пишет и пишет?

— Пишет.

— Мигает, — сказал задремавший было мужичонка.

— А какой он собой, этот Аверченко? — спросил я.

— Да такой, знаете... Среднего роста. И бородка Луи-Филипп.

— А как же я видел его фотографию без бороды, — удивился рачий конферансье.

— Да это у него бывает. Иногда сбреет, иногда отпустит. Вообще, со странностями.

— И пишет, говорите?

— То есть, знаете, сладу с ним нет. Как письменный стол увидит — затрясется весь... Он, впрочем, больше по ночам. Гора бумаги перед ним, слева бутылка коньяку, справа — рому. И как начнет писать — только держись. Слуги кругом мечутся, а он знай покрикивает:

"Перо свежее. Рому подлей. Чернил подлей". Верите ли, иногда в ночь до пяти раз доливали.

— Рому?

— Какое рому, — чернил. А допишет — сейчас же ко мне в спальню с пером в руке бежит: "Нинка, — кричит, — давай новую тему. Эту уже написал".

— Разве вы ему темы даете?

— Конечно, я. А кто ж?

— Однако приятно быть женой такого человека? — еще больше выпучив глаза, спросил конферансье.

— Ну знаете, не особенно. Врагу не пожелаю.

В глубине души я обиделся, но промолчал.

Господин с рачьими глазами давно уже чувствовал ревность к успеху, который имела "жена Аверченко". По его лицу было видно, что и он не прочь рассказать что-либо не менее удивительное. Для разгона еще раз спросил кроткого мужичка:

— Так мигает, говоришь?

— Ай, и мигает же...

— Глупости все это. Вот Париж такой город, что там не замигает. Да... Был со мной в Париже случай, что и до сих пор не могу опомниться. То есть свидетелем я был. Эйфелеву башню знаете?

Оказалось, знают все. Даже мужичонка видел на картине у сельского лавочника.

— Должно, высоченная гадина!

— Еще бы. По последним исследованиям до шестисот метров насчитывается. Иду это я однжды по уличке, вот как раз сбоку Эйфелевой башни. Вдруг гляжу — на третьем пролете человек стоит... а это саженей семь — десять. Посмотрел вниз, перекрестился — да как сиганет вниз.

Дьякон уже схватился за голову и застонал, раскачиваясь.

— В лепешку?

— Вот тут-то и самое главное, — восторженно вскричал пучеглазый господин. — Не в лепешку, о. дьякон. Отнюдь не в лепешку. А летит это он, достигает благополучно земли, становится на ноги, отряхается и идет как ни в чем не бывало.

— Мигает, — захохотал мужичонка.

— Одначе... Одначе... — растерялся дьякон. — Эт-то что ж такое? Как же это можно? С этакой высоты? Да это невозможно.

— Говорю ж вам, сам видел, — с достоинством сказал пучеглазый.

Наступила минута неловкого молчания.

Сухой господин с желтым монгольским лицом и редкими волосиками на усах, не произнесший доселе ни слова и стоявший около мужичка (только им обоим и не было места), — вдруг шагнул к пучеглазому, протянул ему руку и пожал, крепко, благодарно потрясая ее...

— В чем дело? — растерялся пучеглазый.

— За что это вы?

— Ах, я вам так благодарен, — серьезно заговорил желтый господин. — Видите ли, дело в том, что я и есть тот самый господин, который спрыгнул тогда с Эйфелевой башни. Но только мне никто никогда не верил, что было так удачно: "врете", говорят. Вы первый человек, который подтвердили.

Все застыли, ошеломленные; но я не такой человек, чтобы остаться в тени в то время, когда мой ближний так удачно выдвинулся.

Я встал, нагнулся к белокурой даме в красной повязке, схватил и даму, и повязку в объятья и стал осыпать поцелуями, приговаривая:

— Родная моя! Голубушка! Какая приятная встреча!..

Если бы десять человек спрыгнули с десяти Эйфелевых башен, это не вызвало бы такого шума и скандала, как то, что я сделал...

Дама вырывалась из моих цепких объятий, крича о защите, о. дьякон и рачий господин схватили меня за руки — превеселая была суматоха.

— Он сумасшедший, — кричал дьякон. — Это вы его Эйфелем своим с ума свели.

— Как он осмелился? Как? — визжала дама.

Я выпустил ее из объятий и сложил руки на груди, приняв осанку, полную спокойного достоинства:

— Скажите, господа, — спросил я. — Имеет право муж целовать свою жену?

— Оно-то имеет, конечно, — сердито сказал о. дьякон. — Так то ж муж, а вы так, пришей кобыле хвост...

— Нет-с, не хвост. При вас ведь эта дама говорила, что она жена писателя Аркадия Аверченко?

— При нас! Слышали-с.

— Ну, а я и есть писатель Аркадий Аверченко. Так и в паспорте написано. Полюбуйтесь.

Никто ничего не понял, кроме человека, спрыгнувшего с Эйфелевой башни.

Тот пожал мне руку и шепнул одобрительно:

— Я высоко прыгнул, а вы еще выше. Ей-Богу, тут весело.

Дама, все еще дрожа от испуга и чего-то другого, что мелькало в ее растерянном взгляде, поправила прическу, растрепавшуюся от моих поцелуев, и сказала пучеглазому, которого считала, очевидно, товарищем по несчастью:

— Колонель, проводите меня в коридор. Тут душно.

Они вышли. Мужичонка и прыгун заняли их места и облегченно вздохнули.

— Ажно ноги заныли, стоямши, ажно дергает их.

— Мигает? — засмеялся я.

— Во-во. А что, господин, серьезно свою бабу здеся встретили?

— Ты ж видел, как она обрадовалась.

Я встал и вышел в коридор размяться.

Голос дамы журчал:

— Нигде нет такой жары, как в Ташкенте. У меня была нитка фамильного жемчуга, чтоб не соврать, — с орех величиной. И представьте, от жары жемчужины полопались.

— Бывает. У моего знакомого был аналогичный случай: сынишка играючись нитку бус по одной проглотил. Смотрят, отяжелел мальчишка. Понесли к доктору, а он гремит внутри, как погремушка, — одно безобразие...

ТРИ СЛУЧАЯ

I

Тот самый ветер, который сейчас выл и бесновался за окном, — этот самый суровый ветер и согнал сюда, в угол большой теплой комнаты, компанию из трех человек.

Это были: гость Тарантасов, хозяйка усадьбы, заброшенной в снегах, Мария Дмитриевна, и ее муж — Вонзаев.

Праздничные дни тянулись в мирной усадьбе очень медленно и располагали всех к наливке, орехам и медленным, тягучим разговорам...

Ветер за двойными рамами окон выл таинственно, так зловеще, что всем хотелось прижаться друг к другу и так, чувствуя себя в безопасности, послушать что-нибудь холодящее душу и вызывающее мурашки по всему телу.

— Странные случаи бывают в жизни, — поощрительно заметил приезжий помещик Тарантасов.

— Такие случаи бывают, что с ума сойти можно, — подтвердил хозяин Вонзаев.

Мария Дмитриевна опасливо взглянула в неосвещенный угол, и мелкая дрожь пробежала по ее телу.

— Когда я была молода, со мной случился факт, о котором я и теперь не могу вспомнить без ужаса. Дело было в Москве...

Все придвинулись друг к другу.

— ...В Москве. Мы жили в одном из тех многочисленных переулков, в которых всякий не знакомый с Москвой ногу сломит. И вот стала я замечать, что на углу нашего переулка стоит старик нищий с одной ногой. Другой ноги у него не было, а была только одна. Левая, что ли... Или правая... Стоит этот нищий себе и стоит. Чего стоит, почему стоит — неизвестно. Стоит он день, два дня, три — прямо я даже удивлялась.

— Да чего ж он стоял? — спросил муж.

— Как чего? Просил милостыню.

— Ну, в этом ничего страшного нет.

— Особенного, конечно, в этом ничего не было, а только я все время замечаю: стоит он на углу и милостыню просит. Стоит и просит.

— Что ж ему, с голоду умирать, что ли? — резонно возразил муж.

— Я об этом и не говорю. Только вдруг, однажды, — можете себе представить, — этот нищий исчез! День его нет, два дня нет, три... Мне сначала это показалось удивительным, а потом я постепенно забыла.

— Чем же все это кончилось? — нетерпеливо спросил гость.

— Чем? А вот чем: ровно через десять дней от тети получилась телеграмма: "Дядя Терентий волей Божией тихо скончался".

— Гм!.. так это что ж, — значит, этот одноногий старик и был ваш дядя Терентий?

— Ничего подобного! Это был просто неизвестный старик.

— Так что же вы находите в этом случае удивительного!

— Как что?! Стоял, стоял старик — вдруг исчез. И что же — через десять дней умирает дядя.

— И вы не знаете, куда делся этот старик?

— Совершенно не знаю.

— Может быть, он просто заболел или переменил стоянку.

— Тогда зачем было умирать дяде?

— Предположите, что он умер сам по себе.

— Тогда почему и куда исчез старик? Нет, тут, как ни верти, есть какая-то неразрешимая странная загадка.

II

— Ну, со мной была история пострашнее, — сказал гость Тарантасов.

— Ой, не надо! — капризно протянула хозяйка, подбирая ноги. — Или нет, расскажите! Я вас очень прошу!

— Как вам известно, господа, я всегда живу в своем имении "Пятереньки". Живу я там безвыездно и только изредка наезжаю в уездный город Чмыхов, вам известный.

Но однажды мне пришлось по делу о вводе меня во владение наследством, оставленным моим дядюшкой Ильей Никитичем, поехать в Петербург.

Город громадный, улиц целая гибель, и дома все если не шести-, то семиэтажные.

Как-то вечером зашел я к приятелю, что проживал в шестиэтажной махине на Гороховой улице.

Говорили о том о сем, а главное, о разной чертовщине.

— Вот, — говорит мой приятель, — ты живешь в деревне, бок о бок со всякой нечистью, с домовыми, а у нас, в городе, совершенно другая жизнь. Всю поэзию нечистой силы съели трамвай да электрическое освещение.

А другой — паренек такой белесый, с косматым цветком в сюртуке — говорит:

— Нет, знаете, в городе есть своя особая городская мистика, есть своя загадочная сущность, и я, — говорит, — утверждаю, что в городе та же нечистая сила осталась в полном объеме, только под влиянием культуры изменила она свои нравы и обычаи и надела другую личину.

— Так вы думаете, — спрашиваю я, — что и у вас тут, в этих домах, домовые водятся?

— А то как же?! Только, — говорит, — они потеряли свою дикость, некультурность — надели другие личины. — Я, — говорит, — уверен, что у них это дело поставлено на широкую городскую ногу.

— Это как же? — спрашиваю я.

— Да вот так: у вас, вон, небось, все занятие домовых сводится к тому, что лошадям хвосты заплетать да по ночам спящую публику душить; а у нас, в городе, это посложнее... Лошади не везде есть — их автомобили заменили. А автомобилю хвоста не заплетешь! Разве что из жестянок бензин можно высосать. Да и две-три сотни жильцов по ночам душить — не очень-то с ними кустарным способом справишься, — для этого нужно целую хорошо организованную контору иметь.

Ничего себе парнишка рассуждал. Очень здраво.

Когда я собирался уходить от приятеля, было уже 12 часов ночи. Вышел он меня провожать на площадку лестницы, посветил лампой да еще и посмеялся: смотри, дескать, на домового не наткнись.

Жутковато мне стало, однако собрался я с духом — спускаюсь с лестницы.

И вдруг на одной из полуосвещенных слабой керосиновой лампочкой площадок я увидел...

Вы, вероятно, господа, думаете — увидел домового? Косматую фигуру с красными глазами, кривыми серыми руками и старческой морщинистой безволосой головой?

Нет, господа! Я увидел нечто худшее. На площадке в углу виднелась небольшая дверь, а на ней сверху я увидел ужасную, холодящую кровь надпись: "Домовая контора"!

Итак, юнец с лохматым белым цветком в петлице не врал: я воочию видел перед собой это ужасное логовище проклятой Богом нечисти.

Я простоял так много секунд, прижавшись к противоположному углу... Наконец мне пришло в голову: "Не галлюцинирую ли я? Не схожу ли я с ума?"

Как сумасшедший, сорвался я со своего места и ринулся вниз с диким криком:

— Дворник! Дворник!

Молодой парень в ситцевой рубахе выскочил откуда-то снизу и, закрывая глаза щитком от света, спросил:

— Чего надо-ть?

— Дворник! Кто... у вас... живет на третьей площадке?

С замирающим сердцем ждал я ответа.

— Там? Да там никто не живет. Там *домовая контора.*

Он это сказал так же просто, как другой сказал бы: "Там квартира чиновника Иванова"!

Я схватился за голову и выбежал на двор. Голова моя горела... Какая-то фигура в шубе попалась мне навстречу.

— Послушайте, — сказал я, останавливая его. — Послушайте... Правда ли, что здесь вот, на третьей площадке, домовая контора?

— Ну, да! Чего ж вы так удивляетесь? Вам, может быть, нужен кто-нибудь из домовой администрации?

— Домо...вой... адми...нистрации?!

У них есть даже администрация?!

О, город! Будь ты проклят!

Не помню, как я очутился дома и как провел ночь...

А на другой день утром я уже мчался в поезде в свои милые "Пятереньки".

III

— Ну, — сказал хозяин после долгого молчания. — Вы еще счастливо отделались, потому что не столкнулись ни с кем лицом к лицу. А вот, как вам нравится случай со мной? Я путешествовал целую ночь наедине с сумасшедшим.

— Какой ужас! — вскричала жена. — У меня сейчас мороз по коже пробежал. Расскажи!

— Дело было так: ехал я по делам в Харьков. Вечером в мое купе, в котором я был один, вошел неизвестный господин. Он был закутан в башлык и в руках держал желтый чемодан...

Тон у него был вежливый.

— Я вам не помешаю?

— Нет, пожалуйста.

— Вы тоже до Харькова?

— Да, до Харькова.

Разговорились.

Он предложил закусить, вынул из чемодана ветчину, хлеб, вино и сыр и стал все это резать большим острым ножом, который был у него в чемодане.

Когда мы закусили, он спрятал нож обратно, вынул револьвер да и спрашивает:

— Вы не боитесь, что к нам кто-нибудь заберется?

— Нет, не боюсь.

— А я боюсь. Положу револьвер под подушку на всякий случай.

Улеглись мы, погасили свет. Поезд идет, погромыхивая на скреплениях рельсов. Не помню уж как — только задремал я, а потом и заснул.

Только просыпаюсь от какого-то шума.

— Что такое?

Двери хлопают, носильщики по вагонам бегают, — оказывается, в Харьков уже приехали.

Мой спутник собрал вещи, пожал мне на прощанье руку и тоже ушел. Еле успел я одеться. Чуть было меня вместе с вагоном на запасной путь не отправили.

— Позвольте, — возразил гость Тарантасов. — Из всего этого я не вижу, что ваш спутник был сумасшедший... С чего вы это взяли?

— А как же не сумасшедший! Конечно, сумасшедший. Вы знаете, зачем он ехал в Харьков? Отыскивать сбежавшую с инженером-технологом жену!

— Бывает! — неопределенно вздохнул Тарантасов.

Вид у него был неудовлетворенный.

— А я думала, он будет в тебя стрелять...

— Это еще с какой радости?! Я у него жену увозил, что ли?

Все повернули головы и посмотрели лениво в окно, за которым прыгала серая метель.

И было уже не страшно, не жутко, а скучно.

Леденящий душу ужас таял...

ВЫХОДЕЦ С ТОГО СВЕТА

В этот прекрасный сочельник не так много и выпили: на троих — Подходцева, Клинкова и меня — пришлось восемь бутылок бордо, конечно, не считая коньяка, потому что зачем же его считать?

Мы только немного больше, чем нужно, раскраснелись и совсем капельку расшумелись: Подходцев напялил на голову пуншевую миску и потребовал, чтобы мы воздали ему королевские почести.

Что будешь делать — воздали.

Дом, в котором нас терпели, был большой, старый, заброшенный... Кривая старуха, которая однажды легкомысленно предоставила нам верхний этаж, на весь недолгий остаток своей жизни сохранила на исковерканном временем лице выражение тупой паники и ужаса.

Потанцевали, попели. Потом притихли. Подходцев сел на ковер около дивана, на котором разбросался пухлый Клинков, положил кудрявую голову на клинковский живот и, полузакрыв глаза, только сказал:

— Сейчас полночь сочельника. По статутам в это времячко появляются в подобных домах привидения. Где они, спрашивается?

И капризно докончил:

— Хочу привидений! Человек, полпорции привидения недожаренного, с кровью!

— Прикажете притушить свет? — с притворной угодливостью спросил я, продолжая воздавать этому наглому человечишке королевские почести.

— Да, притуши, братец. Нельзя, чтобы горело четное число свечей. Вдруг мы да напьемся, да у нас будет двоиться в глазах — как мы это узнаем? А при нечетном числе, когда покажется четное, — значит, мы хватили лишнее. Так и будем знать.

Ах, и голова же был этот Подходцев! С такой головой можно дослужиться или до министерского портфеля, или до каторжной тачки.

Немного выпили.

— Хочу привидения! — прозвенел повелительный голос Подходцева.

И он мелодично запел:

— Умру, похоронят, как не жил на свете!..

Мы — я и Клинков — призадумались. Взгрустнулось. Вспомнился отчий дом, приветливые лица семьи, вспом-

нилось, как нас с Клинковым свирепо драли, когда мы, выкрасив кота чернилами, выпустили это маркое чудовище на изящных гостей гостеприимной семьи моих родителей.

В самом дальнем заброшенном углу нашей огромной комнаты, где кривая старуха свалила всю ненужную рухлядь — китайские ширмы, поломанные стулья и плетеные ветхие корзины с разным дрязгом, — в этом темном углу послышался шелест. Огромные ширмы с полуоторванным панно заколебались, съехали концом на корзину, — и бледное мертвое существо, на котором пыльная хламида болталась, как на вешалке, — тихо выплыло перед нами.

Мы отвели глаза от этого странного призрака и косо поглядели друг на друга. В двух парах глаз я прочел то же, что и они в моих глазах: мы все трое видели одно и то же.

— Серенькое, — задумчиво сказал Подходцев, разглядывая призрак.

— Ничего особенного, — добавил Клинков, всегда игравший при Подходцеве вторую скрипку.

Моя деликатная, гостеприимная натура возмутилась.

— Ослы вы полосатые! Никогда вы ни от чего не приходите в восторг и ко всему относитесь с критикой! Какого вам рожна еще нужно?! Привидение как привидение! Вы на них не обращайте внимания (примирительно отнесся я к призраку). Это такие лошади, которых свет не производил. Присядьте, пожалуйста. Чайку можно? Или пуншику?

— Ничего не надо, — выдохнуло из себя привидение легкий свист. — Я так посижу да и уйду.

Оно опустилось на дальний колченогий стул, даже не качнувшийся от этого прикосновения, — и снова выдохнуло из себя сырой затхлый воздух.

— Очень заняты? — с участием спросил Клинков.

— Занят, — согласилось привидение после некоторого раздумья. — Вы Минкина знаете?

— Минкина? Как же! Позвольте, это какого Минкина? Нет, не знаем.

— Оно — сволочь, — грозно сказало привидение, поведя тусклыми глазами куда-то налево.

— Кто оно?

— Привидение Минкина. Его уже два раза исключали из сословия за то, что он — хам.

— Да что вы говорите? Экая каналья, — искренно возмутился Подходцев. — А что же он делает?

— Подлости он делает. У нас установлена очередь для появления перед людьми, а эта свинья Минкин вечно вылезает без очереди, и уж он такие кренделя выкидывает, что прямо противно. Был уж небось?

— Кто, Минкин? Нет, не заходил.

— Минкин не ходит, он, как жаба, на брюхе ползет. У него розовые глаза.

— Гм! По-моему, это довольно декоративно. Может быть, чокнетесь с нами?

— Да уж не знаю, как и быть... Столько визитов, столько визитов. Разве что стаканчик. Только я пить не могу — я горяченьким паром подышу.

— Дышите, голубчик, — великодушно разрешил Подходцев. — Дышите, сколько влезет.

Дыша над стаканом с горячим пуншем, привидение ревниво заметило:

— Если Минкин придет, вы его не принимайте...

— Минкина-то? По шее мы ему дадим, этому Минкину.

— Хорошо бы, — вздохнул призрак, отставляя стакан. — Только у него шеи нет. Голова прямо из груди выходит.

— Что за наглая личность! — возмутился Подходцев. — Еще стаканчик!..

— Да уж не знаю, как и быть... — призрак пожевал губами, будто не решался высказать мучившую его мысль. Потом спросил с натугой: — А скажите... этого... вы меня очень боитесь?

Мы переглянулись. В глазах мягкого Подходцева мелькнуло сострадание. Он подмигнул мне и сказал:

— Мы вас очень боимся. Прямо жуткое зрелище!

— Ей-Богу? — расцвел призрак. — А мне казалось, что вы как-то странно меня встре...

— Ничего подобного! — вскричал я. — Прямо-таки мы чуть не перемерли от страху. Вы ужасны.

— Страшилище! — деликатно поддержал Клинков. — У меня до сих пор сердце на куски разрывается от ужаса!..

И добавил с явной непоследовательностью:

— Хотите, выпьем на ты? Тссс! Кто это там скребется в дверь.

— Минкин! — с бешенством вскричал призрак, вскакивая. — Не пускайте его!

— Конечно, — согласился Подходцев. — Он всю компанию испортит. Ну его к черту! Давай лучше споем что-нибудь!

— Что-нибудь веселенькое, — согласился охмелевший призрак. "Похоронный марш", что ли? Или "Пляску мертвых" Сен-Санса?

— Ого! Какие ты, Володя, вещи знаешь, — удивился Клинков. — Слушай, а как у вас там насчет женского пола, э?

— Здоровая мысль! — хихикнул призрак, хлопнув мягким, пористым, как губка, кулаком по столу. — Хотите, я вас с одной покойницей познакомлю? Вот штучка-то!..

— К черту покойницу, — критически сказал женолюбивый Клинков. — Спой что-нибудь.

Призрак откашлялся и затянул затхлым, пискливым голосом:

Старенькие трупики
Новеньких чудней —
Всюду черви, струпики —
Никаких гвоздей!!!

И хор дружно подхватил припев:

И никаких,
И никаких,
И никаких гвоздей!!

Надышавшийся пунша призрак пытался и плясать, но слабые хрупкие ноги не выдержали: одна подломилась и крякнула, как сосновая щепка. Призрак поднял ее, повертел в руках и отбросил в угол:

— Который уже это раз, — сожалительно пробормотал он. — Ломучая дрянь.

Всем очень хотелось спать. Решили улечься на ковре вповалку, прикрывшись оторванной портьерой. Капризный Подходцев никак не хотел ложиться рядом с обессилевшим призраком.

— Пошел вон! — сказал он бесцеремонно. — От тебя землей пахнет.

— Вы тоже хороши, — бормотал призрак, кряхтя и умащиваясь поудобнее. — Напоили старичка, а теперь какую-то землю нашли. Эх, напугал бы я вас, да не хочется.

— Спи уж, — оборвал его Клинков. — Бубнит, бубнит, как шмель. По шеям надо таких пьяных старичков.

Эй ты, борода, разбуди к десяти. Мне еще с визитами надо...

Проснулись мы, Подходцев и я, в два часа дня на ковре, укрытые портьерой, с Клинковым под головами вместо подушки, со старыми газетами вместо простыни.

Мы оглянулись: нас было всего трое.

— А где же этот фрукт? — спросил я, оглядываясь.

— Какой?

— Да вот этот... земляной старичок, что про трупики пел.

Клинков поглядел на Подходцева. Потом тот и другой — на меня:

— Пойди умойся, — посоветовали оба.

* * *

Ах, как приятно окатить голову холодной водой на первый день Рождества Христова!

ИСТОРИЯ ОДНОГО АКТЕРА

Жил-был один актер. Всякий актер любит рекламу, но мой актер в этом отношении был прямо неистов. Как тигр любит пить теплую кровь из прокушенного горла своей жертвы, как пылкий влюбленный ищет губ любимой девушки, так он искал рекламу, так он любил рекламу!

Иногда вдруг ни с того ни с сего газеты сообщают:

"Кража бриллиантов у актера N на три миллиона".

Или:

"Актер N потерпел крушение экспресса. 145 убитых, 8 раненых, актер N спасся, вскочив вовремя в трубу паровоза".

Сначала публика ахала, восхищалась, удивлялась и ужасалась — потом привыкла: нервы огрубели.

Сообщают, например:

"Вчера жирафа, запряженная в коляску актера N, взбесилась и понесла. Актер N, не растерявшись, подпрыгнул, ухватился за телеграфную проволоку и, добравшись таким образом до телеграфного окошечка, дал в нашу газету депешу о случившемся".

Какой-нибудь легковерный чудак побежит к приятелю:

— Слышали? У актера N жирафа взбесилась. Пришлось ему бежать по телеграфной проволоке!

— Брехня, — скептически поморщится приятель. — У актера N не только жирафы, но и клячи водовозной нет. И не при его пузе по телеграфным проволокам скакать...

— Зачем же написано?

— Реклама.

— Что вы говорите! А вот недавно сообщали, что его поколотил какой-то ревнивый муж...

— Тоже реклама.

— Да какая ж тут реклама для человека, если его палкой по башке трахнули.

— Ну, уж там видней, что к чему. И ребенок его был недавно болен для рекламы, и жена у него сбежала для рекламы... Ничему не верю! Все реклама.

— Однако он, говорят, из очень почтенной семьи...

— И семью себе выбрал для рекламы, и сестра у него замуж за инженера вышла для его рекламы!..

Вдруг — появилась скромная газетная заметка:

"Актер N опасно заболел".

— Ишь ты, шельма, — сказала, подмигивая, публика. — Какую себе рекламу закатил: болен я, говорит.

— Да, может, действительно болен?

— Он-то? Наверное, для бенефиса все. Я, чай, здоровехонек...

Новая заметка:

"Положение актера N признано безнадежным. Он при смерти".

— Ха-ха-ха! — закатывалась публика. — Ну и ловкач же. Куда метнул! Ведь даст же Бог. Я думаю после этакого дела огромный бенефисище зацепить.

И наконец, появилась газета с траурной каймой:

"Актер N вчера, не приходя в себя, скончался"...

— Гениальный парнюга! — ревела восхищенная публика. — Лобастый черт! Эко придумал: "не приходя в сознание"... Надо будет на бенефис билетик спроворить. Без барышника не обойтись. Интересно, когда бенефис будет: до вскрытия или после?..

Потом были похороны: актер чинно и строго лежал в гробу с кротким, навсегда успокоившимся лицом, а сзади шла публика и грохотала:

— Ах, чтоб тебя разорвало! Ведь вот что придумал... Мозговитый...

— Однако, как хотите, реклама — рекламой, а по-моему, это — оскорбление религиозного чувства! Кощунство.

— Зато по-американски, хи-хи.

— Ребята, гляди, зарывается! Ей-Бо, живьем для рекламы в землю уходит. Как же ему там до бенефиса дышать, голубчику?!.. Чем?

— Дурень ты, не нашего Бога! Где ж ему дышать, ежели от него уже покойницкий дух.

— Эва! Нешто для рекламы не надушится?!

И, расходясь, уславливались:

— Значит, до бенефиса. На бенефисе встретимся.

А в это время в гробовую щель бочком прополз земляной червяк и пытливо огляделся в темноте:

— А где тут которые актеры? Чичас жрать их будем.

ОСВЕЖАЮЩИЙ ДУШУ РАЗГОВОР

Он сидел на скамеечке под тенистым деревом, когда я проходил мимо него.

У него было задумчивое интеллигентное лицо, лицо много читавшего и думавшего славянина, — и это расположило меня к нему, более того, потянуло к нему.

Я присел на ту же скамейку и тут только разглядел, что ошибся, по крайней мере, в его национальности: он держал на коленях, задумчиво перелистывая, номер английского журнала "The Tatler".

— Ду ю спик инглиш, сэр? — спросил я, приподнимая шляпу.

Он удивленно покосился на меня.

— Чего?

— Простите, вы русский? А мне показалось — англичанин! Признаться, эта нация — моя слабость. Меня всегда удивляли люди, у которых довольно свободно уживаются воздушная мистика Россетти и тяжеловесная гениальность Уэллса. Не правда ли?

— Кто уживается? — переспросил господин.

— Уэллс уживается с воздушной мистикой Россетти.

— Министр?

— Кто? Россетти? Нет, художник. "Э-э, — подумал я. — Интеллигент-то вы интеллигент, а в английской живописи, видно, швах".

Впрочем, я и раньше замечал, что русский интеллигент, поражая вас своей огромной начитанностью и осведомленностью в одних вопросах, ввергает вас в ужас полным невежеством в других вопросах.

— Я могу видоизменить эту прелесть английского контраста, — с готовностью подхватил я. — Уайт-Чапель у них уживается с роскошным Пикадилли, мрачный Миддль-Таун — с Армией Спасения, Джером — с Джеком Лондоном.

— Знаю, — кивнул головой интеллигент. — Это город у них такой — Лондон?

— Нет, это писатель американский такой есть! Джек Лондон — неужели не знаете? Он еще рассказы о Клондайке писал!

— О чем?

— О Господи! О Клондайке, на Аляске.

— Это где же это будет?

— Аляска-то? Неужели вы не знаете географии приполярных стран?!

— Которых, которых?

— Господи! Возьмите вы атлас Ильина...

— Ну, где там. Теперь и к паршивенькому коленкору не приступись.

— Слушайте! Да вы форменный профан...

— Никак нет. Я Федор Николаич, Утюжков моя фамилия... Хе-хе... За другого приняли?

Я перестал стесняться. Я грубо спросил его:

— Вы знаете, что такое синтаксис? Что такое этимология?..

— Не приходилось. Все, знаете, нет времени. Я на службе больше. По счетной части.

— Почему же вы, черт возьми, читали "The Tatler"?!

— Который?

— Да вот этот, что держите в...

— Я читал? Господь с вами! Я по-французскому ни в зуб. Да и по-русскому больше, если крупная печать...

— Так чего же вы его перелистывали?!

— Вот это вот? А я прикидывал, хватит ли, если сундук внутри оклеить. А то там щели и сволочи прусаки...

* * *

Приятно иногда потолковать с русским интеллигентом о воздушной мистике Россетти, о забавных контрастах британской индивидуальности, об откровениях автора "Мартина Идена", о причудливой раздвоенности апологетов Берн-Джонса, восхищающихся в то же время и творцом "Борьбы миров"...

Отвел душеньку.

БОКС В ТУРЦИИ И В ЕВРОПЕ

Недавно, проходя по узкой, кривой, грязной уличке Константинопольской Галаты, я сделался свидетелем одного из самых замечательных боксерных зрелищ в мире.

Брел по улице турок с корзинкой бубликов на спине.

Навстречу ему бодро шагал английский матрос с томиком стихотворений Шелли под мышкой.

Не знаю, с чего началось: не то бублики зацепились за Шелли, не то Шелли — за бублики...

Владелец Шелли приостановился и, заткнув Шелли за пазуху, отвесил обладателю бубликов одну из самых великолепных пощечин.

Турок снял корзину, нагнулся и боднул крепкой головой в красной феске англичанина в живот — так боднул, что поклонник Шелли перегнулся пополам.

Разогнувшись, он трахнул турка в подбородок. Тот ляскнул зубами и молниеносным ударом расплющил англичанину нос. Англичанин упал.

И никто над ним не наклонился, никто не отсчитывал над ним секунд, и никакой тренер во время этого перерыва не растирал его мохнатым полотенцем...

Англичанин поднялся, пока турок собирал рассыпанные бублики, и сбил турка на землю.

Не знаю, какой это был "роунд", но в результате у турка оказалась вывихнута нога и сломанным — палец руки.

* * *

Почему я пишу об этом?

Да мне просто обидно за моих героев, потому что результатом их великолепного состязания было приглашение в полицейский участок.

Где же тут справедливость?!

Почему портреты победителя Карпантье — негра Сики красуются во всех журналах, почему о побежденном Карпантье французские газеты до сих пор исписывают целые столбцы, сообщая даже следующее: "Родственники долго скрывали от него, что судьи лишили побежденного звания чемпиона мира".

Почему о моих боксерах не вспомнил ни один человек в свете, кроме меня?

Хуже они дрались, что ли? Нет!

Карпантье сломал палец, и у турка сломан палец.

Писали, что у Сики лицо напоминало отбивную котлету. А посмотрели бы вы на моего англичанина!.. У него лицо было еще шикарнее — сырой рубленый ростбиф.

За что ж их взяли в участок?

Почему собравшиеся, вместо того чтобы рукоплескать, растащили все бублики, и только я — единственный культурный человек — удовольствовался лежащим в грязи Шелли, взятым мною на память о знаменитом матче.

И вот, дорогие читатели, еще лишний раз подтверждается тривиальный тезис: если ты украл шесть копеек, ты — вор и негодяй, а если обанкротился, припрятав в карман чужой миллион, ты — коммерсант.

Потому что, — объяви я заранее в газетах о драке турка с матросом, да окружи место их случайной драки трибунами, да возьми за каждое место по 5 лир, — писали бы о них в газетах, как о героях, рукоплескали бы им с энтузиазмом.

Много на свете несправедливости.

* * *

Я это к тому говорю, что справедливее было бы после матча Карпантье — Сики стащить обоих с эстрады да и потащить в участок за безобразие в публичном месте...

* * *

Кстати, недавно просматривал я книгу "Руководство к изучению бокса" и наткнулся там на такую классическую фразу:

"Особенно рекомендуется (?!) так называемый "кросс-коунтирующий" удар, который вызывает сотрясение мозга и лишает возможности получившего удар принимать пищу в течение двух недель (точно) благодаря вывихнутой челюсти".

На всякий случай я этот прием твердо запомнил.

Может быть, мне когда-нибудь посчастливится встретить автора "руководства".

ФИЛАТЕЛИСТЫ

Мое болезненное самолюбие причиняет мне вечные неприятности...

Заходит недавно один приятель, говорит торжественно:

— Ты литератор?

— Я думаю.

— Вот и прекрасно. Мы с тобой через час поедем на торжественное заседание местного кружка филателистов.

— Кружка... чего?

— Филателистов! Неужели ты не знаешь, что это такое?

Человек с менее болезненным самолюбием ответил бы просто и откровенно:

— А черт его знает, что это такое...

Я же сделал обиженное лицо и угрюмо спросил:

— Это что ж... экзамен? Неужели ты считаешь меня настолько некультурным, что я не знаю, что такое — филармонисты.

— Филателисты, а не филармонисты.

— Это смотря где. По всему Бискайскому побережью их называют филармонистами. Местное арго.

— Ну, так что ж — пойдем?

— А что я буду там делать?

— Помилуй! Ты должен сказать там приветственную речь от имени русской литературы.

— Кой черт? Да я не говорю речей.

— Это неважно. Ты будешь говорить по-русски, а там все равно никто русского языка не понимает. Твоя речь — простой акт вежливости. Я уже обещал, что ты будешь говорить...

— А какая нелегкая тебя за язык тянула обещать? Не пойду я!

— Помилуй, как не пойдешь?! Твоя приветственная речь стоит даже на повестке. Да тебе — что? Скажешь несколько общих слов о задачах филателистики, о ее горизонтах, о ее будущем — да и конец. Одевайся.

Я бы скорей умер, чем сознался, что филателисты для меня — загадочное санскритское слово... А в наше проклятое время под рукой никогда нет энциклопедического словаря...

— Подожди, — нервно сказал я. — Мне нужно поговорить по телефону — одно дело! Я сейчас приду.

Выскочил я из комнаты, побежал вниз.

— Алло! 137-12? Вы, Петр Семеныч? Здравствуйте! Как поживаете? А я, знаете, вступил в кружок филателистов.

— Ну что ж поздравляю.

— Да?.. Спасибо... Вы одобряете?

— Конечно. Я когда-то сам этим занимался.

— Ну, и что же?
— Ничего. Потом бросил.
— На здоровье влияло?
— При чем тут здоровье?
— Я в том смысле, что усиленные труды повлияли.
— Помилуйте, да какой же тут труд?! Это — скорей развлечение. (Вот негодяй! Ну, можно ли говорить более неопределенно!)
— Петр Семеныч! А может быть, вы дали бы мне несколько советов, полезных для филателиста?
— Да какие же тут советы? Купите себе альбом да и жарьте.
— Вы говорите... жарить?
— Ну, да. Шпарьте!
Голова пошла кругом. Что это за таинственная, загадочная профессия (или развлечение), цель которой жарить альбомы? И почему шпарить?
Я вздохнул, дал отбой. Позвонил по другому номеру.
— Василий Евстигнеич? Мое почтенье. Послушайте... Я хотел спросить вас, как вы смотрите на... филателистов.
— Как? Да я их считаю помешанными. Особый род тихого помешательства!
— Что вы говорите?! Но... оно не опасно?
— Как вам сказать — сынишка мой совсем с ума сошел. Спит с альбомом.
— Какой странный мальчик! А вы — что?
— Да что ж я?! Собираюсь выдрать.
— Но ведь, говорят, есть даже кружки такие? Филателистов.
— Палкой бы их разогнать.
— Послушайте... А что, если бы этого... полиции заявить?
— При чем тут полиция? Ну, прощайте — зовут.

* * *

Это было все, что я мог узнать о филателистах.
Когда я вернулся, приятель мой уже держал наготове мою шляпу, пальто и палку.
— Едем, едем скорей... А то неудобно. Неприлично заставлять долго ждать!
— Послушай, голубчик... А может, ты бы лучше сказал речь, а я бы послушал. А?
— При чем тут я?! Кто писатель? Я писатель или ты писатель? Ты! Ты и будешь говорить!

— Но я так мало знаком с этим... делом...
— Вот и скажи несколько общих мест. Они же по-русски ни в зуб толкнуть. Соблюдем только конвенансы — и конец.
Хорошо тем, которых везут на казнь. Привезли его, отрубили голову — и конец. И возвращаться не надо. А я еду на казнь — и после этого мне еще нужно прожить долгую позорную жизнь.

* * *

Когда мы вошли, человек пятьдесят встретили нас громом аплодисментов.
Я неуклюже раскланялся и сел.
— Да ты не садись, — толкнул меня приятель. — Мы приехали как раз вовремя. Они ждут твоей речи.
— А может быть... мы... опоздали?..
— Да нет же! Вот видишь — председатель предоставляет тебе слово. Говори!
Я встал, мысленно перекрестился и мысленно прыгнул с высокого берега в неизвестную холодную воду...
— Милостивые государи и милостивые государыни! От имени русской литературы, той литературы, которая дала нам Пушкина, Гоголя и Чехова, приветствую я вас... (Тупые взгляды. Тихий восторг. Возгласы: "браво, браво".) Не мое дело и не моя задача распространяться о филателистах вообще, хотя я их глубоко уважаю как носителей высокого, прекрасного, вечного... (Общее "браво", шумное одобрение моего приятеля...) Что такое филателизм вообще и в частности? Это — занятие не хуже всякого другого, и я скорей предпочту филателиста, чем торговца краденым или спекулянта кокаином. Ars longa, vita brevis, — как сказал Ньютон. (Бурный восторг присутствующих. Я заметно ободряюсь и веселею. Придушенный шепот приятеля: "Что он там несет?") Ничто так не украшает человека, как юность, но и тихая старость имеет здоровые корни! Будем же жить, пока живется!!!
Эти слова я произнес так патетически и с таким подъемом, что зал заседаний дрогнул от рукоплесканий... На своей спине я чувствовал бешеный, прожигающий взгляд моего приятеля и поэтому старался в его сторону не смотреть.
— Я продолжаю! Мне сообщили, что филателисты жарят альбомы на легком огне и потом ошпаривают их кипятком... Если они (не филателисты, а альбомы) годят-

ся после этого в пищу, — вопрос личного вкуса. Полиции нет до этого дела — ну, и пускай! Да и вообще, филателизм — это особый род тихого помешательства! (Я в большом подъеме. Общие возгласы: "браво!" Голоса моего приятеля не слышно — чувствую, что он в полуобмороке...) Итак — в полдневный жар, в долине Дагестана, стояли мы на берегу Невы! Под синим небом Грузии, в прекрасной Андалузии красавица цвела... Мойте детей только мылом "Юпитер", не пейте сырой воды — и земля вам пухом!! И если бы глаза моего визави, господина председателя, не напоминали органов зрения мороженого судака, то я даже поцеловал бы его в отвисшие от восторга губки! Кончаю! Жарьте, шпарьте альбомы, а меня оставьте в покое, потому что — "кинжалом я владеть умею, я близ Кавказа рождена!!!" Я кончил.

Бурный восторг собрания, бешеные аплодисменты. Увидев протискивающегося ко мне с самыми недвусмысленными намерениями приятеля, я схватываю пальто, шляпу и, избегая оваций, избегая объяснений с приятелем, — мчусь к выходу.

* * *

Догнал он меня только на втором квартале.

— Послушай! Ты... ты... или сумасшедший, или идиот?!

— Ну, зачем так мрачно, — засмеялся я. — Кстати, скажи мне хоть теперь, чем занимаются филателисты?!

— А ты не знал?! О, гадина! Они собирают марки!

— Да что ж за смысл? Ведь теперь марки падают, что за десять долларов дают...

— Чугунная голова! Они собирают почтовые марки!

* * *

Так вот оно что!

Впрочем, каюсь: если бы я даже знал об этом раньше, я все равно произнес бы ту же самую речь, не изменив ни капельки.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР В ДЕТСКОЙ

Восемь часов вечера. В пустой детской жизнерадостно и хлопотливо трещат дрова в печке, на столе кротко горит лампа под зеленым абажуром, бросая четкий круг

света на часть закапанного чернилами исцарапанного стола, на углы стопок книг и тетрадей, на раскрытый пенал, набитый всяким драгоценным дрязгом: обломками плиток туши, кисточками и свернувшимися от тепла в трубку иностранными марками...

Круглые дешевые часы на стене расплылись своим широким честным лицом в улыбку и бойко, хотя их никто не слушает, отсчитывают да отсчитывают секунды.

Вот с треском отворилась дверь, и мальчик лет десяти — Боря Скобцов — влетел в детскую в фуражке, пальто внакидку и с кожаным ранцем за плечами...

Он подошел к своей кровати, стал к ней спиной и одним молниеносным движением сбросил все сразу: фуражку, пальто и ранец.

Это был очень трудный трюк, но шикарный: вот тебе одет человек — трах! вот тебе сразу и раздет.

Нянька, однако, была против этого "шикарного" приема.

Не успел Боря отогреть у веселой печки замерзшие руки, как снова открылась дверь и вошла сестренка — в шубке, меховой шапочке и с коньками в руках, сверкая розовыми щеками, серыми глазами, золотыми волосами.

— Каталась на коньках? — спросил Боря, пока она раздевалась.

— Да.

— Видишь, от меня ничего не скроется. Есть новости?

— Ну! Еще какие! Я на уроке истории сказала: "Македон Александровский" и потом новую загадку слышала — чудную-чудную!

— Ну, какую же? — с наружной снисходительностью спросил Боря, втайне замирая от страха и предстоящего позора: а вдруг не угадает?

— Слушай. На озере сидело сто уток. Охотник выстрелил и тридцать человек уток убил наповал. Сколько осталось живых?

— Чепуховская загадка! Семьдесят уток осталось.

Маруся радостно зашлепала в ладоши.

— Ага! Вот и не угадал. Ни одной утки не осталось.

— Ну, почему?

— Потому что живые улетели.

— Это еще не доказательство, — с энергией утопающего, хватающегося за соломинку, заспорил Боря. — Мало ли... А может, часть уток была глухая и не слышала даже и выстрела, — почем ты знаешь?

— Да разве утки глухие бывают?

— Сколько раз. Я даже ел. Вообще, это — задача с неопределенным решением. А вот я сегодня тоже слышал замечательную: шел солдат, нес в корзине сотню яиц. А дно упало. Сколько осталось в корзине?

Маруся всей своей душой чувствовала какой-то подвох, но в чем он заключался — решительно не могла найти. А ответ — такой простой и категорический — так и змеился на розовых губках.

— Ну, что ж ты? Было сто яиц в корзине. А дно упало — ну? Сколько осталось в корзине?

— Девяносто девять!!

— Дура! Раз дно упало — ни одного не осталось.

— Мама тебе сколько раз говорила, что нельзя меня ругать.

— А все-таки не угадала.

— Да и не хотела угадывать... Очень мне нужно... Моя загадка поэтичная: охотник, уточки, а у тебя какой-то солдат, какие-то яйца — фи!

— А может, твой охотник тоже солдат и твои утки несли яйца!.. Очень ты стала что-то много воображать о себе. Ну, теперь рассказывай: были по дороге приключения?

— Ах, Боречка, и какое приключение (оба, боязливо озираясь, придвинулись ближе друг к другу). Понимаешь, только что я выхожу с катка и с Николаевской сворачиваю на Кривоногую, — вдруг два господина в плащах перерезывают мне путь. Один говорит другому: "Герцог, сегодня у моей знакомой княжны крестины ее сына и соберется много аристократии. Мы должны выкрасть ребенка и отдать на воспитание леснику..." А другой демонически захохотал, сказал: "Предоставьте это мне, граф" и, выхватив шпагу, вонзил в того, первого, в графа...

— Ну... что ж ты?

— Я испугалась и убежала.

— Эх ты! Надо было подать первую помощь раненому. Он бы, может, открыл перед смертью тайну своего происхождения или клад. А со мной тоже, когда я шел от репетитора, какой случай был! Иду это я, значит, иду... Иду себе и иду.

— Ну? — нетерпеливо дернулась Маруся. — Что ты все идешь да идешь...

— Так не сразу же я перелетел. Тихо себе шел. Вдруг, на углу какой-то улицы... я уж позабыл, какой... смотрю, экипаж и три господина, роскошно одетых, тащат к экипажу даму с завязанными ртом и глазами. "Негодяи! — вдруг загремел я. — Оставьте вашу жертву!" Тут выскочили еще двое сообщников, выхватили сабли и давай меня рубить... Я потерял сознание. Добрый дровосек нашел меня, положил на тележку и доставил домой...

— Постой, — ехидно сказала Маруся. — Ведь это сегодня было?

— Ну так что ж, что сегодня!..

— А где ж твои раны, где кровь?

— Ну, это были такие раны... сухие.

— Что значит — сухие? Что ж, ты к ним промокашку прикладывал, что ли?

— Давай лучше что-нибудь другое делать, — предложил Боря, стремясь замять невыгодный для него разговор. — Эти приключения — глупости. Ты знаешь, что я собираюсь сделать? Придумать новую религию!

— Борька! — всплеснула руками Маруся, округлив от ужаса серые глаза. — Борька! Ты с ума сошел?! Ведь это грешно!..

— Почему грешно? Я придумаю свою религию, и мы с тобой будем в нее веровать, а потом ты уговоришь своих девочек, я своих мальчиков — и все мы будем веровать... Зато мы будем известны: "Кто придумал эту религию? — Борис и Мария Скобцовы!"

— Значит, мы уже в церковь не должны ходить?

— А? Ну, почему же... Изредка можно зайти на всякий случай. А вообще... Мы будем дубу поклоняться!

— Как дубу? Какому?

— Обыкновенному. Я недавно читал, что главное — это природа, а что Бог это... такая... условность. Вот, значит, я и сочиняю себе новую религию...

— Неужели ты, Борька, не боишься? (В глазах ее застыли страх и тайное восхищение перед грозным, шагающим через все препятствия братом.) А молитвы у тебя будут?

— Будут. Я сейчас сочиню молитву дубу.

— Дубовая молитва, — неожиданно сказала Маруся и рассмеялась.

— Боже, какие вы девчонки пошлые, — поморщился Боря. — Вот возьму нарочно и сочиню молитву дубу!

Он взял четвертушку бумаги и, скривившись от неудобной позы, принялся писать:

— Новая религия Бор. Скобцова. Молитва дубу. "О, могущественный и прекрасный... Помяни раба своего на небесах, в водах и под землею"...

— Что ж ты, — заметила, поглядывая через его плечо на бумажку, Маруся. — Хвостик из второй заповеди украл.

— Ну, одним словом, это еще нужно разработать...

— А ты знаешь, о чем я думаю?

— Ну?

— Хорошо бы открыть новую страну!

— Как же ты ее откроешь?

— Ну, как обыкновенно все открывают!

— Открывают так: едут и едут все время, пока не наткнутся на землю. Потом смотрят в карту: есть такая страна на карте? Нет. Ну, значит, мы ее и открыли.

— Вот и мы так откроем.

— Да ведь мы не едем.

— Фу, какой ты нудный! Возьмем карту и посмотрим: что еще не открыто.

— Да ведь что на карте, то уже открыто, а что не открыто — того не может быть на карте.

— Ну... остров-то может быть среди океана? Неоткрытый. Может?

— Это другое дело.

Деловито разворачивается атлас Ильина. Оба, сгорая от того острого чувства, которое ведомо только исследователям и авантюристам, наклоняются над картой.

— Вот это что? Тихий океан. Вот смотри, сколько тут пустого моря... Не может быть, чтобы тут не было острова. Дай-ка карандаш... Я сейчас нарисую.

На карте появляются прихотливо изрезанные очертания острова. Посредине пишется: "Остров Св. Марии"... И после некоторого колебания добавляется: "Скобцовой".

— Да разве ты святая?

— Ничего. Это так на островах всегда пишется.

— А вот тут — смотри — сколько пустого моря. Тут целый архипелаг должен быть. Дай-ка карандаш. Я сделаю.

Широкая мужская натура перещеголяла робкую девичью. Целый архипелаг пестрил на беспредельном морском просторе.

Написано и утверждено: "Скобцовские острова".

Остров Св. Марии перед ними такой жалкий, будничный, что ревнивое сердце не выдерживает:

— Боря!

— Ну?

— Я новый ликер изобрела — знаешь?

— Из чего?

— Пойди отлей из буфета стаканчик водки и сахара принеси. Я сделаю.

Новая забота поглощает отважных исследователей.

В принесенный стакан водки насыпается сахар. Потом Маруся, после краткой, но тяжелой борьбы, вынимает из-под подушки апельсин и выжимает его туда же. К апельсинному соку присоединяются лепестки сухой розы из книжки и кусок ромовой карамели.

Обсасывая выжатую апельсинную корку, Боря задумчиво глядит на помутневший стакан и говорит:

— Положи кусочек кармину для цвета. Красный ликер будет.

— Я и сама думала, — ревниво возразила Маруся, не желая уступать чести своего изобретения.

Мутно-красная смесь пахнет ромом, апельсином, розой и вообще черт знает чем.

— А ну, дай попробовать... Ой, вкусно!

— Постой... Оставь и мне. Я сделаю таких сто бутылок, наклею ярлычок "Ликер Чудо Роз — фабрики Марии Скобцовой" и буду продавать. Вот сейчас и ярлык сделаю...

— А знаешь, так можно очутиться знаменитой. Дай еще глоточек.

— Ну, это свинство! Ты почему языком карамельку вылавливаешь?! Пусть тает.

. . . . . .

В комнату вошли отец и мать Скобцовы... Усталая печка уже перестала трещать, прикрылась теплым пеплом, как одеялом, и задремала. Честные, добродушные часы, наоборот, бессонно и бодро несли свой однотонный вековечный труд. На сложенных руках мирно спали за столом две отяжелевшие головки: коротко остриженная темная и кудрявая, сверкающая жидким золотом.

— Неужели заснули? — сказал отец, наклонившись над столом.

— Смотри! — испуганно воскликнула мать. — Они какую-то дрянь пили.

Отец понюхал стакан, повертел в руках основы новой религии, карту с островами, ярлык — и тихо засмеялся...

— Обрати внимание, Софья! В то время как мы взрослые, тяжелые, скучные люди сыграли только четыре никому не нужных роббера, будущее поколение успело открыть новые земли, сочинить новую религию и изобрести райский нектар...

Он призадумался, глядя на "Скобцовские острова", провел рукой по начавшему лысеть темени и почему-то вздохнул.

МОЙ ПЕРВЫЙ ДЕБЮТ

Между корью и сценой существует огромное сходство: тем и другим хоть раз в жизни нужно переболеть. Но между корью и сценой существует и огромная разница: в то время как корью переболеешь только раз в жизни — и конец, заболевание сценой делается хроническим, неизлечимым.

Более счастливые люди отделываются редкими припадками вроде перемежающейся лихорадки, выступая три-четыре раза в год на клубных сценах в любительских спектаклях; все же неудачники — люди с более хрупкими организмами — заболевают прочно и навсегда.

Три симптома этой тяжелой болезни: 1) исчезновение растительности на лице, 2) маниакальное стремление к сманиванию чужих жен и 3) бредовая склонность к взятию у окружающих денег без отдачи.

* * *

Гулял я всю свою жизнь без забот и огорчений по прекрасному белому свету, резвился, как птичка, и вдруг однажды будто злокачественным ветром меня прохватило.

Встречаю в ресторане одну знакомую даму — очень недурную драматическую артистку.

— Что это, — спрашиваю, — у вас такое лицо расстроенное?

— Ах, не поверите! — уныло вздохнула она. — Никак второго любовника не могу найти...

"Мессалина!" — подумал я с отвращением.

Вслух резко спросил:

— А разве вам одного мало?

— Конечно, мало. Как же можно одним любовником обойтись? Послушайте... может, вы на послезавтра согласитесь взять роль второго любовника?

— Мое сердце занято! — угрюмо пробормотал я.

— При чем тут ваше сердце?

— При том, что я не могу разбрасываться, как многие другие, для которых нравственность...

Она упала локтями и головой на стол и заколыхалась от душившего ее смеха.

— Сударыня! Если вы способны смеяться над моим первым благоуханным чувством... над девушкой, которой вы даже не знаете, то... то...

— Да позвольте, — сказала она, утирая выступившие слезы. — Вы когда-нибудь играли на сцене?

Не кто иной, как черт, дернул меня развязно сказать:

— Ого! Сколько раз! Я могу повторять, как и Савина: "Сцена — моя жизнь".

— Ну?.. Так вы знаете, что такое на театральном жаргоне "любовник"?

— Еще бы! Это такие... которые... Одним словом, любовники. Я ведь давеча думал, что вы о вашей личной жизни говорите...

Она встала с видом разгневанной королевы:

— Вы нахал! Неужели вы думаете, что я могу в личной жизни иметь двух любовников?!..

Это неопределенное возмущение я понял впоследствии, когда простак сообщил мне, что у нее на этом амплуа было и четыре человека.

— В наказание за то, что вы так плохо обо мне подумали, извольте выручить нас, пока не приехал Румянцев, — вы сыграете Вязигина в "После крушения" и Крутобедрова в "Ласточкином гнезде". Вы играли Вязигина?

Ее пренебрежительный тон так задел меня, что я бодро отвечал:

— Сколько раз!

— Ну и очень мило. Нынче вечером я пришлю роль. Репетиция завтра в одиннадцать.

Очевидно, в моей душе преобладает женское начало: сначала сделаю, а потом только подумаю: что я наделал!

* * *

Роль была небольшая, но привела меня в полное уныние.

Когда читаешь всю пьесу, то все обстоит благополучно: знаешь, кто тебе говорит, почему говорит и что говорит.

А в роли эти необходимые элементы отсутствовали.

Никакой дьявол не может понять такого, например, разговора:

Явление 6

Ард. В экипажах и пешком.
А княжна Мэри.
Ард. Этого несчастья.
Спасибо, я вам очень обязан.

Ард. Его нужно пить.
Это вы так о ней выражаетесь...
Ард. Капризам.
В таком случае я способен переступить все границы.
Гриб. Две чечетки.
Надо быть во фраке.

Кто эти "Ард." и "Гриб."? Родственники мои, враги, старые камердинеры или светские молодые люди?..

Я швырнул роль на стол и, хотя было уже поздно, побежал к одному своему другу, который отличался тем, что все знал. Это был человек, у которого слово "нет" отсутствовало в лексиконе.

— Ты знаешь, что нужно, чтобы играть на сцене?

— Знаю.

— Что же? Скажи, голубчик!

— Только нахальство! Если ты вооружишься невероятной, нечеловеческой наглостью, то все сойдет с рук. Даже, пожалуй, похлопают.

— По ком? — боязливо спросил я.

— До тебя не достанут. Ладошами похлопают. Но только помни: нахальство, нахальство и еще раз оно же.

Ушел я успокоенный.

На репетиции я заметил, что героем дня был суфлер. К нему все относились с тихим обожанием. Простак даже шепнул мне:

— Ах, как подает! Чудо!

Я удивленно посмотрел на суфлера: он ничего никому не подавал, просто читал по тетради.

Однако мне не хотелось уронить себя:

— Это что за подача! Вот мне в Рязани подавали — так с ума сойти можно.

Я совсем не знал роли, но с некоторым облегчением заметил, что вся труппа в этом отношении шла со мной нога в ногу.

Актер, игравший старого графа, прислушался к словам суфлера и после монолога о том, что его сын проиграл десять тысяч, вдруг кокетливо добавил:

— Ах, я ни за что не выйду замуж!

— Это не ваши слова, — сонно заметил суфлер. — Дочка, вы говорите: "Ах, я ни за что не выйду замуж".

Дочка рабски повторила это тяжелое решение.

В путанице и неразберихе я был не особенно заметен, как незаметен обломок спички в куче старых окурков.

* * *

— Побольше нахальства! — сказал я сам себе, когда парикмахер спросил, какой мне нужен парик.

— Видите ли... я вам сейчас объясню... Представьте себе человека избалованного, легкомысленного, но у которого случаются минуты задумчивости и недовольства собой, минуты, когда человек будто поднимается и парит сам над собой, уносясь в те небесные глубины...

— Понимаю-с, — сказал парикмахер, тряхнув волосами, — блондинистый городской паричок.

— А? Во-во! Только чтоб он на глаза не съехал.

— Помилуйте! А лак на что? Да и вошьем.

"Побольше нахальства!" — сказал я сам себе, усаживаясь в вечер спектакля перед зеркалом гримироваться.

Увы!.. Нахальства было много, а красок еще больше. И куда, на какое место какая краска — я совершенно не постигал.

Вздохнул, мужественно нарисовал себе огромные брови, нарумянил щеки — задумался.

Вся гримировальная задача для новичка состоит только в том, чтобы сделаться на себя непохожим.

"Эх! Приклеить бы седую бороду — вот бы ловко! Пойди-ка тогда, узнай. Но раз по смыслу роли нельзя бороды — ограничимся усами".

Усы очень мило выделялись на багровом фоне щек.

* * *

В первом акте я должен выбежать из боковых дверей в белом теннисном костюме. Перед выходом мне сунули в руку какую-то плетеную штуку вроде выбивалки для ковров, но я решил, что эта подробность только стеснит мои первые шаги, и бросил плетенку за кулисами.

— А вот и я! — весело вскричал я, выскочив на что-то ослепительно яркое, с огромной зияющей дырой впереди.

— А, здравствуйте, — пропищала инженю. — Слушайте, тут пчела летает, я бою-юсь. Дайте вашу ракетку — я ее убью!..

Я добросовестно, как это делалось на репетициях, протянул ей пустую руку.

Она, видимо, растерялась.

— Позвольте... А где же ракетка?

— Какая ракетка? (Побольше наглости! Как можно больше нахальства!) Ракетка? А я, знаете, нынче именинник, так я ее зажег. Здорово взлетела. Ну, как поживаете?

— Сошло! — пробормотал я, после краткого диалога вылетая за кулисы. — До седьмого явления можно и закурить.

* * *

— Вам выходить! — прошипел помощник режиссера.

— Знаю, не учите, — солидно возразил я, поглаживая рукой непривычные усы.

И вдруг... сердце мое похолодело: один плохо приклеенный ус так и остался между моими пальцами.

— Вам выходить!!!

Я быстро сорвал другой ус, зажал его в кулак и выскочил на сцену.

Первые мои слова должны быть такие:

— Граф отказал, мамаша.

Я решил видоизменить эту фразу:

— А я, мамаша, уже успел побриться. Идет? Не правда ли, моложе стал?

Усы в кулаке стесняли меня. Я положил их на стол и сказал:

— Это вам на память. Вделайте в медальон. Пусть это утешит вас в том, что граф отказал.

— Он осмелился?! — охнула мать моя, смахнув незаметно мой подарок на пол. — Где же совесть после этого?

Сошла и эта сцена. Я в душе поблагодарил своего всезнающего друга.

* * *

В третьем акте мои первые слова были:

— Он сейчас идет сюда.

После этого должен был войти старый граф, но в стройном театральном механизме что-то испортилось.

Граф не шел.

Как я после узнал, он в этот момент был занят тем, что жена била его в уборной зонтиком за какую-то обнаруженную интрижку с театральной портнихой.

— Он сейчас придет, мамаша, не волнуйтесь, — сказал я, спокойно усаживаясь в кресло.

Мы подождали. На сцене секунды кажутся десятками минут.

— Он, уверяю вас, придет сейчас! — заорал я во все горло, желая дать знать за кулисы о беспорядке.

Граф не шел.

— Что это, мамаша, вы взволнованы? — спросил я заботливо. — Я вам принесу сейчас воды.

Вылетел за кулисы и зашипел:

— Где граф, черт его дери?!!

— Ради Бога, — подскочил помощник, — протяните еще минутку: он приклеивает оторванную бороду.

Я пожал плечами и вернулся.

— Нет воды, — грубо сказал я. — Ну и водопроводец наш!

Мы еще посидели...

— Мамаша! — нерешительно сказал я. — Есть ли у вас присутствие духа? Я вам хочу сообщить нечто ужасное...

Она удивленно и растерянно поглядела на меня.

— Дело в том, что когда я вышел за водой, то мимоходом узнал ужасную новость, мамаша. Автомобиль графа по дороге наскочил на трамвай, и графа принесли в переднюю с проломленной головой и переломанными ногами... Кончается!

Я уже махнул рукой на появление графа и только решил как-нибудь протянуть до тех пор, пока кто-нибудь догадается спустить занавес.

Мы помолчали.

— Да... — неопределенно протянул я. — Жизнь не ждет. Вообще, эти трамваи... Вот я вам сейчас расскажу историю, как у меня в трамвае вытянули часы. История длинная... так минут на десять, на пятнадцать, но ничего. Надо вам сказать, мамаша, что есть у меня один приятель — Васька. Живет он на Рождественской. С сестрой. Сестра у него красавица, пышная такая — еще за нее сватался Григорьев, тот самый, который...

— Вы меня звали, Анна Никаноровна? — вдруг вошел изуродованный мною граф, с достоинством останавливаясь в дверях.

— А, граф, — вскочил я. — Ну, как ваше здоровье? Как голова?

— Вы меня звали, Анна Никаноровна? — строго повторил граф, игнорируя меня.

— Я рад, что вы дешево отделались, — с удовольствием заметил я.

Он поглядел на меня, как на сумасшедшего, заморгал и вдруг сказал:

— Простите, Анна Никаноровна, но я должен сказать вашему сыну два слова.

Он вытащил меня за кулисы и сказал:

— Вы что?!.. Идиот или помешанный? Почему вы говорите слова, которых нет в пьесе?

— Потому что надо выходить вовремя. Я вас чуть не похоронил, а вы лезете. Хоть бы голову догадались тряпкой завязать.

— Выходите! — прорычал режиссер.

* * *

Могу с гордостью сказать, что в этот дебютный день я покорил всех своей находчивостью.

В четвертом акте, где героиня на моих глазах стреляется, она сунула руку в ящик стола и... не нашла револьвера.

Она опустила голову на руки, и когда я подошел к ней утешить ее, она прошептала:

— Нет револьвера: что делать?

— Умрите от разрыва сердца. Я вам сейчас что-то сообщу.

Я отошел от нее, схватился за голову и простонал:

— Лидия! Будьте мужественны! Я колебался, но теперь решил сказать все. Знайте же, что ваша мать зарезала вашу сестренку и отравилась сама.

— Ах! — вскрикнула Лидия и, мертвая, шлепнулась на пол.

* * *

Нас вызывали.

Я же того мнения, что если мы и заслужили вызова, то не перед занавесом, а в камере судьи — за издевательство над беззащитной публикой.

НАХОДЧИВОСТЬ НА СЦЕНЕ

О своих первых шагах на сцене я рассказывал в другом месте. Но мои последующие шаги должны быть (я так полагаю) также интересны для читателя.

Вот один из таких шагов.

* * *

Я уже три недели, как играю на сцене. Вид у меня импозантный, важный, и на всех не играющих на сцене я смотрю с высоты своего величия.

Сидел я однажды с актерами в винном погребке за бутылкой вина и шашлыком и поучал своих старших товарищей, как нужно толковать роль Хлестакова, не смущаясь тем, что задолго до меня мой коллега Гоголь гораздо тщательнее и тоньше объяснил актерам эту роль.

Худощавый молодой господин с белыми волосами и истощенным вечной насмешкой лицом подошел к нам и принялся дружески пожимать руки актерам:

— Здравствуйте, Гаррики!

Нас познакомили.

— Вы тоже актер? — снисходительно спросил я.

— Что вы! — возразил он, оскаливая зубы. — Как это вы можете по первому впечатлению так дурно судить о человеке?! Я не актер, но в вашем деле кое-что понимаю. Вы давно на сцене?

Я погладил свои бритые щеки:

— Порядочно. Завтра будет три недели!

— Ого! Значит, через восемь дней можно уже и юбилей праздновать. Хе-хе... Воображаю, как вы волнуетесь на сцене!

— Кто — я? Ни капельки.

— Ну да, знаем мы! Конечно, если роль вызубрили, да под суфлера идете, да окружены опытными товарищами — тогда ничего. А представьте себе — на сцене какая-нибудь неожиданность, что-нибудь такое, что не предусмотрено ни автором, ни режиссером, — воображаю вашу растерянную физиономию и трясущиеся колени...

— Ну, — усмехнулся я. — Меня не легко смутить.

— На сцене-то? Да бывают такие случаи, когда и Варламова с Давыдовым можно, что называется, угробить!

— Меня не угробите.

— Люблю скромных молодых людей! — вскричал он.

Потом задумался, искоса на меня поглядывая. У меня было такое впечатление, что я действую ему на нервы...

— Что у вас идет завтра в театре?

— "Колесо жизни" Рахимова. Сам автор обещал завтра прийти посмотреть, как я играю Чешихина.

— Ах, вы играете Чешихина? И вы говорите, что вас невозможно на сцене смутить, сбить с толку?

— Да. По-моему, это гнилая задача.

Он зловеще улыбнулся, протянул костлявую руку.

— Хотите заклад? На 6 бутылок кахетинского, на 6 шашлыков.

— Не хочу.

— Почему?!

— Мало. По десяти того и другого, плюс кофе с бенедиктином.

— Молодой человек! Вы или далеко пойдете, или... плохо кончите. Согласен!

Таким образом состоялось это странное пари.

* * *

Шел второй акт "Колеса жизни". У меня только что кончилась бурная сцена с любимой девушкой, которая заявила мне, что любит не меня, а другого.

— Кто этот другой? — спросил я крайне мрачно.

— Это вас не касается, — гордо ответила она, выходя за двери.

Свою роль я хорошо знал. После ухода любимой девушки я должен схватиться за голову, поскрежетать зубами, уткнуться головой в диванную подушку, а потом вынуть из кармана револьвер и приставить к виску. В этот момент хозяйка дома, которая тайно любит меня, а я ее не люблю, — выбегает, хватает меня за руку и, рыдая на моей груди, признается в своем чувстве... Такие пьесы, скажу по секрету, играть не трудно, а еще легче — писать.

Я уже схватился за голову, уже по авторскому замыслу поскрежетал зубами и только что подскочил к дивану, чтобы "уткнуться головой в подушку", — как боковая дверь распахнулась, и худой молодец с белыми волосами — тот самый, который взял подряд как бы то ни было смутить меня на сцене, — этот самый парень вышел на первый план самым непринужденным образом.

С двух сторон я услышал два шипения: впереди — суфлера, из боковой кулисы — помощника режиссера. Из директорской ложи глянуло на нас остолбенелое лицо автора.

— Здравствуйте, Чешихин! — развязно сказал беловолосый, протягивая мне руку. — Не ожидали? Я на огонек завернул.

Впереди я слышал шипенье, сбоку за кулисой отчаянное проклятие.

— Здравствуй, Вася, — мрачно сказал я. — Только ты сейчас зашел не вовремя. Мне не до тебя. Может быть, завернешь в другой раз, а? Мне нужно быть одному...

— Ну, вот еще глупости! — засмеялся беловолосый нахал, развалившись на диване. — Посидим, поболтаем.

Публика ничего не замечала, но за кулисами зловещий шум все усиливался.

Я задумчиво прошелся по сцене.

— Вася! — сказал я значительно. — Ты знаешь Лидию Николаевну?

Он покосился на меня и, незаметно подмигнув, проронил:

— Конечно, знаю. Преаппетитная девчонка.

— А-а! — вскричал я в неожиданном порыве бешенства. — Так это, значит, ты тот, из-за которого она отказала мне?! (Суфлерская будка вдруг опустела, но я от этого почувствовал себя еще увереннее и легче.) Ты?! Отвечай, негодяй!

"Вася" поглядел испуганно на мои сжатые кулаки и сказал примирительным тоном:

— Бросьте... поговорим о чем-нибудь другом...

— О другом?! — заревел я, торжествующе поглядывая на автора, который метался в директорской ложе, как лошадь на пожаре. — О другом? Ты меня довел почти до смерти и теперь хочешь говорить о другом?! Отвечай! (Я бросился на него, стал ему коленом на грудь и стал колотить головой об спинку дивана.) Отвечай — как у вас далеко зашло?!

"Вася" побледнел как смерть и прошептал:

— Пустите меня, медведь! Вы так задушите! Шуток не понимаете, что ли?

— Ты сейчас умрешь! — прорычал я. — Другой раз тебе будет неповадно!

Он глядел на меня умоляющими глазами.

Потом прошептал:

— Ну, я проиграл пари, какого черта вам еще нужно? Пустите, я уйду.

— Смерть тебе! — вскричал я со злобным торжеством — и так стукнул его голову о спинку дивана, что он крякнул и свалился на пол.

— Неужели я убил его?! — вскричал я, театрально заламывая руки. — Воды, воды этому несчастному!

Я схватил графин с водой и вылил щедрую струю на корчившееся тело "Васи".

Он испуганно закричал.

— Очнулся! — обрадовался я. — А теперь иди, несчастный, и постарайся на свободе обдумать свое поведение!

Я взял его в охапку и почти вышвырнул в боковую дверь. Схватился за голову. Прислушался. По мягким звукам ударов и по заглушенным стонам за кулисами я понял, что передал неудачливого Васю в верные руки.

— Итак, вот кто ее избранник! — вскричал я страдальчески. — Нет! Лучше смерть, чем такое сознание.

Дальше все пошло как по маслу: я вынул револьвер, приставил к виску, из средних дверей выбежала любящая женщина, упала на грудь — одним словом, я опять стал на рельсы, с которых меня попробовали стащить так неудачно.

"Колесо жизни" завертелось: в будке показался суфлер, в ложе — успокоенный автор.

* * *

После спектакля мне подали в уборную записку:

"Жрите сегодня ваше вино и шашлык без меня. Я все оплатил. Иду домой сохнуть и расправляться. Будьте вы прокляты!"

РАССКАЗЫ ЦИНИКА (1925)

ИСКУССТВО И ПУБЛИКА

(Вместо предисловия)

Вы — писатели, актеры и живописцы! Вы все (да и я тоже) пишете, играете и рисуете для того многоголового таинственного зверя, который именуется публикой.

Что же это за таинственный такой зверь? Приходило ли кому-нибудь в голову математически вычислить средний культурный и эстетический уровень этого "зверя"?..

Ведь те, с которыми мы в жизни встречаемся, в чьем обществе вращаемся, кто устно по знакомству разбирает наши произведения — эти люди, в сущности, не публика. Они, благодаря именно близости к нам, уже искушены, уже немного отравлены сладким пониманием тонкого яда, именуемого "искусством".

А кто же те, остальные? Та Марья Кондратьевна, которая аплодирует вам, Шаляпин, тот Игнатий Захарыч, который рассматривает ваши, Борис Григорьев, репродукции в журнале "Жар-Птица", тот Семен Семеныч, который читает мои рассказы.

Таинственные близкие незнакомцы — кто вы?

* * *

Недавно я, сидя на одном симфоническом концерте, услышал сзади себя диалог двух соседей по креслу (о, диалог всего в шесть слов).

— Скажите, это — Григ?

— Простите, я приезжий.

Этот шестисловный диалог дал мне повод вспомнить другой диалог, слышанный мною лет двенадцать тому назад; не откроет ли он немного ту завесу, за которой таинственно прячется "многоголовый зверь"?

Двенадцать лет тому назад я сидел в зале Дворянского собрания на красном бархатном диване и слушал концерт симфонического оркестра, которым дирижировал восьмилетний Вилли Ферреро*.

Я не стенограф, но память у меня хорошая... Поэтому постараюсь стенографически передать тот разговор, который велся сзади меня зрителями, тоже сидевшими на красных бархатных диванах.

— Слушайте, — спросил один господин своего знакомого, прослушав гениально проведенный гениальным дирижером "Танец Анитры". — Чем вы это объясняете?

— Что?

— Да вот то, что он так замечательно дирижирует.

— Простой карлик.

— То есть, что вы этим хотите сказать?

— Я говорю, этот Ферреро — карлик. Ему, может быть, лет сорок. Его лет тридцать учили-учили, а теперь вот — выпустили.

— Да не может этого быть, что вы! Поглядите на его лицо! У карликов лица сморщенные, старообразные, а у Вилли типичное личико восьмилетнего шалуна, с нежным овалом и пухлыми детскими губками.

— Тогда, значит, гипнотизм.

— Какой гипнотизм?

— Знаете, который усыпляет. Загипнотизировали мальчишку и выпустили. Все ученые заявили, что под гипнозом человек может делать только то, что он умеет делать и в нормальной жизни. Так, например, девушку можно под гипнозом заставить поцеловать находящегося вблизи мужчину, но никак нельзя заставить говорить ее по-английски, если она не знала раньше английского языка.

— Серьезно?

— Ну, конечно.

— Тогда все это очень странно.

— В том-то и дело. Я поэтому и спрашиваю: чем вы объясняете это?

— Может, его мучили?

— Как это?

*Этот крохотный гениальный мальчик разъезжал по России, с огромным успехом в годы 1911—1913, выступая как дирижер огромного симфонического оркестра. Впечатление от его концертов было потрясающее. Несколько лет тому назад Вилли Ферреро умер. *(Примеч. авт.)*

— Да вот, знаете, как маленьких акробатов... Рассказывают, что их выламывают и даже варят в молоке, чтобы у них кости сделались мягче.

— Ну, что вы! Где же это видано, чтобы дирижера в молоке варили?

— Я не говорю в буквальном смысле — в молоке. Может быть, просто истязали. Схватят его за волосы и ну теребить: "дирижируй, паршивец!" Плачет мальчик, а дирижирует. Голодом морят тоже иногда.

— Ну, что вы! При чем тут истязания. Вон даже клоуны, которые выводят дрессированных петухов и крыс, — и те действуют лаской.

— Ну, что там ваша ласка! Если и добиваются лаской, так пустяков, — петух, потянув клювом веревку, стреляет из пистолета, а крыса расхаживает в костюме начальника станции. Вот вам и вся ласка. А здесь — маленький мальчуган дирижирует симфоническим оркестром! Этого лаской не добьешься.

— Значит, по-вашему, его родители истязали? Странная гипотеза! — Он обиженно пожал плечами.

— Значит, по-вашему, выходит так: берем мы обыкновенного миловидного мальчика, начинаем истязать, колотить его по чем попало — и мальчишка через год-два уже дирижирует симфоническим оркестром так, что все приходят в восторг?! Просто же вы смотрите на вещи.

— Виноват! Вы вот все меня спрашиваете: объясни, да объясни. А как вы сами объясняете?

— Что? Вилли Ферреро?

— Да-с.

— Тут если и может быть объяснение, то гораздо сложней. Последние завоевания оптической техники.

— Вы думаете — посредством зеркал?

— То есть?

— Знаете, зеркало под известным углом... Фокусники достигают того, что...

— Нет-с, это пустяки. А видел я летом в "Аквариуме" механического живописца. Маленький человек, который собственноручно портреты с публики писал. Представьте себе, я узнал, как это делается: он соединен электрическим проводом с настоящим живописцем, который сидит за кулисами и рисует на другой бумаге. И что же вы думаете? Устроено так, что маленький живописец гениально точно повторяет все его движения и рисует очень похоже.

— Позвольте! Механического человека можно двигать электричеством, но ведь Ферреро живой мальчик! Его даже профессора осматривали!

— Гм! Пожалуй. Ну, в таком случае — я прямо отказываюсь понимать, в чем же тут дело?!

Я не мог больше слушать этого разговора.

— Эй, вы, господа! Все, что вы говорили, может быть, очень мило, но почему вам не предположить что-либо более простое, чем электрические провода и система зеркал...

— Именно?

— Именно, что мальчик — просто гениален!

— Ну, извините, — возразил старик — автор теории об истязании. — Вот именно, что это было бы слишком простое объяснение!

* * *

Подумайте только: на красном диване позади меня сидели люди, для которых мы пишем стихи, рассказы, рисуем картины, Шаляпин для них поет, а Павлова для них танцует.

Не лучше ли всем нам, танцующим, поющим и пишущим, с Шаляпиным и Павловой во главе, заняться оптовой торговлей бычачьими шкурами? Я знаю немного бухгалтерию — возьму на себя ведение конторских книг.

А Вилли Ферреро будет у нас мальчишкой на посылках, — относить счета заказчикам... А?

НОВЫЙ МИЛЛИОНЕР

Здравствуй, племя младое, незнакомое!..

Смешно сказать: в течение двух дней я встретил этого человека три раза; и он мне был совершенно чужд и ненужен! А существуют люди, которых любишь и с которыми хотел бы встретиться, — и не видишь их годами...

Первая встреча с этим человеком произошла у крупного ювелира, где я выбирал булавку для подарка, а "этот человек" (до сих пор не знаю, как его зовут) бессмысленно переминался с ноги на ногу у прилавка, тоскливо вздыхая и то распахивая, то запахивая роскошную шубу с бобровым воротником.

— Вам, собственно, что хотелось бы? — спрашивал терпеливый приказчик.

— Да вот этих купить... ну, каких-нибудь драгоценных камней.

— Каких именно?

— Эти беленькие — бриллианты?

— Да.

— Значит, бриллиантов. Потом еще голубых я взял бы... красных... А желтеньких нет?

— Есть топазы.

— Это дорогие?

— Нет, они дешевые.

— Тогда не сто́ит. Бриллианты — самые дорогие? Они как — поштучно?

— Нет, по весу.

— Вот вы мне полфунтика заверните.

— Видите ли, так, собственно, нельзя. Бриллианты продаются на караты...

— На что?

— На караты.

— Это скучно, я этого не понимаю. Тогда лучше поштучно.

— Вам в изделии показать?

— А что шикарнее?

— Да в изделии можно носить, а так, отдельные камни — они у вас просто лежать будут.

— Тогда лучше изделие.

— Желаете, колье покажу?

— Хорошо... Оно дорогое?

— Сто двадцать тысяч.

— Это ничего себе, это хорошо. Вот это оно? А почему же на нем одни белые камни? Хотелось бы чего-нибудь и зелененького...

— Вот вам другое, с изумрудом.

— Оно симпатичное, только куда я его надену?

— Виноват, это не мужская вещь, а дамская. Если жене подарить...

Незнакомец хитро прищурил один глаз:

— Экой вы чудак! А если я не женат?

— Гм! — промычал приказчик, усилием воли сгоняя с лица выражение отчаяния. — Вы, значит, хотели бы что-нибудь выбрать для себя лично?

— Ну да же! А вы что думали?

— Тогда возьмите кольцо.

— А оно сколько стоит?

— Смотря какое. Вот поглядите здесь: какое понравится.

— Вот это — почем? Голубенькое.
— Две тысячи пятьсот.
— Гадость. Мне тысяч на полтораста, на двести.
— Тогда бриллиантовое возьмите. Вот это — редкая вода: семнадцать с половиной тысяч.
— А дороже нет?
— Нет. Да ведь вы можете три взять!
— И верно ведь. Заверните. Вы думаете, что они достаточно шикарны?
— О, помилуйте, м-сье!
— Вы меня извините, но я в этом ничего не понимаю. Вот насчет бумаг я хорошо намастачился.
— Биржевых?
— Какая биржа! Я говорю о газетной бумаге, писчей, оберточной — все, что угодно! Получите за кольца. Вы их пришлите ко мне с мальчишкой — не хочется таскаться с этой ерундой. Или лучше я их на пальцы надену. Экие здоровые каменища. Не выпадут?
— О, помилуйте...
— А то выпадут — и пропало кольцо. Куда оно тогда? Вместо камня, дырка. Будто окно с выбитым стеклом. Прощайте.

В тот же день вечером я увидел его в мебельном магазине...
— Послушайте, — горячился он. — Поймите: если бы вы сказали мне: хочу иметь самую лучшую бумагу — я ответил бы: вот эта лучшая. А вы мне не говорите прямо, что хорошо, что нет. Вы говорите, что эта гостиная розового дерева, а эта — Людовика, ну? Какая же лучшая?
— Какая вам понравится...
— А которая дороже?
— Розового дерева. Тридцать семь тысяч двести.
— Ну, вот эту и заверните. Затем — какие еще есть комнаты у вас?
— Кабинет, спальня, столовая, передняя...
— А еще?
— Будуары еще есть.
— Ну, это всего шесть. А у меня десять комнат! Чем же их заставлять прикажете?
— А кто у вас еще будет помещаться в квартире?
— Я один!
— Гм!.. Можно тогда библиотеку.

— Семь! А еще?
— Можно тогда какую-нибудь комнату в русском стиле. Потом, ну... сделайте второй кабинет. Один для работы, другой... так себе.
Оба глядели друг на друга бессмысленными от натуги глазами и мучительно думали.
— Это девять. А в десятую что я поставлю?
— А десятую... сдайте кому-нибудь. Ну, на что вам одному десять? Довольно и девяти. Сдайте — вам же веселее будет.
— Это идея. Мне бы хотелось, чтобы эта комната была стильная.
— В каком стиле, м-сье?
— В хорошем. Ну, вы там сами подберите. Охо-хо... Теперь подсчитайте — сколько выйдет?

А на другой день я, к своему и его удивлению (он уже начал привыкать к моему лицу), встретил его на картинной выставке.
Он поместился сзади меня, поглядел из-за моего плеча на картину, перед которой я стоял, и спросил:
— Это — хорошая?
— Картина? Ничего себе. Воздуху маловато.
— Да! Дышать нечем. А я уже, было, хотел купить ее. Вижу, вы долго смотрите — значит, думаю, хорошая. Я уже три купил.
— Какие?
— Да вот те, около которых стоят. Я себе так и думаю: те картины, около которых стоят, — значит, хорошие картины.
Я принял серьезный деловой вид.
— А сколько людей должно стоять перед картиной, чтобы вы ее купили?
— Не меньше десятка, — так же серьезно ответил он. — Не меньше. Три, пять, шесть — уже не то.
— А вы — сообразительный человек.
— Да, я только ничего не понимаю во многом. А природный ум у меня есть. Вы знаете, как ловко я купил себе автомобиль? Я ведь в них ничего не понимаю... Ну, вот, прихожу в автомобильный магазин, расхаживаю себе, гуляю. Вижу, какой-то господин выбрал для себя машину... осмотрел он ее, похвалил, сторговался, а когда уже платил деньги, я и говорю: "Уступите ее мне, пятьсот отступного"... Удивился, но уступил. Хороший такой господин.

— У вас, очевидно, большие средства?

— Ах, и не говорите. Намучился я с ними... Вы уже уходите? Пойдем, я вас подвезу на своей машине... Прогуляться хотите? Ну, пойдем пешком...

Взяв меня под руку, он зашагал подле, заискивающе глядя мне в глаза и согнувшись в своей великолепной шубе...

— Скажите, лошадь иметь — шикарно?

— Очень.

— Надо бы купить. Знаете что? Я в лошадях ничего не понимаю. Вы купи́те лошадь, с этой самой... с повозкой! А потом продайте мне с надбавкой. Заработаете — и мне спокойнее.

— Нет, я этими делами не занимаюсь.

— Жалко. На кого это вы так посмотрели?

— Дама одна прошла. Красивая.

— Серьезно, красивая?

— Да, очень. Эффектная!

— Слушайте, а что если ее взять на содержание?

— Почему непременно ее?!..

— Я в этом, видите ли, ничего не понимаю, а вы говорите — красивая. Возьму ее на содержание, а?

— Позвольте! А вдруг это порядочная женщина?

— Ну, извинюсь. Большая беда. Сколько ей предложить, как вы думаете?

— Ей-Богу, затрудняюсь.

— Предложу три тысячи в месяц, черт с ним...

Он догнал даму, пошел с ней рядом... Заговорил... На лице ее последовательно выразились: возмущение, удивление, смущение, недоверчивость, колебание и, наконец, — радость, розовым светом залившая ее красивое лицо.

Покупатель бумаги нашел самое нужное в своей пустой жизни...

И подумал я:

"Теперь ты научишься и бриллианты покупать с толком, и обстановку выбирать в настоящем стиле, и лошадь у тебя будет не одна, а двадцать одна, и картины появятся такие, перед которыми будут останавливаться не десятки, а сотни, и во всем поймешь ты смысл и толк... и когда поймешь ты все это, как следует, — не будет у тебя ни картин, ни лошадей, ни бриллиантов, ибо есть справедливость на земле, ибо сказано: из земли взят, в землю и вернешься".

ЛЮДИ С ПРИЩУРЕННЫМИ ГЛАЗАМИ

I

Хотя близорукость — физический недостаток и хотя над физическими недостатками смеяться не принято, но я думаю, что несколько слов о близорукости мне можно сказать.

Постараюсь не хихикать, не подсмеиваться над несчастными, обиженными природой людьми, тем более что сам я близорук очень сильно и сам я перенес из-за этого много неприятностей и огорчений, о которых дальнозоркие люди и не слыхивали.

Вообще, дальнозоркие люди не могут себе представить, что такое близорукость, а близорукие смотрят на дальнозорких, как на что-то чудесное, непонятное и загадочное.

Однажды я, мельком, слышал такой разговор:

— Видите вы на той крыше кошку? Что это она там делает у водосточной трубы?

— Кошку? Я не вижу даже самой крыши!

— Как не видите? Вот эта большая, красная.

— Я вижу что-то красненькое, но, признаться, думал, что это флаг.

— Флаг?! Вы, наверно, притворяетесь... Просто дурачите меня.

— А я так, откровенно говоря, уверен, что это вы подсмеиваетесь надо мной. Я никак не могу понять, как это можно видеть на таком расстоянии кошку!

— Да? А вот вы убейте меня — я не пойму, как это на таком расстоянии можно *не увидеть* кошки! Она вся, как на ладони. Видите, лапой что-то скребет...

— Ха-ха! Может быть, она блоху поймала? Вы блохи не видите? Ну, признайтесь — ведь вы выдумали вашу кошку?

Так они долго говорили на разных языках.

Часто близорукие обладают странным свойством: тщательно скрывать свой недостаток. И из-за этого происходит много недоразумений, и многие попадают в неловкое положение.

Вы сидите в ресторане и неожиданно замечаете какого-то нового господина, который только что вошел в комнату. Вы не уверены — знаете вы его или нет. Лицо его сливается издали в бледное туманное пятно, на котором неясно отмечаются один глаз и какая-то черная повязка поперек лица.

Вы начинаете мучительно размышлять, знакомы вы с ним или нет?

Сомнения рассеиваются: новоприбывший сделал вам приветственный знак рукой, и вы, чувствуя, что он смотрит прямо на вас, меняете бессмысленное выражение лица на приветливо-радостное, вскакиваете с места и спешите к нему.

И, по мере приближения к этому господину, вы замечаете, что на его туманном, будто расплющенном лице появляется второй, недостававший ранее глаз, а черная трагическая повязка, которая казалась вам результатом какого-нибудь телесного повреждения, на самом деле — черные густые усы. И на расстоянии двух шагов от него вы уже начинаете сомневаться — знакомы ли вы с ним, а через один шаг уже уверены в том, что видите его в первый раз.

Но на вашем лице застыла первоначальная радостно-приветливая улыбка, и вы так и не успели согнать ее, а незнакомец уже заметил ваше поведение, заметил эту, такую глупую по своей ненужности, радостную улыбку, и смотрит на вас с чувством изумления и растерянности.

Чтобы рассеять как-нибудь это тяжкое глупое положение, вы, сохраняя на лице ту же глупейшую улыбку, глядите куда-то вдаль, делаете кому-то приветственные знаки, хотя впереди вас, кроме притворенной двери, никого нет, проскальзываете мимо незнакомца и в растерянности выпиваете у буфета рюмку водки, которая так противна после съеденных вами трубочек с кремом...

Еще более тяжелое впечатление получается, когда вы входите в ресторан, битком набитый публикой.

Проходя среди длинного ряда столиков, за которыми сидят странные люди без носов, глаз и губ, вы видите, что некоторые из них, как будто, при виде вас зашевелились и кланяются вам. Тогда вы, чтобы не показаться невежливым и вместе с тем не попасть в глупое положение, слегка наклоняете голову, делая что-то среднее между поклоном и отмахиванием от севшей на лоб мухи. А на лице блуждает та же бессмысленная неопределенная улыбка, и хочется скорее проскользнуть мимо этой проклятой публики со стертыми белыми пятнами вместо лиц, — тем более что сзади вы ясно слышите дружеский голос, позвавший вас по имени.

Вы хотите улизнуть, но тот же голос еще раз ясно и настойчиво окликает вас и — здесь наступает самый трагический момент: вы поворачиваетесь, с глупой улыбкой посматриваете на расплывшийся ряд столов и недоумеваете — с какого же стола слышался голос? На всякий случай дружески киваете головой толстому брюнету, подносящему ко рту какое-то желтое пятно (вино? яичница? платок?), в то самое время, как сзади вас дергают за фалды и говорят:

— Да здесь мы, здесь! Вот чудак! Неужели ты нас не видишь? Иди к нам.

"Неужели не видишь?!" Да конечно же не вижу! Господи...

II

Многие, вероятно, испытывали чувство, когда уронишь на пол пенсне и немедленно же попадаешь в положение человека, которому завязали глаза.

Человек, уронивший пенсне, прежде всего, как ужаленный, отскакивает от этого места, потому что боится раздавить ногами пенсне, отходит в самый дальний угол комнаты, становится на колени и начинает осторожно ползти, шаря по грязному полу руками. Его поиски облегчились бы, если бы на носу было пенсне, но для этого его надо найти, а найти пенсне, не имея его на носу, — затруднительно, сложно и хлопотливо.

Хорошо, если вблизи находится дальнозоркий человек. Он с молниеносной быстротой найдет пенсне, но при этом не упустит случая облить своего несчастного друга и брата — такого же человека, как и он сам, — ядом снисходительного презрения и жалости:

— Да где ты ищешь? Вот же оно! Эх ты! Слепая курица!

Я часто замечал, что дальнозоркие люди презирают нас и не прочь, если подвернется случай, подшутить, посмеяться над нами.

Один знакомый потащил меня в театр и там сделал меня целью самых недостойных шуток и мистификаций... А я даже и не замечал этого.

Сначала он не знал, что я близорук, и открылось это лишь благодаря простой случайности. В антракте после первого действия мы стояли в ложе бельэтажа, и мой знакомый рассматривал публику партера. Я стоял около и равнодушно обводил глазами тусклые белые пятна лиц, смутно проплывавших перед моими глазами.

— Смотрите, — сказал мой знакомый, дергая меня за руку. — Вот новый французский посланник!

— Где?!

— Вот видите, — внизу, около той ложи, в которой сидит декольтированная дама в сером.

Я хотел сознаться, что не вижу ни дамы, ни ложи, но боязнь бестактных насмешек и разговоров удержала меня от этого.

Я наклонился через барьер, бросил бессмысленный взгляд на опущенный занавес и с деланным оживлением воскликнул:

— Ах, вижу, вижу. Вот он.

— Да не туда! Вы совсем не туда смотрите!.. Влево, около второй ложи.

Я покорно повернул голову влево и, стараясь, чтобы он не проследил направление моего бесцельного взгляда, сказал:

— Ага! Вот он. Теперь я его узнал.

— Удивительно! Он только что сейчас скрылся в проходе. Как же вы могли его узнать?

— Да вы про кого говорите? — смущенно спросил я. — Про того высокого в белых брюках, который стоит около оркестра?

— В белых брюках? — ахнул мой собеседник. — Протрите глаза! Там стоит господин, но цвета брюк его не видно, потому что его заслоняет дама в белом платье. Послушайте!!.. Вы дьявольски близоруки...

Я стал энергично отрицать это, и мое нахальство обидело его.

Он помолчал и через минуту, вглядываясь в толпу, шевелившуюся внизу, сказал:

— Вот идет ваш знакомый Петрухин. Он кланяется вам. Почему же вы не отвечаете ему?

Я перевесился через барьер и неопределенно закивал головой, закланялся, заулыбался.

— Смотрите, — тронул меня за плечо знакомый. — Вдова Мурашкина с дочерьми — вон, видите, в ложе, что-то говорит о вас... Почему-то укоризненно грозит вам пальцем...

"Вероятно, — подумал я, — я им не поклонился, а Мурашкины никогда не прощают равнодушия и гордости".

Раскланялся я и с Мурашкиными, хотя никого из них не видел.

В этот вечер мой знакомый тронул меня до слез своей заботливостью: он беспрестанно отыскивал глазами людей, которые, по его словам, делали мне приветственные

знаки, посылали дружеские улыбки, и всем им я, со своей стороны, отвечал, раскланивался, улыбался, принимая при этом такой вид, что замечаю их всех и без указаний моего знакомого...

А когда мы возвращались из театра, этот пустой ничтожный человек неожиданно расхохотался и заявил, что он все выдумывал: ни одного знакомого в театре не было, и я по его указаниям посылал все свои улыбки, поклоны и приветствия черт знает кому — или незнакомым людям, или гипсовым украшениям на стенах театра.

Я назвал этого весельчака негодяем, и с тех пор ни одна душа не услышит от меня о нем доброго слова. Наглец, каких мало.

Вообще театры пугают меня после одного случая: однажды я приехал в театр с опозданием — к началу второго действия и, впопыхах сбросив пальто на руки капельдинера у вешалки, ринулся к дверям. Но капельдинер бешено взревел, бросил мое пальто на пол, догнал меня и схватил за шиворот.

— Как вы смеете, черт возьми? — крикнул он.

Оказалось, что это был полковник генерального штаба, приехавший за минуту до меня и только что раздевшийся у вешалки.

Мы стали ругаться, как сапожники, и я заявил, что пойду сейчас к околоточному составить на него протокол. Я побежал по каким-то коридорам, после долгих поисков нашел околоточного и задыхающимся голосом сказал:

— Меня оскорбили, г. околоточный. Прошу составить протокол.

— Убирайтесь к черту! — завопил он. — Какой я вам околоточный?!

Когда я рассмотрел его, — он оказался тем же полковником генерального штаба, на которого я снова наткнулся в полутьме.

Изрыгая проклятия, я опять побежал, нашел околоточного (уже настоящего) и, приведя его на место нашей схватки, указал на стоявшего у вешалки полковника:

— Вот он. Ругал меня, оскорблял. Арестуйте его.

И поднялся страшный крик и суматоха. Офицер назвал меня в конце концов идиотом, и я не спорил с ним, потому что после десятиминутных пререканий выяснилось, что это другой офицер, а тот, первый, давно уже ушел.

Все ругали меня: офицер, околоточный, капельдинеры...

Было скучно и неприветливо.

III

Однажды я изменил своим убеждениям.

Будучи прогрессистом, я, вообще, держусь такого взгляда, что с домашней прислугой обращаться должно строго и хотя и вежливо, но без тени фамильярности. Иначе прислуга портится.

В один дождливый вечер я зашел к знакомым. Радостно, всей гурьбой высыпали знакомые в переднюю встретить меня, и я стал дружески со всеми здороваться.

Седьмое рукопожатие предстояло мне проделать с молодой барышней в кокетливом переднике, но едва я протянул ей руку, — она спряталась назад и ни за что не хотела здороваться, хихикая и конфузясь. Сбитый с толку, недоумевающий, я настаивал, искал ее руку, а хозяева смущенно засмеялись и объяснили, что она — горничная.

Была преотчаянная минута всеобщего молчания и неловкости.

Не зная, что мне делать, я сказал:

— Все равно. Я все-таки хочу с ней поздороваться. Она такой же человек, как и мы, и, право, давно уже пора разрушить эти нелепые сословные перегородки...

Так как я настаивал, то горничная протянула мне руку, но немедленно после этого расплакалась и убежала.

Теперь я слыву среди знакомых чудаком, толстовцем, народником.

А когда я прихожу в тот дом, где мне случилось поздороваться с горничной, то, к великому изумлению новых гостей, здороваюсь с этой горничной, лакеем и швейцаром.

Иногда в передней сталкиваюсь с кучером, пришедшим за приказаниями. Здороваюсь и с ним. Что ж делать...

— Ах, он такой оригинал, — говорят обо мне хозяева.

Так говорят они, дальнозоркие люди.

Никогда им не понять близорукого человека!.. Несчастные мы!

АКУЛЫ

(Биржевики на прогулке)

...На берегу реки у взморья собралась кучка каких-то людей. Все прикладывают к глазам ладони щитком и напряженно всматриваются вдаль.

— Ой, рыба, — горячо говорит один.

— Ой, нет, — бойко возражает другой.

— Ах ты, господи! Да я ее лицо вижу так же хорошо, как ваше.

— Где же это вы у рыбы лицо нашли?

— А что же у рыбы?

— Морда.

— Мерси. Ну, все равно, морду вижу. И прямо на нас плывет. Поймать можно. Как к самому берегу причалит — так ее и бери руками.

— Серьезно? И скажите вы мне: можно различить ее породу или не видно?..

— Я так думаю — это не иначе, как большой сом.

— Что вы говорите? А почем нынче сомовина?

— А по рублю с четвертаком.

— И можете вы приблизительно определить, сколько в ней весу?

— В рыбе-то? Пятнадцать пудов.

— Это, значит, по оптовой выйдет рублей пятьсот на круг!

Голос сзади:

— Беру.

— Что вы берете?

— Весь, кругом. По восемьдесят фунт. Без хвоста и жабр.

— Даю по девяносто с хвостом.

Голос сбоку:

— Беру восемьдесят пять без хвоста.

— Губа не дура! Господа!! Даю девяносто без хвоста.

— Послушайте, Чавкин... Зачем вы играете на повышение? Это же недобросовестно.

— А что?.. Коммерция есть коммерция... Я ее в холодильнике выдержу, а потом по полтора на рынок выброшу.

— Вас самого выбросить нужно за такие штуки. Даю восемьдесят шесть.

— С хвостом?

— При чем тут хвост? Ну, пусть будет такой хвост: восемьдесят и шесть копеек, как хвост.

— Беру девяносто восемь.

— Даю.

— Что? Что вы даете? Это ваша рыба? Она уже у вас на руках? Вы ее поймайте раньше.

— И поймаю. Большая важность! Главное, твердую цену на нее установить, а поймать — плевое дело.

— Да позвольте, господа... Рыба ли это? Вот оно ближе подплывает, и как будто бы это не рыба.

— А пропустите вперед, я взгляну... Ну, конечно! Какой это дурак сказал, что плывет рыба? Бревно! Самое обыкновенное бревно.

— Беру.

— Что вы берете?

— Вот это... Обыкновенное десятидюймовое бревно. Вы даете?

— Ну, хорошо. Даю. По восьми с полтиной.

— Беру по семи.

— Отлипните. А вы, молодой человек, что предлагаете?

— Я... по восьми... даю... Франко — склад.

— Ловкий вы какой. Теперь отсюда доставка не меньше пяти рублей. Даю девять, франко — склад.

— Умный вы, молодой человек, а дурак. Даю восемь без доставки.

— Беру.

— Опять вы повышаете?

— Что значит повышаю?! Я тут же по девяти с полтиной продам. Идете в долю? Господа, хорошее сухое бревно — даю по девяти с полтиной!

— Как вы говорите — сухое, когда оно по воде плывет?

— Внутренняя сухость. А наружно его полотенцем вытрешь, вот и все. Так берете?

— Беру.

— Даю.

— Слушай, зачем ты ему отдал?

— Чудак, я сейчас начну играть на понижение. Уроню до пяти рублей, а потом куплю.

— Вы даете?

— Что?! По морде я вам дать могу!! Какое это бревно? Откуда это бревно? Разве на бревне волосы бывают? И разве на бревне ноги торчат? Черти! Утопленником торгуют.

— А ведь верно — это человек.

— И, кажется, прилично одет.

— Беру!

— Что берете?

— Костюм.

— Даю за тридцать.

— Беру без сапог пятнадцать.

— Даю двадцать пять.

— Опять повышаешь? Чавкин, что это за ажиотаж?

— Беру костюм и сапоги за сорок пять.

— Сделано. Господа! Даю чистый вес без упаковки — десять рублей!

— Чистый вес? А куда он? Суп из него сваришь, что ли?

— ...Позвольте! Как же вы мне предлагаете костюм, когда он плывет и руками размахивает?

— Кто, костюм?

— Не костюм, а то, что внутри. Это уже наглость! На живом человеке костюм — разве это спекуляция?

— Подплывает!

— Черта с два. Захлебывается. Помогите же ему! Вытащите его!

— Зачем его вытаскивать? Что это — рыба или бревно?

— Дураки вы, дураки. А может быть, если его вытащить, — ему можно будет спустить десяточек бугульминских? Бумага камнем лежит, а он с угару, пожалуй, не разберет.

— А верно!

Один из толпы бросается в воду и, рассекая волны руками, бодро кричит:

— Слушайте, как вас... утопающий! Даю пятьдесят бугульминских по семидесяти. Берете?

— Подавитесь ими, — хрипит, захлебываясь, утопающий. — У меня у самого сто, как свинец, осели.

— Свой, — разочарованно вздыхает спаситель и поворачивает к берегу.

АУКЦИОН

В ясное летнее утро уселся я в экипаж, который должен был доставить меня в Евпаторию.

Кроме меня места в экипаже были заняты: 1) прехорошенькой жизнерадостной белокурой дамой, в которую я, после двадцатиминутной внутренней безмолвной, но ожесточенной борьбы с самим собой, — тихо влюбился; 2) молодым развязным господином чрезвычайно активного вида.

Моя мужественная борьба с самим собой продолжалась все-таки 20 минут, а этот молодой человек безо всякой борьбы, в первые же две-три минуты всем своим поведением показал, что отныне единственная цель, един-

ственное устремление его жизни — белокурая дама, — и ни на что другое он не согласен.

Тут-то и вышло между нами состязание, которое так блистательно завершилось битвой на аэроплане.

Надо сказать, что вообще женщины — прехитрое, проклятое бабье, и почти всю жизнь они устраивают свои делишки по принципу аукционного зала.

Предположим, существует в природе металлическая резная ваза для визитных карточек. Никому в мире она не нужна, и ни одному человеку в подлунной не пришла бы в голову малая мысль зайти в магазин и купить ее.

Но ее выставляют в аукционном зале; вы и тут все-таки не обращаете на нее никакого внимания, пока аукционист не провозгласил магического: "Кто больше?"

— Сто рублей! Кто больше?! — орет аукционист.

— Полтораста, — говорит ваш сосед.

Вы вдруг загораетесь ("Если он хочет ее приобрести, то почему и мне ее не купить?") и бодро перебиваете:

— Сто семьдесят!

Сосед делается похожим на горящее полено, на которое плеснули керосином:

— Сто девяносто пять!!..

— И пять!!..

И пошла потеха.

И кончается потеха тем, что вы отдаете все, что имели за душой, за вещь, о которой десять минут тому назад у вас и грошовой мыслишки не было... Тащите ее домой, а в голове начинает ворошиться мысль, складывающаяся в знаменитую фразу крыловского петуха:

"Куда она? какая вещь пустая".

Вот так же и дамы. Они живут по принципам аукционного зала: если человек один, он, может быть, и не посмотрит, а если двое — тут-то в самую пору и крикнуть:

— Кто больше?!

Конечно, эта фраза произносится в самом высшем смысле, без всякой меркантильности.

Так у нас и пошло. Когда мы уселись, Голубцов (так звали этого человечишку) заявил, что он счастлив, имея такую визави, и прочее.

Я постарался покрыть его — заявлением, что хотя я и отвык от дамского общества, однако такое общество, как соседка, сократит путь по крайней мере в четыре раза.

Суетная душонка, Голубцов, сбросил с рук довольно крупного козыря, заявив, что, если у нее в Евпатории нет знакомых, он будет счастлив, если его скромная особа и т. д.

А я сразу шваркнул по всем его картам козырным тузом ("Если вам негде будет остановиться, я устрою для вас комнату").

Раздавленный Голубцов увял и осунулся, но ненадолго.

— Я вам должен сказать, Мария Николаевна ("Кажется, так? Мария Николаевна? Мерси! Прехорошенькое имя!")... Итак, я вам должен сказать, что русские курорты отталкивают меня своей неблагоустроенностью. То ли дело заграница...

— А вы были и за границей? (Огромный интерес со стороны Марии Николаевны. Сенсация.)

— Да... Я изъездил всю Европу. Исколесил, можно сказать.

Безмолвное лицо Марии Николаевны, обращенное в мою сторону, так будто бы и кричало: "Кто больше? Кто больше?!"

Я решил закопать этого наглого туристишку в землю, да еще и камнем привалить.

— А вы (ехидно спросил я) в Струцеле были?

— Ну, как же! Два раза. Только он мне, знаете ли, не особенно понравился...

— Кто?

— Струцель.

— А вы знаете, — отчеканил я. — Струцель — это вовсе не город. Это слоеный пирог с медом и орехами.

Молоток аукциониста уже повис в воздухе, чтобы ударить в мою пользу, чтобы тем же ударом заколотить этого слизняка в гроб, но... наглость его была беспримерна:

— Благодарю вас, — холодно ответил он. — Я это знал и без вас. Но вам, вероятно, неизвестно, что пирог назван по имени города. Может быть, вы будете утверждать, что и города Страсбурга нет только потому, что существует страсбургский пирог?! Да-с, Мария Николаевна... В этом Струцеле (Верхняя Силезия, 36 000 жителей) я даже имел одну замечательную встречу, о которой я вам расскажу когда-нибудь потом, когда мы будем вдвоем...

Я был распластан, распростерт во прахе, и колесница победителя проехалась по мне, как по мостовой...

— Значит, вы хорошо говорите по-немецки? — приветливо спросила Мария Николаевна.

— Ну да. Как же! Как по-русски.

"А не врешь ли ты, братику?" — подумал я и вдруг стремительно наклонился к нему:

— Ви филь ур, мейн герр?..

— А? Чего? — растерялся он.

— Это я вас по-немецки одну штуку спрашиваю. А ну-ка, ответьте: "Ви филь ур, мейн либер герр?"

Он подумал минутку, выпрямил свой стан и сказал с достоинством, которого нельзя было и подозревать в нем:

— Видите ли что, молодой человек... Хотя я действительно говорю по-немецки, как по-русски, но с тех пор, как Германия, привив России большевизм, погубила мою бедную страну... я дал обет... Да, да, милостивый государь! Я дал обет не произносить ни одного слова на этом ужасном языке...

— Так вы ответьте мне по-русски...

— Постойте, я не кончил... я дал обет не только не говорить на этом языке, но и не понимать этого языка!.. О, моя бедная страна!..

— Неужели вы так любите Россию? — сочувственно спросила растроганная Мария Николаевна, и ее нежная ручка ласково легла на его лапу...

"Кто больше?!" — вопил невидимый аукционист, а у меня нечем было покрыть: я обнищал.

В это время с небес донесся до нас шум мотора, — и прекрасный, изящный, похожий на стрекозу аэроплан бросил легкую тень на дорогу впереди нас. (О милый, так выручивший меня аэропланчик!.. Если бы у тебя был ротик и если бы это было возможно, я поцеловал бы тебя...)

Все мы задрали головы и стали с интересом следить за эволюциями легкокрылой стрекозы.

— Вы когда-нибудь летали? — обратилась Мария Николаевна... конечно, к нему! Не ко мне — а к нему.

— Я? Всю немецкую войну летал. Ведь я же летчик.

— Что вы говорите! Ах, как это интересно. И вы встречали когда-нибудь в воздухе вражеский аэроплан?

— Я? Сколько раз. Даже в драку вступал.

— Расскажите! Это так интересно... (Руку свою она так и забыла на его лапе.)

— Да что ж рассказывать? Как-то неловко хвастать своими подвигами.

Однако это похвальное соображение не удержало его:

— Однажды получил я приказ сделать разведку в тылу неприятеля... Ну-с... Подлил, как водится, в карбюратор бензину, завинтил магнето, закрутил пропеллер, вскочил на седло — и был таков. Лечу... Час лечу, два лечу. Вдруг навстречу на Блерио — немец. И давай он жарить в меня из пулемета очередями. Однако я не растерялся... Дернул выключатель, замедлил пропеллер, спустился на одно крыло к самому его носу, вынул револьвер, приставил к уху, говорю: "Сдавайся, дрянь такая!" Он — бух на колени: "Пощадите, — говорит, — господин". Но не тут-то было. Я его сейчас же за шиворот, перетащил на свою машину, а его Блерио привязал веревкой к своему хвосту, да так и притащил и немца, и его целехонький аппарат в наше расположение.

Во все время его рассказа *наше расположение* было прескверное. То есть только мое, потому что глаза Марии Николаевны искрились восторгом.

— Боже, какой вы герой! Скажите, а меня бы вы могли покатать на аэроплане?..

— Сколько угодно, — беззаботно ответил этот храбрый боец.

— А вы меня не разобьете?

— Как в колыбельке будете!

— Впрочем, с вами я не боюсь. Вы такой... мужественный! Когда же вы меня покатаете?

— Хоть завтра. Только жалко, что в Евпатории у меня нет аппарата.

— А вы на всякой системе можете летать? — небрежно спросил я, делая вид, что все мое внимание занято кружащимся над нами аэропланом.

— О, на какой угодно, но предпочитаю Блерио. На этой старушке я чувствую себя как дома.

— Ну, так вам, господа, повезло, — торжественно сказал я, простирая руку к небу. — Дело в том, что у меня в Евпатории есть два совершенно исправных Блерио, только что собранных и проверенных. Извозчик! Мы когда приедем в Евпаторию? В два часа? Прекрасно! До четырех умоемся, переоденемся, приведем себя в порядок, пообедаем, а часиков в пять я вас повезу на аэродром. Сегодня же, Мария Николаевна, он вас и покатает.

Никогда я не видел человека более расплющенного, чем этот жалкий Голубцов.

Он пробормотал, что летает на бензине только фирмы Нобеля: я его успокоил, что у меня Нобель; он протявкал,

что нужно еще проверить, какой сегодня ветер. Сколько баллонов (?!)... Я его успокоил, что ветра никакого нет. Тогда он прохрюкал, что для полета нужно специальное разрешение. Я вогнал его на три аршина в землю заявлением, что такое разрешение у меня имеется.

После этого он, подобно тому немцу, невидимо для глаз упал на колени, сдался и просил его пощадить, заявив, что сейчас же по приезде его ждет куча дел и что освободится он только дня через три-четыре и то часа на два... и то едва ли.

Теперь он лежал распростертый у моих ног... А я ходил по нем, как хотел, топтал его каблуками, пинал носком сапога в лживую пасть, и рука Марии Николаевны уже, как хорошенькая ящерица, переползла на мою руку, и уже Мария Николаевна смотрела только на меня и даже чуть-чуть прижималась ко мне, — а над нами парила мощная, так прекрасно выручившая меня птица, и ее огромные крылья, распростертые над нами, будто благословляли нас — меня и Марию Николаевну, Марию Николаевну и меня!!

Голубцов представлял собой бесформенный мешок костей, будто он только что шлепнулся с аэроплана.

Наконец-то невидимый молоток аукциониста стукнул в мою пользу, и я торжественно перед самым носом конкурента мог унести выигранную мною вазу для визитных карточек.

А в общем, если бы не аукцион — на что она мне?..

ВОЙНА

Пройдет еще лет двадцать. Мы все, теперешние, сделаемся стариками...

Мировая война отойдет в область истории, о ней будут говорить как о чем-то давно прошедшем, легендарном...

И вот, когда внуки окружат кого-нибудь из нас у горящего камина и начнут расспрашивать о нашем участии в мировой войне, — воображаю, как тогда мы, старички, начнем врать!..

То есть врать будут, конечно, другие старички, а не я. Я не такой.

И так как я врать не могу, то положение мое будет ужасное.

Что я расскажу внукам? Чем смогу насытить их жадное любопытство? Был я на войне? Был. Кем был? Солдатом, офицером или генералом? Никем! Нелегкая понесла меня на войну, хотя меня никто и не приглашал.

Когда я, во время призыва, пришел в воинское присутствие, меня осмотрели и сказали:

— Вы не годитесь!

Я обиделся:

— Это почему же, скажите на милость?!

— У вас зрение плохое.

— Позвольте! Что у вас там требуется на войне? Убивать врагов? Ну, так это штука нехитрая. Подведите мне врага так близко, чтобы я его видел, и он от меня не уйдет!

— Да вы раньше дюжину своих перестреляете, прежде чем убьете одного чужого!..

Вышел я из этого бюрократического учреждения обиженный, хлопнув дверью.

Решил поехать на войну в качестве газетного корреспондента.

Один знакомый еврей долго уговаривал меня не ехать.

— Зачем вам ехать?! Не понимаю вашего характера! Что это за манера: где две державы воюют — вы обязательно в середку влезете!

Однако я поехал, и, как говорил этот мудрый еврей, — конечно, влез в самую середку...

На позициях (под Двинском) ко мне привыкли как к неизбежному злу.

Некоторые даже полюбили меня за кротость и веселый нрав.

Однажды подсел я к солдатам в окопе. Сидели, мирно разговаривали, я угощал их папиросами.

Вдруг — стрельба усилилась, раздались какие-то крики, команда — я за разговором и не заметил что, собственно, скомандовали.

Все закричали "ура!", выскочили из окопов, побежали вперед. Закричал и я за компанию "ура", тоже выскочил и тоже побежал.

Кто-то кого-то бил, колол, а я вертелся во все стороны, понимая по своей скромности, что я мешаю и тем, и другим... Люди делают серьезное дело, а я тут же верчусь под ногами.

Потом кто-то от кого-то побежал. Мы ли от немцев, немцы ли от нас — неизвестно. Вообще, я того мнения,

что в настоящей битве никогда не разберешь — кто кого поколотил и кто от кого бежал...

Это уж потом разбирают опытные люди в главном штабе.

Бежал я долго — от врага ли или за врагом — и до сих пор не знаю. Может быть, меня нужно было наградить орденом как отчаянного храбреца, может быть — расстрелять как труса.

Бежал я долго — так долго, что когда огляделся, — около меня уже никого не было.

Только один немец (очевидно, такого же неопределенного характера, как и я сам) семенил почти рядом со мной.

— Попался?! — торжествующе вскричал я.

Он вместо ответа взял на изготовку штык и бросился на меня.

Я всплеснул руками и сердито вскрикнул:

— С ума ты сошел?! Ведь ты меня так убить можешь!

Он так был поражен моим окриком, что опустил штык.

— Я и хочу тебя убить!

— За что? Что я, у тебя жену любимую увез или деньги украл?! Идиот!

Рассудительный тон действует на самые тупые головы освежающе:

— Да, — возразил он сконфуженно, ковыряя штыком землю. — Но ведь теперь война!

— Я понимаю, что война, но нельзя же ни с того ни с сего тыкать штыком в живот малознакомому человеку!!

Мы помолчали.

"Во всяком случае, — подумал я, — он мой пленник, и я доставлю его живым в наш лагерь. Воображаю, как все будут удивлены! Вот тебе и "плохое зрение"! Может быть, орден дадут..."

— Во всяком случае, — сказал немец, — ты мой пленник, и я...

Это было верхом нахальства!

— Что?! Я *твой* пленник? Нет, брат, я тебя взял в плен и теперь ты не отвертишься!..

— Что-о? Я за тобой гнался, да я же и твой пленник?

— Я нарочно от тебя бежал, чтобы заманить подальше и схватить, — пустил я в ход так называемую "военную хитрость".

— Да ведь ты меня не схватил?!

— Это — деталь. Пойдем со мной.

— Пойдем, — подумав, согласился мой враг, — только уж ты не отвертишься: я тебя веду как пленника.

— Вот новости! Это мне нравится! Он меня ведет! Я тебя веду, а не ты!

Мы схватили друг друга за руки и, переругиваясь, пошли вперед. Через час бесцельного блуждания по голому полю мы оба пришли к печальному заключению, что заблудились.

Голод давал себя чувствовать, и я очень обрадовался, когда у немца в сумке обнаружился хлеб и коробка мясных консервов.

— На, — сказал враг, отдавая мне половину. — Так как ты мой пленник, то я обязан кормить тебя.

— Нет, — возразил я. — Так как *ты* мой пленник, то все, что у тебя, — мое! Я, так сказать, захватил твой обоз.

Мы закусили, сидя под деревом, и потом запили коньяком из моей фляжки.

— Спать хочется, — сказал я, зевая. — Устаешь с этими битвами, пленными...

— Ты спи, а мне нельзя, — вздохнул немец.

— Почему?!

— Я должен тебя стеречь, чтобы ты не убежал.

До этого я сам не решался уснуть, боясь, что немец воспользуется моим сном и убежит, но немец был упорен как осел...

Я растянулся под деревом. Проснулся перед вечером.

— Сидишь? — спросил я.

— Сижу, — сонно ответил он.

— Ну, можешь заснуть, если хочешь, я тебя постерегу.

— А вдруг — сбежишь?

— Ну, вот! Кто же от пленников убегает.

Немец пожал плечами и заснул.

Закат на далеком пустом горизонте нежно погасал, освещая лицо моего врага розовым нежным светом...

"Что, если я уйду? — подумал я. — Надоело мне с ним возиться. И потом — положение создалось совершенно невыносимое: я его считаю своим пленником, а он меня — *своим*. Если же мы оба освободим один другого друг от друга, то это будет как бы обмен военнопленными!"

Я встал и, стараясь не шуметь, пошел на запад, а перед этим, чтобы вознаградить своего врага за потерю пленника, положил в его согнутую руку мою фляжку с коньяком.

И он спал так, похожий на громадного ребенка, которому сунули в руку соску и который расплачется по пробуждении, увидев, что нянька ушла...

Вот и все мои похождения на театре войны.

Но как я расскажу это внукам, когда ничего нельзя выяснить: мы ли победили или враг; мы ли от врага бежали или враг от нас, я ли взял немца в плен или немец меня?

Теперь, пока я еще молодой, — рассказал всю правду. Состарюсь — придется врать внукам.

ИНДЕЙКА С КАШТАНАМИ

Жена заглянула в кабинет и сказала мужу:

— Василь Николаич, там твой племянник, Степа, пришел...

— А зачем?

— Да так, говорит, поздравить хочу.

— А ну его к черту.

— Ну, все-таки неловко — твой же родственник. Ты выйди, поздоровайся. Ну, дай ему рубля три, в виде подарка.

— А ты сама не можешь его принять?

— Здравствуйте! Я и то, я и се, я и туда, я и сюда, я и за индейкой присматривай, я и твоих племянников принимай?..

— Да, кстати, что же будет с индейкой?

— Это уж как ты хочешь. И сегодня гостей на индейку позвал, и завтра гостей на индейку позвал! А индейка одна. Не разорваться же ей... Распорядился — нечего сказать!!

— А нельзя половину сегодня подать, половину — завтра?

— Еще что выдумай! На весь город засмеют. Кто же это к столу пол-индейки подает?

— Гм... да... Каверзная штука. Ну, где твой этот дурацкий Степа — давай его сюда!

— Какой он мой?! Твой же родственник. В передней сидит. Позвать?

— Зови. Я его постараюсь сплавить до приезда гостей.

* * *

В кабинет вошел племянник Степа, — существо, совсем не напоминающее распространенный тип легкомысленных, расточительных, элегантных племянников, пользующихся родственной слабостью богатого дяди.

Был Степа высоким, скуластым молодцем, с громадным зубастым ртом, искательными, навсегда испуганными глазами и такой впалой грудью, что, ходи Степа голым, — в этой впадине в дождливое время всегда бы застаивалась вода.

Руки из рукавов пиджака и ноги из брюк торчали вершка на три больше, чем это допустил бы легкомысленный племянник из великосветского романа, а карманы пиджака так оттопыривались, будто Степа целый год таскал в каждом из карманов по большому астраханскому арбузу. Брюки на коленях тоже были чудовищно вздуты, как сочленения на индусском бамбуке.

Бровей не было. Зато волосы на лбу спускались так низко, что являлось подозрение: не вползли ли брови в один из периодов изумленности Степы кверху и не смешались ли там раз навсегда с головными волосами? В ущелье между щекой и крылом носа пряталась огромная розовая бородавка, будто конфузясь блестящего общества верхней волосатой губы и широких мощных ноздрей...

Таков был этот бедный родственник Степа.

— Ну, здравствуй, Степа, — приветствовал его дядя. — Как поживаешь?

— Благодарю, хорошо. Поздравляю с праздником и желаю всего, всего... этого самого.

— Ага, ну-ну. А ты, Степа, тово... Гм! Как это говорится... Ты, Степа, не мог бы мне где-нибудь индейки достать, а?

— Сегодня? Где же ее нынче, дядюшка, достать. Ведь первый день Рождества. Все закрыто.

— Ага... Закрыто... Вот, брат Степан, история у меня случилась: индейка-то у нас одна, а я и на сегодня, и на завтра позвал гостей именно на индейку. Черт меня дернул, а?

— Да, положение ваше ужасное, — покорно согласился Степа. — А вы сегодня скажите, что больны...

— Кой черт поверит, когда я уже у обедни был.

— А вы скажите, что кухарка пережарила индейку.

— А если они из сочувствия на кухню полезут смотреть, что тогда?.. Нет, надо так, чтобы индейку они видели, но только ее не ели. А завтра разогреем, и будет она опять как живая.

— Так пусть кто-нибудь из гостей скажет, что уже сыты и что индейку резать не надо...

Дядя, закусив верхнюю губу, задумчиво глядел на племянника и вдруг весь засветился радостью...

— Степа, голубчик! Оставайся обедать. Ты ж ведь родственник, ты — свой, тебя стесняться нечего — поддержи, Степа, а? Подними ты свой голос против индейки.

— Да удобно ли мне, дядюшка... Вид-то у меня такой... не фельтикультяпный.

— Ну вот! Я тебя, брат, за почетного гостя выдам, ухаживать за тобой буду. А когда в самом конце обеда подадут индейку — ты и рявкни этак посолиднее: "Ну зачем ее резать зря, все равно никто есть не будет, все сыты — уберите ее".

— Дядюшка, да ведь меня хамом про себя назовут.

— Ну, большая важность. Не вслух же, а может быть, и просто скажут: оригинал. Я, конечно, буду упрашивать тебя, настаивать, а ты упрись, да еще поторопи, чтобы унесли индейку, а то не ровен час кто-нибудь и соблазнится. Это действительно номер! Да ты чего стоишь, Степа? Присядь. Садись, Степанеско!

— Дядюшка, вы мне в этом году денег не давайте, — сказал Степа, критически и с явным презрением оглядывая свои заскорузлые сапоги. — А вы мне лучше ботинки свои какие-нибудь дайте. А то я совсем тово...

— Ну, конечно, Степан! Какие там могут быть разговоры... Я тебе, Степандряс, замечательные ботинки отхвачу!.. Хе-хе... А ты, брат, не дура, Степанадзе... И как это я раньше не замечал?.. Решительно — не дурак.

* * *

Когда гости усаживались за стол, Василий Николаевич представил Степу:

— А вот, господа, мой родственник и друг Стефан Феодорович! Большой оригинал, но человек бывалый. Садитесь, Стефан Феодорович, вот тут. Водочки прикажете или наливочки?

Степа приятно улыбнулся, потер огромные костлявые руки одну о другую и хлопнул большую рюмку водки.

— У меня есть знакомый генерал, — заявил он довольно громко, — так этот генерал водку закусывает яблоком!

— Это какой генерал, — заискивающе спросил дядя, — у которого вы, Стефан Феодорович, ребенка крестили?

— Нет, то — другой. То мелюзга, простой генерал-майор... А вот в Европе, знаете, — совсем нет генералов! Ей-Бо право.

— А вы там были? — покосился на него сосед.

— Конечно, был. Я вообще каждый год куда-нибудь. В опере бываю часто. Вообще не понимаю, как можно жить без развлечений.

Две рюмки и сознание, что какие бы слова он ни говорил, дядя не оборвет его, — все это приятно возбуждало Степу.

— Да-с, господа, — сказал он, с дикой энергией прожевывая бутерброд с паюсной икрой. — Вообще, знаете, Митюков такая личность, которая себя еще покажет. Конечно, Митюков, может быть, с виду неказист, но Митюкова нужно знать! Беречь нужно Митюкова.

— Стефан Феодорович, — ласково сказал дядя, — возьмите еще пирожок к супу.

— Благодарствуйте. Вот англичане совсем, например, супу не едят... А возьмите, например, мадам, они вас по уху съездят — дверей не найдете. Честное слово.

Худо ли, хорошо ли, но Степа завладел разговором.

Он рассказал, как у них в дровяном складе, где он служил, отдавило приказчику ногу доской, как на их улице поймали жулика, как в него, в Степу, влюбилась барышня, и закончил очень уверенно:

— Нет-с, что там говорить! Митюкова еще не знают! Но Митюков еще себя покажет. О Митюкове еще будут говорить, и еще много кому испортит крови Митюков! Да что толковать — у Митюкова, конечно, есть свои завистники, но... Митюков умственно топчет их ногами.

— Позвольте... да этот Митюков... — начала одна дама.

— Ну?

— Кто он такой, этот замечательный Митюков?

— Митюков? Я.

— А-а... А я думала — кто.

— Митюкова трудно раскусить, но если уж вы раскусили...

В это время как раз и подали индейку. Все жадно втянули ноздрями лакомый запах, а Степа встал, всплеснул руками и сказал самым великосветским образом:

— Еще и индейка? Нет, это с ума сойти можно! Этак вы нас всех насмерть закормите. Ведь все уже сыты, не правда ли, господа?! Не стоит ее и начинать, индейку. Не правда ли?

Все пробормотали что-то очень невнятное.

— Ну да! — вскричал Степа. — То же самое я и говорю. Не стоит ее и начинать! Унесите ее, ей-Богу.

— А, может быть, скушаете по кусочку, — нерешительно сказал хозяин, играя длинным ножом. — Индеечка будто хорошая... С каштанами.

Длинный Степа вдруг перегнулся пополам и приблизил лицо почти к самой индейке.

— Вы говорите, с каштанами?! — странно прохрипел он.

Губы его вдруг увлажнились слюной, а глаза сверкнули такой голодной истерической жадностью, что хозяин взял блюдо и с фальшивой улыбкой сказал:

— Ну, если все отказываются, придется унести.

— С каштанами?! — простонал Степа, полузакрыв глаза. — Ну, раз с каштанами, тогда я... не откажусь съесть кусочек.

Нож дрогнул в руке хозяина... Повис над индейкой... Была слабая надежда, что Степа скажет: нет, я пошутил — унесите!

Но не такой человек был Степа, чтобы шутить в подобном случае... Стараясь не встречаться взором с глазами дяди, он скомандовал:

— Вот мне, пожалуйста... От грудки отрежьте и эту ножку...

— Пожалуйста, пожалуйста, сделайте одолжение, — дрогнувшим голосом сказал хозяин.

— Тогда уж, раз вы начинаете — и мне кусочек, — подхватила соседка Степы, не знавшая, что такое Митюков.

— И мне! И мне!..

А когда (через две минуты) на блюде лежал унылый индейкин остов, хозяин встал и решительно сказал Степе:

— Ах, да! Я и забыл: вас генерал к телефону вызывал. Пойдем, я вам покажу телефон... Извините, господа.

Степа покорно встал и, как приговоренный к смерти за палачом, покорно последовал за дядей, догрызая индюшачью ногу...

Пока они шли по столовой, хозяин говорил одним тоном, но едва дверь кабинета за ними закрылась, тон его переменился.

Вышло приблизительно так:

— Ах, Стефан Феодорович, этот генерал без вас жить не может... Да оно, положим, вас все любят. У вас такой тонкий своеобразный ум, что... Что ж ты, мерзавец этакий, а? Говорил, что будешь отказываться. А сам первый и полез на индейку, а? Это что ж такое? Рыбой я тебя не кормил? Супом и котлетами не кормил? Думал, до горла ты набит, ухаживал за тобой как за первым человеком, а ты вон какая свинья? Уже все гости, было, отказались, а ты тут, каналья, вот так и выскочил, а?

Степа шел за ним, прижимая костлявую руку к груди, и говорил плачущим голосом:

— Дядечка, но ведь вы не предупредили, что индейка с каштанами будет! Зачем вы умолчали? А я этих каштанов с индейкой никогда и не ел... Поймите, дядечка, что это не я, а каштаны погубили индейку. Я уж совсем было отказался, вдруг слышу: каштаны! каштаны!

— Вон, негодяй! Больше и носу ко мне не показывай.

Дядя выхватил из Степиной руки обгрызанную ногу и злобно шлепнул ею Степу по щеке:

— Чтоб духом твоим у меня не пахло!!

— Дядя, вы насчет же ботинок говорили...

— Что-о-о-о??! Марина, проводи барина! Пальто ему!

* * *

Втянув шею в плечи, стараясь защитить от холода ветхим, коротким воротничком осеннего пальто свои большие оттопыренные уши, шел по улице Степа. Снег, лежавший раньше толстым спокойным пластом, вдруг затанцевал и стал как юркий бес вертеться вокруг печального Степы... Руки, не прикрытые короткими рукавами пальто, мерзли, ноги мерзли, шея мерзла...

Он шел, уткнув нос в грудь, как журавль, натыкаясь на прохожих, и молчал, а о чем думал — неизвестно.

ВЫСШАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Когда Раскатов ввалился в кабинет Кириллова — Кириллов недовольно поморщился:

— Вот еще черти тебя принесли. Тут человек работает, а ты зря шатаешься — только мешаешь.

Не обращая внимания на неудовольствие хозяина, Раскатов развалился на диване, похлопал перчаткой по колену и присвистнул...

— Работаешь? Тебе же хуже. Вот вы все — такие работнички: пока ты тут уткнулся в скучнейшие, дурацкие бумаги — живая жизнь проплывает мимо твоего носа!

Хозяин угрюмо промолчал, надеясь, что гость после такого сухого приема обидится и уйдет, но Раскатов был человек другой складки: он сладко потянулся, засвистал что-то из "Кармен" и вдруг сочно расхохотался.

— Ты чего? — угрюмо покосился хозяин Кириллов.

— Лимонова знаешь?!

— Что за странный вопрос: наш общий друг и приятель.

— То-то и оно, что приятель! Интересно мне сейчас взглянуть на его физиономию.

Кириллов лениво поинтересовался:

— А что с ним случилось, с Лимоновым?

— Ой, не могу молчать!! Ей-Богу, расскажу. Но... надеюсь, это будет между нами?

Кириллов промычал что-то невразумительное — нечто среднее между: "Да ладно уж..." и "Провались ты в болото со своими секретами".

Но Раскатов горел таким свирепым желанием рассказать, что принял это подозрительное мычание как торжественную клятву.

— Ну, так слушай! Ведь правда, жена Лимонова, Ольга Михайловна, — очаровательное существо?

— Мм... предположим! Что ж из этого следует? Позавидуем Лимонову, да и все.

— Нет, брат, ты брось!! Теперь не Лимонову нужно завидовать, а мне!

Кириллов привскочил с кресла:

— Что это значит?!

— А то и значит. Видишь ли, она мне давно нравилась... То есть, конечно, влюбленности особой не было, а так... Просто лакомый кусочек. Ухаживал я за нею вскользь, лениво, совершенно не думая, что из этого выйдет. А сегодня встречаю ее на улице, и вдруг приходит мне в голову шальная мысль: предпринять более энергичные шаги. Ну... то да се — разговорились. Соврал я, что нынче день моего рождения, и уговорил ее выпить по этому поводу бокал вина. Попали в ресторанчик, мигнул я лакею, чтоб дали отдельный кабинет, и вот... Началось невинными поцелуями, а кончилось... ха-ха-ха! Этакий бедняк этот Лимонов! Интересно бы на него сейчас взглянуть — какие у обманутых мужей лица бывают?..

Кириллов, негодующий и взволнованный, забегал по комнате.

— Послушай, Раскатов! Но ведь это же чудовищно. Ведь Лимонов твой друг...

— Голубчик!! Какое же это имеет отношение? Дружба одно, а... а... хорошенькая женщина совсем другое...

— Но ведь ты же осквернил его семейный очаг!!

— Философия. Тургеневская розовая водица.

— Ты обманул его дружбу, доверие!..

— О-о! Розовый пастушок, пасущий белых овечек на зелененькой травке. Брось! Ты дьявольски сентиментален, Кириллов, — вот уже не подозревал в тебе этого. Теперешняя жизнь, брат, жестокая штука. Общий девиз — хватай, что плывет в руки!

Кириллов молчал, о чем-то задумавшись, потом спросил странным дрогнувшим голосом:

— Значит, по-твоему, отбить у лучшего приятеля его законную жену — это ничего?

— А что делать, братуха! Нынче всяк сам за себя.

Кириллов неожиданно вскочил и, схватив руку Раскатова, горячо пожал ее.

— Спасибо, дружище!! Если бы ты знал, если бы только мог подозревать, как ты облегчил мою совесть!!..

Раскатов очень удивился.

— А что... такое? Что ты хочешь сказать?

— О, Раскатов! Если бы ты знал, как я терзался последнее время. Как мне было трудно, невыносимо трудно и тяжело — глядеть тебе прямо в глаза... Но твое признание, конечно, сняло камень с моей души.

— Экую ерунду человек мелет! Да что случилось-то?

Голос Кириллова звучал вдохновенно, почти экстазно:

— Слушай, Раскатов! Какое счастье, что я теперь могу тебе признаться во всем! Знай же, о, Раскатов, что я сделал по отношению к тебе такой же поступок, как ты — по отношению к Лимонову.

Раскатов застыл на месте, протянул вперед руки, будто защищаясь.

— Ты... ты... Стой! — беззвучно зашептал он дрожащими белыми губами. — Не хочешь ли ты сказать, что моя жена, Катя...

— Да!! Каюсь. Подошел такой момент, подхватил вихрь и закрутил! Она ведь у тебя красавица...

Раскатов застонал как раненый зверь и бессильно опустился на диван.

— И ты... ты мог так поступить со мной?!! Со своим лучшим другом?

— Да ведь ты же поступил так с Лимоновым...

— Э, "Лимонов, Лимонов"... Сейчас мы *обо мне* говорим, а не о Лимонове!! Боже мой, Боже, какая подлость...

— Почему?.. — хладнокровно спросил Кириллов. — Ведь ты же давеча радовался своей победе — дай же и мне порадоваться.

— Будь ты проклят!! Ты разбил мою семейную жизнь...

— Брось! Тургеневская розовая водица.

— И ты еще смеешься, ты — мой близкий друг!!

— Розовые барашки на зеленой травке. Жизнь, брат, жестокая вещь. Нынче такое время, что хватай, если в руки плывет. Твоя же, брат, философия.

Раскатов вдруг поднялся с дивана; его розовое упитанное лицо исказилось и посерело...

С трудом выдавливая из себя слова, будто глотая застрявший в горле комок, он прохрипел:

— Ну, так слушай же ты!.. "Друг!" Я тебе *все это выдумал,* насчет Ольги Михайловны Лимоновой. Ничего между нами не было!! Просто я хотел похвастать лишней победой. Она для меня так же неприкосновенная, как и для тебя. Ну? Что ты теперь скажешь?!

Он с трудом проглотил бешеную слюну, давившую его.

Лицо Кириллова просияло, и он, подскочив к Раскатову, принялся энергично, благодарно трясти его за руки...

— Ты... Говоришь правду?! Ничего между вами не было?! Слава Богу, слава Богу!!..

— Да... — угрюмо покачал головой Раскатов. — Между мною и мадам Лимоновой ничего не было! Сознаюсь! Солгал. Но — ты?! Ты? Вползти в мой дом, как змея, вскружить жене голову, обмануть мое доверие...

Кириллов рассмеялся лучезарно и весело и обнял Раскатова за плечи:

— Да ведь и между мной и твоей женой ничего не было!!.. Клянусь тебе. Просто я хотел наказать тебя за твою подлость по отношению к Лимонову. И сочинил насчет Катерины Георгиевны — да простит она мне эту гнусность!

На лице Раскатова снова появился яркий живой румянец, сразу окрасивший его осунувшееся лицо.

— О? Правда? — радостно заторопился он. — Серьезно? Серьезно между тобой и Катей ничего не было? Ты можешь в этом поклясться?!

— Матерью своею клянусь, — серьезно и честно сказал Кириллов, открыто глядя в глаза гостю.

Гость совсем расцвел, и розы снова заиграли на его щеках и губах. Так восходящее солнце окрашивает мгновенно серый пейзаж, дремавший до того во мраке. Он минуты две глядел на хозяина, потом уголки его губ дрогнули и он закатился таким смехом, что должен был, склонившись, опереться о спинку кресла...

— Что? Что с тобой?! — даже испугался хозяин.

— Да ведь... О-ой, не могу. Да ведь... я тебе опять соврал — насчет жены Лимонова. Было, голубчик, все было!! Я просто хотел испытать тебя — ох, не могу, сдохну от смеха — испытать тебя насчет своей жены, Кати!!.. А раз у меня дома все в порядке — вот же тебе! Пили мы вино с Лимонихой!! И целовались мы с Лимонихой!! И вообще. А ты мне клятву дал! Ишь, плутишка. Хотел своего друга напугать.

От его былой тревоги и страдания не осталось и следа. Лицо сияло, и глаза сверкали победно-торжествующе.

— Знаешь что?.. — брезгливо сказал Кириллов, — уходи! Ты мне мешаешь работать со своими глупостями. Проваливай-ка.

— Ой, уйду! Уйду, милый... Насмешил ты меня.

И, схватив шляпу, он покровительственно потрепал хозяина по плечу — и вышел.

Оставшись один, Кириллов прислушался к звуку хлопнувшей парадной двери и снял телефонную трубку.

— Девяносто два — четырнадцать! Квартира Раскатовых? Это вы, Катерина Георгиевна? Да, я, Кириллов! В прошлую среду вы сказали мне, что будете моей только в том случае, если муж вам изменит. *Он вам изменил.* А? Да. Сейчас был у меня, рассказывал. Ну... Я думаю — подробности лично? Приезжайте! Жду.

И трубка, повешенная на рычаг, звякнула — будто поставила точку на этом проявлении Высшей Справедливости.

МАЛЬЧИК КАЗЯ

Вечер был, сверкали звезды,
Проливая кроткий свет;
Шел по улице малютка,
А малютке — двадцать лет.
. . . . . .
Бог и в поле птичку кормит,
Всем тепло и свет дает —
В двадцать лет малютка тоже
Никогда не пропадет.

В. Горянский

Некоторая аналогия Кази Кшечковского с рождественским замерзающим мальчиком дает возможность автору пренебречь даже такими, казалось бы, важными противоречиями, как те, что: 1) Мальчику Казе было уже

26 лет... 2) Дело происходило не под Рождество, а в июне месяце... 3) Стоял не 20-градусный мороз, а, наоборот, 28-градусная жара.

Кроме же этих трех пунктов, судьба Кази Кшечковского очень напоминает судьбу бесприютного, замерзавшего и спасенного малютки.

Новоиспеченный помещик Кудкудахтов сидел на террасе помещичьего дома, утирал с лица обильный пот и думал:

— Черт его знает, какая это сложная вещь, сельское хозяйство! Без управляющего так и не знаешь толком — косить ли сейчас или сеять, молотить или боронить... А то еще есть слово "сковородить"!.. Черт его знает, что оно значит? Чрезвычайно жалко, что старый управляющий ушел сейчас же после смерти дяди. Вот теперь и приходится перед арендаторами, кучерами и разными мужиками корчить из себя понимающего человека. Нет, заведу управляющего. Хорошо это будет и стильно: утром сижу я у окна в халате, с трубкой в зубах, пью кофе. Приходит управляющий, степенно кланяется мне в пояс и останавливается скромно у притолоки. "Ну, что, Евстигнеич, как наши дела?" — спрошу я его. — "Да все как будто хорошо, Михал Миколаич... Кочевряжинские луга все, почитай, засковородили, а нынче овсы боронить учнем... Дал бы Бог только вёдро". — "Даст Бог и вёдро" — солидно замечу я. — "А что, кучер Игнашка все пьет?" — "Пьет, барин Михал Миколаич. Пьет, подлец. Выгнать бы его следовало..." — "Выгони, Евстигнеич, дело хорошее", — говорю я, попыхивая трубкой...

Занятый такими мыслями, Кудкудахтов и не заметил, как во двор вошел молодой человек в песочного цвета костюмчике, лаковых полусапожках и сиреневом галстухе с красными крапинками... В руках у него был прехорошенький хлыстик.

Он остановился в двух шагах от Кудкудахтова и, сняв соломенную шляпу-канотье, изящно раскланялся:

— Имею честь пожелать доброго здоровья.

— Здравствуйте, — приветствовал его и Кудкудахтов. — А чем могу вам служить?

— Скажите, не вы ли будете хозяином этого прекрасного поместья?

— Я. Как же! Я самый и есть.

— Так у меня к вам есть всенижайшая просьба. Это не ваш лес, вон там, виднеется за дорогой?

— Мой, мой.

— Не разрешите ли вы мне прогуляться в этом прекрасном лесу? В воздухе стоит такая жара, что хочется хоть на полчаса окунуться в прохладную сень дремучих деревьев.

— Ну, какие же могут быть вопросы, молодой человек. Да гуляйте себе хоть целый день.

Молодой человек снова раскланялся, взмахнул хлыстом, будто поощрив самого себя к ходьбе, и бодро зашагал по направлению к лесу...

Это и был рождественский мальчик Казя Кшечковский.

Было уже часов шесть вечера, когда Казя Кшечковский снова очутился перед террасой, на которой новоиспеченный помещик Кудкудахтов пил вечерний чай.

— А, это вы! — сказал Кудкудахтов. — Ну, как вам понравился мой лес?

— Лес прекрасный, — улыбнулся детской улыбкой Казя, сбивая хлыстиком пыль с брюк. — Я пришел, во-первых, поблагодарить вас за удовольствие, а во-вторых, вернуть вам одну вещь, которую я нашел в вашем лесу...

И Казя, вынув из кармана серебряный рубль, протянул его Кудкудахтову...

— Да почему ж вы мне его отдаете? — удивился Кудкудахтов.

— Лес ваш, рубль лежал в лесу под вашим деревом, следовательно — ясно — и рубль ваш, — сказал Казя, глядя на помещика честным открытым взором.

— Ну ладно, — усмехнулся помещик, — не буду спорить...

И, немного тронутый такой честностью (он уже заметил, что у Кази один лаковый ботинок лопнул и на брюках виднелась бахрома), сказал приветливо:

— Может, стаканчик чайку не откажетесь?

Казя не отказался.

Налив стакан чаю, Кудкудахтов заметил:

— А я в том лесу еще и не был. Получил я все это в наследство от дяди и теперь собираюсь все здесь благо-

устроить. Человек я городской, но, конечно, не боги горшки обжигают.

— Имение — золотое дно, — заметил Казя. — Лес, например... Что вы с ним думаете делать?

— Что ж с ним делать... Что обыкновенно делают, — рубить его потихоньку на дрова.

— На дрова?! — воскликнул Казя, испытующе глядя на хозяина. — Скажите, вы никогда не занимались сельским хозяйством?

— Да говорю ж вам, что человек я городской...

— Так это будет безумие!! Знайте — этот лес может дать сотни тысяч...

— Каким образом?!

— Мачты!

— Как, мачты? Да кому ж они тут нужны?

— О, Боже! До станции гужом, а оттуда на открытых платформах... Разница же вот какая: при рубке — десяток деревьев даст вам полторы сажени по цене четыре рубля сажень, то есть всего шесть рублей, а десяток мачтовых бревен, без пороков, будет стоить с доставкой около трехсот рублей. Там шесть, тут триста. При этом все крупные ветки идут на дрова, из мелких мы делаем древесную массу для писчебумажных фабрик (можно маленький заводик для обработки поставить), а хвою будем молоть и кормить ею свиней — лучший для них это корм...

— Господи ты, Боже мой, — удивился Кудкудахтов, — как вы это все хорошо знаете...

— Да! — усмехнулся Казя, — я ведь у тетки чуть не с детства занимался сельским хозяйством.

— Серьезно?! Родной мой! Объясните мне, что это за сельскохозяйственное слово: сковородить? Слышал я его, а что оно такое — не знаю

Казя снисходительно улыбнулся. На мгновение призадумался — потом бодро тряхнул головой:

— Сковородить? Это вздор, суеверие. Видите ли, когда на ниву надвигается туча, которая может подмочить хлеб, то все жители деревни выходят со сковородками и начинают колотить по ним палками, чтобы прогнать тучу... "Сковородят". Конечно, в рациональном хозяйстве такие способы смешны. Вообще, по-моему, в сельском деле из всякого грошика можно сделать рубль. Да вот, например, я видел одним глазком ваш фруктовый сад. Скажите, зачем вам анисовка?

— Ка...кая анисовка?.. — робко спросил Кудкудахтов.

— Это такой сорт яблок. Оптовая цена его за пуд полтора рубля... А мы можем привить к стволу "золотое семечко" или "царский ранет" и уже платить нам будут по семи рублей за пуд!..

Кудкудахтов слушал Казю со сверкающими глазами...

— Скажите, вы сейчас чем занимаетесь? — спросил он его, осененный какою-то мыслью.

— Ничем. Поссорился с теткой из-за политических воззрений и теперь иду в город. Тетка у меня обскурантка.

Помещик призадумался: "Малый он знающий — это видно по разговору; честный — доказывает поступок с рублем; молодой — значит, энергичный... Лучшего управляющего мне пока не найти!"

Столковались быстро, — в условиях сошлись в десять минут.

Работа в имении кипела. Каждое утро Казя являлся к Кудкудахтову с докладом.

Правда, он не отвешивал низкого поклона и не становился у притолоки, как старозаветный управляющий, но это даже нравилось Кудкудахтову (нет этого хамского низкопоклонства), в остальном же разговоры шли самые деловые:

— Сегодня Кукушкин выгон пустил под пар, — сообщал весело Казя.

— Под пар? Гм!.. Это хорошо. Ну, и что же он?

— Кто?

— Да выгон-то?..

— Выгон? Ничего. Все как следует. Выписал из Риги семена винных ягод и бананов. Анализ, сделанный мною, показывает, что почва в некоторых местах может производить субтропическую флору. Кремнезему уйма.

— Сеяли уже?

— Нет. Нынче в пору только обмолотиться. Сковородить решил завтра.

— А вёдро как?

— Вёдро хорошее. Да, кстати! Продал нынче овес; вот вам семьсот пятьдесят два рубля, а вот отдельно пятьдесят.

— А это какие пятьдесят?

— Взятка.

— Что-о-о?!..

— Мне дали взятку за овес. А так как я овес запродал по настоящей цене, без ущерба для вас, то эти деньги, по справедливости, ваши.

— Почему же мои?

— Овес ваш и взятка, значит, ваша. Вам причитается.

— Чудак вы, — смеялся растроганный Кудкудахтов. — Ну, спасибо. А мне, знаете, Казимир Михайлович, скучно. Вам-то хорошо — вы все работаете, хлопочете, а я...

— Да чего ж вам тут сидеть, — возразил Казя. — Взяли бы, да и катнули в столицу.

— Я уж и сам об этом подумывал... Да как же я уеду, если вы мне чуть не каждый день бумаги разные подсовываете, да разные сельскохозяйственные запродажи...

— Выход есть, — вспыхнув, прошептал Казя. — Да согласитесь ли вы на него?.. Человек-то я новый и вам еще неизвестный...

— А что?

— Да если, например, доверенность мне выдать... Такую, как у управляющего князя Щербинского...

— А почему бы мне и не выдать такой доверенности, — пыхтя трубкой, сказал Кудкудахтов. — Чем вы хуже княжеского управляющего? Если это вас устроит, то меня тем более.

— Только имейте в виду, — сказал Казя. — Я вам могу высылать в столицу на прожитие не более двух тысяч ежемесячно...

— Две тысячи в месяц?! — ахнул Кудкудахтов. — Да неужели стотысячное имение может приносить 24 тысячи в год?!..

— Пока не благоустроено, — снисходительно усмехнулся Казя, — а когда устроим, то и все сорок будете получать. О, вы, батенька, еще не знаете, что такое сельское хозяйство!!..

Обрадованный Кудкудахтов выдал полную доверенность и укатил в столицу...

Третьего числа следующего месяца Кудкудахтов получил из банка четыре хрустящие пятисотрублевки.

Еще через месяц он получил две хрустящие пятисотрублевки и письмо: "От молнии сгорела рига. Ставлю другую, почему пока посылаю тысячу. В следующий присыл вышлю сразу три тысячи..."

Прошел еще месяц. От Кази ничего не получилось.

И еще месяц. Полное молчание.

Кудкудахтов забеспокоился и послал телеграмму.

Казя молчал.

Встревоженный Кудкудахтов наскоро собрался, взял из банка часть собственных денег и скорым поездом полетел в родные палестины.

Серый долгий дождик печально моросил, когда он подъезжал к своему имению в тарантасе, нанятом на станции...

— Что это?! — вскричал вдруг обескураженный Кудкудахтов. — Где же мой дом? Сплю я?!.. Поезжай скорей!!!

Унылый вид представляет остывшее пожарище, смоченное осенним дождем.

Несколько кирпичей, не успевших развалиться, высились по краям погорелого дома, а по мокрому пеплу и углям бродил, опустив голову, Казя и изредка поковыривал своей изящной тросточкой пепел, точно ища, что бы можно было еще отсюда извлечь с пользой...

— Казя!! — вскричал Кудкудахтов. — Что случилось?!.

— А, здравствуйте, — поднял голову Казя. — Как поживаете? А у нас вот видите — дом сгорел.

— Экая досада! — крякнул Кудкудахтов. — Хотя, положим, я все равно хотел строить новый дом вон там, на той полянке.

— На ней, пожалуй, нельзя построить дома, — компетентным тоном заметил Казя.

— Почему?!

— Она продана уже. Хорошую цену давали, я и продал.

— Почему ж вы меня не спросили?..

— Не успел. Да я ведь, собственно, действовал на основании доверенности... Я ведь и лес продал, и луга, и землю эту, что под домом... Очень хорошую цену дали. Для вас же старался.

— Да где же эти деньги?! — вскричал ошеломленный Кудкудахтов.

— Сгорели. В этом самом доме и сгорели. Такая обида.

Долго стоял Кудкудахтов среди кирпичей и покоробленных железных листов от бывшей крыши.

Потом поднял опущенную голову и сказал угрюмо:

— Казя! Ведь вы за это в тюрьме сгниете...

— А что вам за польза? — деловым тоном спросил Казя...

— Пользы нет, но вы будете наказаны за воровство и мошенничество.

— Тюрьма меня еще больше испортит, — сказал тихо Казя, расковыривая палочкой потухшие угли.

— Испортит!.. Да вы и так хороший гусь, — с досадой сказал Кудкудахтов.

— А тогда буду еще хуже.

— Но ведь вы у меня украли, если вычесть полученные три тысячи, ровно девяносто семь тысяч!!..

— Точно: девяносто шесть тысяч девятьсот девяносто девять рублей. Рубль-то, который я вам дал при первом знакомстве, был мой собственный. Последний был. Конечно, я не спорю: купить за один рубль такое доверие — очень дешево. Все-таки вам от всего этого будет польза — не доверяйте кому попало!..

— Мерзавец! — отвечал Кудкудахтов, поворачиваясь к нему спиной, шагая к тарантасу и всем своим видом показывая, что расчеты с Казей покончены. — Мер-рзавец!

— Спасибо, — вздохнул облегченно Казя, устремив кроткий взгляд в его спину.

А когда бывший помещик уехал, Казя сказал сам себе:

— Пожалуй, это, действительно, мысль: выстроить новый дом на той полянке. Так я и сделаю...

История о замерзающем и спасенном мальчике окончена.

Этой историей я отнюдь не хочу сказать, что мальчиков не следует спасать...

Спасать мальчиков надо, но при этом надлежит всегда помнить о молодом человеке с тросточкой, робко попросившем у хозяина разрешения погулять в лесу, — и что из этого вышло.

СОКРОВИЩЕ

Тугоухов говорил своему знакомому — молодому человеку Бычкову:

— Отчего вы к нам никогда не зайдете? Я вас познакомлю с женой. Чудная у меня жена! Красавица, умница.

Попьем чайку, познакомлю с женой. Право, приходите. Поет, играет.

"Какие все мужья дураки", — подумал Бычков, окидывая Тугоухова сожалительным взглядом. А вслух сказал:

— Хорошо, приду.

— Вот спасибо. Она у меня образованная, и потом сложена, — божественно!

"Вот дурак-то!"

Вслух:

— Спасибо. Завтра же приду.

Бычков сидел у Тугоуховых и, как тонкий эстет, восхищенно любовался белыми проворными ручками Елены Ивановны, ловко перетиравшими чайную посуду.

"Чудная женщина", — одобрительно думал он.

— Да-с, — будто угадав его мысли, воскликнул Тугоухов. — Жена у меня — чистое сокровище! Вот сейчас должен я идти на собрание акционеров и жалко ее оставлять дома. Аленушка, сокровище мое, ты не будешь скучать? Впрочем, я предоставлю в твое распоряжение Виктора Викторовича. Развлеките ее.

— С удовольствием!.. — дрогнувшим голосом пообещал Бычков.

— Я вернусь к одиннадцати. Раньше не ждите, прощай, мое сокровище! До свиданья, мой молодой друг.

Прошло две недели.

Снова Бычков сидел у Тугоуховых — на этот раз в большой просторной гостиной, сидел у рояля рядом с Еленой Ивановной, а муж, о чем-то задумавшись, большими шагами ходил по гостиной. И так как он то приближался к сидевшей у рояля парочке, то удалялся к противоположному концу огромной комнаты — благодаря именно этому и разговор у Елены Ивановны с Бычковым был странный, путаный.

Она говорила:

— Отчего ты уже три дня не приходил к нам, противный?! Я так стосковалась...

В это время сзади слышались шаги мужа, и она сразу круто поворачивала руль разговора:

— ...и потом в этом имении, где я жила у дяди, было масса земляники. А я обожаю землянику...

Шаги удалялись.

— ...и тебя я обожаю еще больше! Я так соскучилась без твоих поцелуев, так было тоскливо, что (шаги) прямо-таки целыми днями я с сестрой лежала среди земляничных кустов и все ела, ела... а, может быть, у тебя завелась другая женщина — ты смотри, я такая ревнивая, что... никогда не могла допустить, чтобы сестра съела больше ягод, чем я. Бывало, кричу... узнаю что-нибудь — оболью уксусной эссенцией... да... эссенция... очень хорошо с ней чай пить, с этой земляничной эссенцией!

Так мирный монолог тянулся долго, пока слово не перешло к Бычкову.

— На кого же я могу тебя променять, мое сокровище, моя птичка!.. Гм! Не то это была канарейка, не то щегленок, но пела удивительно. Один раз я забыл насыпать ей корму, а на другой день... вернее, завтра я приеду к тебе, когда твой муж уберется на свое чертово акционерное заседание!

И в этом месте Бычков сбился вдруг с ритма беседы самым жестоким образом...

Именно: когда муж был на другом конце комнаты, Бычков вяло тянул свое повествование о канарейке, а когда муж приблизился, то тут Бычков и перешел на "я приеду к тебе, когда твой муж уберется"...

— Так, так... — раздался за спиной беседующих кроткий страдальческий голос мужа. — Хорошо вы, молодой человек, воспользовались моим доверием!.. Что ж... я могу "убраться"... могу убраться совсем! Чтоб не мешать влюбленным голубкам.

Жена с криком испуга простерла к нему руки, но он тихо отстранил ее и покачал головой:

— Не надо ни оправданий, ни объяснений! Глаза мои открылись! Я ухожу! Я ухожу. Буду один вдали от вас переживать эту душевную тяжкую драму и... если на мое имя, вообще, будут письма, — прошу пересылать их в отель "Бристоль".

Когда муж, сложив вещи, ушел поспешно и со странно опущенной головой, Елена Ивановна расплакалась и упала на грудь Бычкова.

Но потом отстранила голову от бычковской груди, вытерла слезы и спокойно сказала:

— Ну, и черт с ним! Мы с тобой славно заживем, о, мое солнце незакатное!..

Прошел месяц.

Бычков сидел в номере "Бристоля" у Тугоухова и сердито говорил ему:

— Вы со мной поступили подло, по-предательски!

Тугоухов ухмылялся:

— То есть это почему же? Я ушел, чтобы не мешать вашему счастью.

— Врите больше. Просто подбросили мне надоевшую вам жену, а я, как дурак, попался.

— Да вы разве недовольны?

— Черта с два — доволен. Не женщина, а уксус. Злая, лживая, ревнивая, как дьявол, и глупа так, что иногда поколотить ее хочется. Вы ведь это сами хорошо знаете. Хорошего дурака вы из меня состряпали!

Тугоухов лежал в удобной позе на диване и безмятежно улыбался.

— И уйти от нее нельзя — не пускает! Скандалом грозит.

— Да, это на нее похоже, — кротко согласился муж.

— Иван Федосеич! Вы со мной, конечно, поступили подло, но... я все вам прощу, все забуду, если вы посоветуете... найдете выход!

— Выход? А кто вам мешает поступить так же, как я? Найдите приличного молодого человека... да и...

— Да где его найдешь, такого дурака?!..

— Я же нашел. Да и при чем тут дурак? Согласитесь, что первое впечатление она производит очаровательное. Женщинам это как-то удается.

— Иван Федосеич! Посоветуйте. Может, у вас есть кто в виду?

— Гм! Действительно, поступил я с вами подло, а вы человек пресимпатичный. Кого бы вам посоветовать? Послушайте! Аграмантов подойдет!! Он еще весной бросал взгляды на это мое "сокровище".

— Аграмантов? Гм! Вы думаете?

В ложе уютного ресторана сидели Аграмантов и Бычков.

Хлопая Аграмантова по коленке, Бычков оживленно говорил:

— Послушайте! Что вас давно не видно? Приходите к нам. Я ведь сейчас на семейном положении — с Еленой

Ивановной. Чудная женщина — поет, играет, и потом, сложена, как богиня! Чистое сокровище! Право, пришли бы чайку попить. Елена Ивановна уже несколько раз о вас спрашивала. Приходите, а?

"Вот-то дурак", — размышлял саркастически Аграмантов, разглядывая Бычкова с видом презрительного сожаления.

Вслух пообещал:

— Обязательно приду. Завтра же.

Через месяц Аграмантов встретился в театре во время антракта с Иволгиным и бросился к нему с распростертыми объятиями:

— А-а! Ну что за счастливая встреча! Беру с вас слово, что навестите меня. Я сейчас на семейном положении... Новая моя жена, Елена Ивановна — чудная. Приходите, познакомлю. Красавица, умница и поет дьявольски...

Иволгин равнодушно отстранил его:

— Позвольте, позвольте... Это не та ли Елена Ивановна, которая была раньше женой Тугоухова?

— Да... да... А... что?

— Так не трудитесь: это я был тот первый, который сплавил ее Тугоухову!.. Так что — не трудитесь: сыт по горло!

Аграмантов угрюмо молчал.

Круг замкнулся.

МУХА

1. ЗАПИСКИ ЗАКЛЮЧЕННОГО

Итак — я в тюрьме! Боже, какая тоска... Ни одного звука не проникает ко мне; ни одного живого существа не вижу я.

О, Боже! Что это там?! На стене! Неужели? Какое счастье!

Действительно: на унылой тюремной стене моей камеры я увидел обыкновенную муху. Она сидела и терла передними лапками у себя над головкой.

Милая муха! Ты будешь моим товарищем... Ты скрасишь мое одиночество.

* * *

Я очень боюсь: как бы она, огорченная неприхотливостью пищи, не улетела от меня.

Устроим ей ужин.

Я беру кусочек сахару, смачиваю водой и, положив его рядом с крошками вареного мяса (не знаю, может быть, мухи едят и мясо), начинаю наблюдать за своим маленьким товарищем.

Муха летает по камере, садится на стены, на мою убогую койку, жужжит... Но она не замечает моих забот. Мушка, посмотри-ка сюда!

Я встаю с койки и начинаю осторожно размахивать руками, стараясь подогнать ее к столу. Не бойся, бедняжка! Я не сделаю тебе зла: мы оба одинаково несчастны и одиноки.

Ага! Наконец-то она села на стол.

Я не удержался, чтобы не крикнуть ей:

— Приятного аппетита!

* * *

В камере холодно.

Моя муха — мой дорогой товарищ — сидит на стене в каком-то странном оцепенении... Неужели она умрет?

Нет!

— Эй, вы, тюремщики! Когда я был один, вы могли меня морозить, но теперь... Дайте нам тепла! Дайте огня!

Никто не слышит моих воплей и стуков. Тюрьма безмолвствует.

Муха по-прежнему в оцепенении.

Какое счастье! Принесли чайник с горячим чаем.

Милый друг! Сейчас и тебе будет тепло.

Я подношу осторожно чайник к стене, на которой сидит муха, и долго держу его так около мухи; вокруг распространяется живительная теплота; муха зашевелилась... Вспорхнула... Наконец-то! Мы должны, дорогой товарищ, поддерживать друг друга, не правда ли, хе-хе!

* * *

Сегодня не мог уснуть всю ночь.

Всю ночь меня тревожила мысль, что муха, проснувшись, начнет в темноте летать, сядет на койку, и я неосторожным движением раздавлю ее, убью моего бедного доверчивого друга.

Нет! Мне кажется — смерти ее я бы не перенес.

На столе горит лампа... Я лежу с открытыми глазами.

Ничего! Днем можно выспаться.

* * *

Какой ужас! Моя муха чуть не погибла в паутине. Я и не заметил этих адских сетей. Правда, паука я нигде не нашел, но паутина!

Я немного задремал, когда до моего уха донеслось еле заметное жужжание.

Встревоженный предчувствием, я вскочил... Так и есть! Она бродит у самого края паутины.

— Милый товарищ! Я так же попался в расставленные мне сети, и я предостерегу тебя от повторения этого ужасного шага. Кш!.. Кш!..

Я размахиваю руками, кричу, однако не настолько громко, чтобы испугать муху.

Заметив меня, муха мечется в сторону — и, конечно, попадается в паутину.

Вот видишь, глупыш!

Я снимаю рукой всю паутину и осторожно выпутываю из нее муху. О, если бы кто-нибудь так же разрушил и мою тюрьму и так же освободил меня.

* * *

Сегодня я не могу ни есть, ни пить.

Лежу на койке и бессмысленно гляжу в одну точку...

Муха исчезла!

Улетела, покинула меня, эгоистичное, самодовольное создание!

Разве тебе было плохо? Разве не был я тебе преданным, верным другом, на чью сильную руку ты могла опереться?! Улетела!..

2. ЗАПИСКИ МУХИ

Залетела я сюда из простого любопытства.

И сразу вижу, что сделала глупость.

Тоска смертная! Только что уселась на стену — привести себя в порядок и немного подремать, — как вздрогнула, чувствуя на себе чей-то взгляд.

Мужчина. Что ему нужно?

Глаза на меня так пялит, что даже стыдно. Не думает ли он меня укокошить? Вижу, что придется распроститься с отдыхом. Полетаю по камере. Эх!

* * *

Чего он ко мне пристает?

Намесил на столе какой-то сладкой дряни с вываренной говядиной — и гоняется за мной по камере, хлопая в ладоши.

Что за смешное, нелепое зрелище: человек, а прыгает, как теленок, потерявший всякое достоинство...

Придется усесться на стол, отведать его месива. Брр!..

Что он там кричит? Как не стыдно, право! А еще человек.

* * *

Ни минуты покоя!

Только что я завела глаза, задремала, как он стал кричать, колотить кулаком в дверь и доколотился до того, что ему принесли чайник с кипятком.

Что-то он предпримет?

Этого еще недоставало! Тычет горячим чайником прямо мне в бок... Осторожнее, черрт!

Так и есть: опалил крыло. Попробую полетать...

Прямо-таки смешно: я летаю, а он носится за мной с чайником.

Зрелище, от которого любая муха надорвет животики.

* * *

На дворе ночь, спать хочется невероятно, а он зажег лампу, лежит и смотрит на меня.

Все имеет свои границы! Я так истрепала нервы, так устала, что жду не дождусь, когда можно будет удрать от этого маньяка.

Ночью не выспишься, а завтра с утра, наверно, опять будет прыгать за мной с горячим чайником в руке...

Всему есть границы! Этот человек чуть не вогнал меня в гроб!..

Сегодня я подошла к паутине (паука давно нет, и мне хотелось рассмотреть это дурацкое сооружение...). И что же вы думаете! Этот человек уже тут как тут... Замахал руками, заорал что-то диким голосом и так испугал меня, что я метнулась в сторону и запуталась в паутине.

Постой! Оставь! Я сама! Я сама выпутаюсь... Да оставь же! Крыло сломал, медведь. Нога, нога! Осторожнее, ногу! Ф-фу!

* * *

Не-ет, миленький, довольно.

Что это? Сигнал на обед! Какое счастье! Открывается дверь, и я — адью!

Теперь уж не буду такой дурой. И сама хобота сюда не покажу, и товарищей остерегу:

— Товарищи-мухи! Держитесь подальше от тюремных камер!! Остерегайтесь инквизиции!

ФОКСТРОТ

— Вы любите ли сыр? — спросили раз ханжу.

— Люблю, — он отвечал: я вкус в нем нахожу.

А другого ханжу спросили прозой:

— Вы любите фокстрот?

— О, да! — восторженно отвечал он. — Чудный танец. Сколько в нем огня, грации. Какая глубина мысли.

Человечество сразу вдруг поглупело.

Каждая эпоха вообще, а особенно эпоха глупости, — должна иметь свой танец. И мои "главою скорбные" современники выдумали фокстрот.

Эпохи ума, красоты, изящества и настоящего блеска отмечались последовательно: менуэтом, мазуркой, величественным полонезом, венским вальсом, даже сногсшибательным канканом.

Наша убогая эпоха отмечена фокстротом.

"Фокстрот" — название по-английски. По-французски этот танец называется "данс д'Имбесиль", а на честном прямолинейном русском языке — "пляска дураков".

Во всех шантанах и дансингах мира ежевечерне происходит по окончании программы одна и та же сцена: средина зала очищается от столов и стульев, и откуда-то выползает странный оркестр, очевидно нарочно созданный для вышеуказанного танца... Два-три бездельника начинают тренькать на банджо, пианист в это время сводит личные счеты с беззащитным пианино, кое-кто дудит в дудку, а самый главный — большею частью джентльмен с черным лицом и белыми зубами — ведет

себя совсем по-издевательски: окружен он барабанами, тарелками, ложками, вилками — целым столовым прибором. Но этого мало: странная машина, стоящая около него, увешана всем, что не нашло полезного применения в хозяйстве: пустыми бутылками, старыми сковородками, платяными щетками, испорченными частями автомобиля и чайными ситечками... по всей этой рухляди чернокожий вдруг начинает свирепо колотить барабанными палками, присвистывая, икая и огогокая.

Он дудит, пищит, стонет, трезвонит, бьет палкой по стульям, по полу, по бутылкам, чайным ситечкам и по вывешенному тут же портрету своего предка...

И под эту музыку его родины, звучавшую еще при Ливингстоне, когда в котлах варились взятые в плен горемычные враги, а тут же сбоку еще живым рубили головы, как капусту, — под эту музыку начинается фокстрот.

Вяло, скучающе выбредает на середину дама. За ней плетется кавалер, а на лице его, вместо радости предстоящего танца, написаны все невзгоды, обрушившиеся с утра: неоплаченная квартира, холодная комната, ехидно лопнувший ботинок и предстоящее возвращение домой по слякоти.

Угрюмо обвивает он красной лапой худосочную талию дамы и принимается топтаться, уставившись с беспросветным видом в угол потолка.

Потоптался. Потряс плечами. Потрясла плечами и дама. Судорожно дернул крупом. Дернула и дама. Потом ноги его, как отварные макароны, заплелись одна за другую. Расплелись. Снова потоптался.

Тяжелая работа, скучная. А надо!

Вот ты, каналья, топчешься тут, будто виноград на вино давишь, а ты бы лучше дома посидел. Книжку бы почитал! Небось, Достоевского, Диккенса и не нюхал, об Оскаре Уайльде не имеешь и понятия, а туда же — в светскую жизнь ударился — я, дескать, вращаюсь в светском вихре!

Еще можно понять тех джентльменов и леди, которые за весь этот страдальческий выпляс получают по два, по три доллара в вечер: такая же работа, как и скучное ведение бухгалтерских книг или набивание папирос.

Но как проникнуть в таинственные изгибы психологии тех добровольцев, которые без всякого понуждения и выгоды тоже выходят на середину, с лицами людей, только что приговоренных к долгосрочному тюремному

заключению, и начинают под грохот сковородок, угрюмо, с окостеневшим взором, семенить ногами, даже не бросив косого взгляда, не поинтересовавшись: а что это за прекрасная девушка тут же судорожно бьется под моей рукой, извиваясь, трясясь и спотыкаясь...

А может быть, это царица красоты, под огнем глаз которой пышно забурлит кровь и сладко забьется сердце?!

Кой черт! Он даже руки ей не пожмет после танца: затихла музыка, дико взвизгнув напоследок, — и кончилась пляска заводной куклы.

Щелкнула раскрутившаяся пружинка, и обе куклы с сонными лицами распадаются.

— Братцы! Да ведь вы же цари природы!! Что же это за поведение такое?!

Однажды был я с приятелем в кафешантане, и полюбился нам один фокстротист пуще ясна сокола. Это был парень с лицом ацтека и головой микроцефала... На макушке рос густым кустарником пук волос, нос занимал на лице такое командующее положение, что рту и глазкам буквально некуда было деваться. Ослепительно короткие брюки выказывали пару фокстротных тощих ног — о, как полюбился нам этот паренек с наружностью выгнанного конторщика!

В тот вечер он сделал верст пятнадцать, не считая всех сплетений ногами и трясений плечами и крупом.

И он заметил тоже, что полюбился нам, — это немного оживило окостеневшего беднягу, — по крайней мере, он даже в нашу честь выкинул два-три фортеля ногами, расставив их ножницами, а потом согнув с хитрым подскоком.

Мы его поощряли, как могли, — улыбались, подмигивали, — и этот бедный заброшенный цветок совершенно расцвел.

Из пятнадцати топтавшихся кавалеров он был единственным, который проявил некоторые признаки жизни в этом царстве анабиоза.

И теперь, когда я, сидя в позе созерцателя в каком-нибудь дансинге, натыкаюсь взглядом на знакомый куст волос на макушке и короткие панталоны, болтающиеся на тонких ногах, — мы оба молчаливо оживляемся, и лица наши светлеют: он видит во мне тонкого

ценителя искусств, доку и знатока. Я в нем вижу честного работягу — самого большого дурака между фокстротистами и самого искусного фокстротиста между дураками.

Прощай, милый микроцефалический ацтек!.. Земля тебе пухом, когда ты будешь выделывать свои кренделя, ножницы и макароны...

ПЯТЬ РАССКАЗОВ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ

Дорогие читатели! Позвольте вам преподнести пять восхитительных рассказов... По некоторым причинам я могу восторженно отзываться об этих рассказах — и не моя вина, если мое мнение разойдется с читательским.

Вот — читайте:

НЕУДАЧЛИВЫЙ ПАССАЖИР

Один господин, спеша по делу, решил сесть в трамвай. Сказано — сделано. Но второпях он влез не в тот вагон трамвая, который был ему нужен, и поэтому трамвай завез его в противоположную сторону. С досадой в душе он сел в другой трамвай, но и в этом случае ошибся. На все эти уморительные недоразумения было потрачено часа полтора, и господин опоздал на важное свидание.

УПРЯМЫЙ МАГНИЙ

Группа лиц решила однажды вечером сняться фотографическим путем. Сказано — сделано. Явился фотограф с аппаратом и с машинкой, которая автоматическим путем зажигает магний для вспышки.

Фотограф усадил группу и, после долгой возни, сказал:

— Приготовьтесь! Сейчас будет вспышка!!

Нажал пружину — чик! — вспышки нет.

Опять — чик! — опять нет вспышки. И так он пять раз пытался безуспешно произвести вспышку. Наконец ему эти попытки надоели, он вынул спички и зажег магний простым способом.

Это было очень смешно.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ СО СТАРИКОМ

Один старик, приезжий из Гамбурга, шел во время дождя по улице. Вдруг — мимо него автомобиль... Боясь, чтобы автомобиль не забрызгал его грязью, он в ужасе отскочил в сторону и — как раз попал обеими ногами в глубокую лужу.

Надо было видеть комическую ярость старика из Гамбурга! Кстати, приехал он из Гамбурга покупать кожу для обувной фабрики, да, кроме того, привез с собою больную жену, чтобы посоветоваться со знаменитым профессором о состоянии ее здоровья.

ОКРАШЕННАЯ ДАМА

Стоя на высокой лестнице, маляр мазал краской по фасаду дома. А в это время внизу проходила дама — и маляр нечаянно забрызгал ей платье и шляпу краской. Дама подняла крик, произошел скандал, и явилась даже полиция...

Даме было лет 28—30.

РАССЕЯННАЯ КУХАРКА

Кухарка (по имени Марья) наливала у себя на кухне в ведро воду из водопроводного крана... А в это время барыня зачем-то позвала ее в комнаты. Сказано — сделано. Наша кухарка пошла на зов барыни, да и застряла там. А вода все лилась да лилась, перелилась из ведра, затопила кухню, да еще просочилась через пол на потолок нижнего этажа, испортив штукатурку...

По требованию нижних жильцов кухарку пришлось рассчитать. Сказано — сделано. Кстати, внизу жил один почтовый чиновник с женой. Была раньше с ними и дочь, но ее перед этим выдали замуж за провизора, который не совсем-то ладно живет со своей женой. Ох, уж эта семейная жизнь!

Вот и все пять рассказов.

Теперь, когда читатель их дочитал, я могу сказать откровенно: ни один из пяти рассказов мне не нравится. Более того, я отношусь ко всем пяти с отвращением. А читатель обязан быть от них в восторге!!

Ведь это подлинное творчество моего читателя.

Дело в том, что читающая публика, будучи осведомлена о моих литературно-юмористических способностях, преследует меня всюду: в театре, в железнодорожном вагоне, в ресторане и даже является ко мне домой.

Явится такой господин или госпожа и говорит самым дружелюбным образом:

— Послушайте, Аверченко! Вы пишете смешные вещи — вот вам тема, которую вы с вашим талантом хорошо обработаете: "Один старик, приезжий из Гамбурга"...

Или:

"Одна кухарка наливала воду в ведро"...

Или:

"С одной моей знакомой дамой был случай, который так и просится под ваше острое перо... Проходила эта дама вчера под маляром" и т. д.

В некоторых случаях сердобольные рассказчики, видя на моем лице выражение беспросветного уныния, спешили украсить свой рассказ подробностями, каковые, по их мнению, могли дать более увлекательную, более выпуклую картину...

Таким образом, меня детально осведомляли о причинах приезда гамбургского старика, о возрасте окрашенной дамы, о семейной жизни дочери залитого водой почтамтского чиновника...

Я страдаю от этих авторов "тем" каждый день, каждый день делаю гигантские усилия, чтобы перекроить выражение отвращения на лице в выражение напряженного интереса и тихого восторга.

Пусть же читатель хоть сегодня испытает часть того, что я испытываю каждый день!..

Ведь эти пять рассказов — его творчество...

. . . . . .

РОКОВОЙ ВЫИГРЫШ

Больше всего меня злит то, что какой-нибудь читатель-брюзга, прочтя нижеизложенное, сделает отталкивающую гримасу на лице и скажет противным безапелляционным тоном:

— Не может быть такого случая в жизни!

Читатель, конечно, способен спросить:

— А чем вы это докажете?

Чем я докажу? Чем я докажу, что такой случай возможен? О, Боже мой! Да очень просто: такой случай возможен потому, что он был в действительности.

Надеюсь, другого доказательства не потребуется?

Прямо и честно глядя в читательские глаза, я категорически утверждаю: такой случай был в действительности, в августе месяце в одном из маленьких южных городков! Ну-с?

Да и что здесь такого необычного?.. Устраиваются на общедоступных гуляньях в городских садах лотереи? Устраиваются. Разыгрывается в этих лотереях в виде главной приманки живая корова? Разыгрывается. Может любой человек, купивший за четвертак билет, выиграть эту корову? Может!

Ну, вот и все. Корова — это ключ к музыкальной пьесе. Понятно, что в этом ключе и должна разыгрываться вся пьеса или — ни я, ни читатель — ничего не понимаем в музыке.

В городском саду, раскинувшемся над широкой рекой, было устроено по случаю престольного праздника большое народное гулянье с двумя оркестрами музыки, состязаниями на ловкость (бег в мешках, бег с яйцом и пр.), а также внимание отзывчивой публики будет предложена лотерея-аллегри с множеством грандиозных призов, среди которых — живая корова, граммофон и мельхиоровый самовар.

Гулянье имело шумный успех, и лотерея торговала вовсю.

Писец конторы крахмальной фабрики Еня Плинтусов и мечта его полуголодной убогой жизни Настя Семерых пришли в сад в самый разгар веселья. Уже пробежали мимо них несколько городских дураков, путаясь ногами в мучных мешках, завязанных выше талии, что, в общем, должно было знаменовать собой увлечение отраслью благородного спорта — "бега в мешках". Уже пронеслась мимо них партия других городских дураков с завязанными глазами, держа на вытянутой руке ложку с сырым яйцом (другая отрасль спорта: "бег с яйцом"); уже был сожжен блестящий фейерверк; уже половина лотерейных билетов была раскуплена...

И вдруг Настя прижала локоть своего спутника к своему локтю и сказала:

— А что, Еня, не попробовать ли нам в лотерею... Вдруг, да что-нибудь выиграем!

Рыцарь Еня не прекословил.

— Настя! — сказал он. — Ваше желание — форменный закон для меня!

И ринулся к лотерейному колесу.

С видом Ротшильда бросил предпоследний полтинник, вернулся и, протягивая два билетика, свернутых в трубочку, предложил:

— Выбирайте. Один из них мой, другой — ваш.

Настя, после долгого раздумья, выбрала один, развернула, пробормотала разочарованно: "Пустой!" — и бросила его на землю, а Еня Плинтусов, наоборот, издал радостный крик: "Выиграл!"

И тут же шепнул, глядя на Настю влюбленными глазами:

— Если зеркало или духи — дарю их вам.

Вслед за тем он обернулся к киоску и спросил:

— Барышня! Номер 14 — что такое?

— 14? Позвольте... это корова! Вы корову выиграли.

И все стали поздравлять счастливого Еню, и почувствовал Еня тут, что действительно бывают в жизни каждого человека моменты, которые не забываются, которые светят потом долго-долго ярким, прекрасным маяком, скрашивая темный, унылый человеческий путь.

И — таково страшное действие богатства и славы — даже Настя потускнела в глазах Ени, и пришло ему в голову, что другая девушка — не чета Насте — могла бы украсить его пышную жизнь.

— Скажите, — спросил Еня, когда буря восторгов и всеобщей зависти улеглась. — Я могу сейчас забрать свою корову?

— Пожалуйста. Может быть, продать ее хотите? Мы бы ее взяли обратно за 25 рублей.

Бешено засмеялся Еня.

— Так, так! Сами пишете, что "корова стоимостью свыше 150 рублей", а сами предлагаете 25?.. Нет-с, знаете... Позвольте мне мою корову, и больше никаких!

В одну руку он взял веревку, тянувшуюся от рогов коровы, другой рукой схватил Настю за локоть и, сияя и дрожа от восторга, сказал:

— Пойдемте, Настенька, домой, больше нам здесь нечего делать...

Общество задумчивой коровы немного шокировало Настю, и она заметила несмело:

— Неужели вы с ней будете так... таскаться?

— А почему же? Животное как животное? Да и не на кого же ее здесь оставить!

Еня Плинтусов даже в слабой степени не обладал чувством юмора. Поэтому он ни на одну минуту не почувствовал всей нелепости вышедшей из ворот городского сада группы: Еня, Настя, корова.

Наоборот, широкие, заманчивые перспективы богатства рисовались ему, а образ Насти все тускнел и тускнел...

Настя, нахмурив брови, пытливо взглянула на Еню, и ее нижняя губа задрожала...

— Слушайте, Еня... Значит, вы меня домой не проводите?

— Провожу. Отчего же вас не проводить?

— А... корова??

— Чем же корова вам мешает?

— И вы воображаете, что я через весь город пойду с такой погребальной процессией? Да меня подруги засмеют, мальчишки на нашей улице проходу не дадут!!

— Ну, хорошо... — после некоторого раздумья сказал Еня, — сядем на извозчика. У меня еще осталось тридцать копеек.

— А... корова?

— А корову привяжем сзади.

Настя вспыхнула.

— Я совершенно не знаю: за кого вы меня принимаете? Вы бы еще предложили мне сесть верхом на вашу корову!

— Вы думаете, это очень остроумно? — надменно спросил Еня. — Вообще, меня удивляет: у вашего отца четыре коровы, а вы одной даже боитесь, как черта.

— А вы не могли ее в саду до завтра оставить, что ли? Украли бы ее, что ли? Сокровище какое, подумаешь...

— Как угодно, — пожал плечами Еня, втайне чрезвычайно уязвленный. — Если вам моя корова не нравится...

— Значит, вы меня не провожаете?

— Куда ж я корову дену? Не в карман же спрятать!..

— Ах, так? И не надо. И одна дойду. Не смейте завтра к нам приходить.

— Пожалуйста, — расшаркался обиженный Еня. — И послезавтра к вам не приду, и вообще могу не ходить, если так...

— Благо нашли себе подходящее общество!

И, сразив Еню этим убийственным сарказмом, бедная девушка зашагала по улице, низко опустив голову и чувствуя, что сердце ее разбито навсегда.

Еня несколько мгновений глядел вслед удаляющейся Насте.

Потом очнулся...

— Эй, ты, корова... Ну, пойдем, брат.

Пока Еня и корова шли по темной, прилегающей к саду улице, все было сносно, но едва они вышли на освещенную многолюдную Дворянскую, как Еня почувствовал некоторую неловкость. Прохожие оглядывали его с некоторым изумлением, а один мальчишка пришел в такой восторг, что дико взвизгнул и провозгласил на всю улицу:

— Коровичий сын свою маму спать ведет.

— Вот я тебе дам по морде, так будешь знать, — сурово сказал Еня.

— А ну, дай! Такой сдачи получишь, что кто тебя от меня отнимать будет?

Это была чистейшая бравада, но мальчишка ничем не рисковал, ибо Еня не мог выпустить из рук веревки, а корова передвигалась с крайней медленностью.

На половине Дворянской улицы Еня не мог больше выносить остолбенелого вида прохожих. Он придумал следующее: бросил веревку и, отвесив пинка корове, придал ей этим самым поступательное движение. Корова зашагала сама по себе, а Еня с рассеянной миной пошел сбоку, приняв вид обыкновенного прохожего, не имеющего с коровой ничего общего...

Когда же поступательное движение коровы ослабевало и она мирно застывала у чьих-нибудь окон, Еня снова исподтишка давал ей пинка, и корова покорно брела дальше...

Вот Енина улица. Вот и домик, в котором Еня снимал у столяра комнату... И вдруг, как молния во тьме, голову Ени осветила мысль:

— А куда я сейчас дену корову?

Сарая для нее не было. Привязать во дворе — могут украсть, тем более что калитка не запирается.

— Вот что я сделаю, — решил Еня после долгого и напряженного раздумья. — Я ее потихоньку введу в свою комнату, а завтра все это устроим. Может же она одну ночь простоять в комнате...

Потихоньку открыл дверь в сени счастливый обладатель коровы и осторожно потянул меланхолическое животное за собой:

— Эй, ты. Иди сюда, что ли... Да тиш-ше! Ч-черт! Хозяева спят, а она копытами стучит, как лошадь.

Может быть, весь мир нашел бы этот поступок Ени удивительным, вздорным и ни на что не похожим. Весь мир, кроме самого Ени да, пожалуй, коровы: потому что Еня чувствовал, что другого выхода не представлялось, а корова была совершенно равнодушна к перемене своей службы и к своему новому месту жительства.

Введенная в комнату, она апатично остановилась у Ениной кровати и тотчас же стала жевать угол подушки.

— Кш! Ишь ты, проклятая, — подушку грызет! Ты что... есть, может, хочешь? или пить?

Еня налил в тазик воды и подсунул его под самую морду коровы. Потом, крадучись, вышел на двор, обломал несколько веток с деревьев и, вернувшись, заботливо сунул их в тазик же...

— На, ты! Как тебя... Васька! Ешь! Тубо!

Корова сунула морду в тазик, лизнула языком ветку и вдруг, подняв голову, замычала довольно густо и громко.

— Цыц ты, проклятая! — ахнул растерявшийся Еня. — Молчи, чтоб тебя... Вот анафема!..

За спиной Ени тихо скрипнула дверь. В комнату заглянул раздетый человек, закутанный в одеяло, и, увидев все происходящее в комнате, с тихим криком ужаса отступил назад.

— Это вы, Иван Назарыч? — шепотом спросил Еня. — Входите, не бойтесь... У меня корова.

— Еня, с ума вы сошли, что ли? Откуда она у вас?

— Выиграл в лотерею. Ешь, Васька, ешь!.. Тубо!

— Да как же можно корову в комнате держать? — недовольно заметил жилец, усаживаясь на кровать. — Узнают хозяева — из квартиры выгонят.

— Так это до завтра только. Переночует, а потом сделаем что-нибудь с ней.

— М-м-му-у! — заревела корова, будто соглашаясь с хозяином.

— А, нету на тебя угомону, проклятая!! Цыц! Дайте одеяло, Иван Назарыч, я ей голову закутаю. Постой. Ну, ты! Что я с ней сделаю — одеяло жует! У-у, черт!

Еня отбросил одеяло и хватил изо всей силы кулаком корову между глаз...

— М-мму-у-у!..

— Ей-Богу, — сказал жилец, — сейчас явится хозяин и прогонит вас вместе с коровой.

— Так что же мне делать?! — простонал Еня, приходя в некоторое отчаяние. — Ну, посоветуйте.

— Да что ж тут советовать... А вдруг она будет кричать целую ночь. Знаете что? Зарежьте ее.

— То есть... как это зарезать?

— Да очень просто. А завтра мясо можно продать мясникам.

Можно было сказать с уверенностью, что мыслительные способности гостя в лучшем случае стояли на одном уровне с мыслительными способностями хозяина.

Еня тупо поглядел на жильца и сказал после некоторого колебания:

— А что же мне за расчет?

— Ну, как же! В ней мяса пудов двадцать... По пяти рублей пуд продадите — и то сто рублей. Да шкура, да то, да се... А за живую вам все равно не больше дадут.

— Серьезно? А чем же я ее зарежу? Есть столовый нож и тот тупой. Ножницы еще есть — больше ничего.

— Что ж; если ножницы вонзить ей в глаз, чтобы дошло до мозга...

— А вдруг она... станет защищаться... Подымет крик...

— Положим, это верно. Может, отравить ее, если...

— Ну, вы тоже скажете... Сонного порошка ей вкатить бы, чтоб заснула, да откуда его сейчас возьмешь?..

— Му-у-у!.. — заревела корова, поглядывая глупыми круглыми глазами на потолок.

За стеной послышалась возня. Кто-то рычал, ругался, отплевывался от сна. Потом послышалось шарканье босых ног, дверь в Енину комнату распахнулась, и перед смятенным Еней предстал сонный растрепанный хозяин.

Он взглянул на корову, на Еню, заскрипел зубами и, не вдаваясь ни в какие расспросы, уронил сильное и краткое:

— Вон!

— Позвольте вам объяснить, Алексей Фомич...

— Вон! Чтобы духу твоего сейчас же не было. Я покажу вам, как безобразие заводить!

— То, что я вам и говорил, — сказал жилец таким тоном, будто все устроилось, как нужно; закутался в свое одеяло и пошел спать.

Была глухая, темная летняя ночь, когда Еня очутился на улице с коровой, чемоданом и одеялом с подушкой, навьюченными на корову (первая осязательная польза, приносимая Ене этим неудачным выигрышем).

— Ну, ты, проклятая! — сказал Еня сонным голосом. — Иди, что ли! Не стоять же тут...

Тихо побрели...

Маленькие окраинные домики кончились, раскинулась пустынная степь, ограниченная с одной стороны каким-то плетеным забором.

— Тепло, в сущности, — пробормотал Еня, чувствуя, что он падает от усталости. — Посплю здесь у изгороди, а корову к руке привяжу.

И заснул Еня — это удивительное игралище замысловатой судьбы.

— Эй, господин! — раздался над ним чей-то голос.

Было яркое, солнечное утро.

Еня открыл глаза и потянулся.

— Господин! — сказал мужичонка, пошевелив его носком сапога. — Как же это возможно, чтобы руку к дереву привязывать. Это к чему же такое?

Вздрогнув как ужаленный, вскочил Еня на ноги и издал болезненный крик: другой конец привязанной к руке веревки был наглухо прикреплен к низкорослому, корявому дереву.

Суеверный человек предположил бы, что за ночь корова чудесной силой превратилась в дерево, но Еня был просто глупо-практичным юношей.

Всхлипнул и завопил:

— Украли!!. . . . . .

— Постойте, — сказал участковый пристав. — Что вы мне все говорите — украли да украли, корова да корова?.. А какая корова?

— Как "какая"? Обыкновенная.

— Да какой масти-то?

— Такая, знаете... Коричневая. Но есть, конечно, и белые места.

— Где?

— Морда, кажется, белая. Или нет! Сбоку белое... На спине тоже... Хвост такой тоже... бледный. Вообще, знаете, как обыкновенно бывают коровы.

— Нет-с! — решительно сказал пристав, отодвигая бумагу. — По таким спутанным приметам я разыскивать не могу. Мало ли коров на свете!

И побрел бедный Еня на свой крахмальный завод... Все тело ломило от неудобного ночлега, а впереди предстоял от бухгалтера выговор, так как был уже первый час дня...

И призадумался Еня над тщетой всего земного: вчера у Ени было все — корова, жилище и любимая девушка, а сегодня все потеряно — и корова, и жилище, и любимая девушка.

Странные шутки шутит над нами жизнь, а мы все — ее слепые, покорные рабы.

ОХОТНИК НА СЛОНОВ

Сидя в кафе на диване с высокой спинкой, я услышал донесшуюся до меня с другой стороны дивана одну из самых замечательных фраз, когда-либо прозвучавших на нашем дряхлом земном шаре:

— ...Когда я в Америке охотился на слонов, то...

Я заглянул за спинку дивана: белобрысый вялый молодой человек, наклонившись к двум прехорошеньким дамам, сидевшим против него, рассказывал, а они обе слушали его со сверкающими глазками, с полуоткрытыми розовыми ротиками...

— ...Надо вам сказать, что американские слоны отличаются особенной свирепостью...

Мое честное, бурно бьющееся в груди сердце — не выдержало. Я встал, приблизился к разговаривающим и, по-джентльменски извинившись перед дамами, наклонился к вышеописанному парню:

— Вы лжете, — сказал я, глядя на него открытым взором. — Не могу выносить, когда лгут.

Молодой человек вскочил, и в тусклых глазах его сверкнули молнии.

— Милостивый государь!! Вы за это ответите!

— Это другой вопрос. Но... вы сейчас солгали этим дамам.

— Он нам только рассказывал, — вступилась одна из дам, — как он охотился в Америке на слонов.

— Сударыня! Я очень понимаю ваше вполне законное спортивное любопытство, но... дело в том, что в Америке слонов нет! Слоны водятся только в Африке и Азии.

— Что вы говорите?! А как же он рассказывал, что убил в Америке двух слонов?

— Очень просто — солгал.

— Милостивый государь! — воскликнул белобрысый с отчаянной храбростью. — Вы за это мне ответите!

— Когда, где и как угодно. Но слоны в Америке от этого не заведутся.

Одна из дам неожиданно рассмеялась.

Это так обидело их спутника, что он, вспыхнув, как утренняя заря, обратился ко мне:

— Надеюсь, вы сами понимаете...

— Что, дуэль? Пожалуйста! Давайте вашу карточку.

Он мрачно порылся в бумажнике и с видом завзятого бретёра протянул мне карточку.

Мы церемонно раскланялись, и я ушел.

Я человек не из трусливых, но... дуэль есть дуэль. К этим вещам я отношусь серьезно. Предстояло много традиционных хлопот: найти секундантов, врача, написать родным на всякий случай предсмертные письма — только на другой день вечером все было устроено. Вечером же явились и секунданты с ответом:

— Все готово! Завтра в семь утра. За дубовой рощей. На пистолетах.

— Он не ломался? Не трусил?

— Нет, представьте. Очень мужественный. Сразу согласился.

Без четверти семь я уже был со своими секундантами и врачом на месте, а через десять минут вдали показался автомобиль моего противника.

Мои секунданты направились к нему, поговорили с его секундантами и, отмерив расстояние, вручили нам пистолеты. Как всегда бывает — мы оба старались до выстрелов не замечать друг друга. Особенная — не то деликатность, не то презрение к врагу.

Стали у барьера. Я поднял свой пистолет, навел на противника и, вдруг... мой пистолет от изумления опустился и бессильно повис в руке.

— Послушайте! — удивленно окликнул я своих секундантов. — Что за черт?! Это тот самый?

— Кто?

— Да противник-то? Тот, у кого вы вчера были?

— Ну да, а какой же?! Отправились по адресу, вызвали и точно исполнили все, что требовалось.

— Да ведь он брюнет!! А тот, кто меня вызвал, блондин.

Почти такой же разговор происходил там вдали, где стоял мой противник.

— Кой черт!! — кричал он так, что нам было слышно. — Что это там за человек, с пистолетом? Я его первый раз вижу!

Мои секунданты возмутились.

— Позвольте! Но ведь мы были вчера именно у вас. И вы согласились!!

Обе группы сблизились, горячо жестикулируя.

— Да, я согласился, потому что думал, вы явились именно от того господина, кого я вызвал. А против этого господина я ничего не имею. Он даже кажется мне чрезвычайно симпатичным. Здравствуйте! Как поживаете?

— Мое почтение, — дружески пожал я ему руку. — Скажите... это ваша визитная карточка?

— Моя. Я дал ее тому белобрысому негодяю, который...

— Постойте! — радостно вскричал я, — такой худосочный блондин, с рыбьими глазами, врет так, что волос дыбом...

— Ну да, он! Уверял при мне публику, что был женат на Саре Бернар и что она из-за него сломала себе ногу. Из ревности. А я схватил его за шиворот и... тово...

— А у меня с ним вышло из-за слонов. Рассказывал, как в Америке слонов убивал. Каково?

Мы оба разговорились и общей дружной компанией вернулись в город. Пообедали вместе. После обеда решили прогуляться по городу. . . . . .

. . . . . .

Мой новый приятель дернул меня за рукав.

— Слушайте! Вот он!

— Кто?

— Муж Сары Бернар и американский охотник на слонов! Впереди нас с дамой идет.

Мы догнали его и прислушались к разговору:

— Да, знаете, сударыня, — дуэли для меня не новинка. Но мужчины сделались такие трусливые, что ужас. Да вот, например... За эти три дня у меня было два вызова на дуэль — и что же! Ни тот ни другой так и не прислали своих секундантов. За собственную шкуру испугались! Хе-хе... А я-то, по наивности, сидел эти дни дома и ждал. Вот, думаю, еще пара выстрелов на голодный зуб. Вообще, я люблю сильные ощущения. Когда мне пришлось в Шотландии переплывать Ниагару...

Мы оба расхохотались и повернули обратно.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА

(Научная статья)

За всю мою жизнь мне пришлось прочесть целую уйму книг, но больше всего я любил читать правдивые истории о различных приключениях и испытаниях, случившихся с разными отважными, храбрыми людьми.

Подумать только — сколько иной человек перенес за свою богатую опытом бурную жизнь — так это в десяти книгах не упишешь!

Читаю, бывало, а у самого глаза горят, щеки пылают, а рука сжимается в кулак, будто сжимает эфес шпаги, а колени тоже сжимаются, будто сдавливают бока кровного скакуна, а грудь порывисто дышит, а горло... да, вообще, что говорить — очень живо я все напечатанное переживал, — будто сам участвовал во всех этих схватках, битвах и любовных приключениях, бок о бок с д'Артаньяном, Казановой и Гордоном Пимом...

Но вот, на днях иду я мимо книжного магазина, гляжу — на витрине выставлена книжка: "Путешествия и приключения барона Мюнхгаузена"...

Сердце мое так и дрогнуло: вот те раз! Все, кажется, в своей жизни прочитал, а приключений барона Мюнхгаузена не знаю...

Купил... Ознакомился...

Не знаю, как относятся к приключениям барона Мюнхгаузена другие, но я могу только головой покачать.

Да еще разве плечами пожать. Да еще разве только недоверчиво подмигнуть.

Я с детства привык благоговейно верить печатному слову: напечатано — значит, так и было, — но всему же есть границы.

Допускаю, что бывают чудесные совпадения и неслыханные удачи...

Например, тот случай, когда барон Мюнхгаузен, спасаясь от медведя на дереве, уронил кинжал, и так как дело было зимой, то барон принялся плевать на рукоятку кинжала до тех пор, пока плевки, замерзая, не выросли в ледяную сосульку, что дало барону возможность, ухватившись за эту сосульку, втащить кинжал на дерево...

Что ж... Это, конечно, очень трудно, но возможно, я думаю, если брать правильный прицел.

Я допускаю также случай с оленем, в лоб которого Мюнхгаузен выстрелил вместо пули вишневыми косточками, после чего, через несколько лет, на лбу оленя выросло вишневое дерево, украшенное спелыми вишнями.

Конечно, здесь требуется целая вереница удач и совпадений, — я это прекрасно понимаю: нужно было, чтобы вишневая косточка пробила твердую лобную кость, чтобы при этом ударе ее покровы оказались ненарушенными и годными для прорастания; нужно, чтобы вещество оленьего мозга доставляло необходимое питание и влагу слабому нежному ростку; нужно, чтобы корни, постепенно увеличиваясь в росте, не разрушили мозговое вещество, а поползли по всем извилинам и разветвлениям мозга; нужно, чтобы олень не вступал в битвы с другими оленями, во время которых, как известно, олени ломают друг другу рога, так что, конечно, не удержалось бы и хрупкое деревце на лбу...

И если все эти счастливые случайности в данном случае имели место, то, несмотря на кажущуюся чудесность описанного, — всякий логически мыслящий человек может допустить вероятность описанного.

Я пойду дальше! Даже случай с лошадью и колокольней я допускаю!! (Барон рассказывает, как он в Польше зимней ночью привязал лошадь к острому колу, торчавшему из снежного сугроба, а сам лег прямо в снег и, усталый, крепко уснул. Проснувшись же, он увидел себя на церковном дворе, а сверху донеслось до него конское ржание... Взглянув наверх, барон увидел свою лошадь привязанной к кресту колокольни.)

Барон объясняет это так:

"Деревню за ночь всю занесло снегом. Потом погода резко изменилась; во время сна я незаметно опускался все ниже и ниже по мере того, как таял снег, пока не достиг твердого грунта; а то, что я принял в потемках за сломанное деревце, торчавшее из сугроба, был крест колокольни; к нему-то я и привязал лошадь"...

Я того мнения, что все эти объяснения с некоторой натяжкой можно признать... Правда, такие резкие изменения температуры и быстрота таяния снега почти неслыханны... Но они возможны! Правда, удивительно, что висящая на громадной высоте лошадь не порвала своей тяжестью уздечки или не задохлась благодаря этой же уздечке.

Но предположите, что ремни уздечки были сделаны из какой-нибудь гиппопотамьей кожи, что уздечка была так

надета, что не стягивала дыхательных органов, — и все делается допустимым, все делается понятным...

Как говаривал Эпиктет:

"Это более, чем чудесно, — это возможно".

Но если теперь мы обратимся к другим "приключениям" Мюнхгаузена, нам останется только развести руками — правдивость их, этих приключений, не выдерживает даже самой снисходительной критики! Я готов признать все, самое неслыханное по ряду совпадений, самое невероятное, но при условии... Слышите? При условии, если это неслыханное не противоречит законам физики, биологии, баллистики и проч., и проч., и проч.

Барон рассказывает, как он после битвы вздумал напоить свою лошадь из водоема, и как лошадь пила целый час, и как он, случайно оглянувшись, увидел, что весь зад лошади с крестцом и ляжками был отрублен прочь, почему вся выпитая вода выливалась сзади, не принося лошади ни прохлады, ни облегчения...

В этом месте мой долг — долг читателя и логически мыслящего человека — воскликнуть:

— Барон! Вы лжете! Вы лжете, барон, потому что лошадь, лишенная половины своего тела, не могла не только нести, но даже удержать вас на себе (закон равновесия); она не могла даже и без вашей тяжести устоять на месте (закон потери крови), а не только глотать воду целый (?) час (?!!).

Другими словами, эта несчастная лошадь должна была, лишась своей задней половины, немедленно же и неукоснительно издохнуть на месте, а не носить вас по полю битвы, милостивый государь! А не пить воду в продолжение часа, господин барон!

Но барон этим не ограничивается! Он имеет *смелость* (избегаю поставить в этом месте другое слово, более резкое, но и более уместное), он имеет наглость утверждать, что вторая половина лошади, задняя, не только осталась, как говорится, жива и здорова, но еще имела мужество лягаться, а затем, сокрушив врагов, мирно отправилась на пастбище (?), где завела даже несколько интрижек с пасущимися кобылицами... но нет! Всякому лганью, даже самому беззастенчивому, есть границы.

И вы думаете, что барон этим ограничивается? О, если бы он только этим и ограничился! Мы бы тогда еще могли подыскать ему кое-какие оправдания. Мы бы могли допустить некоторую жизнеспособность отрубленных

частей тела в течение некоторого времени, ибо, по утверждению ученых, отрубленная голова казненного преступника в течение нескольких секунд продолжает жить, закрывая и открывая глаза... Мы бы вспомнили о змеях и ящерицах, которые, будучи разрублены надвое, продолжают ползать — каждая часть сама по себе.

Но нет барону оправдания! Потому что вы знаете, до чего он договаривается? Что при помощи ветеринара он сшил побегами лавра (?) обе разрубленные части лошади, и они снова срослись!! И он стал снова пользоваться своим конем!! И побеги лавра пустили корни! И он ездил впоследствии под сенью лавровых ветвей!

Нет, барон! Ищите себе легковерных дураков в вашей злополучной Германии, а у нас в России вы их не найдете.

Вы рассказываете, как вы хотели попасть в неприятельскую крепость, для чего стали около самой большой пушки и когда из нее выстрелили, то вскочили (?) верхом (?!) на ядро и полетели в крепость.

Кому вы это рассказываете? Да знаете ли вы, что я, не доверяя себе, спросил о возможности этого случая одного знакомого артиллериста — и он только рассмеялся мне в лицо.

Но барону, видите ли, и этого "полета" было мало. Он рассказывает дальше, что, летя на своем ядре, он вдруг впал в раздумье — что его ожидает в неприятельской крепости? И он, видите ли, на полдороге решил вернуться! Как же он это делает? Да просто: в этот момент мимо него пролетало встречное ядро, летящее в его лагерь, — он на него и перескочил!! Подумаешь, какой простой способ возвращения!.. Я, не доверяя себе, снова обратился с вопросом к знакомому артиллеристу — возможно ли это?

Он назвал меня дураком — за что? Не понимаю.

Тогда я прочел несколько трудов по баллистике, ознакомился со скоростью полета пушечного снаряда и теперь уверенно и твердо могу бросить в лицо барону:

— Барон Мюнхгаузен! Вы солгали! Мы вам не верим.

Может быть, вы, барон, возразите мне, что в ваше время ядра летали так медленно, что проворный человек мог успеть вскочить на ядро верхом, — хорошо... допустим...

Но, в таком случае, я окончательно доканаю вас вашей же историей с бешеной собакой и шубой.

Барон, видите ли, приводит картинный рассказ о том, как в одном из переулков Петербурга на него бросилась бешеная собака и впилась зубами в его меховую шубу из

голубых песцов. Барон, вернувшись домой, повесил шубу в гардероб вместе с прочей одеждой...

Кажется, до сих пор все возможно? Все допустимо? Но... предоставим дальше слово самому барону:

"Каков же был на другое утро мой испуг, когда в квартире у меня поднялся адский гвалт, и я услышал голос своего лакея Ивана, громко звавшего меня:

— Пожалуйте сюда, г-н барон, ваша шуба взбесилась!

Прибежав на его зов, я увидел, что почти все мои платья разбросаны по полу и разорваны в клочья. Иван в самом деле не ошибся: моя любимая шуба взбесилась (?), вероятно, от укусов бешеной собаки. Я застал ее на том, как она яростно напала на мой новый камзол, и давай трясти его, топтать и возить по полу"...

И опять я, читатель, как и в случае с ядром, не поверил своим глазам, своим ушам, своему опыту и логике...

Отправился к знакомому ветеринару и спросил его:

— Может ли неодушевленный предмет взбеситься от укуса бешеной собаки?

— Что?!!

Я повторил вопрос.

Он долго смотрел на меня и потом спросил:

— Это не вас ли укусила собака?

— Нет, шубу. Может шуба взбеситься?

— Может. Если ее носит такой кретин, как вы.

Мне очень жаль, что я не учился в Пастеровском институте для прививки бешенства. Окончив это учебное заведение, я имел бы под собой твердую почву. За неимением этого пришлось обратиться к научным трудам.

И что же — барон и тут, в случае с шубой, солгал!

Да и действительно: как может шуба, не имеющая ни живой ткани, ни желез для выработки слюны, ни кровообращения, — пострадать от укуса бешеной собаки?! *Чем* она могла топтать камзол? Где у нее пальцы, которыми она могла разорвать платье в клочья?

Нет, барон... Всему есть мера! Я могу поверить в зайца, у которого, по вашим словам, две вторые пары ног были на спине, могу поверить в оленя с деревом во лбу, — но катанье верхом на бомбе?! Но бешеная шуба?! Но сшитая лаврами лошадь?!..

Это меня так возмущает, что я громко возвышаю свой голос и громко кричу всем читателям прошедшего, настоящего и будущего:

— Не верьте барону Мюнхгаузену. Не менее половины всего рассказанного им — ложь!

НЕУДАЧНИК

...Это был маленький полутемный аптекарский магазин. Костлявый длинноносый молодец с выражением застывшей горечи на лице перегнулся через стойку и спросил:

— Что прикажете?

— Конфет от кашля!

Он взял с полки одну банку... подумал, поставил рядом другую... через минуту присоединил к ней третью.

— Из какой же банки вам дать?.. — задумчиво пробормотал он. — Эх, на риск! дам из второй.

Не успел я расплатиться, как в лавку вошел грузный господин с пакетом в руке.

— Вот вам, — сердито сказал он, бросая пакет на прилавок. — Ваших рук дело — получайте!

Угрюмый хозяин испуганно взглянул на покупателя и развернул пакет.

— Дохлая мышь, — горько усмехаясь, сказал он. — Отчего она издохла?

— Вам лучше знать!! — взревел покупатель. — Представьте себе (обратился он ко мне), купил я вчера у этого мошенника кусок туалетного мыла. Вечером развернул его, да вижу — еще у меня остался обмылок прежнего... Умылся остатком, а новое оставил нетронутым и лег спать. Просыпаюсь сегодня — и что же?!! На новом мыле следы мышиных зубов, и две дохлые мыши тут же лежат, рядышком... Одну из них принес, как доказательство!

— Чего ж вы волнуетесь? — попытался я успокоить его. — Зато у вас в доме двумя грызунами меньше.

— Двумя грызунами?! А умойся я вчера этим мылом, — может быть, на месте этих грызунов лежал бы я?!

Дверь открылась, и вошел третий покупатель.

— Скажите, — ласково обратился он к хозяину. — Ведь на этой улице нет больше аптекарских магазинов?

— Нет, — ободренный его тоном, гордо сказал хозяин. — Мой — единственный.

— Значит, это у вас я купил прекрасное средство для ращения волос?

— У меня, у меня, — приветливо улыбнулся хозяин.

— Так, убить тебя, подлеца, мало за это средство!!! — зарычал посетитель, бросая в него какой-то банкой. — Будь ты проклят!!!

— А что? Разве волосы не растут? — донесся глухой голос хозяина, предусмотрительно нырнувшего под стойку.

— Растут!! О, они растут! Чтоб на могиле твоего отца росли такие волосы!!

— А что случилось? — с любопытством спросил я.

— Что?! Я зеленый!! У меня вместо головы изумрудный луг! Вчера один мотылек два квартала за мной летел! Я не удивлюсь, если в моей траве заведутся кузнечики!! Поглядите!

Он сдернул с головы шляпу и — действительно, никогда я не видел более чудесного зеленого цвета.

— Мошенник!! — гремел он. — Ты мне продал мазь для ращения волос, а я позеленел!! Ты всучил мне коробку крысиного яда, а крысы у меня едят его, как булку, и только жиреют!! Учить надо таких!!

Он засунул руку под стойку, вытащил хозяина за волосы и стал трепать его налево и направо. Покупатель мыла издал ряд одобрительных звуков и, засучив рукава, присоединился к зеленому человеку.

Били они его так прилежно, что мне наскучило смотреть.

— Ну, довольно, — примирительно сказал я. — Отдохните-ка лучше.

Оба оторвались от хозяина, сели на диван и закурили папиросы.

— Я его вздул за волосы, — сказал зеленый человек. — А вы за что?

— А я за мыло. Дал мне, каналья, такого туалетного мыла, что сегодня утром я нашел около этого мыла целую гирлянду дохлых мышей.

— Правда? — обрадовался зеленый. — А меня мыши, представьте, одолели. Дайте мне ваше мыло, а я вам дам свою краску для ращения волос.

— А она материи может красить?

— Великолепно! Я втирал ее в голову полотенцем. Получилось прекрасное зеленое полотенце. С мылом мыли — не отходит!

— Знаете, это мысль! Я перекрашу свою серую домашнюю куртку в охотничью!

Завершив эту странную сделку, оба дали еще по лишней затрещине хозяину и удалились под руку.

Мы остались вдвоем с хозяином.

Сердце у меня доброе. Поэтому я сказал:

— У вас на лице два синяка. Приложите к ним свинцовую примочку.

— Боюсь, — робко сказал он.

— А что?

— Да у меня там в углу стоит бутылка свинцовой примочки. Я и боюсь.

— Чего?

— Сделаю компресс, а у меня вдруг на ушибленном месте волосы вырастут или зубы.

И нерешительно добавил:

— Не сделать ли примочку лимонной кислотой? Или пастой для зубов? Авось, поможет.

Мы разговорились.

— Ах, как мне не везет в жизни, — жалобно сказал хозяин. — Вот, например, такой случай... Однажды я голодал. Один владелец паноптикума познакомился со мной и нанял меня на амплуа "знаменитого голодателя". Подрядился я за солидную сумму голодать в стеклянном ящике 40 дней — рекламу он закатил хорошую. Запечатали меня при публике и оставили одного. А ночью так мне захотелось есть, что я разбил ящик, вылез, пробрался в комнату хозяина и съел целый окорок ветчины, гуся и двадцать яиц. Тогда он стал рекламировать меня как знаменитого обжору! Дела пошли хорошо, но я совершено объел его, и он разорился... И так все у меня в жизни. Думаешь, — сделаешь одно, а выходит другое. Изобрел мыло, а оно от мышей, выдумал мазь для ращения, а она, оказывается, самая прочная краска в мире! Вот и теперь: есть у меня девушка на примете — молодая, красивая, скромная такая, что лишнего кусочка тела не покажет... Никаких декольте, никаких вольных разговоров. Прекрасная для меня пара, а боюсь!

— Чего же вы боитесь?

— Уж поверьте, — что-нибудь случится.

— Да что же может случиться?!

— Мало ли: или окажется, что она мужчина, или что у нее до меня уже есть два живых мужа.

— Глупости! Наоборот, такая жена может вас от многого уберечь. Женитесь, пока другие молодцы не опередили.

— Вы... думаете?

Расстались мы друзьями...

Дома я вспомнил о купленных пилюлях от кашля.

Это было что-то клейкое и на вкус неприятное. Я пососал с минуту и с отвращением выплюнул на пол.

Прохаживаясь по комнате, стал раздумывать о странной судьбе моего нового приятеля.

Сделал несколько шагов и вдруг — прирос к месту! Одна нога будто вросла в землю. Я дергал ею, вертелся на месте, кидался из стороны в сторону — все было напрасно!

Я присел на пол, расшнуровал ботинок и вынул из него ногу.

Осмотрел приклеившийся ботинок — так и есть: пилюля от кашля!

Вообще эти пилюли оказались превосходным средством: разобьется ли у меня ваза для цветов, или отлетит от стула ножка — кусочек пилюли связывает все так, что вещь делается еще прочнее, чем целая...

Недавно, проходя мимо магазина моего приятеля, я вспомнил о нем и зашел.

— Здравствуйте! Я пришел предупредить вас, что если вы будете продавать ваши пилюли от кашля как клей, — наживете большие деньги.

— Так я и знал! — горестно всплеснул он руками. — Что-нибудь в этом роде должно было случиться! А вы помните, я вам говорил насчет невесты? Женился!

— А-а! Поздравляю! Ну, что ж? Все благополучно? Она не оказалась мужчиной? У нее не было до вас двух живых мужей?

Он горько усмехнулся:

— Хуже!

— Вы меня пугаете?!

— *Татуирована!!* Да как! Живого места на теле нет. Обнять ее не могу, — будто китайскую ширму с драконом обнимаешь!

— Чудеса! Послушайте!.. Ведь вы могли бы ее за деньги перед публикой демонстрировать.

— Вот то-то и оно!! А я вместо этого на ней женился! Всегда у меня так: делаешь то, чего не нужно, а что было бы хорошо — так узнаешь об этом слишком поздно!!.

. . . . . .

КАНИТЕЛЬ

— Подсудимый Шишкин! За что вы ударили палкой по темени потерпевшего Мирона Заявкина?

— За то, что он, господин судья, непочтительно отозвался о моей жене.

— Как же он о ней отозвался?

— Он назвал ее "женственной".

— Да позвольте! Разве же это обида для женщины, если назвать ее женственной?!

— А что ж, по-вашему, комплимент, что ли?

— По-моему, комплимент.

— Мерси вас за такое юридическое постановление. А я нахожу, что это обида — назвать человека женственной...

— Почему же?

— Потому что женственная, это я понимаю, что на самом деле значит... это значит: дура.

Это жестокое определение могло бы быть использовано даже как эпиграф к моему рассказу, но я не хочу делать этого, потому что не в моих правилах обижать женщин.

Лучше и справедливее будет, если я искренне, просто и без утайки расскажу все, что знаю об отношениях Софьи Григорьевны к Матильде Леонидовне...

Первое мое знакомство произошло у Перевозовых. Меня подвели к живописной группе, состоявшей из двух женщин, причем брюнетка положила голову на плечо светловолосой, а светловолосая нежно держала узкую красивую руку брюнетки в своих пухлых ручках.

В них было много женственности, в этих двух очаровательных куколках.

— Очень приятно, — ласково признался я. — Я вижу, что вы обе очень дружны.

— О-о! — засмеялась блондинка, — если я узнаю, что вы обидели Софью Григорьевну, я вам нос откушу.

— Если бы вы осмелились хоть взглядом оскорбить при мне Матильду Леонидовну, — поддержала брюнетка, целуя подругу в щеку, — я бы вам выколола оба глаза своей шляпной булавкой.

— Да, я вижу, ссориться мне с вами не расчет. Давайте лучше дружить!

Обе залились жемчужным смехом:

— Давайте. Мы любим таких простых ребят, как вы.

Я ответил не менее приветливо:

— Девицы, подобные вам, всегда были близки моему измученному сердцу.

— Мы не девицы. Мы дамы.

— Успели уже?! — удивился я. — И кто вас так гонит, не понимаю? Мужья-то, по крайней мере, хорошие, или как?

— У Сонечки муж хороший, — сказала Матильда Леонидовна, — а мой так себе.

— Тилли! И тебе не стыдно так говорить о своем муже? Не верьте ей, у нее муж тоже хороший.

— Нет, уж я лучше буду верить. Так как Матильда Леонидовна говорит, что ее муж "так себе", то я с этого момента начинаю за ней ухаживать, хи-хи!

— Соня, — обернула к подруге Матильда Леонидовна свое розовое как весенний закат личико, — можно, чтобы он за мной ухаживал?

— Можно, — милостиво согласилась Софья Григорьевна.

Мы все трое сплели наши руки, и с того времени я всем сердцем прилепился к этим милым добросердечным безделушкам.

Через неделю я был уже у Матильды Леонидовны своим человеком: возился с крохотной дочкой, доставал билеты в театр и если не виделся с ней каждый день, то по телефону мы разговаривали утром, в обед и вечером.

Однажды звоню:

— Алло! Это вы, Матильда Леонидовна?

— Я?! Кто говорит?

— Заведующий воспитательным домом. У нас освободилась вакансия... Не отадите ли свою дочку?

— А, чтоб вас дождем намочило! Не можете без глупостей. Здравствуйте. Послушайте! У меня плохое настроение, и мне скучно.

— Ваша скука нынче же будет истерзана, разорвана в клочки и развеяна по ветру. У меня есть ложа в цирк — хотите?

— Вот это мысль, — обрадовалась Матильда Леонидовна. — А кто будет?

— Кроме нас? Софью Григорьевну сманю и брата Перевозовой.

Маленькая пауза.

— Ах так?.. Да-а... Но там, вероятно, в ложе вчетвером тесно. Нет, уж поезжайте лучше без меня.

— Да ведь ложа на четыре персоны!!..

— Да-а... На четыре. Ну, возьмите кого-нибудь четвертого. Мадам Перевозову, что ли...

— Однако ведь вы хотели поехать.

— Хотела, а теперь раздумала.

— В чем дело?!

— Отстаньте. Если бы вы знали, как вы мне все надоели...

Треск. Отбой.

Странно.

Вызываю другой номер:

— Это Софья Григорьевна?

— Да. Кто говорит?

— Агент сыскного отделения. Послушайте, Софья Григорьевна... Что побудило вас срезать ридикюль у купеческой вдовы Талдыкиной? Вы сознаетесь в этом?

— Что-о-о?!.. Фу ты, как вы ловко меняете голос. Здравствуйте. Что поделываете?..

— Сижу дома, пью чай. Сейчас только беседовал с вашим другом.

— С кем?

— Да с Матильдой же Леонидовной!!

— А-а... А вы все еще ее верный рыцарь? Удивляюсь, как это она позволяет вам звонить ко мне.

— Тетенька, что с вами?! Откуда такие слова?! Ведь Матильда Леонидовна так вас любит...

— Ах, слушайте, не будьте ребенком! "Любит, любит". Я была такая же глупая, как вы, верила всему этому свято, но...

— Но?!

— Как я могу хорошо относиться к человеку, который готов меня в ложке воды утопить...

— Софья Григорьевна! Милый друг! Я ушам своим не верю. Матильда Леонидовна такой добрый, мягкий парень...

— Ну, вот и целуйтесь с этим мягким парнем, а я...

Трубка звякает. Мертвое молчание. Зеркала напротив нет, но я и так чувствую, что лицо у меня глупое.

Вечером узнал доподлинно: только вчера произошла тяжкая ссора из-за того, кому продавать на благотворительном вечере цветы и кому — программы. То ли, кажется, Матильда хотела "сидеть на программах", а Софья "на цветах", то ли наоборот, — точно мне не удалось выяснить.

Ну, поссорились и поссорились. Жаль, но мало ли кто ссорится. Во всяком случае, они и порознь настолько

милы, что я могу продолжать свою дружбу с каждой отдельно.

А как, спрашивается, наилучше продолжать с женщиной дружбу?

Очень просто: ругать ее врага.

Немного это, как будто, нечестно, но отчего не сделать хорошему человеку приятное. Я добрый.

Был у Софьи Григорьевны на обеде. Встретила она меня так радостно, что я был тронут.

Усадила в кресло, и первый вопрос ее был:

— Встречаете ли Матильду Леонидовну?

— Вы спрашиваете об этой розовой невыпеченной булке? Нет, признаться, я этой размазни не видел два дня.

На лице Софьи Григорьевны мелькнуло выражение ужаса:

— Вы с ней поссорились?!

— Нет, — слегка удивился я. — Это вы с ней поссорились.

— А вы, значит, по-прежнему в хороших отношениях?

— Д... ддда... А что?

— И вам не стыдно так отзываться о бедной Тилли?! Вот, говорят, женщины злоязычны. Куда нам до вас! Обождите, — Тилли сейчас приедет, я ей расскажу, как вы...

— Куда приедет?!

— На обед. Ко мне. Чего это вы так всполохнулись?

— А ваша... взаимная... ненависть?!

— Ну, вы тоже скажете — ненависть! Тилли, в сущности, очень хороший человек, только вспыльчива свыше меры. Порох! Да вот и она. . . . . .

. . . . . .

Они стояли передо мной ласково, любовно обнявшись: головка блондинки тихо покоилась на плече брюнетки, а рука брюнетки нежно обняла полную талию блондинки.

— Ах, господа! — радостно говорил я. — Сегодня для меня Пасха. Я так рад!.. Давно бы так, мои милые чудесные девушки. Если бы я был другого пола, — я расцеловал бы вас обеих прямо в мордочки.

Обе лучезарно засмеялись.

— Черт с вами, целуйте.

Сколько было в этой грубой фразе мило-интимного, вечно женственного.

На картинной выставке встретился с Софьей Григорьевной.

— Здравствуйте, Софья, что по-гречески значит Мудрость! Целую вечность не виделись. Я, чай, дня три не целовал вашего носика.

— Полно врать. Вы его раньше не целовали.

— Все равно — хотел.

Она поглядела в сторону и спросила:

— Матильду Леонидовну встречаете?

— Вчера. Вскользь. Просила передать вам тысячу приветов.

— Она мне передала привет?! — странным дрогнувшим голосом спросила Софья Григорьевна.

— М... да, — не совсем уверенно подтвердил я.

Сказал я о привете на всякий случай. Виделись мы с Матильдой буквально на лету, и я даже не расслышал, что она мне крикнула с экипажа.

— Да, она... Этого. Кланялась вам.

— Ну, это уж, знаете, наглость, — закипела вдруг Софья Григорьевна. — После того, что она позволила в отношении меня, — передавать поклоны — это я считаю форменным издевательством!!!

— Поссорились?! — простонал я.

— Ах, вы и не знаете. Только нынче на свет родились?! Весь город возмущен ее подлым поступком со мной на аукционе... Неужели вы ее еще не раскусили?!

— Да, — вяло поддержал я. — Она, действительно, тяжелый человек. В ней есть что-то, как бы это сказать: змеиное!

— Ага, и вы заметили?!

— Да, да, — уныло пополз я дальше. — У нее темперамент заменяется всегда резким, рвущим барабанные перепонки визгом. Визжит, визжит, а что толку?

Заехал к Матильде Леонидовне выпить стакан чаю и для укрепления дружбы ругнуть Софью Григорьевну. Это, по моему мнению, должно было очень освежить застоявшуюся атмосферу.

Еще в передней радостно закричал:

— Здравствуйте, цветочек! Все хорошеете? А я недавно видел эту выдру, Соньку... Боже, как она подурнела! Черная, страшная.

— По-вашему, она выдра?! — звонко расхохоталась Матильда Леонидовна. — А вот мы ее сейчас сами

спросим... Сонечка! Разве ты похожа на выдру? Давай булавку, мы ему сейчас язык наколем... Ей-Богу, он нахал. Тебя называет выдрой, меня — змеей, у которой темперамент заменяется визгом, рвущим барабанные перепонки. Хорош!!

Вышедшая из другой комнаты "Сонечка" обвила рукой талию хозяйки, а та положила ей золотистую головку на плечо, и они слились в такую прелестную женственную группу, что всякий другой на моем месте пришел бы в восторг.

Я опустился бессильно в кресло и тихо сказал:

— Сколько в вас женственности... Вы так напиханы этой женственностью, что она лезет у вас из глаз, изо рта, из ушей... Поменьше бы женственности, а? Хорошо бы было, роскошно было бы! Но если уж вы настолько женственны, то оставьте хоть меня в покое, или устройте меня так, чтобы я был вне всего этого... Поймите, что я настолько неповоротлив, что не могу угнаться за всеми вашими прихотливыми изгибами, поворотами и бросаниями из одной крайности в другую. Я прошу, я, наконец, требую, чтобы периоды ссор отмечались какими-нибудь внешними признаками: ленточку черную на шею себе нацепляйте или флаг на крыше вашего дома выбрасывайте, чтобы я мог безошибочно руководствоваться. Нельзя же так — поймите вы меня!!!

Они стояли передо мной, сияющие молодостью, красотой и женственностью, любовно прильнув друг к другу, и смотрели на меня с любопытством и удивлением.

— Какой смешной! — сказала белокурая.

— Да... Неужели он думает, — подхватила черная, — что мы теперь еще когда-нибудь поссоримся?!

— За то, что вы такой нехороший, достаньте нам два билета на "Дон-Кихота".

— Слушаю-с! Прикажете рядом или в разных сторонах?

— Почему в разных? Вот глупый!

— Ничего не глупый. Не забывайте, что спектакль еще через четыре дня. . . . . .

. . . . . .

ВЕЧНО-ЖЕНСКОЕ

Начался вечер очень мило: я сидел у Веры Николаевны и оживленно беседовал с ней о литературе, о любви, о морях-океанах, о преимуществе жареных пирожков над

печеными, об искусстве смешивать духи, о нахалах, пристающих на улицах, и о полной допустимости загробной жизни.

Звонок в передней прервал мое заявление о том, что паюсную икру, размятую с сардинами и соком лимона, — никак нельзя приправлять сливочным маслом.

— Гм... Звонок... Это, вероятно, моя школьная подруга. Я ее не видела двенадцать лет.

"Чтоб ее черт унес", — подумал я.

Вслух продолжал:

— Я знал даже людей, которые присыпали ее зеленым луком и петрушкой.

— Подругу? — удивилась хозяйка.

— Икру!..

— Какую? — рассеянно переспросила хозяйка, прислушиваясь.

— Паюсную!..

Я ревниво отметил, что внимание ее было уже не около меня, а в передней, откуда доносился стук сбрасываемых ботиков и шелест снимаемых одежд.

— Ну да, это она! — просияла хозяйка. — Боже ты мой... двенадцать лет! Ведь мы расстались совсем девчонками! С седьмого класса...

Сначала в комнату влетело что-то темно-коричневое, потом ему навстречу шумно двинулось зеленовато-голубое, потом эти два кружащихся смерча соединились, сплелись воедино и образовали один бурный, бешено вращающийся на своей оси смерч, в котором ничего нельзя было разобрать, кроме мелькающих рук, писка и чмоканья... Жуткое зрелище!..

В отношении поцелуев разгон был такой, что инерция еще долго не могла прекратиться. Но на третьей минуте подруга засбоила, то, что называется у коннозаводчиков "сошла с круга", и отстала в одном темпе: именно, хозяйка чмокала ее в то самое время, когда щеки подруги отрывались от хозяйкиных губ; чтобы вознаградить хозяйку за этот холостой поцелуй в воздух, подруга ретиво возвращала лобзанье, но в этот момент хозяйкина щека, в свою очередь, уже отрывалась от подругиных губ, и снова поцелуи, как петарды, безвредно разряжались в воздухе.

Наконец смерч распался на свои основные цвета — темно-коричневый и зеленовато-голубой, подруги отдышались, фыркнули, точно запаренные лошади, отчетливо, как по команде, вынули из сумочек какие-то крас-

ные палочки, намазали губы, попудрили носы, еще раз обменялись радостными взглядами, и только тогда их внимание обратилось на меня, скромного, забытого, оглушенного, ослепленного шумом и треском.

— Позволь тебе представить, Нюра, мой большой друг.

Подруга бросила на меня рассеянный взгляд и швырнула в мою сторону, как собаке кость:

— Очень приятно.

— Я думаю! — самодовольно хихикнул я, радуясь уже тому, что они обратили на меня внимание.

— Что вы сказали?!

— Я говорю, что Вера Николаевна много мне о вас говорила.

Соврал. Для того и соврал, чтобы они обратили на меня хоть какое-нибудь внимание.

Но нет ничего ужаснее зрелища двух встретившихся после долгой разлуки подруг. От созерцания такой пары холодеет кровь и свертывается мозг у самого стойкого человека.

Они уселись на диван по обе стороны от меня, и с этого момента я превратился в ничтожество, в диванную подушку, через которую можно переговариваться, совершенно ее не замечая.

Глаза их восторженно вперились в лица друг друга, а руки сплелись через меня и невозмутимо покоились на моих кротких коленях.

— Так вот оно, значит, как, — проворковала хозяйка.

— Да-а...

— А ты помнишь Кузика?

Обе дружно рассмеялись.

— Ну, еще бы! "Медам, берит на себе труд". Ха-ха! А где сейчас Лили?

— Ну, как же! Она вышла за Савосю Брыкина!

— Что ты говоришь?! Вот не думала. А Жужуточка?

— Он ведь во Владивосток уехал. Алика на войне убили.

— А помнишь Мику в ящике?

— Ха-ха-ха...

— Какого Мику? — спросил я с наружным интересом.

— Ах, этого вам нельзя знать. Не совсем прилично. Костя Лимончик сделался таким интересным, что не узнаешь. На виолончели играет.

— Что вы говорите?! — ахнул я, будя внутри себя дремлющий интерес к неведомому виртуозу Косте.

— Неужели на виолончели играет? Кто бы мог подумать! Ну и ну!..

— А вы его знаете?

— Мм... Нет.

— Ну, так и не суйтесь не в свое дело. А где сейчас Григорий Кузьмич?..

— Он же живет до сих пор на Почтовой, 82.

Незнакомые имена, фамилии, адреса мелькали передо мной так быстро, будто бы я помимо воли погрузился в чтение старой телефонной книги.

На меня перестали обращать какое бы то ни было внимание. Лица горели, глаза сверкали, а из уст, вперемешку со смехом, сыпались десятки Аликов, Жужуточек и Григорий Кузьмичей. Но не такой я человек, чтобы примириться с небрежностью в отношении, подобной мне, важной особы... Мне скучно, на меня не обращают внимания — так мне сейчас будет весело, и меня почтят самым лихорадочным вниманием! Я внутренне подобрался, подстерегая удобный момент для прыжка...

— А где теперь тот студент, который, помнишь, за тобой ухаживал?

— Адя Берс?

— Адя Берс?! — воскликнул я. — Неужели вы о нем ничего не знаете?

— А вы с ним знакомы?

— Ну!! друзья! Мне его так жалко, что и рассказать невозможно.

— А что с ним?

— Ну, как же. Сварился. В мыле.

— В каком мыле?

— Целая история. Жуткая. Вы Костю Драпкина знаете?

— Нет...

— Ну, еще бы. Так у этого Кости был мыльный завод...

— Не тяните, Господи!!

— ...Как-то раз осматривали они с Адей чан, где варилось мыло. Адя нечаянно оступился, да и вниз! Бух! Я до сих пор не могу опомниться от этого кошмара. Как только умываюсь, так и поглядываю на мыло — вдруг найду Адину пуговицу или клок волос.

— Какой ужас! Воображаю горе его сестры Людмилочки.

— Ей все равно, — горестно качнул я головой. — Раздавлена.

— ??!!

— Сенокосилкой. В имении графа Келлера. В пьяном виде.

— Что за вздор?! Разве Люда пила?

— Как лошадь. Алкоголизм. Наследственность. Вместе с Жужуточкой и пили.

— А вы и Жужуточку знаете?

— Как свои пять пальцев. Его повесили в Харбене. Организовал шайку хунгузов. Поймали в опиокурильне. Отбивался как лев. Семь человек.

Я достиг своего. Внимание подруг было приковано ко мне всецело. Ротики их доверчиво раскрылись от избытка интереса и груди порывисто дышали.

Некоторая мрачность и трагизм, которыми были окрашены последние минуты целой вереницы старых друзей обеих подруг, до известной степени искупалась захватывающим интересом и романтичностью фабулы.

Не обошлось и без легкомысленного элемента: Миля пошла на сцену, в кафешантан, и теперь танцует со своим партнером, негром, тустеп.

Я сделался душой маленького общества: все-то я знал, обо всех-то я рассуждал с видом близкого приятеля и общего конфидента.

Царил я около получаса.

После одной из пауз, посвященных отданию последнего долга трагически погибшему при пожаре кинематографа, учителю немецкого языка Кузику, — хозяйка вздохнула и спросила:

— А ты помнишь Катину "Липовку"!.. Что с ним?

— Я знаю, — вырвался я вперед. — Он женился на цыганке из хора Шишкина, и она его от ревности отравила. Совсем на днях. Сулемой. В пирожке дала. С капустой. Как сноп! Предстоит сенсационный процесс!..

Обе подруги внимательно взглянули в мое лицо.

— Кого? — в один голос спросили обе.

— Что — кого?

— Кого отравили?

— Этого самого... Липовку, как вы его... Гм!.. Назвали. Катиного Липовку отравили... Такого человека отравить, а? Здоровяк был. И пел — как малиновка.

— Кто?

— Да этот же, Боже мой... Липовка!

Хозяйка встала с дивана с видом, не предвещавшим ничего для меня доброго и радостного...

— Вы знаете, *что такое Липовка?*

— Это... он... Такой... Липовка. По прозвищу. Брюнетик такой.

— Послушайте, вы! Нахал вы этакий! "Липовка" — это Катино имение, и оно не могло жениться на цыганке из хора, и его не могли отравить!! Как малиновка он пел, чтоб вы пропали?! Я уже давно заметила, что вы слишком развязно отправляете всех на тот свет. Теперь я понимаю...

— Прогони его, — посоветовала разъяренная подруга. — Пусть он уйдет вон!

— Ты когда уезжаешь, Нюра? — спросила хозяйка.

— Через десять дней.

— Так вот что, расторопный молодой человек!.. Уходите и являйтесь не ранее, чем через десять дней. Я накладываю на вас эпитимью.

Я цинично захохотал, послал дамам воздушный поцелуй и, крикнув: "Привет от меня Жужутке" — вышел в переднюю.

Натягивая пальто, услышал:

— Вот нахал-то. Без него, по крайней мере, наговоримся. Послушай, а где Диночка Каплан?

— В Курске. Уже четверо детей. Ха-ха-ха! А помнишь апельсинное желе на пикнике?..

— А помнишь...

— А помнишь...

Неуклюжая громоздкая машина воспоминаний запыхтела и двинулась, увозя упоенных подруг в туманную даль.

Эх, жизнь наша!

Все мелочь, все тлен, дорогой читатель. . . . . .

. . . . . .

ПЫТКА

Восемь лет тому назад, сидя за конторкой перед огромными бухгалтерскими книгами, я получил такую записку:

"Милый Сергей Иванович! Ради всего святого умоляю вас — приезжайте немедленно ко мне. Может быть, вы не будете так на меня негодовать, если узнаете, что я отрываю вас от дела в последний раз. Ваш друг Полина Черкесова".

Было двенадцать часов дня.

"Господи, — недовольно подумал я. — Чего еще этой сумасбродке от меня нужно? Придется ехать".

Услышав мою просьбу об отпуске "на часочек", бухгалтер раскусил зубами невидимый лимон и, изобразив на лице соответствующую мину, сухо сказал:

— Который это раз вы уезжаете среди занятий? Идите, но к часу будьте здесь обязательно. Сами, кажется, знаете, что работы гибель.

Полина Черкесова снимала крошечный флигелек в глубине большого двора и жила в двух комнатках совершенно одна.

— Здравствуйте, — сказал я, здороваясь. — Какое землетрясение случилось с вами?

Она бледно улыбнулась и усадила меня на оттоманку. Села напротив и, разглядывая собственные руки, сказала:

— Я вас позвала на минутку. Я знаю, вы всегда относились ко мне хорошо, и, я думаю, не сочтете навязчивостью то, что я втайне называю вас своим другом. Как вы знаете, у меня друзей вообще нет... Ну, вот. В последний раз мне захотелось увидеть дружеское лицо.

— Как — в последний? — удивился я.

— Так. Через несколько минут, когда вы уйдете, меня уже не будет на свете.

Я вскочил и схватил ее за руку.

— В своем ли вы уме?!!

Она с тихою улыбкой покачала головой и указала на ящик письменного стола.

— Пузырек уже заготовлен. Надеюсь, вы не будете отговаривать и препятствовать мне. Это решение не случайное, а продуманное в течение долгого времени.

— Да почему? — сердито закричал я. — Что за глупости? Что случилось?

— Особенного ничего. Тоска, одиночество, ничего впереди. О смерти я мечтаю, как об избавлении. И потом — знаете что? Не будем отравлять последних минут пустыми и пошлыми уговорами и спорами. Мне сейчас так хорошо, так легко.

Человек стоит на берегу тихой речки и, вдыхая запах травы, безмятежно любуется видом залитой солнцем полянки и темно-синего дальнего леса на горизонте. Кто-то подкрадывается сзади и вдруг с размаху ударяет созерцателя палкой по затылку...

Сейчас я, приблизительно, был в положении этого выбитого из колеи созерцателя жизни...

— Ну, бросьте! — сказал я неопределенно. — Сейчас просто у вас плохое настроение, а пройдет — и все опять будет хорошо. Здоровая, интересная, молодая женщина — и вдруг такие мрачности. Как не стыдно?! Хотите — пойдем нынче вечером в театр?

Она усмехнулась.

— Театр... Ах, как вы меня не понимаете! Теперь театры, и люди, и все человечество так далеко-далеко от меня. Знаете, меня даже уже немного интересует, — что там?

Я совершенно не знал, какого тона мне нужно держаться. Уговаривать, — она на уговоры отвечала только снисходительным покачиванием головы. Принять это все в шутку и, поболтав пять минут о пустяках, уйти, — а вдруг она в самом деле после моего ухода выкинет какую-нибудь непоправимую глупость.

У меня даже мелькнула неопределенная бесформенная мысль: побежать в участок и заявить обо всем околоточному.

— Довольно! — сурово крикнул я. — Все это глупости. Мы сейчас это прекратим.

Я подскочил к письменному столу, выдвинул ящик, схватил какую-то бутылочку с аптекарским ярлыком и через открытое окно вышвырнул ее на каменные плиты двора.

— Что вы делаете? — испуганно вскрикнула она, но сейчас же успокоилась:

— Ребенок! Неужели вы думаете, что дело в этой бутылочке? Через десять минут у меня будет другая, — аптека ведь здесь в десяти шагах.

— Я пойду в аптеку и сделаю заявление, чтобы вам ничего не отпускали.

— Всех аптек не обойдете... Да и, кроме того, у меня в надежном месте припрятан револьвер на самый крайний случай... А веревка? Неужели вы будете сейчас сдирать все шнурки от портьер...

— Зачем вы меня мучаете, — закричал я. — Зачем вы меня позвали?!

— В последний же раз! Неужели вам так трудно пожертвовать одним-единственным часочком? Подумайте: ведь всю вашу остальную жизнь никогда, никогда я не отниму больше у вас времени.

Мы замолчали. Она сидела в кресле, подперев ладонью щеку, я метался по комнате...

— Я не допущу этого!! Я не уйду отсюда. Я не могу допустить, чтобы человек погибал у меня на глазах...

— Ах, — возразила она, — не сегодня, так завтра. Днем раньше, днем позже — это не имеет никакого значения.

"Уйти, что ли? — подумал я. — Кстати, старик бухгалтер, вероятно, уже рвет и мечет, ожидая меня. Ему нет ведь дела до таких вещей. Вместо часа прошло уже полтора... Гм! Может быть, попросить ее обождать до вечера... Глупо как-то".

— Послушайте, — нерешительно сказал я. — Подождите меня до вечера — я хочу поговорить с вами. Ради Бога! Ладно?

Она печально улыбнулась.

— Вам скучно со мной?

Я хотел сказать, что дело не в скуке, а просто истекает срок моего отпуска, и бухгалтер меня заест за то, что я запоздаю со списком дебиторов.

Но тут же я устыдился — около меня умирающий, расстающийся с прекрасной жизнью человек, а я лезу с каким-то списком дебиторов. Как это все мелко и неважно.

"Вам все неважно, — зазвучал у меня в ушах скрипучий голос бухгалтера. — По списку дебиторов нужно сделать к 15-му распределение платежей, а вы, проклятый лентяй, и ухом не ведете".

— Ну, слушайте, — ласково и задушевно сказал я, беря Полину за руку. — Ведь вы этого не сделаете, да? Ну, успокойте меня... В жизни еще может быть столько хороших минут... Обещайте, что мы вечером увидимся!

Она вяло покачала головой:

— К чему? Лучше теперь же покончить — и ладно!

"Проклятая баба, — подумал я. — Вот-то послал мне Господь удовольствие".

Жалость легко и без боя уступила в сердце моем место злости и ненависти к этой женщине.

Сердце сделалось жесткое, как камень.

"Не понимаю я этих людей, — думал я. — Хочешь отравиться — сделай это без грома и шума, без оповещений и освещений бенгальским огнем. Нет, ей обязательно нужно поломаться перед этим, оповестить друзей и знакомых... Она бы еще золотообрезные карточки разослала: "Полина Владимировна Черкесова просит друзей и знакомых на soirée по случаю предстоящего самоубийства через отравление..."

Она сидела в прежней позе, задумчиво опершись на руку и глядя в стену.

"Уйти, — гудело у меня в мозгу. — Но как уйти?"

Обыкновенно это не представляет никаких затруднений. Сидишь, сидишь, потом зашевелишься, озабоченно взглянешь на часы и скажешь, вставая: "Ну, я пошел..." или "Ну, поползем, что ли..."

— Куда ж вы, — говорит хозяин. — Посидите еще.

— Нет, надо. Я и так уж засиделся. Завтра, надеюсь, увидимся в клубе или в театре... Да?..

И расстаешься довольный, смягчивший неловкость разлуки перспективой завтрашнего свидания.

Я вздохнул и подошел к Полине.

— Ну? Обещаете меня ждать вечером? Даете честное слово?

— Честное слово надо сдержать, — пожала плечами хозяйка. — А я боюсь дать его. К чему эти отсрочки? Отговорить меня не может никто в мире. Позвольте... вы, может быть, спешите по делам? Так идите. Простимся — и я освобожу вас.

"Простимся, — екнуло сердце. — Нет, я никогда не был убийцей! Я не могу ее оставить одну".

"Еще бы, — прошипел отравленный злостью голос бухгалтера. — Список дебиторов, значит, может подождать? Директор его будет делать? Или, может быть, швейцар? Если вам так трудно и тяжело служить, — зачем себя насиловать. Гораздо честнее уйти и не вредить делу".

Две, три, четыре минуты протекли в нудном, тянущем за душу молчании...

Ах, надо же что-нибудь сказать, чтобы отвлечь эту сумасшедшую!

— Прягина давно видели? — спросил я.

— Что? Прягина? Давно. Он, кажется, уехал.

— Говорят, что у него с женой что-то неладно. Опять он у этой немки стал бывать каждый день.

— Что же, с ней и уехал? Или один?

Я ответил с излишней готовностью:

— Не знаю, но могу узнать. Хотите завтра узнаю и сообщу вам. Ладно?

— Нет, зачем же. Мне это не нужно. И потом завтра! (Она иронически улыбнулась.) Вы, кажется, все думаете, что я шутила все это время?

— Ах, не говорите мне об этом!!

Я обвел комнату тоскливым взором и обратил внимание на пятно сырости, проступившее в углу стены, на обоях. Сказать ей об этом, посоветовать переменить

квартиру? Она, конечно, улыбнется своей проклятой улыбкой и скажет: "К чему?"

Стенные часы пробили половину третьего.

Это была жестокая мысль, но она пришла мне в голову:

"Тебе-то хорошо: решила отравиться и спокойна! Сидишь... Никуда тебе не надо спешить и никто тебе ничего не скажет, не поднимет скандала... А я все-таки с головой сижу в этой проклятой жизни, и завтра мне будет за сегодняшнюю неявку такая головомойка, что подумать страшно!"

— Ну, не будьте таким скучным, — ласково сказала будущая самоубийца. — Хотите чаю? Самовар стоит горячий.

— Ах, до чаю ли мне! — нервно закричал я.

— Почему? Чай все-таки хорошая вещь.

Она пошла в другую комнату и вернулась с двумя стаканами чаю.

В голову мне лезли только жестокие, чисто механические мысли:

"Сама травиться хочет, умирать собралась, а сама чай пьет. А на службу я уже так опоздал, что и являться не стоит! Я-то вот опоздаю — попаду в историю, а ты, может быть, и не отравишься совсем. Да и странно это как-то. Самоубийство такая интимная вещь, что приглашать в это время гостя и заниматься чаепитием, по меньшей мере, глупо и бестактно! И, кроме того, нужно было бы иметь элементарную догадливость и такт... Раз я прошу отложить до вечера, могла бы пообещать мне это, — чтобы я ушел успокоенный, с чистой совестью. А там можешь и не держать своего слова — твое дело. Но нельзя же меня, черт возьми, меня ставить в такое положение, что уйти невозможно, а сидеть бесполезно".

— Полина Владимировна! — тихо и проникновенно сказал я. — Вы жестоки. Подумали ли вы, кроме себя, и обо мне. В какое ставите вы меня положение... Чего вы от меня ожидали? Неужели думали, что я, услышав о вашем решении, хладнокровно кивну головой и скажу: "Ах, так. Ну, что ж делать... Раз решено — так тому и быть. Травитесь, а мне спешить на службу нужно, меня бухгалтер ждет". Поцелую вашу ручку, расшаркаюсь и уеду, оставив вас наливающей себе в стакан какого-нибудь смертельного зелья. Не могу же я этого сделать!

— Ради Бога, простите! Я знаю, что это вас нервирует, но неужели мое последнее, предсмертное желание

— увидеть дружеское лицо — так тяжело для вас? На вашей совести ведь ничего не будет, раз я уже решила сделать это. Вот взглянула на вас, поговорила — и теперь вы можете спокойно уехать, удовлетворенный тем, что скрасили своему ближнему последние минуты.

"Вот дерево-то", — с бешеной злобой подумал я.

Она опустила голову и сняла с юбки приставшую к ней пылинку; потом разостлала на колене носовой платок и стала заботливо и тщательно его разглаживать.

"Зачем разглаживать платок, зачем чистить платье, если думаешь умирать?! Что за суетность..."

"Надо уходить!" — внутренне решил я.

Но никакая "формула перехода к очередным делам" не приходила мне в голову. "Ну-с, я пошел"? — пусто и не соответствует моменту. "Ну-с, прощайте, царство вам небесное"?.. Это логически самое здравое, но кто ж так говорит?

Я выбрал среднее.

— Ну-с, — сказал я, поднимаясь. — Я ухожу, и ухожу в твердой уверенности, что вы одумаетесь и бросите эту мысль. *До свидания.*

— *Прощайте!* — сказала она не менее значительно. — Постойте, я вам дам что-нибудь на память обо мне. Вот, разве кольцо. Оно вам на мизинец будет впору. Все-таки изредка вспомните...

Я швырнул кольцо на пол, схватился за голову и выскочил из передней с тяжелым стоном:

— Не могу! Пропадайте вы, провалитесь с вашими глупостями, с вашими кольцами — я больше не могу. Я измучился!

Выбежав на улицу, я зашагал медленнее.

Шел и думал:

"Мог ли я сделать что-нибудь другое? И если бы я сидел до самого вечера, никакого толку из этого бы не вышло. Раз она относится к этому так спокойно — почему я должен страдать и подвергаться неприятностям?"

А неприятность будет:

"Конечно, я так и знал, отпросились на час, а исчезли на четыре... Я думаю, что до конца месяца вы дотянете, а там..."

И я незаметно окунулся с головой в омут мелких житейских мыслей и гаданий об ожидающих меня передрягах.

Это было восемь лет тому назад, а вчера один из приятелей сообщил мне, между прочим, в длинном письме:

"Помнишь нашу общую знакомую Полину Черкесову? Две недели тому назад она отравилась. Нашли ее уже мертвой..."

СОСТЯЗАНИЕ

I

Если кому-нибудь из вас случится попасть на финляндское побережье Балтийского моря и набрести на деревушку *Меррикярви* (финны думают, что это город), то вы никогда не упоминайте моего имени...

К имени Аркадий Аверченко жители этой деревушки (города?) отнесутся без должного уважения, а пожалуй, даже и выругаются...

Спорный вопрос — деревушка Меррикярви или город? — я уверен, всегда будет решен в мою пользу...

У финнов — мания величия. Для них изготовить из деревушки город ничего не стоит. Способ изготовления прост: они протягивают между домами ленсмана и пастора телефонную проволоку, и тогда все место, где проделана эта немудрая штука, называется городом, а сама проволока — телефонной сетью.

С такой же простотой, совершенно не понятной для русского человека, устраиваются и общественные библиотеки.

Дачник, гуляя по полю, дочитывает книгу и пару газет, которые были у него в кармане. Дочитав, он, по своему обыкновению и лени, чтобы не таскаться с двойным грузом (книга в руках и книга в голове), — бросает книгу, газеты на землю и уходит домой.

На брошенные дачником драгоценности набредают финны. Сейчас же закипает работа: вокруг книги и газет возводятся стены, сверху покрывают крышей, сбоку над дверьми пишут: "Общественная библиотека города (деревушки?!!) Меррикярви" — и в ближайшее же воскресенье все население уже дымит трубками в этом странном учреждении.

Первое время я совершенно не знал о существовании Меррикярви, так как жил в тридцати верстах от него в деревушке *Куомяках*.

Мы жили вдвоем: я и моя маленькая яхта, на которой я изредка совершал небольшие прогулки.

Через три дня после моего приезда в Куомяки я узнал, что неисправимые финны назвали сходни, около которых стояла яхта, — "Яхт-клубом", а меня — президентом клуба.

Сначала я хотел отказаться от этого почетного звания, совершенно мною не заслуженного, но потом решил, что если проволока у них называется сетью, то почему я, скромный писатель, не могу быть президентом?

Как бы то ни было, но слава о Куомякском Яхт-клубе и обо мне, как его президенте, разлетелась далеко по окрестностям и долетела до злополучного Меррикярви.

Я не чувствую себя ни в чем виновным — начали-то ведь первые они...

II

Однажды я получил такую бумагу на печатном бланке:

Меррикярвинское общество спорта и содействия
физическому здоровью
Господину президенту Куомякского
Яхт-клуба Аркадию Аверченко

Милостивый государь!

Для поощрения и развития морского спорта Меррикярвинское общество предлагает Вашему яхт-клубу устроить парусные гонки на скорость, избрав конечным пунктом гонок наш город Меррикярви.

Для поощрения и соревнования гг. гонщиков названное меррикярвинское общество со своей стороны предлагает назначить призы: первому пришедшему к нашей пристани — почетный кубок и золотой жетон; второму и третьему — почетные дипломы.

Гонки — в ближайшее воскресенье, в 2 часа дня от отправного пункта.

О согласии благоволите уведомить.

С почтением, председатель
Мутонен

Я сейчас же сел и написал ответ:

Куомякский Яхт-клуб
Господину президенту Меррикярвинского
общества спорта и содействия физическому
здоровью — Мутонену.

Милостивый государь!

Куомякский Яхт-клуб, обсудив в экстренном заседании Ваше предложение, благодарит Вас за него и принимает его единогласно.

Принося также благодарность за назначение Вами поощрительных призов, имею честь сообщить, что гонки от отправного пункта будут начаты в ближайшее воскресенье, в 2 часа дня.

С почтением, главный президент
Аркадий Аверченко

III

Наступило "ближайшее воскресенье".

Я спокойно позавтракал, около двух часов оделся, сел в свою яхточку и, распустив паруса, не спеша двинулся к загадочному, не знакомому мне городу Меррикярви.

Это было очень милое, тихое плавание.

Так как торопиться было некуда, я весело посвистывал, покуривал сигару и размышлял о величии Творца и разумном устройстве всего сущего.

Встретив рыбачью лодку, я окликнул ее и спросил рыбаков: далеко ли еще до города Меррикярви.

— Лиско, — ответили мне добрые люди. — Ве или ри версты.

Финны — удивительный народ: в обычной своей жизни они очень честны и с поразительным уважением относятся к чужой собственности. Но стоит только финляндцу заговорить по-русски, как он обязательно утащит от каждого слова по букве. Спросите его — зачем она ему понадобилась?

Возвратив трем словам три ограбленные у них буквы, я легко мог выяснить, что до Меррикярви "близко: две или три версты".

Действительно, минут через десять у берега вырисовалась громадная гранитная скала, за ней — длинный

песчаный берег, а еще дальше — группа домишек и маленькая пристань, усеянная народом и украшенная триумфальной аркой из зелени.

Я бросился к парусам, направил яхту прямо к пристани, повернулся боком — и через минуту десятки рук уже подбрасывали меня на воздух... дамы осыпали меня цветами...

Сами по себе финляндцы очень флегматичны и медлительны, но между ними затесалось несколько петербургских золотушных дачников, которые шумели, производили кавардак и этим подстегивали меррикярвинских исконных граждан...

— Ур-р-ра! — ревели десятки глоток. — Да здравствует Аверченко, первый яхтсмен и победитель! Ур-ра!

Сердце мое дрожало от восторга и гордости. Я чувствовал себя героем, голова моя инстинктивно поднималась выше, и глаза блистали...

О, моя бедная далекая матушка. Почему ты не здесь? Отчего бы тебе не полюбоваться на триумф любимого сына, которого наконец-то оценила холодная равнодушная толпа?!

— А остальные... далеко еще? — спросил меня, когда восторги немного утихли, один дачник.

— А не знаю, право, — чистосердечно ответил я. — Я никого и не видел.

— Ур-ра! — грянули голоса с удвоенным восторгом.

Одна девушка поднесла мне букет роз и застенчиво спросила:

— Вы, вероятно, неслись стрелой?

— О нет, сударыня... Я ехал потихоньку себе, не спеша.

Никто не хотел верить...

— Дадим ему сейчас приз! — предложил экспансивный дачник. — Чего там ждать других?! Когда-то еще они приедут.

Я попытался слабо протестовать, я указывал на то, что такая преждевременность противна спортивным законам, — восторженная толпа не хотела меня слушать.

— Дайте ему сейчас жетон и кубок!! — ревела чья-то здоровая глотка.

— Дайте ему! Давайте качать его!

В то же время все поглядывали на море и, не видя на горизонте и признака других яхт, приходили все в больший и больший восторг.

Я, наоборот, стал чувствовать некоторое беспокойство и, потоптавшись на месте, отозвал председателя Мутонена в сторону.

— Слушайте!.. — робко прошептал я. — Мне бы нужно... гм... домой вернуться. Некоторые делишки есть, хозяйство, знаете... гм...

— Нет! — крикнул председатель, обнимая меня (все кричали "ура!"). — Мы вас так не отпустим. Пусть это будет противно спортивным правилам, но вы перед отъездом получите то, что заслужили...

Он взял со стола, накрытого зеленым сукном, почетный кубок и жетон и, передав все это мне, сказал речь:

— Дорогой президент и победитель! В здоровом теле — здоровая душа... Мы замечаем в вас и то и другое. Вы сильны, мужественны и скромны. Сегодняшний ваш подвиг будет жить в наших сердцах как еще один крупный шаг в завоевании бурной морской стихии. Вы — первый! Получите же эти скромные знаки, которые должны и впредь поддержать в вас дух благородного соревнования... Ура!

Я взял призы и сунул их в карман, рассуждая мысленно так:

"Как бы то ни было, но ведь я пришел первым?! А раз я пришел первым, то было бы странно отказываться от радушия и доброты меррикярвинских спортсменов. По справедливости, я бы должен был получить и второй приз, так как могу считаться и вторым, но уж Бог с ними".

Сопровождаемый криками, овациями и поцелуями, я вскочил в яхту и, распустив паруса, понесся обратно, а меррикярвинские спортсмены и граждане уселись на скамейках, расположились на досках пристани, спустили ноги к самой воде и принялись терпеливо ждать моих соперников, поглядывая выжидательно на широкое пустынное море...

Если бы кому-нибудь из читателей пришлось попасть на побережье Балтийского моря, набрести на кучу домишек, именуемую — Меррикярви, и увидеть сидящих на пристани в выжидательной позе членов "меррикярвинского общества спорта и содействия физическому развитию", — пусть он им скажет, что они ждут понапрасну. Пусть лучше идут домой и займутся своими делами.

А то что ж так сидеть-то...

БЕЛАЯ ВОРОНА

Он занимался кристаллографией. Ни до него, ни после него я не видел ни одного живого человека, который бы занимался кристаллографией. Поэтому мне трудно судить — имелась ли какая-нибудь внутренняя связь между свойствами его характера и кристаллографией, или свойства эти не находились под влиянием избранной им профессии.

Он был плечистый молодой человек с белокурыми волосами, розовыми полными губами и такими ясными прозрачными глазами, что в них даже неловко было заглядывать: будто подсматриваешь в открытые окна чужой квартиры, в которой все жизненные эмоции происходят при полном освещении.

Его можно было расспрашивать о чем угодно — он не имел ни тайн, ни темных пятен в своей жизни — пятен, которые, как леопардовая шкура, украшают все грешное человечество.

Я считаю его дураком, и поэтому все наше знакомство произошло по-дурацки: сидел я однажды вечером в своей комнате (квартира состояла из ряда комнат, сдаваемых плутоватым хозяином), сидел мирно, занимался, — вдруг слышу за стеной топот ног, какие-то крики, рев и стоны...

Я почувствовал, что за стеной происходит что-то ужасное. Сердце мое дрогнуло, я вскочил, выбежал из комнаты и распахнул соседнюю дверь.

Посредине комнаты стоял плечистый молодец, задрапированный красным одеялом, с диванной подушкой, нахлобученной на голову, и топал ногами, издавая ревущие звуки, приплясывая и изгибаясь самым странным образом.

При стуке отворенной двери он обернулся ко мне и, сделав таинственное лицо, предостерег:

— Не подходите близко. Оно ко мне привыкло, а вас может испугаться. Оно всю дорогу плакало, а теперь утихло...

И добавил с гордой самонадеянностью:

— Это потому, что я нашел верное средство, как его развлечь. Оно смотрит и молчит.

— Кто "оно"? — испуганно спросил я.

— Оно — ребенок. Я нашел его на улице и притащил домой.

Действительно, на диване, обложенное подушками, лежало крохотное существо и большими остановившимися глазами разглядывало своего увеселителя...

— Что за вздор? Где вы его нашли? Почему вы обыкновенного человеческого ребенка называете "оно"?!

— А я не знаю еще — мальчик оно или девочка. А нашел я его тут в переулке, где ни одной живой души. Орало оно, будто его режут. Я и взял.

— Так вы бы его лучше в полицейский участок доставили.

— Ну, вот! Что он, убил кого, что ли? Прехорошенький ребеночек! А? Вы не находите?

Он с беспокойством любящего отца посмотрел на меня.

В это время ребенок открыл рот и во всю мочь легких заорал.

Его покровитель снова затопал ногами, заплясал, помахивая одеялом и выкидывая самые причудливые коленца.

Наконец, усталый, приостановился и, отдышавшись, спросил:

— Не думаете ли вы, что он голоден? Что "такие" едят?

— Вот "такие"? Я думаю, все их меню заключается в материнском молоке.

— Гм! История. А где его, спрашивается, достать? Молока этого?

Мы недоумевающе посмотрели друг на друга, но наши размышления немедленно же были прерваны стуком в дверь.

Вошла прехорошенькая девушка и, бросив на меня косой взгляд, сказала:

— Алеша, я принесла вам взятую у вас книгу лекций профес... Это еще что такое?

— Ребеночек. На улице нашел. Правда, милый?

Девушка приняла в ребенке деятельное участие: поцеловала его, поправила пеленки и обратила вопросительный взгляд на Алешу.

— Почему он кричит? — строго спросила она.

— Не знаю. Я его ничем не обидел. Вероятно, он голоден.

— Почему же вы ничего не предпринимаете?

— Что же я могу предпринять?! Вот этот господин (он, кажется, понимает толк в этих делах...) советует покормить грудью. Не можем же мы с ним, согласитесь сами...

В это время его взор упал на юную, очевидно только этой весной расцветшую грудь девушки, и лицо его озарилось радостью.

— Послушайте, Наташа... Не могли бы вы... А?

— Что такое? — удивленно спросила девушка.

— Не могли бы вы... покормить его грудью? А мы пока вышли бы в соседнюю комнату... Мы не будем смотреть.

Наташа вспыхнула до корней волос и сердито сказала:

— Послушайте... Всяким шуткам есть границы... Я не ожидала от вас...

— Я не понимаю, что тут обидного? — удивился Алеша. — Ребенку нужна женская грудь, я и подумал...

— Вы или дурак, или нахал, — чуть не плача сказала девушка, отошла к стене и уткнулась лицом в угол.

— Чего она ругается? — изумленно спросил меня Алеша. — Вот вы — человек опытный... Что тут обидного, если девушка покормит...

Я отскочил в другой угол и, пряча лицо в платок, затрясся.

Потом позвал его:

— Пойдите-ка сюда... Скажите, сколько вам лет?

— Двадцать два. А что?

— Чем вы занимаетесь?

— Кристаллографией...

— И вы думаете, что эта девушка может покормить ребенка...

— Да что ж ей... жалко, что ли?

Содрогание моих плеч сделалось до того явным, что юная парочка могла обидеться. Я махнул рукой, выскочил из комнаты, побежал к себе, упал на кровать, уткнул лицо в подушку и поспешно открыл все клапаны своей смешливости. Иначе меня бы разорвало, как детский воздушный шар, к которому приложили горящую папироску...

За стеной был слышен крупный разговор. Потом все утихло, хлопнула дверь, и по коридору раздались шаги двух пар ног.

Очевидно, хозяин и гостья, помирившись, пошли пристраивать куда-нибудь в более надежные руки свое сокровище.

* * *

Вторично я увидел Алешу недели через две.

Он зашел ко мне очень расстроенный.

— Я пришел к вам посоветоваться.

— Что-нибудь случилось? — спросил я, заражаясь его озабоченным видом.

— Да! Скажите, что бы вы сделали, если бы вас поцеловала чужая дама?

— Красивая? — с цинизмом, присущим опытности, спросил я.

— Она красивая, но я не думаю, чтобы это в данном случае играло роль.

— Конечно, это деталь, — сдерживая улыбку, согласился я. — Но в таких делах иногда подобная пустяковая деталь важнее главного!

— Ну да! А в случае со мной главное-то и есть самое ужасное. Она оказалась замужем!

Я присвистнул:

— Значит, вы целовались, а муж увидел?!

— Не то. Во-первых, не "мы целовались", а она меня поцеловала. Во-вторых, муж ничего и не знает.

— Так что же вас тревожит?

— Видите ли... Это в моей жизни первый случай. И я не знаю, как поступить? Жениться на ней — невозможно. Вызвать на дуэль мужа — за что? Чем же он виноват? Ах! Это случилось со мной в первый раз в жизни. Запутанно и неприятно. И потом, если она замужем — чего ради ей целоваться с чужими?!

— Алеша!

— Ну?..

— Чем вы занимались всю вашу жизнь?

— Я же говорил вам: кристаллографией.

— Мой вам дружеский совет: займитесь хоть ботаникой... Все-таки это хоть немного расширит ваш кругозор. А то — кристаллография... она, действительно...

— Вы шутите, а мне вся эта история так неприятна, так неприятна...

— Гм... А с Наташей помирились?

— Да, — пробормотал он, вспыхнув. — Она мне объяснила, и я понял, какой я дурак.

— Алешенька, милый... — завопил я. — Можно вас поцеловать?

Он застенчиво улыбнулся и, вероятно вспомнив по ассоциации о предприимчивой даме, сказал:

— Вам — можно.

Я поцеловал его, успокоил, как мог, и отпустил с миром.

* * *

Через несколько дней после этого разговора он робко вошел ко мне, поглядел в угол и осведомился:

— Скажите мне: как на вас действует сирень?

Я уже привык к таинственным извивам его свежей благоухающей мысли. Поэтому, не удивляясь, ответил:

— Я люблю сирень. Это растение из семейства многолетних действует на меня благотворно.

— Если бы не сирень — ничего бы этого не случилось, — опустив глаза вниз, пробормотал он. — Это "многолетнее" растение, как вы называете его, — ужасно!

— А что?

— Мы сидели на скамейке в саду. Разговаривали. Я объяснял ей разницу между сталактитом и сталагмитом — да вдруг — поцеловал!!

— Алеша! Опомнитесь! Вы? Поцеловали? Кого?

— Ее. Наташу.

И, извиняясь, добавил:

— Очень сирень пахла. Голова кружилась. Не зная свойств этого многолетнего растения, не могу даже разобраться: виноват я или нет... Вот я и хотел знать ваше мнение.

— Когда свадьба? — лаконически осведомился я.

— Через месяц. Однако как вы догадались? Она меня... любит!..

— Да что вы говорите?! Какое совпадение! А помните, я прошлый раз говорил вам, что ботаника все-таки выше вашей кристаллографии. О зоологии и физиологии я уже не говорю.

— Да... — задумчиво проговорил он, глядя в окно светлым, чистым взглядом. — Если бы не сирень — я бы так никогда и не узнал, что она меня любит.

* * *

Он сидел задумчивый, углубленный в свои новые, такие странные и сладкие переживания, а я глядел на него, и мысли — мысли мудрого циника — копошились в моей голове.

— Да, братец... Теперь ты узнаешь жизнь... Узнаешь, как и зачем целуются женщины... Узнаешь на собственных детях, каким способом их кормить, а впоследствии узнаешь, может быть, почему жены целуют не только своих мужей, но и чужих молодых человеков. Мир твоему праху, белая ворона!..

ШУТКА МЕЦЕНАТА

Юмористический роман (1925)

Часть I. КУКОЛКА

Глава I

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СКУЧАЕТ

— Должен вам сказать, что вы все — смертельно мне надоели.

— Меценат! Полечите печень.

— Совет неглупый. Только знаешь, Мотылек, какое лучшее лекарство от печени?

— Догадываюсь: всех нас разогнать.

— Вот видишь, почему я так глупо привязан к вам: вы понимаете меня с полуслова. Другим бы нужно было разжевывать, а вы хватаете все на лету.

— Ну, что ж... разгоните нас. А через два-три дня приползете к нам, как угрюмый крокодил с перебитыми лапами, начнете хныкать — и снова все пойдет по-старому.

— Ты, Мотылек, циничен, но не глуп.

— О, на вашем общем фоне не трудно выделиться.

— Цинизмом?

— Умом.

— Меня интересует один вопрос: любите вы меня или нет?

— Попробуйте разориться — увидите!

— Это опасный опыт: разориться не штука, а потом, если увижу, что вы все свиньи, любящие только из-за денег, — опять-то разбогатеть будет уже трудно!

— Я вас люблю, Меценат.

— Спасибо, Кузя. Ты так ленив, что эти четыре слова, выдавленные безо всякого принуждения, я ценю на вес золота.

В большой беспорядочной, странно обставленной комнате, со стенами, увешанными коврами, оружием и картинами, — беседовали трое.

Хозяин, по прозванию Меценат, — огромный, грузный человек с копной полуседых волос на голове, с черными, ярко блестящими из-под густых бровей глазами, с чувственными пухлыми красными губами — полулежал в позе отдыхающего льва на широкой оттоманке, обложенный массой подушек.

У его ног на ковре, опершись рукой о края оттоманки, сидел Мотылек — молодой человек с лицом, покрытым прихотливой сетью морщин и складок, так что лицо его во время разговора двигалось и колыхалось, как вода, подернутая рябью. Одет он был с вычурной элегантностью, резко отличаясь этим от неряшливого Мецената, щеголявшего ботинками с растянутыми резинками по бокам и бархатным черным пиджаком, обильно посыпанным сигарным пеплом.

Третий — тот, кого называли Кузей, — бесцветный молодец с жиденькими усишками и вылинявшими голубыми глазами — сидел боком в кресле, перекинув ноги через его ручку, и ел апельсин, не очищая его, а просто откусывая зубами кожуру и выплевывая на ковер.

— Хотите, сыграем в шахматы? — нерешительно предложил Кузя.

— С тобой? Да ведь ты, Кузя, в пять минут меня распластаешь, как раздавленную лягушку. Что за интерес?!

— Фу, какой вы сегодня тяжелый! Ну, Мотылек прочтет вам свои стихи. Он, кажется, захватил с собой свежий номер "Вершин".

— Неужели Мотылек способен читать мне свои стихи? Что я ему сделал плохого?

— Меценат! С вами сегодня разговаривать — будто жевать промокательную бумагу.

В комнату вошла толстая старуха с сухо поджатыми губами, остановилась среди комнаты, обвела ироническим взглядом компанию и, пряча руки под фартуком, усмехнулась:

— Вместо, чтоб дело какое делать, — с утра языки чешете. И что это за компания такая — не понимаю!

— А-а, — радостно закричал Мотылек, — Кальвия Криспинилла! Magistra libidinium Neronis!

— А чтоб у тебя язык присох, бесстыдник! Этакими словами старуху обзываешь! Боря! Я тебя на руках нянчила, а ты им позволяешь такое! Нешто можно?

— Мотылек, не приставай к ней. И что у нее общего, скажи, пожалуйста, с Кальвией Криспиниллой?

— Ну, как же. Не краснейте, Меценат, но я пронюхал, что она ведет регистрацию всех ваших сердечных увлечений. Magistra libidinium Neronis!

— Гм... А каким способом ты будешь с лестницы спускаться, если я переведу ей по-русски эту латынь?..

— Тссс! Я сам переведу. Досточтимая Анна Матвеевна! "Magistra libidinium Neronis" — по-нашему "женщина, украшенная добродетелями". А чем сегодня покормите нас, звезда незакатная?

— Неужто уже есть захотел?

— Дайте ему маринованного щенка по-китайски, — посоветовал Кузя. — Как ваше здоровье, Анна Матвеевна?

— А! И ты здесь. И уж с утра апельсин жрешь. Проворный. А зачем шкурки на пол бросаешь?

— Что вы, Анна Матвеевна! Я, собственно, бросал их не на пол, а наоборот, в потолок... но земное притяжение... сами понимаете! Деваться некуда.

— Эко, язык у человека без костей. Боря, чего заказать на завтрак?

— Анна Матвеевна! — простонал Меценат, зарывая кудлатую голову в подушки. — Неужели опять яйца всмятку, котлеты, цыплята? Надоело! Тоска. Мрак. Знаете что? Дайте нам свежей икорки, семги, коньяку да сварите нам уху, что ли... И также — знаете что? Тащите все это сюда. Мы расстелим на ковре скатерть и устроим этакий пикничок.

— В гостиной-то? На ковре? Безобразие какое!

— Анна Матвеевна! — сказал Мотылек, поднимаясь с ковра и приставляя палец к носу. — Мы призваны в мир разрушать традиции и создавать новые пути.

— Ты не смей старухе такие слова говорить. То-то ты весь в морщины пошел. Взять бы утюг хороший да разгладить.

— Боже вас сохрани, — лениво сказал Кузя, вытирая апельсиновый сок на пальцах подкладкой пиджака, — его морщины нельзя разглаживать.

— Почему? — с любопытством осведомился Меценат, предвидя новую игру вялого Кузиного ума.

— А как же! Знаете, кто такой Мотылек? Это "Человек-мухоловка". В летний зной — незаменимо! Гений по ловле мух! Сидит он, расправив морщины, и ждет. Мухи и рассядутся у него на лице. Вдруг — трах! Сожмет сразу лицо — мух двадцать в складках и застрянут. Сидит потом и извлекает их, полураздавленных, из морщин, бросая в пепельницу.

— Тьфу! — негодующе плюнула старуха, скрываясь за дверью.

Громкий смех заглушил стук сердито захлопнутой двери.

Глава II

ПЕРВОЕ РАЗВЛЕЧЕНИЕ

Не успел смех угаснуть, как послышался топот быстрых ног и, крутясь, точно степной вихрь, влетел высокий, атлетического вида человек, широкая грудь которого и чудовищные мускулы плеч еле-еле покрывались поношенной узкой студенческой тужуркой.

Он проплясал перед компанией какой-то замысловатый танец и остановился в картинной позе, бурно дыша.

— Вот и Телохранителя черт принес, — скорбно заметил Кузя. — Прощай теперь две трети завтрака.

— Удивительно, — промямлил Мотылек, — у этого Новаковича физическая организация и моральные эмоции, как у черкасского быка, но насчет свежей икры и мартелевского коньяку — деликатнейшее чутье испанской ищейки.

— Так-то вы меня принимаете, лизоблюды?! — загремел Новакович, схватывая своими страшными руками тщедушного Кузю и усаживая его на высокий книжный шкаф. — А я все стараюсь, ночей для вас не сплю!..

— Телохранитель, — жалобно попросил Кузя. — Сними меня, я больше не буду.

— Сиди!

— Телохранитель! Я знаю, твоя доброта превосходит твою замечательную силу. Сними меня. У тебя тело греческого бога...

Новакович самодовольно усмехнулся и, как перышко, снял Кузю со шкафа.

— Тело греческого бога, — добавил Кузя, прячась за кресло, — а мозги, как греческая губка.

Раздался писк мыши в могучих кошачьих лапах — снова Кузя, как птичка, вспорхнул на шкаф.

— Меценат! — прогремел Новакович. — Вы скучаете?

— Очень. Ты ж видишь. У этих двух слизняков нет никакой фантазии.

— Меценат! Можете заплатить за хорошее развлечение 25 рублей?

— Потом.

— Нет, эти денежки — мои кровные. Предварительные расходы. Надо вам сказать, ребята, что нынче утром выхожу я из дома, сажусь в экипаж...

— В трамвай!.. — как эхо отозвался с высоты Кузя.

— Ну, в трамвай, это не важно. Подкатываю к ресторану...

— ...называемому харчевней, — поправил Кузя.

— Что? Ну, такое, знаете... Кафе одно тут. Вроде ресторана. Сажусь, заказываю бутылочку шипучего...

— ...кваса, — безжалостно закончил Кузя.

— Что-о? — грозно заревел Новакович.

— Сними меня — тогда ври, сколько хочешь. Слова не скажу.

— Сиди, бледнолицая собака. Ну, ребята, долго ли, коротко ли — неважно, но познакомился я в этом кафе с одним молодым человеком... Ароматнейший фрукт! Бриллиантовая капля росы на весеннем листочке! Девственная почва. Представьте — стихи пишет!! А? Каков подлец?! Будто миру мало одного Мотылька, пятнающего своими стихирами наш и без того грязный земной шарик!

— Телохранитель! — прошипел, как разъяренный индюк, Мотылек. — Не смей ругать мою землю. В Писании о тебе сказано: из земли ты взят, в землю и вернешься. И чем скорее, тем лучше.

— Ага! Не любишь беспристрастной критики?! Кстати, вы знаете, какие стихи мастачит мой новый знакомый? Я запомнил только четыре строчки:

В степи — избушка.
Кругом — трава.
В избе — старушка
Скрипит едва!..

— Каково? Запомните, чтоб цитировать. Я его с собой привел.

— Кого?!

— Этого самого. Внизу ждет. Я ему сказал, что это очень аристократический дом, где нужно долго докладывать.

В скучающих глазах Мецената загорелось, как спичка на ветру, ленивое любопытство.

— Веди его сюда, Новакович. Если он действительно забавный, — пусть кормится. Нет — сплавим.

— Двадцать пять рублей, — хищно сказал Новакович, — я на него потратил. Ей-Богу, имея вас в виду! Верните, Меценат.

— Возьми там. В ящике стола. Вы, дьяволы, для меня хоть бы раз что-нибудь бесплатно сделали.

— Ах, милый Меценат. Жить-то ведь надо. Хорошо вам, когда сделал в чековой книжке закорючку, — и сто обедов с шампанским в брюхе. А мы народ трудящийся.

Когда он прятал вынутые из ящика деньги, Мотылек сказал, поглаживая жилетный карман:

— Телохранитель! Ты теперь обязан из этих денег внести четыре рубля за мои часы в ломбарде. Иначе я испорчу твоего протеже. Все ему выболтаю — как ты его Меценату продаешь.

Меценат удивился:

— Опять деньги на часы? Да ведь ты у меня вчера взял на выкуп часов?!

— Не донес! Одной бедной старушке дал.

— Не той ли, что скрипит в избушке, а кругом трава?

— Нет, моя старушка городская.

— Как теперь быстро стареют женщины, — печально сказал Кузя сверху. — В двадцать два года — уже старушка.

Мотылек покраснел:

— Молчи там, сорока на крыше!

Вышедший во время этого разговора Новакович вернулся, таща за руку так разрекламированную им "бриллиантовую каплю росы".

Глава III

КУКОЛКА

Это был застенчивый юноша, белокурый, голубоглазый, как херувим, с пухлыми розовыми губами и нежными шелковистыми усиками, чуть-чуть видневшимися над верхней губой. Одет он был скромно, но прилично, в синий, строгого покроя костюм, в лаковые ботинки с серыми гетрами и с серой перчаткой на левой руке.

— Вот он — тот, о котором я говорил. Замечательный поэт! Наша будущая гордость! Байрон в юности. А это вот тот аристократический дом, о котором я вам рассказывал. Немного чопорно, но ребята все аховые. Тот, что на диване, — хозяин дома — Меценат, а этот низший

организм у его ног — Мотылек. Он — секретарь журнала "Вершины" и может быть полезен вам своими связями.

— Очень приятно, — робко пролепетал юноша, тряся пухлую Меценатову руку с длинными холеными ногтями. — Я очень, очень рад. Новакович много о вас говорил хорошего. Моя фамилия — Шелковников. Имя мое — Валентин. Отчество — Николаевич...

— Бабушку мою звали Аглая, — в тон ему сказал Кузя, свешивая голову с вершины шкафа. — Мопсика ее звали Филька. Меня зовут Кузя. Познакомьтесь и со мной тоже и, если можете, — снимите меня со шкафа.

Шелковников с изумлением поглядел наверх и только теперь заметил Кузю, беспомощно болтавшего ногами.

— Простите, — смущенно воскликнул он. — Я вас и не заметил. Очень приятно. Моя фамилия Шелковников... Мое имя...

— И так далее, — сказал Кузя. — Снимете меня или нет?

— Не трогайте его, — схватил Шелковникова за руку Новакович. — Это я наказал его за грубость нрава. Пусть сидит.

Вошла Анна Матвеевна с приборами на подносе, с двумя бутылками коньяка и скатертью под мышкой.

— Этого еще откуда достали, — ворчливо сказала она, оглядывая новоприбывшего. — Ишь ты, какой чистенький да ладный. И как это вас мамаша сюда отпустила?

Заметив, что гость окончательно смутился, Меценат попытался ободрить его.

— Не обращайте на нее внимания — это моя старая Анна Матвеевна. Она вечно ворчит, но предобрая.

Юноша вежливо поклонился, чуть-чуть прищелкнув каблуком, и почел нужным представиться старухе:

— Очень рад. Моя фамилия Шелковников, мое имя...

— Уху сварили, Кальвия Криспинилловна? — осведомился Мотылек, оттирая плечом нового гостя. — Знаешь, Телохранитель, у нас сегодня пикник в этой комнате. На ковре будем уху есть. Ловко?

— Взять бы хорошую палку... — добродушно проворчала старуха, — да и... А вы чего же, сударь, стоите? Присели бы. А лучше всего, скажу я вам, не путайтесь вы с ними. Они — враги человеческие! А на вас посмотреть — так одно удовольствие. Словно куколка какая.

— Ур-ра! — заревел Новакович. — Устами этой пышной матроны глаголет сама истина. Гениально сказано:

"Куколка"! Мы сейчас окрестим вас этим именем. Да здравствует Куколка! Меня зовите Телохранителем, ибо я в наших похождениях охраняю патриция Мецената от физической опасности, а то птичье чучело на шкафу называется Кузя.

— Снимите меня, — попросил Кузя, обрадованный, что вспомнили и о нем.

— Сиди! Там наверху воздух чище. Дыши горным воздухом!

Новокрещеный Куколка, оглушенный всеми этими спорами и криками, не знал, в какую сторону поворачиваться, кого слушать...

Меценат ему показался самым уравновешенным, самым спокойным. Поэтому он деликатно протискался бочком сквозь заполнивших всю комнату Мотылька и Телохранителя, придвинул к Меценату стул и сел, осведомившись с наружно независимым видом:

— Как поживаете?

— Благодарю вас, — вежливо отвечал Меценат, пряча в седеющие усы улыбку полных и красных губ. — Скучаю немножко.

— А вы бы искусством занялись. Поэзией, что ли?

— Хорошо, займусь, — согласился покладистый Меценат. — Завтра же.

— Я еще молодой, но очень люблю поэзию. Это как музыка... Правда?

— Совершеннейшая правда.

— Скажите, это ваша фамилия такая — Меценат?

— Фамилия, фамилия, — подскочил Мотылек, протискиваясь между разговаривающими и фамильярно присаживаясь на оттоманку. — Наш хозяин сам родом из римлян. Происходит из знаменитого угасшего рода. В нем умер Нерон, и слава Богу, что умер. А то бы, согласитесь сами, неприятно было попасть в его сад в виде смоляного факела. А теперь это — какое прекрасное угасание! А? И от всей былой роскоши осталась только Кальвия Криспинилла — Magistra libidinium Neronis.

— Это... латынь? — простодушно спросил Куколка.

— Испанский, но не важно. Скажите, вы не родственник одного очень талантливого поэта — Шелковникова?

— Нет... Не знаю... А что он писал?

— Ну, как же! У него чудные стихи. Одни мы даже заучили наизусть. Как это?..

В степи — избушка.
Кругом — трава.
В избе — старушка
Скрипит едва!..

Чудесно! Кованый стих.

— Позвольте, — расцвел как маковый цвет Куколка. — Да ведь это же мои стихи!.. Откуда вы их знаете? Ведь я их даже не печатал!

— Помилуйте! По всему Петербургу в рукописных списках ходят. Неужели это ваши?! Да что вы говорите? Позвольте мне пожать вашу руку!.. Это чудно! Какая простота и какая чисто пушкинская сжатость!.. Кузя, тебе нравится?

— Я в форменном восторге, — сказал сверху Кузя, позевывая. — Кисть большого мастера. Ни одного лишнего слова: "В степи — избушка!" Всего три слова, а передо мной рисуется степь, поросшая ковылем и ароматными травами, далекая, бескрайняя... И маленькой точкой на этой беспредельной равнине маячит покосившаяся серая избушка с нахлобученной на самые двери крышей...

И Кузя замолчал, погрузившись в задумчивость. На самом деле он был так ленив, что ему не хотелось лишний раз повернуть языком. Впрочем, немного потрудился: поднял голову и подмигнул, предоставляя дальнейшее подвижному Мотыльку.

Мотылек сложил свое гуттаперчевое лицо в гармонику и пылко продолжал:

— А это: "Кругом — трава!" Трава, и больше ничего. Стоп. Точка. Но я чувствую аромат этой травы, жужжание тысячи насекомых. Посмотрим дальше... "В избе — старушка". И верно! А где же ей быть? Не скакать же по траве, как козленку. Не такие ее годы. И действительно, поэт тут же веско подкрепляет это соображение: "Скрипит едва". Кругом пустыня, одинокая старость — какой это, в сущности, ужас! Что ей остается? Скрипеть!

Меценат опустил голову и закрыл рукой лицо с целью скрыть предательский смех, а Куколка ясным взором восторженно оглядывал всю компанию и поддакивал:

— Да, да!.. Я вижу, вы поняли мой замысел.

— Мотылек! — сказал расставшийся окончательно со своей тоской Меценат. — Ты должен устроить эти стихи в какой-нибудь журнал.

— Обязательно устрою. За такие стихи всякая редакция зубами схватится.

Новакович отвел Куколку в сторону и спросил шепотом:

— Ну, как вам нравится общество, в которое я вас ввел?

— Чудесное общество. Они все такие тонкие, понимающие...

— Еще не то будет. Вы коньяк пьете?

— Да... собственно, не пью...

— Ага! Ну, значит, выпьете. Анна Матвеевна! Надеюсь, икорка у вас на льду стояла?

— Для тебя еще буду на лед ставить!..

— Анна Матвеевна! Не забывайте, что я знал вашего папу.

— Врешь ты все, — проворчала скептическая старуха. — Он уж лет тридцать будет, как помер.

— Ну, что ж. А мне уже под пятьдесят. Вы не смотрите, что я такой моложавый. Это я в спирту сохранялся. Боже, как быстро жизнь мчится! Как сейчас помню вашего отца... Веселый был старик! Мы с ним часто рыбу удили...

— Да, неужто ж, верно, знал отца?! — зацепилась на удочку старуха. — Нешто ты тоже зарайский?

— Я-то? Всю жизнь. Еще, помню, у вашего папы коровка была... серенькая такая...

— Бурая.

— Во-во. Серовато-бурая. Хорошее молоко давала. Старик часто меня угощал. "Сережа, — говорит, — ты мне первый друг. Жалко, — говорит, — что моя дочка Анюта уже замуж вышла. А то был бы ты мне зятем".

— Скажете тоже! — застыдилась Анна Матвеевна, расстилая на ковре скатерть.

У Новаковича была странная натура: он мог так нахально рассказывать о самых невероятных вещах, способен был так просто и самоуверенно лгать, что одним своим тоном мог поколебать недоверие самого скептического слушателя.

Почему-то из всей компании нянька Мецената отдавала предпочтение именно Новаковичу и даже изредка высыпала ему в карман целую сахарницу колотого сахара, который он ел, уверяя всех, что сахар придает крепость костям.

Приятелям он рассказывал:

— Отчего я такой сильный? Исключительно от сахара. Да еще сырую морковь ем, как заяц. Поэтому медный пятак мне согнуть в трубку ничего не стоит.

— Ну, вот тебе пятак — согни его.

— Зачем же его портить, — хладнокровно говорил Новакович, опуская пятак в карман, — он мне на трамвай пригодится.

— Экий ты, братец. Ну, вот тебе еще пятак — согни.

— Вот спасибо. На первый пятак я проеду только туда, а на второй смогу вернуться обратно.

И второй пятак находил упокоение вместе с первым в широком кармане студенческих брюк Новаковича.

Куколка сидел притихший, широко раскрытыми глазами глядя на приготовления к завтраку, которые никак не вязались с "чопорным аристократическим домом", как характеризовал квартиру Мецената Новакович.

— Почему эта старуха накрывает завтрак на полу? — робко шепнул он Новаковичу.

— О, это странная история, — с готовностью объяснил Новакович. — У нее была семья из восьмидесяти двух человек, и все они один за другим умирали, и всех их она видела мертвыми на столе! И поэтому с тех пор стол, по ее понятиям, — святое место, которое не должно оскверняться икрой и коньяком!..

— Как это удивительно! — воскликнул Куколка. — По-моему, вот сюжет для жуткой баллады в стиле Жуковского.

— И очень просто! Вы бы записали, чтоб не забыть.

— Ей-Богу, запишу.

Когда все, кроме забытого Кузи, улеглись на ковер спинами вверх и принялись за коньяк с икрой, Кузя взвыл:

— Телохранитель! Сними — или я прыгну вниз и сломаю ногу.

— Какие у меня мозги?

— Замечательные! Галилей, Коперник, Ньютон и Эдисон — причудливо соединились в твоей черепной коробке.

— Не люблю грубой лести. Сиди.

Видя, что яства и пития исчезают с поражающей быстротой, Кузя решил помочь себе сам: лег на верхушку шкафа и, открыв его дверцы, принялся сбрасывать огромные тома "Словаря" с верхних полок на пол.

Меценат равнодушно поглядывал на такое варварское обращение с его библиотекой, а Новакович и Мотылек тихо хихикали, ерзая животами по ковру.

Когда груда сброшенных книг оказалась достаточной, Кузя повис на шкафу и сполз вниз, приветствуемый кощунственными словами Мотылька:

— Сошествие Святого Духа на апостолов.

Икру ели столовыми ложками из объемистой миски, коньяк пили из чашек, потому что наливание в рюмки отнимало, по словам Новаковича, массу времени. Меценат был щедр, как король, и радушно потчевал Куколку, чуть ли не вмазывая ему в рот полные ложки икры.

Подвыпивший Куколка болтал без умолку:

— Я раньше не верил в себя, а теперь, с сегодняшнего дня, верю! Я напишу целую книгу и посвящу ее господину Меценату!

— Пиши, старик, пиши, — поддакивал Мотылек. — Мы тебя не покинем! Здорово это у тебя вышло о старушке:

В лесу старушка
Сидит в кадушке,
Скрипит избушка...

— Позвольте... Вы перепутали...

— Неважно! Главное — музыка стиха.

— А что, Куколка? — спросил Новакович. — Что, если переложить эти стихи на музыку? Я бы и переложил.

— Да разве вы композитор?

— Я-то? Вы оперу "Майская ночь" слышали?

— Но ведь это вещь Римского-Корсакова?!

— Вот я и говорю — знаете "Майскую ночь" Римского-Корсакова? Так я могу написать в десять раз лучше!

— А вы в шахматы играете? — осведомился Кузя.

— Очень плохо.

— То-то и оно. Я вам могу дать вперед коня и пешку.

— Неужели вы так хорошо играете?

— Замечательно! — скромно заявил Кузя.

— Он может играть с вами партию не только не глядя на доску, но даже не спрашивая, какой ход вы сделали.

— Да как же это так? — изумился Куколка.

— Догадывается. О, это прехитрая бестия.

Мотылек нашел нужным сказать и свое слово:

— Читали мои стихи?

— А вы тоже... поэт?

— Гм... конечно, не такой, как вы, однако половина моих стихов попала во все гимназические хрестоматии.

Один Меценат молчал, но видно было, что он искренне наслаждался беседой, изредка расширяя ноздри, будто вдыхая аромат невероятного простодушия, наивности и доверчивости Куколки.

После ухи Меценат поднял чашку за здоровье своего юного гостя и попросил Мотылька:

— Сыграй нам Шопена.

Желание Мецената всегда для всех было законом.

Мотылек вскочил, сел за рояль и запел очень приятным голосом:

В степи стоит себе избушка,
Кругом трава, трава, трава...
Живет себе в избе старушка.
И хоть скрипит себе едва,
Но, в руки взяв вина стакан,
Танцует все канкан, канкан...

— У меня немножко не так... — попытался нерешительно протестовать Куколка.

— Я знаю, но по музыке нельзя иначе.

Развеселившийся Меценат велел подать шампанского, и все с бокалами в руках спели застольную песню все о той же безропотной старушке.

Ушел Куколка, очарованный обществом, крепко потрясая всем руки и обещая, что он "никогда, никогда не забудет этого чудного дня и что он, если позволят, будет приходить часто-часто"...

Когда амфитрион и его веселые клевреты остались одни, Новакович стал посреди комнаты, засунул руки в карманы и вызывающе сказал:

— Ну??!!

— Этот человек действительно стоит 25 рублей, — тоном специалиста определил Меценат. — Его нужно прикормить здесь.

— Хотите, я для смеху напечатаю его стихи в журнале? — предложил Мотылек.

— Надо сделать больше, — подхватил Кузя. — Мы должны сделать из него знаменитость. Я завтра дам в свою газету о нем заметку.

— Одну? Нужно дать ряд заметок. А потом мы устроим вечер его произведений!

Таким образом — однажды в сумерки была организована эта противоестественная издевательская кампания, направленная против святой простоты доверчивого, наивного, глуповатого юноши...

Глава IV

ВООБЩЕ О МЕЦЕНАТЕ

Странный господин этот Меценат. По существу, неплохой человек, он с ранней юности был заедаем скукой, и эта болезнь вела его жизнь по самым причудливым, прихотливым путям.

Богатство избавляло его от прозы добывания средств к существованию, и поэтому неистощимый запас дремавшей в нем энергии и пылкой фантазии он направлял в самые неожиданные стороны.

Много путешествовал, но без толку. Приехав в любую страну, он не знакомился с ней, как все другие путешественники, не осматривал музеев и достопримечательностей, а, осев где-нибудь в трущобном кабачке, заводил знакомства с рыбаками, матросами, дружился с этим полуоборванным людом и, угостив шумную компанию, потом с наслаждением созерцал их бурные споры, ссоры и потасовки.

Горячо любил всякую живую жизнь, но как-то так случалось, что искал он ее не там, где нужно.

Писал очень недурные рассказы, но не печатал их. Прекрасно импровизировал на рояле, но тут же забывал свои творения.

Временами целые дни валялся на диване с "Историей французской революции" или "Похождениями Рокамболя" в вялых руках, а потом вдруг на него нападала дикая энергия, и он носился с компанией своих приспешников из подозрительных трактиров в первоклассные рестораны и обратно, шумя, втягивая в свою орбиту массу постороннего народа, инсценируя ссоры, столкновения и разрешая их гомерическим пьянством.

И потом после двух-трех таких бурных дней снова тихо опускался на дно, как безгласный труп утопленника...

Он был женат, и это, пожалуй, можно назвать самой большой нелепостью его жизни... Зачем он женился?

Ответ можно было найти один: Меценат пылко, истерически любил всякую красоту — в красках ли, в звуке, в шелесте спелой ржи или в текучей изменчивости подвижного лица прекрасной женщины.

Поэтому встреча с Верой Антоновной и решила его бестолковую судьбу.

Она была прекрасна — высокая пышная брюнетка с мраморным телом и глазами, как две звезды освещавшими матово-бледное лицо. Такой соблазнительной ножки и трепетных гибких рук Меценат не встречал за всю свою жизнь, и поэтому он решил вопрос просто:

— Или эта женщина будет моей, или я умру.

Из того, что он не умер, ясно для читателя решение этой дилеммы в его пользу.

Эта роскошная красавица была невероятно ленива, ум ее и тело были всегда в дремлющем состоянии; поэтому, когда Меценат впервые ее поцеловал, она, полуразбуженная, недоумевающе осведомилась:

— Чего это вы там возитесь около моего лица?

Такой вопрос еще больше привел его в восхищение:

— О, прекрасная мраморная статуя! Это я вас поцеловал.

— Здравствуйте! Была охота. Неужели это вам доставляет удовольствие?

— Слушайте, — пылко сказал Меценат. — Мне бы очень хотелось, чтобы вы вышли за меня замуж! Я вижу, вы любите спокойную малоподвижную жизнь — я дам вам ее! Я настолько богат, что могу окружить вас чисто восточной роскошью, полной неги, лени и наслаждений!

— А? — переспросила она музыкальным, но сонным голосом. — Простите, я не расслышала.

И добавила с очаровательной простотой:

— Я, кажется, задремала... Повторите, что вы сказали.

Меценат повторил, разукрасив свое предложение пышными цветами своей дикой исступленной фантазии.

— Жениться на мне хотите, что ли? — кратко сформулировала она поток его красноречия.

— Да, да, божественная статуя Киприды!..

— А вы не будете меня... тормошить?..

— О нет. После медового месяца — полная свобода.

— Слушайте... только, по-моему, женитьба — это такая возня... Портнихи, какие-то документы, обручение. Вы человек очень приятный, но... нельзя ли без этого?

— Без... чего?

— Без того, чтобы меня тормошили.

— Вот что... У вас завтра найдется полчаса свободного времени?

— Увы, я уж чувствую, что это будут "несвободные полчаса времени". Чем вы хотите меня занять?

— Я все устрою раньше. Ваше дело только — заехать в церковь обвенчаться.

— Неужели это можно так просто? — поглядела она на него, приятно удивленная.

— Да, да — только полчаса. А потом мы с вами поедем путешествовать.

— Только поедем куда-нибудь подальше. Хорошо? В вагоне экспресса так удобно. А вылезешь — бррр... Носильщики, суета, толпа на вокзале... В отеле нужно устраиваться... Что вы так на меня смотрите? Послушайте! Неужели я вам нравлюсь *такая?*

— Больше, чем когда-либо! Да ведь это клад — спящая красавица! По крайней мере, лень помешает вам говорить и делать глупости...

— А? Что вы говорите?

Он пылко целовал ее, а она, сложив классически изваянные руки на прекрасных коленях, погрузилась в сладкую дремоту...

После свадьбы Меценат сделал все по желанию Веры Антоновны: полтора месяца они носились в экспрессах по всей Европе — он пылкий влюбленный, она в состоянии сладкой неподвижности и полудремоты... Никогда еще в мире не было большего контраста между бешено мчавшимся экспрессом и этим роскошным неподвижным телом, безмятежно покоящимся в его железных недрах.

Через полтора месяца эта удивительная пара вернулась, и Меценат любовно устроил жену на отдельной квартире, потому что, как объяснила она, "так меньше беспокойства".

Жили они дружно, потому что Меценат, насытившись первым пылом страсти, не докучал ей своими посещениями, снова погрузившись в мир Мотыльков, Телохранителей и пикников с ухой на дорогом персидском ковре в своей дикой гостиной... Перебесился, благосклонно объясняла нянька, преклонявшаяся перед Меценатом.

Глава V

О КЛЕВРЕТАХ МЕЦЕНАТА

Эту странную коллекцию "развратных молодых людей, впоследствии разбойников" — как называл своих клевретов Меценат, пользуясь ремаркой Шиллера, — он составлял постепенно...

Первым к нему пристал Кузя.

Однажды Меценат сидел в задней комнате темного кафе, играя с незнакомым унылым старцем в шахматы.

Кузя, ленивый репортер одной плохо читаемой газетки, сидел тут же и, хлопая отяжелевшими веками, следил за игрой...

После одного из ходов унылого старика Кузя посоветовал:

— Возьмите у него коня.

— Что вы, милый мой! Да ведь тогда он делает королю и королеве "вилку" и забирает королеву.

— Ах, да!.. — сконфуженно сказал Кузя.

Через два-три хода Кузя снова дал преглупый совет:

— Двиньте этой пешкой, двиньте!

— Да ведь тогда король открывается.

— Ах да!..

— То-то вот "ах да"! — добродушно сказал Меценат, делая старичку мат. — Гнилой вы игрок, я вижу. Хотите, сыграем, я вам дам вперед королеву.

— Не знаю уж, как и быть... — нерешительно пробормотал Кузя. — Уж больно я плохо играю. По рублику разве одну партию.

Сыграли. Кузя выиграл с большим трудом и усилиями. Сыграли вторую партию. Эту Кузя выиграл легче.

— Нет, королеву вперед мне трудно, — признался Меценат. — Хотите коня?

— Давайте коня, — после некоторого колебания согласился Кузя и... выиграл и эту партию.

— Желаете ли на квит без форы? — предложил Меценат, совершенно обескураженный таким странным случаем.

— Желаю, — коротко согласился Кузя и... выиграл.

На седьмой партии уже Кузя давал Меценату вперед коня — и к концу игры толстый бумажник Мецената значительно похудел.

— А вы ловкий парень, — рассмеялся Меценат, кончая игру.

— Да, я ловкий, — согласился Кузя. — А вам наука: не играйте так азартно с незнакомыми.

— Ну теперь, я надеюсь, мы не будем незнакомы, — любезно сказал восхищенный его цинизмом Меценат. — Пойдем, я угощу вас ужином.

— Нет, лучше я угощу. Я совершенно вас обыграл.

— О, у меня дома еще много денег.

И, увидев, как Кузя, не вынимая правой руки из кармана, пытался одной левой зажечь спичку о коробку,

лежавшую на столе, воскликнул с неподдельным восторгом:

— Послушайте! Вы почти так же ленивы, как моя жена.

— Шахматный ум, — лаконически пояснил Кузя. — В обычной жизни дремлет.

— Вы шахматами только и живете?

— Нет, я репортер в "Голосе Утра". Если вас кто-нибудь ночью ограбит — позвоните ко мне. Я опишу это так, что сам преступник будет плакать, как дитя.

После ужина Меценат затащил Кузю к себе, и до утра за рюмками шартреза оба с приятностью проспорили об Эдгаре По, о лучших способах обнаруживать преступления и о красоте донских казачек.

Оба были энциклопедисты.

Встреча с Новаковичем произошла при более трагических обстоятельствах.

В 3 часа ночи в трактире "Иордань" — месте, наименее всего подходившем по своему характеру к этому кроткому библейскому наименованию, — карманный вор Гриша с пылом объяснял заинтересованному Меценату сложные приемы своего ремесла, демонстрируя способ ощупывания "пассажира", расстегивания пуговиц и извлечения бумажника.

Меценат не брезговал и таким обществом, потому что, как сказано было выше, любил "живую жизнь во всех ее проявлениях", а карманный вор Гриша был яркой личностью и специалистом в своей опасной профессии.

Поэтому Меценат забавлялся новинкой, как дитя, и, когда Гриша, показывая некоторые позиции правой и левой руки, ловко вытащил Меценатовы золотые часы уже не с целью демонстрации, а с корыстолюбивыми намерениями, Меценат тут же, повторяя Гришины пассы, незаметно извлек из Гришиного галстука бриллиантовую булавку, после чего оба, хохоча, как дети, вернули друг другу вещи по принадлежности.

— А вы тоже ловкий, — отпустил Гриша галантный комплимент. — Вам бы подучиться, могли бы с нами вместе работать.

Тут же он, окликнутый товарищем, отошел на минуту от польщенного Мецената, а к Меценату приблизился кроткий, елейного вида мужчина с ласковыми глазами и предложил:

— Не хотите ли перекинуться в картишки? Тут, в задней комнате. Пойдем, господин, много выиграть можете, ежели повезет.

"Шулер, — мелькнуло в голове Мецената, — любопытно с ним сразиться..."

— Ну что ж, пойдем, — благодушно согласился он вслух.

И уже собрался идти, как к столу приблизился огромный плечистый студент в узкой порыжевшей тужурке — мирно уплетавший до этого объемистое блюдо сосисок с пивом за соседним столом, — приблизился и сказал спокойно, но увесисто:

— Нет, вы с ним не пойдете играть в карты.

— Почему? — с любопытством осведомился Меценат.

— Потому что...

— Послушайте, молодой человек... — кротко сказал елейный игрок. — Вы лучше бы не мешались не в свое дело, а?

— А ты, голубчик, лучше отойди, — не менее кротко посоветовал атлетический студент.

У "голубчика" лицо мгновенно изменилось, елейность слетела, как шелуха, и бешеный волк с горящими, как угли, глазами ощерился и защелкал зубами.

— Ну, ну, брось, — спокойно, но серьезно сказал студент. — Отойди. А! Чер-р-рт!

Последующее произошло так быстро, что Меценат не успел бы сосчитать до трех: елейный человек сделал неуловимое движение рукой, и в ней вдруг сверкнул, будто бы схваченный в воздухе, короткий финский нож. Он так и застыл на весу, потому что студент, сделав не менее неуловимое движение, уже держал руку "игрока" с ножом немного повыше локтя.

Студент стоял очень спокойно, а "игрок" вдруг побледнел, и рука его задрожала мелкой дрожью...

— Видишь, чудак... я ж предупреждал.

— Как вы думаете, — спросил студент, глядя на Мецената открытым ясным взглядом, — сломать ему руку или просто выкинуть его?

— Неужели можно сломать? — заинтересовался Меценат, более, впрочем, академически, как любитель спорта.

— О, пустяки. Один резкий поворот наружу и...

Нож со звоном выпал из посиневшей руки "игрока".

— Отпустите, — угрюмо сказал он, корчась от боли. — Я уйду.

— Иди, милый, иди с Богом. Нечего тебе тут делать. Пойди займись чем-нибудь другим.

Когда они остались одни, Меценат спросил:

— Кто это такой?

— О, страшная скотина. Тот первый, с которым вы сидели давеча, очень приличный малый. Обыкновенный вор. В крайнем случае, лишились бы бумажника — и все, а этот... и табаком глаза засыплет, и ножичком ткнет при удобном случае, не задумываясь. А мы еще не знакомы: студент Новакович.

Вернувшийся Гриша, узнав, в чем дело, в полной мере подтвердил слова Новаковича:

— У нас его тоже не любят... Мы на "мокрое дело" никак не пойдем, а ему это — все равно как "Отче наш" прочитать. Чуть что — сейчас за "перо"*, нехороший человек, наши его избегают... Разрешите пощупать ваши мускулы? — вежливо отнесся он к Новаковичу.

— Сделайте одолжение. Вишь ты, они у меня какие. Это от сахару, да еще моркови ел я много.

Тут же он самым простым убежденным голосом рассказал новым знакомым такую невероятную, неправдоподобную историю, что и Меценат, и Гриша до упаду смеялись.

С этого дня Новакович сделался неизменным спутником, а иногда и телохранителем Мецената во всех авантюрах благодушного скучающего богача.

Позднее всех прилетел на Меценатов огонек беззаботный поэт Паша Круглянский, прозванный Мотыльком, потому что первое время, являясь в компанию даже в десять часов утра, он неизменно говорил извиняющимся тоном:

— А я к вам на огонек зашел.

Впервые обнаружил его Меценат у витрины большого книжного магазина.

Мотылек стоял, собирая свое морщинистое лицо в чудовищные складки и снова распуская их, и вполголоса ругался:

— Ослы! Подлецы! Скоты несуразные. Черти.

— Кто это "ослы"? — ввязался Меценат в его телеграфический монолог.

— Издатели, — доверчиво пояснил Мотылек. — Что они выпускают? Что печатают? Разве это стихи?

— А вы, собственно, какие стихи предпочитаете?

— Свои. Вот послушайте...

И, прислонившись спиной к витрине, Мотылек принялся с пафосом декламировать какую-то элегическую балладу.

---

* "Перо" — на воровском жаргоне — нож. *(Примеч. авт.)*

— Правда, хорошо?

— Очень. Кстати, хотите привести в порядок мою библиотеку?

— А у вас большая?

— Тысячи три томов.

— Пойдем! — решительно сказал Мотылек, хватая Мецената за руку.

— Да не сейчас, чудак. Это успеется. Сейчас время завтрака.

— Пойдем завтракать! — не менее бурно ухватился за эту мысль, а равно и за руку Мецената Мотылек. — Только вот что...

Он выпустил Меценатову руку, вынул тощее портмоне и принялся задумчиво пересчитывать серебряную мелочь.

— Гм! Хватит ли на двоих, а?

— С моими хватит, — успокоил его Меценат. — В общем, у нас с вами тысячи полторы наберется. — И повлек оглушенного Мотылька за собой.

С тех пор так и повелось, что за всех расплачивался Меценат. Нельзя сказать, чтобы клевреты были корыстолюбивы, но все они рассуждали вполне справедливо, что, если бы им вздумалось тянуться в расходах за Меценатом, каждый из них лопнул бы через два дня, а расстаться из-за этих пустяков с Меценатом никому и в голову не приходило — очень уж они привязались к Меценату, более того, полюбили Мецената.

Впрочем, Меценат, субсидируя их наличными, хорошо знал, что часть его денег попадала к их посторонним приятелям, еще более нищим, чем они, и поэтому ничто не нарушало его благодушного равновесия.

— Справедливое распределение между населением благ земных, — говорил он иногда, посмеиваясь.

Несмотря на всякие шуточки и подтрунивания, эта банда очень уважала Мецената, и все по молчаливому уговору обращались к нему на "вы", в то время как Меценат ласково, бесцеремонно всех называл на "ты".

Между собой "клевреты Мецената", как они сами себя величали, жили дружно, только Новакович изводил Кузю, играя с ним, как огромный дог со щенком, да Кузя иногда любил "топить Мотылька", что выражалось в следующем: декламирует Мотылек перед всем обществом свои новые стихи или рассказы. Кончит — и несколько секунд перед аплодисментами царит восхищенное молчание.

— Н-да-с, н-да-с, н-да-с, — скучающе говорит Кузя. — Хороший рассказец, очень славный. Только я его уже читал у другого писателя раньше.

— У кого ты читал?.. — полусмущенно, полусердито допрашивает Мотылек.

— У этого, как его... забыл фамилию. И фабула та же, и даже выражения одинаковые.

— Нет, так нельзя, — стонет возмущенный Мотылек. — Ты обязан указать, где ты читал!!

— Да это не важно. Чего ты волнуешься. Я где-то в немецком журнале читал...

— Да ведь ты не знаешь немецкого языка!

— А ты знаешь?

— Я-то знаю.

— Ну вот, значит, ты и "воспользовался". А мне переводил один знакомый. Ну, прямо-таки у тебя слово в слово, что и там. Знакомого Семен Семенычем зовут, — заканчивал Кузя, заимствуя этот прием "достоверности" у Новаковича.

Мотылька такая неуловимая туманная клевета расстраивала почти до слез. В самом деле — пойди проверь: "Твердо знаю, что читал то же самое в немецком журнале, а в каком — не помню".

Однако в глубине души тот же Кузя признавал большой литературный талант Мотылька, и они часто с Меценатом в интимной беседе горевали, что их столь одаренный приятель не может добиться известности. Вот каковы были люди, организовавшие шутку в "титанических размерах", по словам одного из них, избрав целью этой шутки глуповатого, наивного, как дитя, но самоуверенного в своем простодушии юношу...

Глава VI

МЕЦЕНАТ И ЕГО КЛЕВРЕТЫ ПРОДОЛЖАЮТ РАЗВЛЕКАТЬСЯ

Несколько дней спустя после первого появления Куколки можно было наблюдать в знаменитой квартире Мецената мирную семейную картину: сам Меценат, облаченный в белый халат, прилежно возился около станка, на котором возвышалась груда сырой глины, и под его проворными гибкими пальцами эта груда принимала постепенно полное подобие сидящего тут же в гордой позе Мотылька.

В другом углу обнаженный до пояса могучий Новакович тренировался гантелями, широко разбрасывая свои страшные, опутанные, как веревками, мускулами руки, ритмично сгибаясь то в одну, то в другую сторону...

— Телохранитель! — воззвал Меценат, округляя большим пальцем лоб глиняного Мотылька. — У меня руки в глине, а как назло щека зачесалась. Почеши, голубчик.

— Которая? — деловито приблизился к нему Телохранитель. — Эта, что ли?

Он почесал Меценатову щеку и, склонив голову на сторону, уперев руки в бока, принялся разглядывать произведение Мецената.

— Морщин маловато, — критически заметил он. — Еще бы десяточек подсыпать.

— Довольно, довольно! — испуганно закричал Мотылек. — Ты рад из меня старика сделать!

— Ну какой же ты старик! У тебя только кожа на лице плохо натянута. Ты бы сходил к обойщику перетянуть.

— Отстань, черт.

— Мотылек!

— А?

— Сколько парикмахер берет с тебя за бритье?

— Что значит — сколько? Обыкновенную плату: 15 копеек.

— Да ведь работы-то ему какая уйма! Сначала должен выкосить все бугорки и пригорки, потом, перекрестившись, спуститься в мрачные ущелья твоих морщин и там, внизу, во тьме, спотыкаясь, почти ощупью бедняга должен выкорчевать все пеньки и корни.

— Ну, поехал. Глупо.

— Был у меня, братцы, приятель, — начал, сев верхом на стул, Новакович одну из своих идиотских историй, которые он всегда рассказывал с видом полной достоверности. — И у этого приятеля, можете представить, совершенно не росли усы. А дело его молодое — очень ему хотелось каких-нибудь усишек. И придумал он вещь неглупую: выдрал с затылка сотни две волосков вместе с луковицами, потом сел у зеркала, вооружился увеличительным стеклом, иголкой и — пошла работа! Иголкой ткнет в верхнюю губу и сейчас же туда волос с луковицей ткнет и луковицу в дырочку посадит. Прямо будто виноградные черенки сажал.

— Врешь ты все, Телохранитель.

— Не такой я человек, чтобы врать, — эта история потом наделала в сферах много шуму. Посадил он, стал каждое утро водичкой поливать. И что ж вы думаете — ведь принялась растительность! Но только ужас был в том, что растительность эта, новенькая-то, не лежала на губе, как у других, под углом в 45 градусов, а торчала перпендикулярно, потому что он луковицы торчмя вгонял. Очень терзался бедняга.

Меценат, выслушав эту историю, рассмеялся, а Мотылек возмущенно воскликнул:

— Телохранитель! Всякому вранью есть границы.

— Ты думаешь, я вру? А если я тебе назову фамилию этого человека — Седлаков Петр Егорыч, — тоже, значит, вру? Он жил на Кирочной, а теперь переехал не знаю куда. Можешь сходить к нему. Эта история подробно описана в одном немецком жур... А! Кузя! Откуда Бог несет?

Кузя влетел, бодро помахивая пачкой свежих газет.

— Вот, друзья, какова сила печати! Не только Куколку — берусь Анну Матвеевну всероссийской знаменитостью сделать.

— А что?

— Вот! Заметка первая — в "Столичном Утре". "На днях в роскошном особняке известного Мецената и покровителя искусств (это я вам так польстил, Меценат) в присутствии избранной литературно-артистической публики (Мотылек, цени, это я о тебе так!) впервые выступил молодой, но уже известный в литературных кругах поэт В. Шелковников. Он прочитал ряд своих избранных произведений, произведших на собравшихся неизгладимое впечатление..."

Одобрительный смех встретил эту заметку.

— Это не все, господа! Вот литературная хроника "Новостей Дня": "В литературных кругах много толков вызывает появление на нашем скудном небосклоне новой звезды — поэта Шелковникова. По мощности, силе и скульптурной лепке стиха произведения его, по мнению знатоков, оставляют далеко позади себя таких мастеров слова, как Мей и Майков. В скором времени выходит первая книга стихов талантливого поэта".

— Ай да старушка в избушке верхом на пушке! — воскликнул Мотылек, злорадно приплясывая. — Смеху теперь будет на весь Петербург.

— И наконец, последняя заметка, — самодовольно улыбаясь, сказал Кузя. — "Нам сообщают, что Академи-

ей наук возбужден вопрос о награждении Пушкинской премией молодого поэта В. Шелковникова, произведения которого наделали столько шума". Все!!

— Кузя! Да как же редакторы газет могли напечатать такую галиматью?

— Э, что такое редакторы, — цинично рассмеялся Кузя. — Они по горло сидят в большой политике, и их сухому сердцу позиция Англии в китайском вопросе гораздо милее и ближе, чем интересы родного искусства... Признаться, в своей газетке я заметочку сам подсунул, в чужих — приятелей из репортеров подговорил... Сейчас у "Давыдки" стон стоит от хохота. Там уже балладу сложили насчет скрипучей старушки, признаться, очень неприличную.

— Интересно бы сейчас увидеть Куколку... Вот, поди, именинником ходит!

— А ведь он, ребята, по своей глупости все это всерьез примет!

— Портрет свой у Дациаро выставит!

— Фабриканты выпустят папиросы "Куколка"!

Громкий смех веселой компании заглушил робкий стук в дверь.

Только чуткий Меценат расслышал.

— Стучат, что ли? Кто там? Входите!

Вошел он... Куколка. Элегантный, дышащий свежестью молодости.

Оглядел всю компанию своими мягкими лучистыми глазами и кротко улыбнулся.

— Я вам помешал, господа? Вы почему-то очень громко смеялись?

— Это я о своем отце рассказывал, — нашелся Телохранитель, — понимаете, он был до того высок ростом, что, когда ему приходилось высморкаться в платок, он на колени становился.

— Как странно, — удивился Куколка. — Зачем же это он так?

— А вот спросите! Глеб Иваныч его звали.

Куколка помедлил немного, потом глаза его засияли небесным светом, и он тихо сказал:

— Господа... я, может быть, глуп и неловок, я сам сознаю это... И ненаходчив тоже. Но я сейчас пришел сказать вам, что... *таких людей, как вы,* я встречаю первый раз в своей жизни!!!

Это горячее восклицание Куколки было так двусмысленно, что все опасливо переглянулись.

— Неужели сорвалось? — испуганно пробормотал Мотылек на ухо Меценату. — Неужели догадался?

— Куколка, — сухо сказал Кузя. — Мы не понимаем, что вы хотите сказать этими словами? Мы такие горячие почитатели вашего чудного таланта...

— Я знаю, знаю! — в экстазе воскликнул Куколка. — Вот поэтому-то я и говорю, что людей, подобных вам, я встречаю впервые в жизни! До встречи и знакомства с вами все другие, даже друзья мои, — только бессмысленно трещали мне в уши, говорили мне хорошие слова, а вы не только обласкали меня, но и сделали для совершенно неизвестного вам человека то, чего не сделал бы и отец родной! Вы мне дали крылья, и я, до сих пор скромно ползавший, как червяк, по пыльной земле, теперь чувствую себя таким сильным, таким... мощным, что кажется мне — несколько взмахов этими сильными новыми крыльями, и я взлечу к самим небесам!!

— Куколка, не улетайте от нас, — сентиментально попросил Новакович.

— О нет! Вы для меня теперь самые родные, и я вас никогда не покину!! Я должен быть около вас, вдыхать, впитывать тот благородный аромат чистой поэзии, который вас окружает и который я буду вдыхать одной грудью с вами. До встречи с вами я был мелок и вял — теперь я будто окреп и вырос! Друзья! Я, конечно, знаю, что в ваших газетных заметках обо мне много дружеского преувеличения, многого я еще не заслужил... Но, друзья! Я сделаю все, чтобы оправдать эти ваши даже преувеличенные надежды на меня! Теперь у меня появился смысл и цель работы, и я клянусь вам, что наступит время, когда вы сами будете гордиться мной, и скажете вы тогда: "Да, это мы поддержали первые робкие шаги Куколки, и это благодаря нам он сделался тем человеком, который и свою долю внес в благородный улей русского искусства..." И когда румяный Феб взметнет свою золотую колесницу к солнцу...

— Коньяк-то... дома будете хлестать али куда пойдете? — деловито спросила Анна Матвеевна, незаметно вошедшая во время пылкого монолога Куколки. — Ежели дома, то я послала бы за коньяком... Что было старого запаса — как губки высосали!

— Кальвия Криспинилла! — завопил Мотылек. — Как вы можете говорить о пошлом земном коньяке,

когда мы пили сейчас божественный напиток, изливающийся из уст Куколки!..

— Анна Матвеевна! — высокопарно сказал Новакович. — Вы вошли в ту самую минуту, когда, может быть, в мире в муках рождался истинный, Божьей милостью поэт!..

И прозаично докончил шепотом:

— Нет ли у вас сахарцу, многоуважаемая? Я бы пожевал сладенького.

— Бестолковый вы народ, как погляжу я на вас, — проворчала Анна Матвеевна, доставая из кармана горсть сахару и суя в руку Новаковича. — А ты чего, сударь, с ними разговариваешь? Погубят они тебя. Плюнул бы на них да пошел бы прочь, в хорошую чистую компанию.

— Имею честь кланяться, — ласково приветствовал ее Куколка. — Как ваше здоровье, дорогая Анна Матвеевна?

— Здравствуй, здравствуй, голубчик! — благосклонно кивнула ему головой нянька. — Какое там наше старушечье здоровье. С ногами что-то нехорошо. Не то ревматизм, не то что другое.

— Муравьиным спиртом советую натереть, — авторитетно посоветовал Куколка.

— Как приятно видеть, — тонко усмехаясь, сказал Меценат, — сочетание в одном лице Эскулапа с Аполлоном. Куколка, будем пить коньяк?

— Я... собственно, не пью...

— Но выпьете. Выпьем за появление на свет нового поэта, большой успех которого я провижу духовными очами!

— О, как вы все добры ко мне! — чуть не со слезами воскликнул Куколка, поворачиваясь во все стороны. — О, какая сладкая вещь — дружба!

— То-то и оно! Кальвия Криспинилловна — распорядитесь.

— Какая я тебе Кальвия, — огрызнулась старуха. — И что это за человек? В морщинах весь, а ругается.

— Да морщины-то, может, и породили во мне скепсис, мамаша. Будь я такой красавчик, как Куколка... О-о! Тогда бы я покорил весь мир.

Глава VII

МОТЫЛЕК ПОКАЗЫВАЕТ ЗУБЫ

Когда на столе появился коньяк и закуска, Мотылек первую рюмку выпил за успех Куколки.

— Куколка! — воскликнул Кузя. — Хотите, я научу вас играть в шахматы? Это разовьет точность мысли и способность к комбинациям, что никогда не помешает такому поэту, как вы.

— Да ведь я уже играю в шахматы, — с сияющей улыбкой признался Куколка. — Только плохо.

— "Знаем мы, как вы плохо играете".

Новакович дружески посоветовал:

— Куколка, раз вы теперь входите в известность — вам бы сняться нужно. Будете дарить поклонникам свои портреты.

— Да я уже и снялся, позавчера. У Буассона и Эглер. Они обещали, что портреты будут превосходные.

Все значительно переглянулись, а Меценат одобрил:

— Молодец. Не зевает. Действительно, надо ковать железо, пока горячо. Фрак бы вам тоже нужно. Для публичных выступлений.

— Вчера заказал у Анри. Хороший будет фрак.

— Ну и Куколка же! Вот голова! Обо всем подумал.

— Я и книжку своих стихов собрал, — застенчиво признался Куколка. — Вдруг найдется издатель, ан — книжка уже и готова.

— Что это за человек, — чуть не захлебнулся коньяком Мотылек. — Только что-нибудь подумаешь, а он уже все предвидел и все сделал. В одном теле и Аполлон, и Наполеон.

— Господа, — воскликнул Меценат. — Я предлагаю устроить пышный праздник коронования Куколки в поэты! Устроим это у меня, и тогда можно будет пригласить и Яблоньку. Я сначала думал снять отдельный кабинет в какой-нибудь таверне, но в таверну Яблонька не пойдет.

— Праздник с Яблонькой?! — пришел в восторг Кузя. — Да это же будет великолепно!

— Кто это — Яблонька? — с любопытством спросил Куколка.

Новакович заметно удивился:

— Яблонька-то? Если вы не знаете Яблоньки — вам незнакома подлинная красота мира, вы не поймете

по-настоящему смысла в шелесте изумрудной травы, вы не поймете музыки журчания лесного ручья, пения птицы и стрекотания кузнечика — одним словом, в Яблоньке вся красота мира видимого и невидимого...

— Послушайте, Новакович, — радостно сказал Куколка, — да ведь вы тоже поэт!

Раздался общий смех, который окрасил мужественные ланиты Новаковича в ярко-багровый цвет. Он смущенно пробормотал:

— Не обращайте на них внимания, Куколка. Они бывают иногда утомительно глупы. Они ничего не знают.

— Нет, мы многое знаем. Я, например, знаю способ, с помощью которого физическое напряжение мускулов путем перегонки превращается в букет дорогих, привозимых из Ниццы белых роз и гвоздик!

— Кузя! На шкаф посажу!

— Ты меня можешь засунуть даже в карман... Но тогда у тебя в кармане, как говорил один древний мудрец, будет больше ума, чем в голове!

Меценат заинтересовался:

— Да как же это можно, Кузя: перегонять человеческую мускульную силу в цветы?

— Ах, вы не знаете, Меценат? А как вы назовете это, если человек вопреки своим спортивным принципам напяливает на голову черную маску, поступает инкогнито в цирковой чемпионат, кладет на лопатки несколько идиотов, получает за это деньги и вместо того, чтобы сшить себе новый костюм, посылает Яблоньке букет роскошных белых роз в день ее рождения?! Так сказать: цветок цветку.

Новакович сидел, опустив голову, угрюмый, совершенно раздавленный ядовитым рассказом Кузи.

Меценат внимательно глядел на Новаковича и вдруг покачал своей мудрой беспутной седеющей головой. В глазах его на один миг мелькнула чисто отеческая ласка.

— Телохранитель! Я и не знал о твоих подвигах на арене! На кой черт ты это сделал? Превосходно мог бы взять деньги у меня. Тем более — для Яблоньки.

— Вы знаете, Меценат, — тихо сказал Новакович, — я залезаю в ваш карман без всякой церемонии слишком часто и знаю, что вы выше этих пустяков, но я хотел сделать Яблоньке приятное на собственные заработанные деньги.

Кузя захихикал:

— *Как* заработанные? *Как*? На этих белоснежных лепестках сверкала не роса, а капли борцовского пота, выдавленного из несчастных "чемпионов Африки и Европы" твоими медвежьими нельсонами...

— Кузя! Ты можешь об этом больше не говорить? — нахмурясь, сказал Новакович.

— И верно! — увесисто подкрепил Меценат. — Где замешана Яблонька — клевреты должны безмолвствовать.

Кузя вдруг завопил:

— Шапки долой перед святой красотой!! Телохранитель, я люблю тебя.

— Я был бы счастлив познакомиться с этой достойной девицей, — жеманно заявил Куколка.

— Я думаю! Губа-то у вас не дура. Я того мнения, Меценат, что Яблонька должна короновать нашего поэта собственными руками... А?

— Конечно, впрочем, я выработаю подробный ритуал всего празднества. Куколка! Куда же вы?

— А мне нужно спешить... я должен обработать одно мое стихотворение...

— Неужели такое же, как о старушке в избушке?! — восторженно ахнул Кузя.

— Нет, в другом роде. Однако неужели, господа, вам так понравилась "Печаль старушки"?

— О, это вещь высокого напряжения. То, что немцы называют: "Шлягер"! Я ее недавно декламировал в одном доме — так все чуть с ума не сошли!

— Ей-Богу? — расцвел Куколка. — И за что вы все так меня любите, не понимаю!

— За талант, батенька, исключительно за талант! За редким растением и уход особенный.

— Спасибо. Хотите, я свои новые стихи посвящу вам?

— О, достоин ли я такой чести, — сказал Кузя таким жалобно-уничижительным тоном, что Новакович отвернулся и прыснул в кулак.

А Куколка, ничего не подозревая, обводил всех ясным, доверчивым взглядом, и сияла в этом взгляде ласка и собачья любовь к каждому из них.

— Жалко мне с вами расставаться, но ничего не поделаешь: искусство выше всего. Зайду только проститься с уважаемой Анной Матвеевной и помчусь домой. До свидания, мои хорошие.

Он вышел. Все помолчали. Потом Новакович почесал затылок и сказал:

— Меценат! Каков экземпляр, а? Это я его нашел. И за такого человека я получил всего 25 рублей. То есть так продешевить могу только я. Нет, не гожусь я в торговцы живым товаром.

— Послушайте-ка, господа, — и Меценат озабоченно обвел взглядом клевретов. — Шутка наша хороша, конечно... Она забавна, тонка и остроумна. Но как мы из нее в конце концов выпутаемся?! Представьте себе, что этот бездарный идиот вдруг действительно каким-нибудь чудом выпустит книжку своих стихов. Что тогда? Ведь скандал будет на весь мир?!

Мотылек, сидевший до этого в глубокой задумчивости, вдруг вскочил и, собрав свое лицо в такие складки, что они оказались трепетавшим клубком судорожно извивавшихся змей, вдруг прошипел с самой настоящей злобой в голосе:

— И пусть! И пусть! Я давно уже жажду такого звонкого мирового скандала! Ведь подобного болвана, как эта Куколка, в сто лет не отыщешь! И какой самоуверенный болван! Пусть будет скандал! Так и надо! Так и надо!

— Чего ты, — даже отшатнулся от него Кузя. — Смотрите, взбесился человек! Лицо-то у тебя — будто черт лапой смял. Эй, морщины! Вольно! Марш по местам!

— Я давно, давно поджидал такого случая!! Обратите внимание на меня! Я пишу, творю вещи кровью моего мозга, изливаю лучшие свои чувства, щедро бросаю в тупую толпу целые пригоршни подлинных бриллиантов — и что же?! Я, как слизняк, пребываю во тьме, в неизвестности! Критика даже не замечает меня, публика глотает мои произведения, как гиппопотам — апельсины или как та гоголевская свинья, которая съела мимоходом цыпленка и сама этого не заметила!! Так я ж тоже плюю на них на всех! Более того! Я хватаю эту Куколку и швыряю ее им всем в гиппопотамью морду!! Нате, нате вам! Вот достойный вас поэт. Смакуйте его, жуйте вашими беззубыми челюстями! Эввива, поэт Шелковников! Кузя!! Друг ты мне или нет? Так пиши еще о Шелковникове, звони, ори на весь мир — я буду тебе помогать! Я буду читать лекции о новом поэте Шелковникове, устрою целый ряд докладов, лекций, рефератов — и когда толпа, как стадо, ринется к его ногам, я плюну им в лицо и крикну: "Вот ваш бард! Я, как Диоген с фонарем, отыскал самое бездарное и самоуверенное, что есть в мире, и, хохоча, склонил ваши воловьи шеи перед этим апофеозом пошлости! Кланяйтесь ему, кланяйтесь, скоты!"

Он упал в кресло и, закрыв лицо руками, погрузился в молчание.

Остальные трое, ошеломленные этой неожиданной бешеной вспышкой, стояли вокруг него, не зная, что сказать. Они хорошо знали Мотылька, но сейчас на них глянуло совсем другое, новое лицо этого беззаботного человека.

Когда же молчание сделалось невыносимым, Кузя решил смягчить общее настроение.

— Здорово! — усмехнулся он. — Мы-то в простоте душевной думали, что "игра с Куколкой" — просто новенькая забава скучающей части русского мыслящего общества, а Мотылек — вишь ты, дай Бог ему здоровья — взял да и подвел под эту дурацкую историю прочный идеологический фундамент... Умная голова — наш Мотылек!

Меценат засвистел, подошел к неоконченному бюсту Мотылька и, оглядывая свое произведение, сказал:

— Попробую сделать тебе такое лицо, которое я видел сейчас, и назову это произведение: "Ярость".

— Трудно это, Меценат! — подхватил Новакович. — Для морщин на лице места не хватит.

Все шутили, но... в глубине души были очень удивлены. Чрезвычайно.

Впервые веселый Мотылек повернулся ко всем столь неожиданной стороной своей разнообразной натуры.

Глава VIII

О ЯБЛОНЬКЕ И ЕЕ ФИЗИЧЕСКИХ И ДУШЕВНЫХ СВОЙСТВАХ

У Мецената и его клевретов была непонятная страсть: награждать всех, кто с ними соприкасался, прозвищами. Этим как будто вносился какой-то корректив в ту слепую случайность, благодаря которой человек всю жизнь таскает на своих плечах имя, выбранное не по собственному вкусу или вкусу других, а взятое черт знает откуда: почему этот элегантный, одетый с иголочки парень именуется Иван Петрович Кубарев, а не Виктор Аполлоныч

Гвоздецкий, почему та пышная черноволосая красавица называется Людмила Акимовна, когда по всяким соображениям гораздо более подходило бы ей пышное черноволосое имя: Вера Владимировна?

Бессознательно, но, вероятно, именно поэтому клевреты крестили всех окружающих по-своему.

Самой удачной, меткой кличкой у компании считалась Полторажида — кличка, которую прицепили к невероятно длинному рыжему унылому еврею-портному, часто освежавшему несложный гардероб клевретов.

И совсем уже несправедливо звучала "Кальвия Криспинилла" — Magistra libidinium Neronis, как окрестили добрую русскую няньку Анну Матвеевну... В ее характере ничего не было общего с "профессоршей Неронова разврата", хотя Мотылек и божился, что она не только снисходительно относится к объектам Меценатовых сердечных увлечений, но даже сортирует их на "стоящих" и "нестоящих" и ведет с ними по телефону длинные беседы принципиального свойства.

Одной из удачных кличек считалась также сокращенное "Яблонька" или официальное — "Яблонька в цвету", потому что это поэтическое название вполне соответствовало внешности Нины Иконниковой.

Высокая гибкая блондинка с огромными синими глазами, любовно озиравшими весь Божий мир, с пышной короной белокурых, нежных, как шелковая паутина, волос, вся белая, ароматная, будто пахнущая яблочным цветом, с высокой грудью и круглыми плечами, упругая, здоровая и свежая, как только что вылупившееся яичко. Походка у нее была изумительная: идет и вся вздрагивает, будто невидимые волны пробегают по телу, будто спелый колос волнуется от налетевшего теплого летнего ветерка...

Однажды некий экспансивный прохожий не выдержал: остановился посреди улицы, сложил молитвенно руки и пылко воскликнул:

— Боже мой! И пошлет же Господь в мир такую красоту!

Она нисколько не была шокирована этим восклицанием; приостановилась и, мило улыбнувшись, поблагодарила:

— Спасибо вам за ласковое слово. Мне приятнее всего, что в вашем комплименте дважды встречается слово "Бог". Значит, что вы хороший человек.

И пошла дальше как ни в чем не бывало, прямая и гибкая, как молодой тополь, по-прежнему приветливо улыбаясь синему небу.

Первым познакомился с Яблонькой Мотылек. Этот расторопный поэт однажды долго шел за ней по боковой аллее Летнего сада и потом, восхищенный, потеряв над собой власть, как он вообще всегда терял власть над своим бурным темпераментом, вдруг подошел к ней и вступил в разговор.

— Куда вы идете? — порывисто спросил он.

— В библиотеку. Книгу менять.

— И я пойду с вами.

— Вы тоже идете книгу менять? — спросила она просто, без всякой иронии.

— Нет... я этого... Давно собирался абонироваться... Да представьте себе, не знаю, как это сделать. Это сложно?

— Совершенно несложно, — мило рассмеялась она. — Пойдемте, я вам это устрою.

Мотылек бурно зашагал за ней, но, когда оба предстали перед прилавком, на котором лежали толстые каталоги, Мотылек вдруг ощутил, что он оступился и летит вниз головою в глубокую пропасть: он сейчас только вспомнил, что у него в кармане всего тридцать копеек, а плата за абонемент в месяц с залогом превышала эту сумму ровно в семь раз.

— Вот вам бланк, — сказала будущая Яблонька, — обязательно напишите ответы на вопросы и здесь подпишитесь.

Чтобы отсрочить окончательно гибель и позор, Мотылек долго возился над маленьким листком, собирал и распускал свои знаменитые морщины, раза два даже смахнул тайком пот со лба, каллиграфически выписал свою фамилию, сделал росчерк — роковой час расплаты придвинулся вплотную.

— Ну, что ж вы? — поощряла его Яблонька. — Теперь остается только заплатить и выбрать книгу по каталогу.

Мотылек тоскливо поглядел на ее свежие губы, поскреб яростно холодными пальцами затылок и вдруг брякнул:

— Послушайте... Можно вас отозвать в сторону на два слова?

— Что случилось? Пожалуйста.

Они отошли в сторону.

— Милая девушка! Видели вы еще когда-нибудь такого мерзавца, как я?

Ее губы дрогнули, и глаза немного затуманились...

— Что вы такое говорите... Разве можно так?

— Мерзавец! — в экстазе воскликнул Мотылек. — Форменный подлец! Слушайте же, как кается Мотылек! Слушай весь православный народ! Книга мне была нужна? По морде мне нужно было хлопнуть несколько раз этой книгой! Ведь это я к вам просто пристал давеча в Летнем саду — пристал, как самый последний уличный нахал!! А вы, святая душа, даже не догадались! Вы, как Красная Шапочка, доверчиво разговорились с Серым Волком...

— Да вы не похожи на Серого Волка, — рассмеялась одними лучистыми синими глазами Яблонька. — У вас доброе лицо. А я боюсь только пьяных. И то я одного пьяного однажды вечером устыдила. С ними только нужно побольше простой примитивной логики. Подходит он ко мне вечером на Владимирской улице и говорит: "Пойдем со мной, барышня". Конечно, можно было бы позвать городового — в двух шагах стоял, — но мне жалко сделалось этого пьяненького. "Куда же, — я говорю, — мне с вами идти?" — "Пойдем поужинать". — "Смотрите-ка, — говорю, — какая жалость... А я уже поужинала!" — "Да что вы, — опечалился он. — Экая жалость! Ну, вина выпьем, что ли?" — "Вина мне нельзя! Доктор строго запретил". Призадумался: "Как же быть?" — "Уж я и не знаю". — "Что ж мне с вами делать все-таки? А может быть, бокальчик бы одолели? Попытались бы, а?" — "Да нет уж, и пытаться не стоит". Совсем он сбился с толку. "Что ж мне с вами делать?" — "Да уж придется, верно, махнуть на меня рукой. А вы бы спать лучше пошли... а? Вон у вас вид какой усталый. Небось заработались". Всхлипнул он, утер мокрые усы и говорит: "А что вы думаете — и пойду! Никто меня не понимает, а вы поняли! Главное теперь — спать". Снял котелок, поклонился — и разошлись мы в наилучшем расположении духа.

— Вот вы какая! — восхитился Мотылек. — Вам бы с Меценатом познакомиться — он бы вас очень оценил.

— Кто этот Меценат?

— Кто?! А вот кто: у вас два рубля есть?

— Есть.

— Дайте мне на несколько минут. Вот спасибо. Теперь я беру вашу книгу — что там у вас? Новая книга Локка. Меценат, наверное, не читал. А вы возьмите свеженькую — и пойдем.

— Куда? — засмеялась Яблонька.

— Я вам долг отдам. Я, миленькая моя, человек честный. Ну, живо, живо!

— Да куда вы меня тащите, сумасшедший человек!

Но Мотылек уже запылал, задергался, как он пылал и дергался всегда... Взял Яблоньку под руку, озабоченно собрал в дорогу все свои морщины и повлек сбитую с толку Яблоньку на улицу.

— Вы очень странный человек, — робко успела пролепетать Яблонька.

— Да уж и не говорите. Кончу я жизнь или знаменитым поэтом, или в сумасшедшем доме... Девушка! Любите ли вы красоту мира? Она во всем: в плакучей иве, склонившейся над тихо плывущей рекой, в угрюмой прямизне петербургской улицы, в новом интересном человеке, а человек этот... Девушка!! Что может быть интереснее Мецената? Нашего доброго мудрого благородного Мецената — этого ленивого льва с львиной гривой на львиной шкуре, льва, наполовину бросившего свою прекрасную львицу — ради красоты, свободы и созерцательности!

— Я вас не совсем понимаю, — мягко возражала Яблонька, пытаясь освободить свою руку.

— И не надо! Сейчас не понимаете — потом поймете! Скоро поймете. Даже сейчас! Вот мы уже у Меценатова подъезда. Эй, швейцар! Немедленно же вызовите из второго номера хозяина — скажите, по очень важному, спешному делу. Живо!

— Вы очень странный, — покачала головой Яблонька. — Очень; но вы не страшный. Только зачем Меценат? Может быть, он занят сейчас чем-нибудь, а вы его отрываете. Не лучше ли в другой раз?

— Ни-ни! Да вот уже его шаги. Видите, как он мягко спускается — как старый добрый лев. А за ним слышен тяжкий бег буйвола — это, конечно, Телохранитель.

Меценат, а за ним Новакович, оба без шапок, выскочили на улицу и, увидев около Мотылька белокурую красавицу, замерли, молчаливые, удивленные.

— Меценат! Я вас сейчас же, сейчас, прямо-таки вот немедленно познакомлю, но... дайте мне сначала два рубля. Вот вам за это книга. Вы абонированы! Локка книга. Читайте ее, она интересная. Ведь книга интересная? — стремительно обратился он к Яблоньке.

— Интересная, — спокойно улыбнулась она, разглядывая странную группу: Мецената в засыпанном пеплом бархатном пиджаке и выглядывающего из-за его плеча мощного студента Новаковича.

— Скорей два рубля, Меценат! Спасибо! Вот вам, благодетельная фея, мой долг, а теперь можно и познако-

мить вас. Это Меценат. Правда, чудный? А тот пещерный медведь сзади — Телохранитель. Новакович! Дай тете ручку и шаркни ножкой. Господа! Эта девушка — лучшая в столице. Я с ней заговорил на улице, как мерзавец, а она ответила мне, как святая. А красота какая! Хотите, мы будем на вас молиться? Лампадку зажжем! Песнопение для вас сочиним. Телохранитель! Подбери глаза — а то на мостовую рассыплешь. Меценат! Видите, как я вас люблю! Увидел воплощение красоты, и первая моя мысль — о Меценате!.. "Меценат! — подумал я. — Ты будешь бедный, если не увидишь ее хоть издали!" А Новакович, светлая девушка, тоже хороший — двумя руками девять пудов выжимает.

— Мотылек с ума сошел, — усмехнулся первый пришедший в себя Меценат. — Позвольте узнать ваше имя?

— Нина Иконникова.

— А вы знаете, как я вас назвал, когда вы так вот стояли, белая, ласковая, около этого корявого пня? Подумал я: яблонька в цвету!

— Гип, гип, ура, Яблонька! — заорал Мотылек на всю улицу.

— Вы не обидитесь, — улыбаясь, спросил Меценат, — если я предложу вам зайти к нам отдохнуть от трескотни Мотылька. Они оба люди, которые могут с непривычки ошеломить, но публика, в общем, не страшная.

— Я должна спешить домой, — ответила, подумав, Яблонька, — но, если вы не будете меня задерживать, я минут десять посижу.

— Яблонька, — сказал Новакович, выдвигаясь вперед. — За то, что вы нас сразу поняли и доверились и идете к нам, я отныне даю присягу быть вашим рыцарем, защищать вас от всяких невзгод, а если кто-нибудь посмеет что-нибудь лишнее — оторву голову и суну ему под мышку. Господа! Дорогу Яблоньке!

И, когда Яблонька шагнула на площадку Меценатовой квартиры, Новакович одним движением снял с себя тужурку и почтительно подбросил ее под ножки Яблоньки.

"И жители восторженно встречали ее, — неизвестно откуда процитировал Новакович, — и расстилали плащи перед ней, чтобы ее нежной стопы не коснулась грубая земля".

— У вас сзади рукав рубашки разорвался, — заботливо заметила Яблонька, осматривая рукав Новаковича. — Если у вас найдется нитка и иголка — я зашью.

— Вот девушка!.. Если бы я был достоин — я поцеловал бы край ее платья, — вздохнул Новакович, толкнув Мотылька плечом.

Яблонька вступила в знаменитую гостиную Мецената и с любопытством огляделась.

— Уютно у вас, а только странно. И солнца мало. Отчего портьеры задернуты? А для пепла полагается пепельница, а не ковер и не плечи бархатного пиджака. Где у вас щетка? Я вас почищу немного...

Яблонька посидела самую чуточку, скушала одну грушу, поправила висящую криво картину и уже надевала перед зеркалом воздушную шляпку, собираясь уходить, как в дверях показалась Анна Матвеевна.

— Экое чудо у нас, — охнула она, разглядывая Яблоньку. — Вы бы, барышня, подальше от них были! Это ведь сущие разбойники — обидят они вас.

— Меня, бабушка, невозможно обидеть, — рассмеялась Яблонька. — Я в Бога верю и всех людей люблю. Какие же они разбойники? Странные немного, но милые.

— Этакими милыми в пекле все дорожки вымощены. Как звать-то вас?

— Яблонька, — выскочил сбоку Мотылек.

— Яблонька и есть. До чего ж ладная девушка. Хоть бы вы их, барышня, усовестили, чтоб коньячища этого не лакали спозаранку...

— Анна Матвеевна! Да ведь мы по рюмочке!

— Знаю, что по рюмочке. В этакую рюмочку тебя и поп при святом крещении окунал. Скушать чего не хотите ли, сударыня?

— Нет, спасибо, мне идти надо... Буду в этих местах — зайду еще посмотреть, как вы тут живете. А коньяк лучше не пейте. Хорошо?

— Сократимся, — усмехнулся Меценат. — А если вам нужны какие-нибудь книги — так моя библиотека к вашим услугам. Ройтесь, разбрасывайте — у нас это принято.

Яблонька ушла, звонко поцеловав Анну Матвеевну на прощание.

После ее ухода нянька подошла к креслу, грузно уселась в него и, посмотрев на победоносно переглядывавшихся клевретов, строго сказала:

— Ну, ребята... Не пара она вам. Не по плечу себе дерево рубите.

— Кальвия, — возразил Мотылек, обнимая ее седую голову. — Где же это видано, чтобы Мотыльки да рубили

Яблоньки? Наоборот, я буду порхать около нее, вдыхая аромат, буду порхать — вот так!

Он вспрыгнул на оттоманку, перемахнул на стол, оттуда обрушился на плечи Новаковича и наконец, тяжело дыша, сполз с Новаковича на пол.

— Мотылек, — сказал размягченный Меценат. — За то, что ты сегодня вспомнил, подумал обо мне — я дарю тебе изумрудную булавку для галстука. Она тебе нравилась.

— А я, — торжественно подхватил Новакович, — никогда больше не позволю Кузе говорить, что все твои произведения читал у чужих авторов в немецких журналах!! Ты совершенно оригинальный писатель, Мотылек!

— А я, — проворчала нянька, — оборву тебе уши, если ты будешь бросать мне на ковер апельсиновую шелуху.

— Кальвия! Я вас так люблю, что отныне буду есть апельсины вместе с кожурой.

И все впоследствии не исполнили своих обещаний, кроме Мецената, булавка которого навсегда украсила тощую грудь Мотылька как память о Яблоньке, изредка, как скупой петербургский луч, заглядывавшей в темную Меценатову гостиную.

Часть II. ЧЕРТОВА КУКЛА

Глава IX

В КАВКАЗСКОМ КАБАЧКЕ

В уютном, увешанном восточными коврами и уставленном по стенам тахтами отдельном кабинете кавказского погребка на Караванной улице заседала небольшая, но очень дружная компания под главным председательством и руководством Мецената.

Кроме него были: Кузя, Новакович и великолепная Вера Антоновна, которая, как это ни странно, но выехала в свет *из-за своей лени.*

Сегодня как раз был день ее рождения, и Меценат, созвав с утра своих клевретов, предложил отпраздновать этот замечательный, с его точки зрения, день в квартире Веры Антоновны. Но, когда ей сообщили об этом по телефону, она вдруг высказала чрезвычайную, столь не свойственную ей энергию, заявив, что лично прибудет к Меценату для обсуждения этого сложного вопроса.

Приехала и, устало щуря звездоподобные глаза, заявила:

— Послушайте, в уме ли вы?! Ведь это сколько хлопот, возни?.. Да ведь я после праздника буду три дня лежать совершенно разбитая! Неужели вы не знаете, что быть гостеприимной хозяйкой — это нечеловеческий труд! Пожалейте же меня — не приезжайте. Ну, не стыдно ли вам так мучить меня; я ведь красивая и добрая...

Мотылек застонал:

— Кто же, кто вас мучит, Принцесса?! Кто это осмелится, Великолепная (две клички Веры Антоновны, которыми наделили ее неугомонные клевреты при молчаливом одобрении Мецената)?! Укажите мне такого мучителя — и я объем мясо с его костей! Разве мы вас не понимаем?! Действительно — адская работа: встреть каждого гостя отдельно, да скажи ему, подлецу, несколько ласковых слов, да еще, пожалуй, придется ему подкладывать кушанья на тарелку?! А предлагать вино? А приказать переменить приборы?! Да ведь еще же меню сочинять придется! Нам ли с вами такая тяжесть под силу?..

— Да, да, Мотылек! Вот видите, вы меня поняли!

И, когда вся компания покатилась со смеху, Вера Антоновна обвела всех недоумевающими глазами и, дернув Мотылька за ухо, сказала:

— Что это? Вы, кажется, издевались сейчас надо мной, Мотылек? Кузя! Пойдите поближе ко мне... Вы единственный, который меня понимает.

— Этот поймет! — засмеялся Новакович. — Вам бы, Принцесса, за него нужно было выйти замуж, а не за Мецената. Был вчера такой случай: захожу я к Кузе, а он лежит в кровати и стонет... "Что с тобой, Кузя?" — "Ах, Телохранитель, испытывал ли ты когда-нибудь мучительную жажду? Я вот уже целый час терзаюсь!" — "Так ты бы воды выпил, чудак!" — "А где же возьмешь, воду-то?" — "Да вот же графин, на умывальнике стоит, в десяти шагах от тебя!" — "Это, — говорит, — не вода". — "А что же это такое?" — "Перекись водорода". Потом стал стонать, как издыхающая лошадь. "Что с тобой?" — "Совсем, — говорит, — я расхворался. А тут из окна дует. Телохранитель, — говорит, — передвинь мою кровать к умывальнику". Ну, и я передвинул кровать к умывальнику вместе с ним... И что же вы думаете? Едва он очутился на таком расстоянии от графина, что мог достать рукой, как схватывает его — и ну глотать жидкость, как ожившая лошадь!..

— Неужели перекись водорода пил? — удивился Меценат.

— Какое! Простая вода в графине была.

— При чем же тут перекись?

— А видите, в чем дело: скажи он мне, чтоб я дал ему воды, я бы из принципа не дал. Не люблю поощрять его гомерическую лень. Вот он и выдумал историю с окном, из которого дует, и с перекисью. Да это еще не все! Прохаживаюсь я по комнате, ругаю его последними словами, вдруг — хлоп! Сапог мой цепляется за гвоздь, высунувшийся из деревянного пола, и распарывается мой старый добрый сапог!! "Кузя! — кричу я. — У тебя тут гвоздь из пола вылез!!" А он мне: "Знаю!" — говорит. "Так чего ж ты его не вытащишь или не вобьешь обратно?" — "А зачем? Я уже привык к этому гвоздю и всегда инстинктивно обхожу его. А посторонние пусть не шляются зря!" Взял я угольные щипцы, вбил гвоздь по шляпку и этими же щипцами отколотил Кузю.

— Грубый у тебя нрав, Новакович, — вяло возразил Кузя. — Как ты не понимаешь, что гвоздь торчал вне моего фарватера, который ведет от кровати к умывальнику и от умывальника к зеркалу. Глупый ты! Ведь гвоздь-то торчал не на моей проезжей дороге!

— Как это вам понравится, Принцесса?!

— Что такое? — медленно подняла на него свои огромные сонные глаза Принцесса.

— Да вот история с Кузей!

— А я, простите, не слышала, замечталась. Кузя! О вас тут рассказывали какую-то историю? Вы здесь самый симпатичный, Кузя. Принесите мне платок из ридикюля. Он в передней.

— Сейчас, — с готовностью откликнулся Кузя, не двигаясь с места. — Вы твердо помните, что ридикюль в передней?..

— Ну да.

— А где именно положили вы ридикюль в передней? На подзеркальнике или на диване?

— Не помню, да вы посмотрите и там, и там.

— У вас какого цвета ридикюль? — допрашивал Кузя, потонув по-прежнему в мягком кресле.

— Ах ты Господи! Да ведь не сто же там ридикюлей?!

— Я к тому спрашиваю, чтоб вас долго не задерживать поисками. А то, может, он завалился за диван, так в полутьме сразу и не найду... Кроме того... Ах, вот он!

Он взял ридикюль из рук уже вернувшегося из экспедиции в переднюю Новаковича и любезно протянул его Принцессе.

— Спасибо, Кузя. Вы милый.

— Вот дура горничная, — заметил будто вскользь Новакович. — Забыла в передней ведро с мыльной водой, а чье-то пальто упало с вешалки да одним рукавом в ведро и попало. Мо-окрое!

— А какого цвета пальто? — ухмыляясь, спросил Мотылек.

— Серенькое, кажется.

— Так это ж мое! — испуганно закричал Кузя и, как заяц, помчался в переднюю.

— Действительно ты видел пальто в ведре?

— Ничего подобного. Просто хотел, чтобы Кузя размял себе ноги. Это ему наказание за ридикюль!

Вошла Анна Матвеевна, расцеловалась с Принцессой, села напротив, поглядела на нее, укоризненно покачала головой и вступила с Принцессой в обычную для них обеих беседу:

— Где дети?

— Какие дети? — удивилась Принцесса.

— Как какие? Твои!

— Да у меня, нянечка, нет детей.

— А почему нет?

— Не знаю, нянечка. Бог не посылает.

— "Бог не посылает". Лень все твоя проклятая. И в кого ты такая уродилась?!

— В кого? В Венеру Милосскую, — подсказал Мотылек.

— В Кузю, — поправил Новакович. — Впрочем, это одно и то же: если Кузе оборвать руки — получится форменная Венера Милосская для бедных.

— Ах, милые мои, — сказала старая нянька, пригорюнившись. — То есть до чего мне хочется ребеночка нянчить — сказать даже невозможно.

— Да, — грустно улыбнулся Меценат. — Этого товара не держим. Так как же, господа, насчет сегодняшнего торжества?

Мотылек выручил:

— Да очень просто! На Караванной есть превосходный кавказский кабачок с восточными кабинетами. Пойдем туда — чудное винцо!

— А тебе бы только винцо, бесстыдник, — упрекнула нянька.

— Я не виноват, пышная Кальвия. У меня мамка была пьяница. У нее даже два сорта молока было: левая грудь — бургундское, правая — бордосское.

— Тьфу! — негодующе сплюнула Анна Матвеевна. — С вами поговоришь — только нагрешишь. В постный день оскоромишься.

Решили идти на Караванную. Мотылек заявил, что он еще должен заехать в редакцию своего журнала, устроить редактору скандал, после чего не замедлит явиться; а все прочие с гамом и шумом, резко выделяясь на сонном фоне невозмутимой статуарной Принцессы, зашагали по улице, и, когда ввалились в кабачок, изо всех занятых кабинетов высунулись обеспокоенные шумом головы.

Вера Антоновна выбрала самый уютный уголок, окружила себя подушками и замерла, как изумрудная ящерица на горячем солнце, откинув на спинку дивана свою великолепную голову.

— Что вы будете кушать, Ваше Высочество? — спросил Меценат, нежно целуя ее руку. — Есть шашлык карский, есть обыкновенный.

— А какая разница? — осведомилось дремлющее Ее Высочество.

— Обыкновенный шашлык маленькими кусочками, на вертеле, карский — большим куском.

— Так его еще резать надо? Лучше тогда обыкновенный!

— И мне! — присоединился Кузя.

Через двадцать минут приехал Мотылек. Губы его дрожали, и глаза метали гневные молнии. Число морщин на лбу возросло в угрожающей лицу прогрессии.

— Подлецы! — закричал он еще с порога. — Подлые рабы!

— Что случилось, Мотылек? — беспокойно глянул ему в глаза Меценат. — Ты чем-то расстроен?

— Ах, Меценат! Вы представить себе не можете, что за олух наш редактор! Я уже три года секретарь журнала и считаю, что приобрел себе известный вес и положение... Сдаю в набор свое стихотворение "Тайна жемчужной устрицы", помните, еще оно вам очень понравилось, вдруг он мне заявляет: "По техническим условиям не может быть напечатано!" — "Это что еще за технические условия?!" — "Размер велик! 160 строк". — "Да ведь стихотворение хорошее?!" — "Замечательное". — "Так чего ж его не напечатать?!" Он опять: "Потому что длинное!" — "Но ведь хорошее?" — "Хорошее". — "Так

почему не напечатаете?" — "Размер велик". Взвыл я. "У Пушкина, — говорю, — поэмы были на две тысячи строк! Вы бы и Пушкина не напечатали?!" — "Нет, — говорит, — не напечатал бы". Ну, знаете, Меценат... Насчет себя бы я еще мог простить, но — Пушкин! Озверел я. "Да вы знаете, кто такой Пушкин?!" — "А вы знаете, что такое технические условия?" Я ему Пушкиным по голове, а он мне техническими условиями по ногам. Встал я и говорю: "Сегодня мой приятель Новакович о Кузин гвоздь сапог разорвал!" — "А мне, — говорит, — какое дело?" — "А такое, что — не почините ли?" — "Что я вам, сапожник, что ли?" Я и говорю: "Конечно, сапожник!" Крик у нас был на всю редакцию. "Вы, — говорит, — невоспитанный молодой человек!" — "А вы воспитанный в цирке старый осел, умеющий скакать только по ограниченной арене!" Забрал свои рукописи, хлопнул дверью и ушел.

— Промочи горло, Мотылек, — посоветовал Новакович. — Хочешь, я пойду отдую твоего редактора?

— Нет, я ему лучшую свинью подложил! Иду к вам, встречаю нашу знаменитую Куколку. "Что с вами, Мотылек?" — "Куколка! Вы, как человек тонких эмоций, как Божьей милостью поэт, меня поймете!" Рассказал ему всю историю, а он мне: "А знаете, Мотылек, Пушкин действительно очень пространно писал. Теперь так уже не пишут! Нужна концентрация мыслей". Посмотрел я на него и говорю: "Пойдите к редактору, попроситесь в секретари — он вас с удовольствием возьмет!" А он замялся, да и спрашивает меня таково деликатно: "Я не знаю, как и быть. Боюсь, что это будет не по-товарищески по отношению к вам..." — "Ничего, идите. Я буду очень рад. Все равно в этом доме мне больше не бывать!" Он и потащился. Воображаю разговор этих двух ослов! Кстати, я его потом сюда пригласил. Вы не против этого, Меценат?

— Я очень рад! Послушайте, Принцесса! Вы ничего не будете иметь против, если сюда придет один очень милый, воспитанный молодой человек?

— А он меня не заговорит? — опасливо спросила Принцесса.

— То есть как?

— Да вдруг начнет меня расспрашивать — бываю ли я в театрах... или еще что-нибудь? Тоска!

— Не бойтесь, Великолепная, — хитро ухмыльнулся Кузя. — Мы представим ему вас как настоящую кровную принцессу... Язык у него и прилипнет к гортани...

— Ну вот, глупости... я не хочу быть самозванкой.

— Ну, Принцессочка, позвольте. Мы ведь в шутку... Он так глуп, что всему верит! Сделайте этот пустяк для нас.

— Это будет сложно?

— Ни капельки! Сидите, как великолепная статуя, а мы около вас будем порхать и щебетать, как птички.

Глава X

ТОСТЫ. ПЕРВАЯ УДАЧА КУКОЛКИ

Когда подали вино и шашлыки, произошло общее движение, полное восторга, почти экстаза.

Новакович глянул хищным оком на шашлыки и простонал:

— О, как я люблю этого зайца!

— Да это не заяц, а шашлыки.

— Ну, все равно, я люблю эти шашлыки.

И блестяще доказал это. Шашлыки понесли от его зубов полное поражение. Увлеченный его аппетитом, Меценат заказал еще несколько порций, потом встал с бокалом в руках и провозгласил:

— Этот бокал я выпью за вечную немеркнущую красоту мира! И воплощение этой красоты — в сегодняшней нашей имениннице — Принцессе, которая одной своей улыбкой способна осветить все кругом! О, конечно, вы можете возразить мне, что женская красота — предприятие непрочное, но я смотрю на это шире: когда красота поблекнет, когда наступит мудрая красивая старость, за ней смерть, а потом разложение жизненной материи на первоначальные элементы, то из элементов моей дорогой жены снова получится что-либо не менее прекрасное: вырастет стройная белая кудрявая березка, под ней свежая шелковая травка, а над ней проплывет душистое жемчужное облачко, прольется несколькими жемчужными каплями и протечет светлым ручейком... И во всем этом — в березке, в облачке, в мураве и в каплях весеннего дождя — будет часть красоты моей прекрасной жены, именины которой мы сейчас так чинно и благородно празднуем. Принцесса! За ваше великолепное здоровье!!

— Вот тебе, — прошептал пригорюнившийся Новакович, — начал Меценат за здравие, а кончил за упокой.

А интересно, братцы, куда, в какие элементы перейду я после смерти?

— В силу справедливости, — ухмыльнулся Кузя, — ты бы должен был целиком перейти в барана...

— Почему? — грозно спросил Новакович.

— Потому что сейчас целый баран со всеми своими элементами и даже с почками, которые ты стащил с моей тарелки, потому что целый баран перешел в тебя. Нет, господа, вот я скажу речь, так это будет речь, а не разложение живого человека на первичные элементы. Друзья! Никто из вас так не понимает Принцессу, как я. Нам говорят: "Вы ленивы! Вам не хочется даже пальцем пошевелить, лишний шаг сделать..." Слепцы! Да разве ж это не самое прекрасное, не самое благодетельное в мире?! Вот мы ленивы — да разве ж мы способны поэтому сделать кому-нибудь зло? Ох, бойтесь, господа, активных людей! Мы-то, может быть, наполовину и приятные такие, что мы ленивы. Да дайте Принцессе подвижной, деятельный характер, дайте ей инициативу — сколько она нашего мужского человека погубила бы на своем пути?! Этакая красавица, да если бы она не дремала в прямом и переносном смысле этого слова, — ряд мужских трупов окружил бы ее, как цветочная гирлянда на голове неумолимой богини Кали! Есть чудаки, которым мил ураган, разметывающий тучи, как щепки, ломающий вековые деревья и срывающий с домов крыши, есть любители бешеной бури на море, когда скалы стонут под напором озверевших волн! Я не из их числа! Мне мила тихая зеркальная заводь, где дремотные ивы, склонясь, купают свои элегические зеленые ветви в застывшей воде и где я вижу свое отражение, тоже мирное, кроткое, не возмущенное рябью никакого беспокойного ветра!

— Однако ты довольно ловко приплел себя к этому тосту, — ядовито перебил его Мотылек, — все "я" да "я"! "Мне мило то-то", "я смотрю туда-то", "я любуюсь собою там-то и там-то". Нарцисс паршивый.

— Молчи, изгнанник из редакционных недр! Придержи язык, заступник Пушкина! Я перехожу сейчас непосредственно к Принцессе. Сегодня вместе с ней на нас сошла сама прекрасная Тишина, наши души окутал сладкий покой нирваны, мы будто стоим на берегу южного знойного моря, заснувшего в такой прекрасной неге, что взять бы крикнуть: "Остановись, мгновение, на всю жизнь! Ты прекрасно!" Но не хочется нарушать криком этого знойного душистого молчания, и стоишь так молча

— зачарованный колдовской волшебной царицей лени и сладкой неподвижности. За ваше здоровье, Принцесса! Вы согласны со мной?

— А? Что вы такое сказали? Я, признаться, немного замечталась... Простите!

Общий смех не смутил Кузю. Он сделал рукой знак помолчать.

— Не гогочите. Клянусь вам, что в жизни своей я не произносил такой длинной речи, и еще клянусь, что вопрос великолепной Принцессы есть лучшее подтверждение моих слов и лучший для меня комплимент. Я сейчас молился, понимаете вы это? Моя душа звенела, как Эолова арфа... Мотылек, дай мне спичку.

— Какую тебе спичку?! Моя коробка у меня в пальто, а твоя лежит около тебя.

— О, толстокожий! Как ты не понимаешь, что твоя коробка в пальто ближе к тебе, чем моя здесь же на столе! Тебе легче...

— Я не помешаю? — раздался мягкий голос из-за портьеры. — Можно к вам?

Вошел Куколка, свежий, застенчиво улыбающийся красными пухлыми губами, как всегда, безукоризненно одетый в свежий черный костюм, в элегантном галстуке, с перчаткой на левой руке...

— А, Куколка! Вас только и недоставало до ансамбля. Входите! Позвольте вам представить. Это Ее Высочество Принцесса Остготская. Ваше Высочество! Разрешите вам представить нашего юного друга, чудного поэта, для которого наши духовные очи провидят большое будущее.

— Очень счастлив, — сказал, склоняя кудрявую голову, Куколка. — Мое имя Шелковников Валентин... мое отчество...

— Подробности письмом, — бесцеремонно перебил его Мотылек, целуя вместо него на лету белую душистую руку, протянутую Принцессой, — садитесь, сын Аполлона. Ну, что... вас можно поздравить? — осведомился он, подмигивая всей компании.

— С чем?

— С секретарским местом! Ведь я же вас давеча туда направил.

— Ах, — вспыхнул Куколка, — а я и забыл поблагодарить вас! Экая неучтивость. Вы знаете, Мотылек... (Вы позволите мне вас так называть?) родной брат не сделал бы мне того, что сделали вы!

— Да что такое? — нервно перебил его Мотылек.

— Дело в том... (Ох, как я вам благодарен. О, какая, господа, это великая вещь — дружба!) Дело в том, что я пошел почти безо всякой надежды... единственно потому, что решил во всем вас слушаться. Ведь я знаю, что вы желаете мне добра...

— Да не мямлите. Ближе к делу! — проскрежетал нетерпеливо Мотылек.

— Ну, что ж... Ваш редактор оказался очень симпатичным. Когда он узнал, что я тот самый поэт Шелковников, о котором последнее время так много писали в газетах, то сделался вдвое любезнее. "Буду, — говорит, — счастлив сделать для вас все что ни попросите". — "Я, — говорю, — слышал, что у вас освободилось место секретаря редакции, так вот нельзя ли?.." — "Видите ли, — говорит, — мой принцип — избирать себе помощников только среди людей, хорошо мне известных, но я вижу, что характер у вас хороший, покладистый, да и имя вы себе уже кое-какое приобрели... А кроме того, явились вы под горячую руку!! Так что приступайте с Богом к своим обязанностям..." — "Простите, — говорю я, — я буду согласен на все ваши условия, но разрешите мне поставить только одно свое: я могу занять место лишь тогда, если вы пообещаете напечатать стихи моего предшественника — "Тайна жемчужной устр..."

— Ни за что! — дико закричал Мотылек, вскакивая с места. — Кто вас просил ставить такие условия?!! Не хочу! Завтра же отбираю свою "Тайну устрицы"!!

— Постойте... Да ведь он согласился. Я его убедил.

— Вы его убедили?! — угрюмо сказал Мотылек, обведя всю компанию непередаваемым взглядом. — *Вы его убедили?!!* Я его не мог убедить, а *вы* его убедили...

— Я же хотел вам приятное сделать, — моляще прошептал Куколка, прижимая к груди руки. — Если бы я знал, что этого не следовало...

— Он его убедил, — простонал Мотылек, роняя голову на руки.

Потом встряхнулся и угрюмо поглядел на Куколку.

— Короче говоря — место за вами?

— Да, за мной. Но если хотите, я завтра же...

— Нет, нет! — с дикой энергией вскричал Мотылек. — Вы должны, обязаны занять это место! Я так хочу. И вы пишите в этом журнале! Пишите больше!!

— Он и просил у меня стихотворение для следующего номера. У меня и сюжет в голове есть.

Воцарилось долгое молчание, которое каждый переживал по-своему... Один Меценат был царственно невозмутим, тихо посмеиваясь в свои пышные седеющие усы... Да еще Куколка: он с детским любопытством поглядывал на Принцессу и потом, не выдержав, склонился к уху своего соседа, Новаковича.

— Скажите, эта дама — действительно принцесса? Настоящая принцесса?

— О да, — с готовностью отвечал шепотом Новакович. — Только она не любит, когда ей говорят о ее царственном происхождении. Это вообще тяжелая история... Она недавно пережила большую душевную драму. Дипломаты ее родины задумали выдать ее замуж за абиссинского негуса, а она, понимаете, не может переносить черного цвета... Это, кажется, называется дальтонизм. Или еще проще — идиосинкразия! Она сначала хотела лишить себя жизни посредством фиалкового корня, но ее спасли, тогда она подкупила слуг и бежала, севши в корзинку воздушного шара, который для забавы был привязан в роскошном саду ее владетельного отца... Северо-восточный ветер и принес ее в Петербург.

— Как же вы с ней познакомились?

— Целая история! Пошел я однажды ночью прогулки ради на Горячее Поле, вдруг вижу — воздушный шар низко-низко над полем летит... А внизу конец гайдропа болтается... так сажени на полторы от земли. Ну, вы же знаете мою силу и ловкость; подскочил я, ухватился за конец и притянул корзинку. В корзинке принцесса в обмороке и мертвый, уже разложившийся, как говорит Меценат, на свои составные элементы слуга. Извлек я Принцессу, привел в чувство, и с тех пор, вы видите: нас водой не разольешь, такие друзья. Только вы, Куколка, не напоминайте ей этой истории... Вы понимаете, как тяжело!.. Слугу Рудольфом звали, — добавил Новакович ни к селу ни к городу.

— О, я понимаю, совершенно понимаю, — пылко воскликнул Куколка. — Однако, Новакович, какой это замечательный сюжет для стихотворения, правда?

— Чудный сюжет, — согласился Новакович, запихивая в рот кусок шашлыка. — Вы бы поговорили с Ее Высочеством. А то наши ребята перед ней робеют. А вы такой находчивый.

— Чего ж тут робеть, — улыбнулся Куколка. — Я могу вести какой угодно разговор.

И изысканным тоном обратился к дремлющей Принцессе:

— Как поживаете, Ваше Высочество?

Принцесса открыла глаза и впервые взглянула на Куколку.

— Что вы говорите?

— Я спрашиваю: как вы себя чувствуете?

— Спасибо, очень хорошо. Только они все такие шумные. Давеча даже речи какие-то в мою честь говорили. А вы тоже из их компании?

— Да, я имел счастье недавно познакомиться с Меценатом и его друзьями, и вы знаете, Ваше Высочество, они ко мне отнеслись как к родному. В их обществе я себя чувствую чудесно.

— Отчего они называют вас Куколкой?

Куколка зарумянился и опустил свои длинные шелковые ресницы.

— Право, не знаю... Это меня впервые Анна Матвеевна — достойнейшая женщина! — так окрестила, а им и понравилось.

— Я вас тоже буду называть Куколкой. Можно?

— Пожалуйста, Ваше Высочество.

— А вы не шумите?

— То есть как? Нет, я вообще тихий.

— Ну, тогда хорошо. Заезжайте когда-нибудь ко мне, я вас чаем попою.

— Буду счастлив. Не замедлю.

— А они все такие шумные, — капризно пожаловалась Принцесса. — Новакович однажды Кузю в ковер закатал... Мне же пришлось его потом и раскатывать.

— Какой ужас! — искренно огорчился Куколка. — Но, если не ошибаюсь, господин Кузя, кажется, очень тихий?

— Да он ничего, только однажды в мою раскрытую шкатулку с бриллиантами окурков насовал.

— Пепельница далеко стояла, — вразумительно пояснил Кузя. — Но я люблю бывать у Принцессы. Тихо так, никто не беспокоит. Я один раз у нее часа три в кресле проспал.

— А вы любите поэзию? — осведомился Куколка.

— Люблю, — согласилась, немного подумав, Принцесса, — только чтоб стихи были короткие.

— Мои не длинные, — успокоил Куколка.

— Господа! — нетерпеливо стукнул по столу хмуро молчавший до сего Мотылек. — Когда же мы устроим коронование Куколки в поэты?!

— Не нравится мне что-то Мотылек, — шепнул Кузя Меценату. — Мы все шутим, смеемся, а у него в истории с Куколкой какой-то надрыв.

— Мотылька надо понять, — качнул седеющей головой Меценат. — Он талантливее нас всех, а не складывается у него, у бедняги, литературная судьба. Вот он и дергается... Денег дать ему, что ли? Да нет, это его не устроит.

— Когда коронование? — капризно повторил Мотылек, ударяя ладонью по столу. — Хочу короновать Куколку.

— Да можно в субботу. У меня. Только Яблоньку нужно бы предупредить.

— Хорошо, — поспешно подхватил Новакович с деланно-равнодушным видом. — Я зайду ей сказать.

Кузя толкнул Мецената локтем в бок.

— Да зачем же тебе затрудняться? Я почти мимо ее дома прохожу. Зайду утречком.

— Где тебе! Ты так ленив, что на площадке лестницы заснешь. Не трудись лучше — я сам зайду.

— Нет, я!

— Кузя! Опять в ковер закатаю!

— А я высуну голову из ковра да и крикну на весь крещеный мир: "Православные! Телохранитель влюбился в Яблоньку!"

— Дурак! — прошептал Новакович, отворачивая лицо к стене. — Ах, какой ты дурак! И с чего взял, спрашивается.

— Что я взял?

— Что я... этого... люблю Яблоньку.

— Ах, значит, ты ее не любишь? Завтра же доложу ей: "Телохранитель сказал, что он вас не любит!"

— Да чего ты пристал к нему, как комар, — вступился Меценат. — Не смей обижать моего Телохранителя!

— Как это они хотят вас короновать? — спросила Принцесса, мерцая из полутьмы своими черными звездами-глазами.

— Не знаю, — добродушно усмехнулся Куколка. — Но это, вероятно, очень забавно и весело.

Разошлись поздно. Решили всем обществом проводить Веру Антоновну. Ночь была ясная, звездная, и дышалось после душного кабинета легко. Шли так: впереди Куколка вел Принцессу под руку, за ними Меценат об руку с Мотыльком — что-то тихо, но горячо доказывал своему погасшему другу-неудачнику, а сзади Новакович с Кузей энергично доругивались по поводу все той же Яблоньки...

А она, даже не подозревая, что служит предметом спора, уже давно спала в своей белоснежной девственной

постельке... Белокурые волосы, как струи теплого золота, разметались по подушке, а полуобнаженная свежая девичья грудь дышала спокойно-спокойно...

Глава XI

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К КОРОНОВАНИЮ КУКОЛКИ

— Какой у вас тут беспорядок, — критически заметил Новакович, оглядывая Меценатову гостиную, — отчего вы не прикажете вашим слугам прибрать?

— Ну, слуги! Они тут такой беспорядок сделают, что потом ничего не найдешь. А у меня все на месте.

— Именно что. Например, эта пачка старых газет на ковре около оттоманки, кусок глины на подзеркальнике, грязный полотняный халат на дверце книжного шкафа — все это придает комнате очень уютный, чисто будуарный вид! На крышке рояля такой слой пыли, что все письменные работы можно исполнять на этой крышке. Вот я вам тут напишу сейчас один вопль!

И он четко вывел по слою пыли на крышке рояля:

"Ребята, позвольте рекомендоваться: я — пыль. Братцы, да кто же меня сотрет наконец?!"

Кузя привстал с кресла, прочитал "вопль" и деловито объяснил:

— Эту пыль нельзя трогать. Она уже осела и лежит себе спокойно, не попадая ни в чьи легкие... А начни ее стирать — наши легкие погибнут.

— А эти бутылки на полу в углу? А грязные пивные стаканы? Удивляюсь, Меценат, как вам не противно!

— Да что тебя вдруг обуял такой бес аккуратности?! — удивился Меценат. — Никогда я этого за тобой не замечал.

— Мне-то, в сущности, все равно, но сегодня у нас будет дама... Ну, как ее посадить в такое кресло, на котором пепла столько же, сколько на голове древнего горюющего еврея?! Яблонька не любит грязи!

Все значительно переглянулись и в один голос монотонно затянули:

— А-а-а!!

Когда один уставал и замолкал, другой подхватывал эту заунывную ноту и тянул дальше, пока его не сменял первый.

— А-а-а!.. А-а-а!..

— Честное слово, я расскажу Яблоньке, как вы надо мной издеваетесь, приплетая ее имя!!

К Яблоньке "клевреты" относились молитвенно, поэтому после угрозы Новаковича рты моментально захлопнулись, как пустые чемоданы.

Впрочем, Кузя не утерпел:

— Телохранитель, когда свадьба?

— Чья? — не понял сразу Новакович.

— Ваша же, ваша! Ты ведь сохнешь так, что даже сахар Анны Матвеевны не помогает. Сдашь государственные экзамены — надевай фрак, белый галстук и делай предложение.

Новакович, уныло свесив голову, помолчал, потом вдруг встряхнулся и сказал с неожиданной откровенностью:

— До чего бы это было хорошо! Конечно — фрак ерунда, но вообще, помимо фрака... Эх, братцы, грех вам смеяться над таким чувством.

— Да мы не смеемся, чудак. Мы сочувствуем. Я это понимаю. Я сам один раз был влюблен в некую вдову — так влюблен, что и сказать невозможно. До того дошло однажды, что я на пол повалился и стал ножку стола грызть.

— Что общего? — возмутился Мотылек. — Тут чистая, благородная, благоуханная девушка, а этот шахматный Кузя со своей затрапезной вдовой вылез да еще ножкой стола подпер! Новаковича я понимаю, тем более что Яблоньку чудесным образом отыскал именно я. И горжусь!

И закончил прозаически:

— Тем более это стоило Меценату всего два рубля! Куколка обошелся нам в двенадцать с половиной раз дороже...

— Мотылек, не будь циником, — мягко упрекнул шокированный такой странной математической выкладкой Меценат.

— Моя вдова не затрапезная, — обиженно сказал Кузя, думая о своем, — у нее был муж полковник и такая грудь, что вы таких грудей не видывали! А волосы! А губки!

Новакович счел нужным перебить его:

— Анатомия полковничьих вдов в твоем живописном изложении не является тем предметом, который увлек бы нас! Меценат! Разрешите все-таки, мы тут приведем все немного в порядок. А?

— Как хотите! Разве я могу в чем-нибудь вам отказать? А прислугу не допущу! Она порядок путает.

— Ну-ка, Мотылек, Кузя! Долой пиджаки. Приступим.

Кузя снял пиджак, уселся в кресло и сказал:

— Начинайте! Я буду руководить вами. Мотылек, собери газеты, накрой глину тряпкой и сунь ее под стол подальше! Новакович, сними халат с дверцы шкафа, оботри им пыль и стряхни пепел на пол. Потом подметешь.

Работа закипела, а Кузя, потонув в кресле, изредка командовал Новаковичем и Мотыльком, ворча себе под нос в паузах:

— Хм! "Затрапезная вдова"! Да она бы вас к себе и на кухню не пустила. А ноги у нее какие были — красота! Беленькие, пухленькие... Вот тебе и "затрапезная"! Аристократы нашлись! Отнеси теперь халат к Анне Матвеевне — пусть в грязное белье бросит! А шейка у нее была — мрамор! Бывало, оскалит белые зубки... Окурки, окурки не забудьте смести с подоконника!

Меценат в это время тоже не сидел без дела: он усердно мастерил из золоченой бумаги и разноцветных осколков стекла великолепную корону.

— Порфиру бы ему еще соорудить, черту полосатому, — сказал Мотылек, отрываясь от работы, — да не из чего!

— Послушайте, — задумчиво почесал за ухом Меценат, — а что если он раскусит нас и обидится... Неловко будет.

Мотылек собрал складки своего лица в очень причудливый рисунок и хихикнул:

— Он-то? Да представьте вы себе — он сейчас плавает в океане блаженства! Я его раздул, как детский воздушный шар! Не встречал я дурака самонадеяннее! Все принимает за чистую монету, строит самые наглые планы насчет своей литературной карьеры и... Да ведь вы знаете, что он каким-то чудом все-таки удержался на моем бывшем месте в редакции... Я, признаться, думал, что дело окончится скандалом, а он... приспособился! Вот именно такие ничтожества этаким болванам, как редактор, и нужны! Впрочем, я спокоен: он удержится до выхода первого очередного номера. А как тиснет в журнале свою "старушку в избушке, кругом трава" — так ведь, как пустое ведро по лестнице, загремит! И опять, хамы этакие, придут ко мне на поклон... Тут-то я и поиздеваюсь. А-а, скажу, аршинники, самоварники... О, мне

Куколка еще нужен! Я все редакции взорву этим Куколкой... Пусть они его подхваливают да заметочки о нем печатают, вроде как вчера: "Входящий в известность поэт В. Шелковников, о котором в последнее время так много писали, выпускает свою первую книгу, ожидаемую литературными гурманами с большим интересом..." Нет, Куколку обязательно нужно короновать в короли поэтов! А потом я им преподнесу: "Глядите, остолопы! Вот тот властитель мыслей, которого вы заслуживаете!"

— Одна вещь только меня заботит... — обеспокоенно сказал Новакович, крутя свой рыжий ус. — Ведь по проекту церемониала участие в этом идиотском коронованиии должна принять и Яблонька?

— Конечно! Она увенчает его короной!!

— Ну, вот. Как же мы поступим: объясним Яблоньке, что Куколка — жалкий болван, или оставим ее в неизвестности, придав сей церемонии вид настоящего преклонения перед этим "Божьей милостью" поэтом?

— По-моему, признаться во всем Яблоньке, да и дело с концом! Она же с нами и повеселится.

Новакович твердо посмотрел всем в глаза.

— Нет, ребята, значит, плохо вы знаете Яблоньку! Могу сказать заранее, что будет: узнав, что мы мистифицируем этого жалкого парнишку, она возмутится, назовет нас жестокими, бессердечными, пристыдит нас, укажет на то, что мы зря издеваемся над Божиим творением, что у этого "творения" тоже есть живая страдающая душа — и прочее, и прочее. Одним словом, сорвет всю нашу игру. Вы об этом не подумали?

— Тогда можно Яблоньке вообще ничего не говорить... Представим его как нового Шиллера, Пушкина и Байрона, вместе взятых, и что мы, дескать, хотим почтить это гигантское дарование!!

Новакович покачал головой.

— Значит, вы предлагаете попросту обмануть нашу Яблоньку?

— Да чего ты заныл преждевременно? — вскипел Мотылек. — Сегодня Яблоньке ничего не скажем, а завтра явимся все к ней, падем на колени, поцелуем край ее платья да и покаемся. Кто открыл Яблоньку? Ты, что ли? Я ее открыл! Значит, я за все отвечаю!

Комната была уже прибрана и приняла чрезвычайно свежий вид: посередине на ковре, покрытом шкурой белого медведя, стояло кресло, в свою очередь покрытое великолепной персидской шалью; по бокам кресла — две

развесистые пальмы в кадках, задрапированных одеялами. В стороне — маленький столик, на столике красная шелковая подушка, а на ней — сверкающая разноцветными камушками чудесная корона, которая под искусными пальцами волшебника Мецената превратилась в подлинное художественное произведение. В стороне стол — с цветами и фруктами.

Мотылек ходил вокруг, любовно осматривая все эти вещи, и только крякал от удовольствия. Все поработали сегодня достаточно — даже Кузя внес свою лепту в общие труды; разбил фарфоровую вазу для цветов.

Когда Анна Матвеевна выплыла с заказанным шампанским и бокалами, — она остановилась посреди комнаты совершенно остолбенелая...

— Это чего такого вы тут настроили?

— Красиво, бабуся? — с гордостью спросил Кузя. — Видите, как я тут все прибрал?!

— Да что это вы... женить кого собрались, что ли? Что за праздничек придумали?

— О, благодетельная Кальвия, —выскочил вперед Мотылек. — Все это для вас! Мы пронюхали, что ровно сорок лет назад вы погасили огонь Весты; уронили пылающий факел девственности и, упав в объятия супруга, перешли на брачное положение. Этот угрюмый факт мы и решили отметить!

— И кто тебе, лешему, такой язык привесил?! — сердито сказала Анна Матвеевна. — Ты бы лучше в церковь ходил да Богу молился!

— Нет, уж вы его не заставляйте Богу молиться, — вступился Кузя. — А то он лоб разобьет — кто будет чинить церковные плиты? Вы, что ли?

За дверью свежий звучный голос произнес:

— Разбойнички!.. А здесь Яблонька! Впустите!..

Глава XII

КОРОНОВАНИЕ

Рев восторга приветствовал гостью. Гибкая, золотистая, в платье персикового цвета, с обнаженными руками и открытой шеей — будто кусочки белого мрамора мелькнули перед глазами восхищенных клевретов, — она была обворожительна в своей не искушенной кокетством юности.

От пышных волос, окружавших прекрасное лицо золотым сиянием, до маленьких ножек, обутых в серебристые туфельки, — она вся теплилась, как радостная пасхальная свечка.

— Яблонька, — восхищенно воскликнул Меценат. — Если я ослепну от вашей красоты, как старый Велизарий, будете ли вы водить меня за руку, как тот мальчик, который питал Велизария?

Новакович вздохнул и мрачно ответил за Яблоньку:

— Не такой она человек, чтобы водить за руку. Она за нос водит...

Яблонька в это время здоровалась с Анной Матвеевной, и поэтому горькая тирада Новаковича не достигла ее ушей.

— Голубка ты моя белая, — обратилась к ней нянька. — Хучь ты объясни мне: чего это тут затевается?! От них нешто добьешься толку?! Такое мне объяснили, что тебе, девушке, и слушать неподобно!

— А вы думаете, нянечка, я знаю? Прилетает ко мне Новакович, сует в руку две груши и наказывает, чтоб обязательно я сегодня пришла в самом парадном виде! Спрашиваю — зачем. Мычит что-то.

— Мудреные они, — сокрушенно сказала нянька. — Ты бы их остерегалась, девушка, а то втянут они тебя в историю. Ведь я их знаю — сущие мытари!

— Настало время объяснений, — напыщенно сказал Мотылек. — Сегодня мы коронуем одного чудного поэта, а имя этому поэту: Куколка.

— Что за коронация? — забеспокоилась нянька. — Чего надумали?! Нешто он царь какой?

— Король, бабуся! Король поэтов.

— Ну, дай ему Бог, — смягчилась нянька. — Очень он ладный парнишка: деликатный такой, почтительный — не вам, бесстыжим, чета. Да вот он — легок на помине.

Куколка появился, одетый, как и подобает королю поэтов, в черную бархатную тужурку, ловко обрисовывавшую его стройную талию... Черный глубокий тон бархата резко оттенял бледно-розовую свежесть его красивого лица и мягкий блеск белокурых волос.

— Вот они, — любовно сказала нянька, поглядывая то на него, то на Яблоньку. — Две золотые головушки! Будто ангелята в ад слетели.

— Тссс! — зашипел Мотылек, приложив палец к носу. — Частные разговоры не допускаются! Без прозы! Все по местам!

Он низко поклонился Куколке, взял его деликатно за пальцы, усадил в торжественное кресло на белой медвежьей шкуре, подскочил к роялю и, обрушив на клавиши свои проворные пальцы, стройно заиграл полонез из "Сказок Гофмана"...

Кончил. Схватил со стола заранее приготовленный том Пушкина, развернул его, как Евангелие, на заранее приготовленном месте и звучно прочел:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон —
В забавы суетного света
Он малодушно погружен.
Когда ж в избе старушки скрип
До слуха чуткого коснется...
Тотчас к бумаге он прилип
И от нее не оторвется!..

Так он и откатал все стихотворение, причудливо мешая звучащий медью пушкинский стих с пресловутыми Куколкиными стихами о старушке. Окончив, захлопнул книгу, благоговейно поцеловал ее и начал речь:

— Ваше Величество, дорогой Куколка! В жизни почти всякого большого поэта есть одна неизбывная трагедия... Современники его или недостаточно ценят, или совсем не ценят, и только после смерти поэта приходят признание, слава, почести. Это ужасно!! И вот мы, люди хрупкой утонченной духовной организации, почуяв, что в отношении вас может совершиться та же вековая несправедливость, решили по мере своих слабых сил дать вам при жизни то, на что при других условиях вы бы имели право после смерти! Мы создадим вам славу, потому что вы достойны ее, и сегодняшний день — это первый робкий шаг в страну Очаровательных Возможностей, которые ожидают вас на вашем пути, на том пути, с которого мы заботливо сметем все камни преткновения, все шипы, чтобы шествие ваше встречало по сторонам только цветущие розы, только благоухание цветов и приветственные улыбки благодарного народа, который вы вознесете и облагородите вашим волшебным талантом! Настоящих поэтов коронуют так же, как подлинных королей, поэтому, о прекраснейшая из русских женщин — Яблонька, — благоволите покрыть сверкающее будущим гением чело этой королевской короной. Ур-ра!!

Яблонька, ласково улыбаясь, взяла с подушки корону, надела ее на кудрявую голову "короля поэтов", а "король

поэтов" с серьезным видом преклонил одно колено и благодарно поцеловал гибкую душистую ручку...

И все клевреты во главе с Меценатом грянули могучее "ура!", а в углу сидела нянька, растроганная речью Мотылька, и тихо плакала, утирая глаза белым фартуком.

"Ура" продолжало греметь, клевреты выхватили из ваз благоухающие цветы и принялись забрасывать ими сияющего, глубоко растроганного Куколку.

Когда овации утихли, Яблонька подняла с белой медвежьей шкуры темно-красную розу и, приколов ее к корсажу, обратилась к Куколке:

— К сожалению, я еще не читала ваших произведений, но я доверяю литературному вкусу всех, кто находится здесь, и поэтому присоединяю свои поздравления и пожелания... Вот что скажу вам: работайте, рвитесь вперед, не удовлетворяйтесь внешним успехом, а главное — не застывайте на одном месте! В искусстве — все в стремлении.

— Спасибо! А мы с вами еще не знакомы. Позвольте представиться: моя фамилия Шелковников, мое имя...

— Имя ваше можете не произносить, — перебил его Мотылек. — Оно будет прочтено миллионами на обложке ваших сочинений. Господа! Теперь по бокалу шампанского! Яблонька! Предложите королю из ваших ручек.

Когда Мотылек подскочил к разливавшей шампанское Анне Матвеевне, старуха взяла его за ухо и доброжелательно сказала:

— Ведь вот и шут ты, и сущий разбойник, а сказал давеча так, что меня, старуху, слеза прошибла. Тебе бы остепениться — из тебя бы человек вышел.

— Э, бабуся! Куда мне в люди выходить... Я на себя рукой махнул. Дай Бог других в люди вывести! А я — ни в чем мне нет удачи...

И среди этого напускного веселья густое облако грусти наползло на морщинистое лицо Мотылька, и такое это было густое облако, что часть влаги осела в одной из морщин под глазом, задержалась на минуту и потом окончательно скатилась на борт пиджака.

— Фу ты, — развязно сказал Мотылек, — сколько газу в этой шампанее. Инда до слез!..

А на другой стороне комнаты огорченный Кузя с бокалом шампанского, спрятавшись в глубокое кресло, как черепаха в свой панцирь, бормотал, глядя выцветшими глазами в пространство:

— "Затрапезная вдова"! Да вы, может, таких вдов еще и не нюхали! Грудь как слоновая кость, упругая, как на

пружинах, и на рояле хорошо играла... А мужа, может быть, и генералом бы сделали, да он сам не хотел. Зачем, — говорит, — мне! Я не чинов, — говорит, — добиваюсь, а дело люблю делать. Дело, дело и только дело! Вот тебе и "затрапезная"!

Глава XIII

БОЛТОВНЯ НА КОВРЕ

Пить вино на полу — было затея Кузи. Он объяснял ее уютностью такого положения, оправдывал примером древних римлян, которые, дескать, тоже всегда во время пиров возлежали, но на самом деле эта мысль имела своим источником отчаянную лень этого вялого шахматиста. Ему очень хотелось полежать, но в обществе растянуться вдруг ни с того ни с сего на оттоманке было невежливо, а если сделать из этого общую забаву, то ему, Кузе, будет удобно, а всем вообще весело...

В центре большого персидского ковра поставили объемистую вазу с крюшоном, а вокруг нее радиусами разлеглась вся компания, не исключая и Яблоньки, которой пылкий влюбленный Новакович смастерил царственное ложе: шкура белого медведя, на шкуре плюшевый плед, а на пледе — Яблонька, положившая круглый алебастровый подбородок на огромную пушистую голову страшного зверя.

— Дорогие друзья, — предложил Меценат, — мы могли бы заняться светским разговором, но нет ничего более нудного и тягучего, чем эта болтовня, в которой не больше содержания, чем в пустом орехе! Вместо этого пусть каждый из нас расскажет самую диковинную, самую замечательную историю из своей жизни и практики. Это всегда весело и поучительно, а тем более в такой торжественный день. Ну-ка, Телохранитель, зачинай! Какой самый удивительный случай был в твоей многоцветной жизни?

Умный Меценат неспроста начал с Новаковича, потому что труднее всего в таких случаях начинать первому, а известно, что Новакович в карман за словом не лазил и в любой момент способен был с самым хладнокровным видом состряпать самую чудовищную историю.

— Извольте, — с готовностью сказал Новакович. — Только в моей истории будет одна девушка и один

поцелуй, так что я заранее прошу у Яблоньки прощения за некоторую фривольность сюжета.

— Рассказывайте, Телохранитель, — рассмеялась мягким всепрощающим смехом Яблонька. — Я не такая наивная, чтобы не знать, что некоторые девушки целуются.

— И даже очень! — подхватил Кузя с таким фатовским видом, который ясно указывал, что в этих отклонениях от девичьей добродетели он, Кузя, играл не последнюю роль.

— Кузя! Девушки не твоя среда, помолчи. Вот когда девушка выйдет замуж, да муж ее сделается полковником, да потом умрет, да она останется вдовой с белыми ножками и прочим...

— А вы сегодня мою вдову напрасно обидели, — опять омрачился Кузя. — Как она играла на рояле! И когда играла, так ямочки на плечах, как живые, прыгали...

— Это ты нам расскажешь без Яблоньки, — сурово прервал его пуританин Новакович. — Ну, так вот вам, почтенные, моя история... Называется она —

ПОЦЕЛУЙ В КАЮТЕ

Должен я начать с самой интимной подробности моей прошлой жизни: в дни своей юности я влюбился... Чувства свои я подарил одной очень достойной девушке, а отвечала она мне взаимностью или нет — я не знал, и это чрезвычайно терзало меня!

(При этих словах рассказчик бросил косой взгляд на Яблоньку, ожидая, что веки ее или углы губок предательски дрогнут, но Яблонька самым безмятежным образом была погружена в вылавливание розовым язычком ананаса из бокала с крюшоном. Рассказчик тоскливо вздохнул и стал продолжать.)

— Я и теперь, господа, застенчив и робок с женщинами, а в те времена взглянуть даже на женщину дерзновенным взглядом было для меня подвигом совершенно невозможным. И случилось так, что любимая мною девушка и я должны были ехать на пароходе из Одессы в Севастополь. Я только издали поглядывал на нее да вздыхал, а она была весела, как никогда: каждую минуту подходила ко мне, шутила, подтрунивала надо мной, а когда ее заинтересовывало что-нибудь из жизни моря — мимо

идущий корабль, или плывущий обломок лодки, разбившейся где-нибудь о скалы, или резвящаяся за корабельной кормой стая дельфинов, или поле водорослей, колышущееся на поверхности воды, — она обо всем этом меня расспрашивала, и я толково объяснял ей, потому что в морских делах очень хорошо понимаю и во мне, может быть, заглох какой-нибудь морской корсар, и слава Богу, что заглох, потому что за эти штуки по головке не гладят.

Вот так-то беседуем мы с ней, а она вдруг и спроси меня:

— У вас, кажется, есть коллекция открыток с картин Третьяковской галереи?

— Есть, — говорю. — Хорошая коллекция.

— Покажите. Только вы не тащите всего этого сюда, а я, — говорит, — лучше пойду в вашу каюту. Можно?

А у меня была отдельная каюта — капитан был приятелем, так дал.

Услышав предложение любимой девушки, я засиял, как бриллиант Кох-и-Нор, и, конечно, помчался вперед самым гостеприимным образом. Входим мы, и как остановилась она посреди каюты, красивая, будто наша Яблонька, сверкающая черными глазами, белыми перламутровыми зубками, освещенная ярким полуденным солнцем из открытого иллюминатора, как наклонилась она над альбомом жарко дышащей грудью — вспыхнул я, как солома на огне.

И уж буду с вами откровенен до конца — до того захотелось мне поцеловать эту прекрасную девушку, что чуть не до крику.

Собственно, другой на моем месте, может быть, и сделал бы это, потому что девушка относилась ко мне чрезвычайно ласково, но, как я вам говорил уже, характер у меня был дико застенчив. Как так? Среди бела дня вдруг ни с того ни с сего — чмок! Еще если была бы темная ночь — тогда не так стыдно... А то как назло: солнце нагло лезло всеми своими лучами, как осьминог лапами, прямо в открытый иллюминатор, так что я мог пересчитать все вьющиеся мягкие волосики на ее склоненном затылке...

И воззвал я ко Господу:

"Всемогущий! Если для тебя действительно нет ничего невозможного — пошли сейчас ночную тьму, чтобы я мог наглядно объяснить этому твоему прекрасному созданию волнующие меня чувства!"

Не успел я вознести к Богу эту краткую молитву, вдруг — трах! В каюте наступает мгновенно такая темно-

та, что хоть глаз выколи... Не помня себя, я хватаю любимую девушку в объятия, целую, и — о счастье! — она отвечает мне таким же горячим поцелуем!! Оказалось, что я ей давно уже не только не противен, а совсем даже наоборот...

Божье чудо!

Новакович умолк, благоговейно склонив голову на ковер и бросая косые взгляды на Яблоньку, заливавшуюся самым беззаботным, безоблачным смехом.

— Послушай, Новакович, — значительно начал Кузя. — Я в течение нашего знакомства выслушал много твоих историй, но эта сегодняшняя история... гм!! Не находишь ли ты, что всему на свете все-таки должны быть какие-нибудь границы?!

— Почему? А что тут невероятного? — хладнокровно пожал плечами Новакович.

— Не будешь же ты утверждать, проклятая Эйфелева башня, — заревел выведенный из своего дремотного состояния Кузя, — что ради твоего поцелуя на небе погасло солнце?! Осмелься сказать это — и ваза с крюшоном будет у тебя на голове!!

— Нет, солнце не погасло.

— Значит, вы оба на несколько минут ослепли?!

— Зрение наше было в совершеннейшем порядке.

— Телохранитель, — вступился Меценат, увидев, что Кузя потерял все свое безмятежное спокойствие и вот-вот готов броситься на Новаковича. — Телохранитель! Если ты нас не дурачишь, то объясни же: откуда среди бела дня вдруг спустилась ночь?

— Ах, простите, я и забыл сказать вам! Дело в том, что у борта парохода резвилась стая дельфинов... И вот один, наиболее прыткий, подпрыгнул выше других и, попав в иллюминатор моей каюты, плотно заткнул своим туловищем отверстие иллюминатора, каковым поступком произвел совершеннейшую темноту, столь благоприятствовавшую ворам и влюбленным. То, что я рассказал, факт! Можете проверить у капитана! Он теперь плавает на "Императрице Екатерине", Чайкин фамилия его.

Все прыснули со смеху, а Куколка поднял на Новаковича свои прозрачные, как лесное озеро, голубые глаза и воскликнул с увлечением:

— А вы знаете, Телохранитель, вот прекрасная тема для рассказа в эксцентричном английском стиле!

— Я думаю! Запишите, чтоб не забыть.

— Кузя, — скомандовал Меценат, выпив залпом бокал холодного крюшона и утирая усы. — Твоя очередь.

— Моя история коротка, — проворчал ленивый Кузя. — В ней нет ни девушек, ни дельфинов, а есть только —

ДВУНОГАЯ СОБАКА

О двуногой собаке я говорю не в ироническом смысле — это была настоящая собака, и жила она во дворе той гимназии, где я получил свое блестящее воспитание.

Когда я учился в третьем классе, это была обыкновенная четвероногая собака, но когда я перешел, засыпанный наградами, в четвертый класс (хотя моя карьера и не имела прямого отношения к трагическому случаю с псом), то однажды этот ординарный пес потерпел самое оригинальнейшее крушение! Именно: перебегая дорогу, попал под автомобиль, да так попал, что колесом ему начисто отрезало переднюю левую и заднюю правую лапу.

— Какой ужас, — покачала головой сердобольная Яблонька. — Неужели издох?!

— В том-то и дело, сударыня, что выжил! Мы, гимназисты, его и лечили. Но тут вот и начинается самое диковинное: остался он, псенок этот, с одной правой передней и левой задней ногой, причем ходить, конечно, не мог. Это, знаете, как стол, у которого отломаны две ножки по диагонали. Никак его, черта, не поставишь. Но прошло некоторое время — и собака наша стала показывать чудеса... Лежит, бывало, у стенки, греется на солнышке, вдруг — свистнешь ее! Подползет она на брюхе к стенке, обопрется об нее боком да вдруг как побежит!!

— Послушай, Кузя, да ведь это невозможно!

— Почему невозможно?! Она бегала по принципу двухколесного велосипеда: сразу приобретала инерцию и мчалась как сумасшедшая! Но стоило ей только остановиться, как она сваливалась на бок, тоже вроде двухколесного велосипеда! И так как ноги ее были расположены не на одной линии с направлением туловища по оси, а вкось, по диагонали, то она бегала не прямо, а всегда загибала самые крутые виражи.

Кузя поглядел на Новаковича с убийственной иронией и закончил:

— Я вижу, что вы мне не совсем верите, но утверждаю, что собака такая была, и, как любит говорить

Новакович, это легко проверить: ее звали Лорд! А владельца звали Гусаков! Он теперь тоже плавает где-то на чем-то.

После некоторого молчания — дани общего удивления странной Кузиной собаке — перст Мецената направился на Мотылька:

— Твоя очередь, Мотылек. Твой стиль обладает большими литературными достоинствами, и поэтому ты не будешь калечить собак или затыкать дельфинами иллюминаторы! Алло! Мы слушаем.

— Моя история не будет веселой, потому что я нынче настроен не особенно хорошо, хотя коронование Куколки для меня большой праздник! Кстати, Куколка! Благополучно ли вы несете ваши секретарские обязанности?

— О, спасибо! Я вам бесконечно благодарен. С редактором мы ладим, хотя знаете что? Он мне говорил, что собирается оставить "Вершины"... Его приглашают редактировать большую ежедневную газету. Хотите, я вас помирю, и он устроит вам в газете заведование литературным отделом?

— Нет, где там! Я его так тогда отделал, что придется мне жить отдельно от этого отдела — простите за плохой каламбур. А за вас я рад, очень рад, Куколка! Вы оправдываете мои надежды!

Мотылек собрал лицо в клубок морщин, странно поглядел на Куколку и сказал:

— Однако к делу. Моя история под стать моему настроению — будет во вкусе болезненного, причудливого, как орхидея, художника Гойи. Тем более что и в истории этой главное действующее лицо — художник! Итак —

О ХУДОЖНИКЕ, КОТОРЫЙ НЕ МОГ ПОПАСТЬ ДОМОЙ

Я, подобно Меценату, люблю побродить по разным трущобам, поэтому да не покажется вам удивительным, что однажды судьба, прихоть и ноги занесли меня в мрачный трактиришко на Обводном канале, нечто подобное той "Иордани", где Телохранитель при первом знакомстве удержал Мецената от карточной игры с елейным убийцей...

Трактир, в который я попал, был переполнен публикой, плохо одетой и еще хуже воспитанной, что неопровержимо доказывалось двумя висящими на стене суровыми плакатами:

"ЗА ПОТРЕБОВАННОЕ ПЛАТИТЬ ВПЕРЕД"

и

"ЗА ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ГОСТЕЙ,
ПОЛОЖЕННЫЕ НА СТОЛ,
ХОЗЯИН НЕ ОТВЕЧАЕТ".

Я полчаса просидел среди шумливой рвани, попивая скверное теплое пиво, как вдруг мое внимание приковал к себе один человек, сидевший налево от меня в полутемном углу этого прокопченного дымом и пропитанного зловонием устаревших кушаний трактира.

Лицо этого человека было бело как мел, углы рта опустились в какой-то невыносимой смертельной тоске, а глаза угрюмо и будто испуганно сверкали из-под надвинутой на лоб широкополой шляпы. Он тоже поглядел на меня длинным тяжелым взглядом из своего угла и вдруг задал странный вопрос:

— А вы чего сюда пришли?

Вот это маленькое словечко "а" впереди фразы и особое ударение на местоимении "вы" главным образом и поразило меня. Благодаря этому фраза приобретала определенную окраску: "Я, мол, пришел сюда потому, что иначе не могу, а какие дьяволы т е б я принесли в такое место?"

— Я зашел случайно — люблю понаблюдать низы, — вежливо отвечал я на его странный вопрос. — И потом, не находите ли вы, что в этой грязи и отчаянности падения есть своего рода живописность?

— Не правда ли? — ответил он, забирая свою бутылку вина и перекочевывая к моему столику. — Но на этакую картину ни кармина, ни берлинской лазури не потребуется ни капельки — сплошная сепия и терр-де-сиена, с щедрой примесью жженой кости!

— Вы художник?

— Художник. Слушайте, будем пить и разговаривать — у меня есть деньги, я вас угощу. Только, пожалуйста, разговаривайте, разговаривайте больше!..

— Что это, у вас как будто странное настроение? — с любопытством спросил я.

— Ничего не странное! Ничуть не странное — самое обыкновенное! Но... будем разговаривать! Говорите что-нибудь — не могу выносить молчания.

Я принялся рассказывать ему какой-то вздор, и он слушал меня с интересом, даже иногда оживлялся, но сейчас же потухал, и уголки его губ опускались самым демонски угрюмым образом.

"Черт его знает, — подумал я, — не убил ли нынче этот Веласкес какого-нибудь человека?"

— Слушайте, — вдруг спросил я, оглядываясь на шумевшую сзади толпу оборванцев, среди которой я чувствовал некоторую опору в безумной смелости моего вопроса. — Вы сегодня никого не убили?

Нисколько не удивившись моему дикому вопросу, он болезненно поморщился и заторопился.

— Нет, тут не то. Это совсем другое! Впрочем, о смерти не стоит. Вы же сейчас говорили об Анатоле Франсе! Вернемся к Анатолю Франсу.

Вернулись мы к Анатолю Франсу, потом перешли к Малларме, переехали на Барбе д'Оревильи — всех трех странный художник знал превосходно.

Особенно взволновала и растрогала его история, которую я незадолго до этого прочитал во французских газетах: однажды на рассвете на скамейке одного из бульваров Парижа нашли мертвого старика, как потом оказалось, поэта. И в карманах его ничего не обнаружили — ни денег, ни документов, — кроме трех вещей: свертка рукописных стихов, штопора для откупоривания бутылок и пряди тонких женских белокурых волос, завернутых в полуистлевшую бумажку. Вот что было в кармане трупа на бульварной скамейке. Смерть настоящего поэта!

— Вот это я понимаю, — воскликнул художник, выслушав историю парижского поэта. — Да, это так! Он был настоящий поэт, как и я, может быть, настоящий художник!

Я огляделся: трактир уже опустел, так как незаметно нахлобучилась на беспокойную голову столицы сырая петербургская ночь.

Слуга, изжеванной судьбой наружности, усыпанный веснушками, как паркет маскарадного зала — конфетти, подошел к нам и твердо предложил:

— Идите домой. Заведение закрывается.

— Голубчик, мы еще немножко... Еще полчасика посидим. Я заплачу!

— И что это вы за господин такой! — угрюмо и подозрительно проворчал слуга. — И вчера не хотели уходить, и позавчера... У нас с полицией строго — такой час, что закрываем!

— Может, кабинетик какой есть или вообще комнатка?.. Вы бы нам — полдюжины вина, телятинки холодной и свечей пару! Ничего больше не потребуется, и можете спать...

— Собственно, и мне пора домой, — нерешительно пробормотал я.

— Дорогой, милый, — ни за что! Останьтесь. Вы еще расскажите что-нибудь, выпьем вина — хорошо? Не оставляйте меня одного!

Я не совсем благосклонно пожал плечами и по темной скрипучей лестнице поднялся следом за ним наверх.

Уселись. Выпили еще вина.

Только наш неожиданный, причудливый, призрачный Петербург может щегольнуть такой зловещей комбинацией: мрачная сырая комната без всякой мебели, кроме тяжелого стола, покрытого сырой дырявой скатертью, комната, где будто застоялся запах старого убийства; за окном густая, как кисель, сырая ночь, дышащая в лицо тифом, а против меня — тускло освещенный единственной свечкой человек, из опущенных углов рта которого вопияла смертная тоска, а глаза испуганно, умоляюще вонзались в меня с молчаливым криком: не умолкайте! Говорите о чем угодно, но не молчите!

Однако наступил момент, когда я совершенно иссяк и умолк, устало прикрыв глаза веками.

— Ваши родители живы? — вдруг спросил меня художник вне всякой связи с предыдущим разговором.

— Отец жив; мать умерла.

— Умерла?!! Неужели? А что ж вы с ней сделали, когда она умерла?

— Да что ж с покойницей делать? Как полагается — похоронили честь честью.

— А как?!! Как это делается? Расскажите!

Я невольно отодвинулся от него к окну. Мелькнула мысль: сумасшедший.

— Вы думаете, я сумасшедший? Даю вам слово — нет. Тут не то. Тут другое. Не знаю, поймет ли кто-нибудь меня...

Я решительно встал с места.

— Вот что, дорогой маэстро! Если вам мое общество приятно — вы сейчас же немедленно расскажете мне, что с вами такое делается! Если нет — сейчас же ухожу! Ну вас к черту с вашими истерическими вопросами и с тоскующими глазами птицы Гамаюн! В чем дело?

Он подошел к окну и, вперив в него лицо, долго вглядывался в серую слепую сырую слизь, которая в Петербурге пышно именуется "ночь".

Потом отвечал. Не мне, а этой унылой ночи:

— У меня умерла жена.

— Это огромное несчастье, — деликатно ответил я. — Но нельзя же быть таким... странным!

— Я знаю. Но у меня нет мужества вернуться домой... И потом — не смейтесь! — я не знаю, как э т о делается!!

— Что делается?!

— С покойниками. Первый раз в жизни. Пятые сутки брожу по трущобам. Дома не был.

— А жену когда похоронили?

— Не хоронил еще. Дома лежит. Слабое сердце. Получила телеграмму о смерти отца — не выдержала. Упала. Разрыв сердца.

— Безумец вы! Пять дней — и она лежит непогребенная?! Почему не похоронили?!

— Поймите — мы здесь одни жили: без друзей, без знакомых... Ну, вот — смерть. А как с ней обращаться, со смертью-то — не знаю. Первый раз в жизни. Ушел я из дому и... не могу туда вернуться. И страшно, и не знаю: что же делать с ней. Жену я очень любил — поймите. А там... ведь это обмывать как-то нужно, свечи разные. Псалтырь читать — откуда я все это знаю? Вот и отдаляю момент возвращения. Пью. Страшно там, поди. На полу так и лежит. Пять дней. И чем дальше, тем все страшнее пойти.

— Знаете что? Стол этот достаточно большой. Ложитесь-ка на нем до утра. А мне дайте ваш адрес, ключ, я все устрою — потом вернусь за вами, когда уже будет готово...

Он поглядел на меня, как на Бога, благоговейно сложив руки, и покорился во всем, как дитя. Лег на стол, положив под голову пиджак, вздохнул и сказал извиняющимся тоном:

— Я над ней больше суток просидел. Пожалуй, даже не плакал — все смотрел на мертвое лицо. А когда обоняние мое почувствовало странный и неприятный запах, совсем жене не присущий, — испугался и убежал из дому.

Было уже светло. Я заехал к себе домой, захватил там квартирную хозяйку, старуху, очень понимающую во всех этих погребальных штуках, потом в участок, взял околоточного и доктора, вошли мы в мастерскую художника. Действительно, на полу лежит женщина, и первый, кто устроил ей погребальный обед, были крысы, порядком объевшие покойницу. Да... Нелегко дышалось в этой комнате!

К вечеру вся процедура была закончена, мастерская проветрена, покойница запрятана в мокрую зловонную трясину, именуемую в столице кладбищенской могилой, и я торжественно ввел во владение мастерской художника, терпеливо дожидавшегося меня в трущобе на Обводном канале. И что ж вы думаете? Когда он вошел в мастерскую, первым долгом поглядел на то место на полу, где лежала жена, благодарно поцеловал меня, пробормотал: "Сейчас буду писать ее в раю, куда она, я полагаю, попала", — и, как ни в чем не бывало, принялся загрунтовывать свежий холст. Писал до вечера. Э т о он хорошо делал. Потом я видел картину... Прекрасная! Этакая мистическая вещь. На выставке была.

Мотылек обвел удовлетворенным взглядом притихших слушателей и добавил:

— А что вы думаете, Меценат! Этот непрактичный художник, это божье дитя любил "живую жизнь" еще больше, чем мы с вами!

— Ты меня обокрал, Мотылек! — печально улыбнулся Меценат. — Я хотел рассказать историю в том же грустном зловещем стиле, а ты меня опередил!

— О, милый Меценат, — поощрительно возразила Яблонька. — Вовсе не обязательно, чтобы история была веселая. Мотылек, например, очень угодил мне своим рассказом во вкусе Гойи. Начинайте и вы!

— Яблонька может вертеть мной, как ребенок погремушкой. Тряхнула — и я начинаю греметь. Позвольте мне назвать свою историю —

О СУМАСШЕДШЕМ, КОТОРОГО ОБМАНУЛИ

Два года тому назад проживал я летом в одном из своих имений... Река, сенокос, парк, огромный плодовый сад — хорошо! Приехал ко мне в гости приятель, кандидат прав — Зубчинский. Уселись мы с ним на веранде, увитой диким виноградом, играть в шахматы — оба были страстные шахматисты. Сбоку столик, на столике белое вино со льдом, ягоды, бисквиты — хорошо! Пере-

двигаем фигуры, болтаем о том о сем, вдруг он, сделав удачный ход, на минутку призадумался, посмотрел на меня странными глазами и говорит:

— Что, если шахматного коня сеном накормить? Можно тогда партию выиграть?

Шутка была глупая. Я пожал плечами, снисходительно усмехнулся и говорю:

— Что за дикая мысль пришла тебе в голову?

— Нет не дикая! (И смотрит на меня нехорошими глазами.) Нет-с! Не! Дикая! Сено — великая вещь. Если теноров кормить сеном, они как соловьи будут петь! А вам все жалко?! Лошади у вас живут без сена — безобразие!

— Николай Платоныч, — испуганно говорю я. — Что это ты, от жары, что ли? Опомнись!

Завизжал он дико, пронзительно:

— Не потерплю! У самого сенокосы по пятьсот десятин, а он лошадей с голоду морит!! Во мне, может быть, душа лошади — и я страдаю! Подлецы!!

Волосы у него сделались влажными, встали дыбом.

Я его взял за руку, а он как обожженный отскочил, закричал, перекинулся через перила веранды и давай по клумбам сигать, точно жеребенок...

— Ход коня! — кричит снизу. — Видишь? Парируй, подлец!

Прыгал он, прыгал, наконец, очевидно, острый пароксизм прошел, утомился, притих, улегся на ступеньках веранды и принялся тихо, жалобно плакать.

Я долго стоял над ним в раздумье. Положение было жестокое и глупое. Что Зубчинский мой сошел с ума, — я, конечно, не сомневался. Но что с ним делать дальше? Помешательство, очевидно, буйное. Связать его и запереть в сарай — жаль. Все-таки приятель. До ближайшего доктора двадцать верст, до губернского города, в котором была и лечебница для умалишенных, — около тридцати. Но как довезти его туда, этакое сокровище? Сумасшедшие необычайно подозрительны, хитры, и, конечно, мой Николай Платоныч сразу догадается, куда я его везу... А догадается — страшных вещей может наделать. Силища у них в этом состоянии непомерная — и Телохранителю, пожалуй, не справиться.

Пока я стоял так над ним в раздумье, приблизился мой управляющий — человек со светлой головой, бывший провинциальный актер, потянувшийся за мной на лоно природы. Он из окна своего флигеля видел, какие

курбеты выделывал на клумбах мой кандидат прав, и поспешил на помощь.

Я отвел его в сторонку, посвятил в двух словах во всю эту глупую историю, спрашиваю:

— Что делать?

— Не иначе как в город везти нужно, в сумасшедший дом.

— Да ведь как его отвезешь-то? Ведь он тут все переломает и нас перекалечит.

— Хитростью надо взять.

Призадумался я — и вдруг, как птица крылом по воде, зацепилась у меня в мозгу мимолетная, но очень светлая мысль.

— Вот что... — сказал я. — Вы можете часа на четыре притвориться сумасшедшим?

Смотрит на меня управляющий умными глазами, ухмыляется:

— Конечно, могу. Актером я был неплохим.

— Ну и ладно. Попробую подловить на это беднягу. Сядьте-ка там за столом и скроите физиономию по возможности наиболее идиотскую. А я с ним поговорю.

А Николай Платоныч плакал, плакал и затих. Задремал, что ли... Сел я около него на ступеньки веранды, потряс его за плечо и говорю:

— Николай Платоныч, а Николай Платоныч!

Поднял он измученное, осунувшееся лицо и спрашивает:

— Что тебе?

— Послушай... У меня, брат, большое несчастие!

— А что такое?

— Мой управляющий с ума сошел.

В его тусклых глазах блеснул интерес.

— Да что ты? Гаврилов? С ума сошел? С чего же это он?

— А черт его знает. Понимаешь, стал уверять, что он нынче утром крысу проглотил.

— Вот дурак-то! Как же это человек может проглотить крысу?

— То же самое и я ему говорю! Никаких резонов не принимает — сидит внутри крыса, да и только!

— А знаешь что? Дай я с ним поговорю. Может, урезоню.

Подошел к управляющему. Стал разглядывать его с огромным интересом и сочувствием.

— Послушайте, что с вами случилось?

— Крыса внутри сидит. Нынче нечаянно проглотил.

— Ну, Гаврилов, голубчик! Подумайте сами: ведь это вздор. Как это человек может проглотить крысу? Ведь вы человек интеллигентный, знаете строение гортани, пищевода...

У моего Гаврилова лицо до того тупо-идиотское, что смотреть противно.

— Раз я вам говорю, что у меня внутри крыса, значит, она там. Вот приложите руку к животу — слышите, как скребет когтями внутри?

— Поймите, что никакое живое существо не выдержит температуры желудка...

— Не морочьте голову... Вы подкуплены хозяином.

Плюнул Николай Платоныч, отошел ко мне.

— Форменный сумасшедший! Я ему логически доказываю, что не может быть живая крыса в человеческом животе, а он черт его знает что несет. Послушай... Давай его полечим, а?

— Чем же его лечить?!

— Покормим сеном. Живые соки, которые находятся в стебельках свежего сена, могут оказать очень благодетельное действие на серое вещество мозга. Понимаешь — сочное сено! Накормим его, а?

Я сделал вид, что размышляю.

— Сено, конечно, очень полезная вещь. Но как его дозировать? Очень сильная доза может оказаться убийственной. Здесь без доктора не обойдешься.

— Так отвези его в сумасшедший дом, там его поставят на ноги.

— Я бы и отвез, но одному трудно. Друг Николай Платоныч, выручи! Давай его вместе отвезем.

— Послушай... А вдруг он догадается, куда мы его препровождаем?

— А ты с ним поговори. Соври что-нибудь.

Николай Платоныч сомнительно покачал головой, приблизился к Гаврилову и сказал, хитро на меня поглядывая:

— Вот что, друг Гаврилов! Мы тут обсудили этот вопрос с крысой и решили вас везти в город на операцию. Раз крыса в желудке, нужно его вскрыть и извлечь оттуда инородное тело. А потом уж я буду долечивать вас сеном — согласны?

— Я боюсь докторов! Вообще же есть у меня один приятель — доктор, да он в доме умалишенных служит.

Глаза сумасшедшего радостно блеснули.

— Ну, вот мы вас к нему и отвезем. Конечно, знакомый доктор лучше!

Он подошел ко мне на цыпочках и подмигнул на Гаврилова с дьявольски лукавым видом:

— Все устраивается как нельзя лучше. Этот болван со своей глупой крысой внутри сам лезет в лапы психиатров. Вели закладывать лошадей — мы его живо домчим.

И вот, когда мы уселись в экипаж, нужно было видеть, с какой трогательной заботливостью относился настоящий сумасшедший к поддельному. Он закрывал ему ноги пледом, хлопотливо засовывал за жилет клок сена ("Жизненная эссенция сена очень хорошо размягчает инородные тела внутри организма..."), изредка во время пути обращался к Гаврилову, сочувственно кивая головой:

— Ну, что, Гаврилов?.. Успокоилась крыса?

— Нет, ворочается, проклятая.

— Ах ты ж, история какая. Ну, потерпи, голубчик... вот привезем тебя, сделаем операцию — и все как рукой снимет.

Приехали. У ворот дома умалишенных Зубчинский заботливо помог Гаврилову выйти из экипажа и, деликатно поддерживая под локоть, стал всходить с ним по ступенькам лестницы.

Я шел сзади, а сердце отчего-то тоскливо ныло.

На наше счастье в приемной находился в тот момент доктор с ассистентом и два здоровенных служителя в белых халатах.

— Чем могу служить? — деловито спросил доктор.

Оставаясь благоразумно около входных дверей, я сделал незаметный знак доктору и сказал:

— Да вот приятель у меня захворал. Не можете ли вы его освидетельствовать?

— Понимаете, доктор, — развязно вступил в разговор Зубчинский. — Вообразил он, что в его животе сидит крыса, и ...

— Дело, собственно, не во мне, — вежливо шагнул вперед, кланяясь и делая знак доктору, Гаврилов. — А мы привезли к вам господина Зубчинского...

Доктор опытным взглядом окинул лица обоих и сразу понял, в чем дело.

— То есть он шутит, — насильственно улыбаясь и странно дрожа, сказал заискивающе Зубчинский. — Если крыса действительно сидит внутри, то препарат свежего сена...

— Хорошо, хорошо. Но вы, господин Зубчинский, пока отдохните, вы устали с дороги. Уведите этого господина в восьмой номер!

Глаза Зубчинского странно округлились, он дернулся вперед, но четыре могучие руки уже клещами держали его сзади. Он увидел ясно сразу, все в один момент: Гаврилова, деловито что-то шепчущего на ухо доктору, и меня, отворачивающего от него смущенное лицо, меня, который уговорил его помочь, меня, который уже взялся за ручку двери, чтобы уйти, покинуть его.

И страшный, как лязг железа, стон прорезал застоявшийся больничный воздух:

— Обманули!!! Доктор, они меня обманули!! Погиб!!

Не помня себя я выскочил из приемной, кубарем скатился с лестницы и опомнился только тогда, когда Гаврилов догнал меня на улице, усадил в экипаж и мы выехали снова на степной простор среди желтеющих полей. Гаврилов молчал, но, если бы даже он заговорил, я бы не слышал его голоса. Все заглушалось этим до сих пор звенящим в ушах пронизительным криком, в котором слилось все человеческое отчаяние, ужас, страшный упрек и огромное страдание при столкновении с подлостью людской:

— Обманули!!!

Рассказ произвел большое впечатление. После общего молчания лежащий около Яблоньки Новакович вздохнул своей могучей грудью так, что даже приподнялся корпусом, и сказал задумчиво:

— Эти две истории — ваша, Меценат, и Мотылька — навалились на меня, как две надгробные плиты. Я возлагаю большие надежды на Яблоньку в смысле освежения этой склепообразной скелетоподобной атмосферы. Рассказывайте, что хотите, Яблонька, и если даже вы заткнете какой-нибудь иллюминатор дельфином, все равно окружающие будут в восторге.

Яблонька погладила нежной, как лепестки розы, рукой огромную голову белого медведя и, сжав значительно губки, погрузилась в задумчивость... Потом решительно тряхнула жидким золотом своих растрепавшихся волос.

— История моя так же коротка, — улыбаясь, сказала она, — как и случай с двуногой собакой, хотя я и не так ленива и односложна, как ее автор Кузя. Так как у нас уже установилось правило, чтобы давать рассказываемым историям заглавия, то моя история должна называться несколько легкомысленно —

СВЯЗАЛСЯ ЧЕРТ С МЛАДЕНЦЕМ

Два года тому назад жила я с родными на даче. При даче был небольшой парк, который непосредственно переходил в лес, отделяясь от него деревянным высоким забором. По сю сторону забора стояла скамья, на которой я любила сиживать с томиком Тургенева или Гончарова, пригретая солнышком, овеянная смолистым ароматом деревьев...

Сижу однажды, читаю, вдруг — слышу за забором шорох. Сначала я подумала, что это пробирается кто-нибудь из гуляющих дачников, переждала немного, опять углубилась в чтение, вдруг ухо мое ясно уловило за забором чье-то дыхание. Человек всегда инстинктивно чувствует, что за ним наблюдают, и я это сразу почувствовала: за забором в щель меня кто-то разглядывал...

— Кто там? — строго спросила я.

И вслед за этим услышала шорох чьих-то быстро удаляющихся шагов.

Тут же этот пустяк сразу и вылетел из моей головы, но вечером, когда я вернулась с прогулки по озеру в свою комнату, мне в глаза бросилась странная вещь: на туалетном столике, прислоненный к зеркалу, стоял образ святителя Николая Чудотворца в золоченой ризе. Вне себя от удивления, я позвала прислугу, опросила всех домашних — все выразили полное недоумение: такого образа ни у кого в доме не было и в мою комнату никто не заходил, тем более что дверь была мною заперта.

Мы все в душе немного Шерлоки Холмсы, поэтому я, оставшись одна, стала на колени и внимательно освидетельствовала ковер. Следов, конечно, никаких не было, но по линии от раскрытого окна до туалетного столика я обнаружила несколько песчинок, лежавших небольшими островками на определенном друг от друга расстоянии. Конечно, это мне ничего не объяснило, так как и сама могла занести на подошвах эти песчинки — пришлось предать чудотворный случай с Николаем Чудотворцем забвению.

Но дня через два повторилось то же самое: утром чье-то дыхание за забором и шорохи, вечером на туалетном столике я обнаружила флакон французских духов, уже откупоренный и начатый.

Я опять взяла всех на допрос, и снова все отозвались полным незнанием, а горничная посоветовала запирать мое окно, выходящее в сад.

Я так и сделала, но на четвертый день окно оказалось открытым, а на столике лежало несколько книг в великолепных переплетах, но по содержанию их подбор был самый странный: два тома Энциклопедического словаря, том стихов Бодлера, роскошное издание "Бабочки Европы" Мензбира и "Семь смертных грехов" Эжена Сю в русском переводе...

Мне сделалось не по себе. Очевидно, кто-то через окно являлся в мою комнату, как к себе домой, и хотя ничего не уносил, а, наоборот, одаривал меня же, но, согласитесь, неприятно чувствовать, что "мой дом — моя крепость", это фундаментальное правило англичан, уже кем-то неоднократно нарушено.

На другое утро я, не переставая размышлять об этой дурацкой истории, захватила томик Бодлера и "Бабочки Европы" с целью рассмотреть все это и направилась к своей любимой скамейке. Снова за забором шорох и чье-то дыхание... Я подождала немного, сделала вид, что всецело погружена в разглядывание раскрашенных политипажей, — и вдруг, как молния, внезапно обернулась назад. Взгляд мой успел схватить чью-то рыжую голову в жокейской фуражке, при моем движении вдруг провалившуюся вниз с легким восклицанием.

— Послушайте, молодой человек, — строго сказала я. — Подглядывать неблагородно. Лучше уж покажитесь, чем прятаться за забором, как заяц.

— Я не прячусь, — сконфуженно пробормотал рыжий "молодой человек", снова выглянув из-за забора. — Я тут... вообще на сад любуюсь.

Вдруг взгляд моего нового знакомца упал на книгу Мензбира, которую я держала в руках, и лицо его засияло от удовольствия:

— Понравилось вам, барышня? — спросил он, указывая грязной рукой на книгу. — Книжонка, кажется, стоящая. А? Чудеса, можно сказать, природы!

И тут я сразу догадалась, кто был автором всех этих нелепых подношений.

— Значит, это вы лазите через окно в мою комнату? — сурово спросила я, еле удерживая улыбку при виде его смущенного лица.

— Простите, барышня. Я ж ничего и не взял у вас. Наоборот, презентовал кой-чего на память.

— Зачем же вы это делаете?

— Очень вы мне приятны, лопни мои глаза! На вас и поглядеть-то — одно удовольствие. Сломайте мне два ребра, ежели вру!!

Объяснение в любви от такой нелепой рожи не могло польстить моему женскому тщеславию, и я сказала еще суровее:

— Чтоб этого больше никогда не было, слышите? И потом, я не хочу, чтоб вы тратили деньги на подобные глупости!

— Тю! Кто это? Я трачу; об этом не извольте беспокоиться — ни копеечки-с! Все задаром. А образок я вам, как говорится, на счастье. А ежели что не нравится, так мигните — все настоящее предоставлю: из материи что али из брошков, с браслетов...

— Да вы что, купец, что ли?

— Так точно, — хитро ухмыльнулся он. — Почти что купец. Некупленным товаром торгую.

Я хотя и девушка, почти не знающая жизни, но сразу сообразила, что это за купцы такие, которые "некупленным товаром торгуют".

— А что, если я на вас полиции донесу?!

— Ни в жисть не донесете, — спокойно сказал он, пяля на меня свои глупо-влюбленные глаза. — Не такой вы человек, чтоб другого под монастырь подвести. Нешто такие беленькие доносят?

Этот вор был большим психологом. Я помолчала.

— Что же вам от меня нужно?

— Разик на вас глазом глянуть да презент какой исделать — больше мне ничего и не требуется. Уж такая вы барышня, что прямо на вас молиться хочется. Два ребра сломайте, ежели вру!

— Молиться, говорите, а сами для меня вещи воруете.

— Зачем специально для вас? Я кой-что и для себя делаю.

Посмотрела я на его рыжую расплывшуюся физиономию, и почему-то жалко мне его стало.

— Слушайте, голубчик... Если я вас о чем-то попрошу, вы сделаете?

— В один секунд! Голову себе или кому другому сверну, а добуду! Два ребра!..

— Вы меня не поняли!.. Я прошу вас о другом: бросьте это ваше... занятие!

Он призадумался, изящно почесывая оттопыренным большим пальцем рыжую голову.

— "Работу" бросить? Гнилой это план ваш, прекрасная барышня. Делу я никакому не приучен — только "работать" могу. Да кто меня и возьмет на дело? Извольте полюбоваться на личность — прямо на роже волчий паспорт нарисован, за версту от меня вором пахнет.

Ах, бедняга! В этом он был категорически прав, даже не клянясь двумя сломанными ребрами.

Представьте себе, долго я с ним беседовала, и хотя, несмотря на все доводы, не могла направить его на правильный путь, но расстались мы друзьями. Он даже дал слово не таскать мне в окно "презентов", вымолил только разрешение "чествовать меня лесными цветочками".

Я видела, что встречи со мной доставляют ему огромную радость, и думаю я, что помимо этого невинного удовольствия — никаких утех в его горемычной жизни, исключая пьянство и чужие сломанные ребра, — никаких других утех не было!

Приходил он к забору в течение лета несколько раз. Я ему связала в "презент" гарусный шарф, а он перекидывал мне через забор "лесные цветочки", но и тут раза два по своей воровской натуре сжульничал, потому что однажды презентовал мне цветущий розовый куст, выдернутый с корнем, а другой раз преподнес букет великолепных оранжерейных цветов, бешено клянясь при этом всеми сломанными ребрами мира, что сорвал в лесу. Дикий человек был (закончила Яблонька с ясной светлой улыбкой) — что с него взять!

— Где же он теперь, этот ваш рыцарь без страха, но с массой упреков?.. — ревниво спросил Новакович.

— Ах, я боялась этого вопроса, — уныло, со вздохом прошептала Яблонька. — Конец этой истории такой грустный, что я хотела не наводить на вас тоски... но раз вы спрашиваете — закончу: когда я уже жила в Петербурге, мне однажды какой-то оборванец принес безграмотную записку на грязном клочке бумаги. Недоумеваю, как он узнал мой адрес... В записке значилось: "Если вы точно что ангел, то не обессудьте, придите проститься. Очень меня попортили на последней работе — легкие кусками из горла идут. Повидаться бы!! Лежу в Обуховской больнице, третья палата, спросить Образцова... Ежли ж когда придете — оже помру, — извините за беспокойство".

— Что ж... пошли? — тихо спросил Меценат.

— Конечно! Как же не пойти. Труд небольшой, а ему приятно. Засиял весь, как увидел. Этакий рыжий неудачник, прости его Господи. При мне же и умер... Сдержал-таки свою любимую клятву "сломанными ребрами": доктор говорил — три ребра сокрушили ему.

Вдруг Яблонька вздрогнула и, отдернув руку, лежавшую около Куколки, поднесла ее к лицу.

— Кто? Что это? Неужели Куколка? То, что вы поцеловали мою руку, — так и быть, прощаю вам, но что на ней ваши слезы — нехорошо. Мужчина должен быть крепче.

— Господи! — в экстазе вскричал Куколка, приподнявшись с ковра на колени и молитвенно складывая руки. — Неужели такие женщины существуют? Как же, значит, прекрасен Божий мир!!

Мгновенную легкую неловкость развеял Мотылек:

— А ваша история, чувствительная Куклиная душа?! Вы должны ее рассказать — чтоб мне два ребра сломали!!

— О, друзья! Позвольте мне ничего не рассказывать... После истории Яблоньки все другие истории покажутся шакальим воем. Да если вы хотите — самая чудесная история в моей жизни — это та, которую вы знаете: знакомство с такими замечательными людьми, как вы, и та сила, та мощь, которую вы в меня вдохнули и которая, я чувствую, сыграет огромную роль в моей жизни!! Последний бокал пью за ваше здоровье и счастье, мои родные друзья!! Уже поздно. Не пора ли спать? Этого вечера я никогда не забуду!..

Домой шел Куколка, пышно освещенный полной луной. Глаза его, полные слез, были обращены к небу, и там в неизмеримой роскошной глубине он видел прекрасного Бога, окруженного сонмом сверкающих серафимов, и не чувствовал в этот момент Куколка под собой земли, потому что когда наткнулся на уличную проститутку, то даже вопреки своему обыкновению не извинился.

Глава XIV

КУКОЛКА ВХОДИТ В МОДУ

Случаются в Петербурге такие воскресные дни, когда воздух делается как-то чище и светлее, небо ярче и солнце светит, точно праздничная русская девушка в алом сара-

фане, идущая в церковь под бурный и радостный колокольный звон, — солнце светит тоже по-праздничному... Тогда будни уползают, как серые старые змеи, куда-то далеко и на душе весело, радостно. Тогда музыка городской суеты звучит ленивее и гармоничнее, а золотые пылинки в дружески теплом луче солнца, протянутом от неплотно задернутой портьеры до узорчатого ковра над кроватью, — пылинки пляшут особенно беззаботно и лихо...

Хоровод этих крошек особенно затанцевал и закружился, когда Куколка потянулся в своей постели и раскрыл сонные глаза.

Утренний церковный благовест разлился круглыми, тугими, упругими, как литые мячи, звуками, и несколько таких медных мячиков-звуков запрыгало в Куколкиной комнате, схватившись за руки с пляшущими золотыми пылинками.

Этот веселый утренний бал окончательно вернул Куколку от сна к жизни.

Он бодро вскочил, накинул халатик, заказал хозяйке кофе с филипповскими пирожками, принял ванну и, освеженный, особенно благодушный в предвкушении праздничного дня, важно развернул свежую газету. В отделе литературной хроники было написано и о нем:

"Входящий в известность писатель В. Шелковников едет в скором времени в Италию на Капри, где будет работать над задуманным им романом".

Куколка улыбнулся и с дружеским упреком покачал головой.

— Ах, Мотылек, Мотылек! Вечно он что-нибудь выдумает... Впрочем, это он для меня же. Какой такой роман? И в голове даже не было. А роман хорошо бы написать. Толстый такой. В трех частях.

Снова гулко и тяжело грянули воскресные колокола; Куколка при этих звуках вдруг бросил газету и всплеснул руками.

— Боже ты мой! А помолиться-то я и забыл!..

Очевидно, для Куколки это было важное упущение ("Пойди-ка потом исправь! Как исправишь?"), потому что он немедленно же опустился перед образом на колени и вознес к Богу ряд мелких и крупных молитв, где причудливо смешались воедино прошения и благодарения за посланное свыше: молился он за мать, за Россию, за Мецената и Мотылька, за Кузю и Новаковича — его новых, таких преданных друзей; за то, чтобы тираж "Вершин", где он секретарствовал, вырос вдвое, благодарил Бога за ниспосланный ему талант, вознес самую пышную гирлянду лучших отборных молитв за прекрасную, чудную Яблоньку, а вспомнив, кстати, и о ее знакомом рыжем воре, испросил и для него у Господа Бога мирного упокоения в селениях праведных.

Чистая душа был этот Куколка, и сердце его возносилось с просьбами ко Вседержителю с такой же сыновней простотой, с какой мальчишка выпрашивает у матери лишнюю горсть орехов.

Покончив с религиозными хлопотами и заботами, Куколка бодро нырнул в светские дела, а именно: выпил большую чашку кофе с двумя популярными филипповскими пирожками, еще тепленькими, и принялся писать матери в провинцию восторженное письмо о своих блестящих шагах на поприще литературной славы, о верных друзьях меценатовской плеяды, о Яблоньке, которая, по его меткому утверждению, была лучшим Божьим созданием на земле, о романе в 3—4 частях, который он предполагает писать (так здоровое зерно, брошенное в черноземную почву, немедленно дает роскошные ростки), о взаимоотношениях редактора и издателя "Вершин", о своей квартирной хозяйке — о многом писал Куколка, много зернистых мыслей и сведений опрокинул со дна чернильницы на бумагу, много дряни и трухи втиснул туда же, инстинктивно памятуя, что родительский желудок все, все, решительно каждую крупицу с жадностью поглотит и все с благодарностью переварит...

Только что окончил Куколка письмо, как в дверь постучали.

— Пожалуйста, войдите, — разрешил Куколка.

Господин с жесткой щетиной на лице и искательными глазами, в узкой, отлакированной временем, венскими стульями и пивными столиками без скатерти визитке, в брюках, чудовищно вздутых на коленях, будто он сунул туда два футбольных мяча, — такого вида господин вошел в комнату и поклонился с принужденной грацией щедро получившего на чай трактирного слуги.

— Простите, что врываюсь. Праздник. Отдых. Знаю. Но пресса безжалостна. Чудовище. Сжевывают зубами в конце концов всего человека.

К новоприбывшему чудовище-пресса, однако, отнеслась довольно милостиво: кроме наполовину сжеванного галстука и объеденного низа брюк, он почти не пострадал от зубов прессы.

— Да, насчет прессы вы верно отметили, — благосклонно согласился Куколка. — Чем вообще могу служить?

— Я от редакции "Вечерняя Звезда". Прислан. Интервьюировать. Вас. Разрешите!

Сердце Куколки бешено забилось и сладко, как на качелях, опустилось вниз, чтоб сейчас же еще слаще взлететь в поднебесье.

— Да что вы... Мне, право, так неловко. Зачем же вам беспокоиться... Я бы сам пришел, если нужно.

На лице щетинистого изобразился благоговейный ужас.

— О, что вы! Как же мы осмелились бы беспокоить такого масти... (он чуть не сказал "маститого", но, взглянув на юное простодушное лицо Куколки, спохватился) такого... популярного человека! Итак, разрешите?

— Извольте! — засуетился Куколка. — Да вы не хотите ли кофе выпить?.. Вот и булочки, масло, пирожок есть.

— Я, собственно, уже завтракал, — пробормотал интервьюер "Вечерней Звезды", в то же время обрушиваясь на предложенные продукты с такой яростью, что его слова о съеденном завтраке должны были бы относиться к эпохе семидесятых годов. — Эх, под такой бы пирожок бы да рюмочку бы водки... двуспальную!

На лице Куколки отразилось совершеннейшее отчаяние.

— Ах ты, несчастье какое, Боже мой! Водки как раз и нет! И как это я упустил?! Впрочем, есть красное вино. Вы выпьете красного?!

Интервьюер закивал головой и промычал набитым ртом так энергично, что было очевидно — окраска предложенного напитка являлась для него мельчайшей деталью.

Наконец, отвалившись от стола, он допил последнюю каплю вина и сказал в виде оправдания своему хищному поведению:

— Прогулка, знаете, дьявольски развивает аппетит! Где родились?

— В Симбирске.

— Хороший город. Непременно побываю. Так и запишем: "Место рождения — Симбирск". Учились?

— Учился.

— И правильно. Ученье, как говорится, свет. Почему начали писать?

— Тянуло меня к литературе.

— Благороднейшая тяга! Другого паршивца к бильярду тянет, ботифончик этакий заложить, а избранные натуры непременно к литературе взор свой обращают или там к музыке какой ни на есть. На какие языки переведены?

— Собственно, еще ни на какие...

— Так и запишем: "Две поэмы вышли в английском переводе в "Меркюр-де-Франс".

Репортер откинул назад голову и с такой восторженной любовью и гордостью артиста поглядел на четко выписанное им в памятной книжке название иностранного журнала, что у Куколки не хватило духу протестовать.

— Кого из классиков лично знали: Тургенева, Достоевского, Гончарова?

— Помилуйте, меня и на свете тогда не было.

— Прискорбно. Строк тридцать похитила у меня эта ваша молодость. Впрочем, черкнем штришок: "В бытность свою в Симбирске великий Тургенев взял однажды на руки Шелковникова — тогда еще малютку — и пророчески воскликнул: "Вот мой продолжатель!"

— Но... ведь этого... не было!

— А почем вы знаете? Вдруг было, да вы по младенчеству не обратили внимания. Ваш любимый писатель?

— Пушкин.

— Так и занесем: "Пушкин и Достоевский". Говорят, роман пишете?

— Видите ли... я еще не знаю...

— Так-с. Тайна. Понимаю. Тайна — святое дело. Из какого быта? Я полагаю, насчет оскудения интеллигенции. Э!

— Как вам сказать... — в отчаянии пробормотал Куколка.

— Так и запишем: "В будущем произведении жестоко бичуются уродливости русских Рудиных, оторвавшихся от земли..." Курите?

— Ну, это такая деталь, что стоит ли указывать...

— Нет, мне бы, мне папироску. Ужасно курить хочется! Я в том смысле. Скажите еще что-нибудь копеек на тридцать! Для округления.

Куколка беспомощно взглянул на него. Что ему сказать? У бедняги даже мелькнула мысль предложить интервьюеру эти недостающие тридцать копеек наличными, но тот уже вдохновенно перебил его:

— Спортом занимаетесь? Вы, по-моему, хороший боксер легкого веса. Нет? Ну, все равно займетесь на свободе. "Наш собеседник очень увлекается, кроме литературы, и той отраслью спорта, о которой еще знаменитый Расплюев отзывался: "Просвещенные мореплаватели — и вдруг бокс". Тот Расплюев, который в изображении артиста Давыдова вырастает в..." Ну, во что он вырастает, я после допишу. Дома.

Он перечитал написанное и вытянул губы трубочкой.

— Гм... суховато немного вышло. Ну, я дома еще иллюминую; красочкой кое-где трону. Ну, я побежал. Еще один фрукт на очереди. Посланник. Балканский вопрос. Рубля на четыре. Счастливо оставаться. Еще папиросочку. Можно? Три? Ну, три! Или пять? Для округления. Так, в Саратове родились? Чудный город. Обязательно побываю. Так сказать, на месте преступления. Чудно! Пляж. Фактории. "Эх ты, Волга", — как говаривал покойный Степан Разин. Эпос, а? До скорейшего.

Этот бедный поденщик пользовался в литературных кругах популярностью за одну свою странную особенность: получив в конце месяца из редакции деньги — рублей пятьдесят — он, вместо того чтобы освежить свой туалет или расплатиться с пребывавшей в хронической панике квартирной хозяйкой, вместо этого он брал лихача на дутых шинах, мчался в "Аквариум", заказывал великолепный ужин в ложе, выходящей к сцене, пил шампанское, закуривал "гавану" и, купив у продавщицы пук красных роз на деньги, оставшиеся после уплаты по счету, барским жестом швырял цветы какой-нибудь пляшущей на сцене испанке, после чего пешком возвращался домой, опустошенный, но бодрый, бормоча себе под нос:

— По-великокняжески провел вечер! Ай да мы, Пегоносовы! Вот это жизнь! Красота! Ракета!

Манера разговаривать у него была тоже особенная, никому другому не свойственная. Мотылек почему-то называл эту манеру "фонетическим методом".

При встрече с Мотыльком он еще издали кричал:

— Здравствуйте, красавец! Зарабатываете? Красота! А галстучек-то! Мода! Король Эдуард пуговицу на жилетке для моды расстегивал! Англичане! Гибралтарский вопрос! Думаю в Испанию поехать — кастаньеты, танцовщицы, в "Аквариуме" давно были? Осетрина беарнез чудная! Рыбный вопрос! Думаю рыбной ловлей заняться! Море — Черное — Каспийское — Нефтяные вышки — Нобель — керосиновый король — красавец — зарабатывает!!

Эта бесконечная лента могла тянуться полчаса.

Теперь, когда он вышел от Куколки, Куколка минут пять сидел оглушенный, будто его посадили под жерлом пушки и выстрелили.

Но не успел он прийти в себя, как в двери снова постучали.

— Можно?

— Можно.

Вошел седобородый старец, казалось весь сделанный из мягкого серебристого плюша, благостный, импозантный, в сером сюртуке и с плюшевой шляпой в руке.

— Жаждал познакомиться... — мягким серебристым баском проворковал он, окружая руку Куколки двумя пухлыми ладонями, будто пуховой периной. — Вот вы какой!.. Совсем молодой. А мы уже старики-с! Да-с... На исходе. Вы в гору — мы под гору. Вот и зашел посмотреть, чем молодежь дышит.

— С кем имею честь?.. — пробормотал Куколка.

Посетитель назвал свою фамилию, и Куколка так и отпрянул в благоговейном ужасе: носитель фамилии был крупный, по петербургскому масштабу, писатель, гремевший своими романами в прошедшем десятилетии.

Что его привело к бедному, в шутку раздутому, "как детский воздушный шар", по выражению Мотылька, Куколке? Захотелось ли ему при взгляде на Куколку вспомнить себя самого — молодым, входящим в моду, "взбирающимся на высокую гору"? Или уж очень он боялся отстать от века? Или захотел старый литературный слон, грешным делом, заручиться признательностью и дружбой будущей знаменитости? Бог его знает. Темны и извилисты пути артистической души на закате!..

— Боже ты мой! — засуетился радостно смущенный, растерянный Куколка. — Я даже не знаю, какое кресло вам предложить! Ведь вы наш учитель! На какое почетное место посадить вас?!

— Э! Все равно в конце концов в калошу посадите, хе-хе. Впрочем, шучу. Вы имеете, кажется, отношение к редакции "Вершины"?

— Да... я там... секретарем.

— Хороший журнал. В моду входит. Я вам, кстати, чтоб не с пустыми руками заходить, вещицу принес. Кажется, удалась. Хотите, берите для журнала!

Куколка бросил косой взгляд на извлеченную из сюртучного кармана трубкообразную "вещицу", и хотя был он восторжен и неопытен, как дитя, но не мог не заме-

тить, что "вещица" уже бывалая. Следы ее путешествий ясно обозначались в виде стертых, потрепанных краев и карандашных ядовито-синих, не поддающихся резинке пометок на обложке: *"К возвр."*.

Тем не менее Куколка вещицу благоговейно взял и тут же заверил, что со своей стороны приложит все усилия, чтобы в ближайшее время... и так далее.

Был он еще мягок и сердечен, резко отличаясь от старых очерствевших редакционных тигров, жестоких палачей, живодеров, убийц и крушителей как робких, радостно начинающих, так и угрюмо кончающихся дарований.

— Ну, теперь я пойду... А то вы тут, может, творили что-нибудь... хе-хе... вечное, а я, старый брюзга, мешаю.

Еще раз Куколкина рука нырнула, как в душную пуховую перину, в две чисто вымытые пухлые ладони, и плюшевый мягкий старик вышел, покачивая серебристой бородой, опираясь на трость с серебряным набалдашником.

После его ухода Куколка посидел еще немного в задумчивости, перечитал письмо к маме, дописал несколько строк и сказал сам себе, потирая лоб:

— Что-то мне еще нужно сделать?.. Неприятное, но необходимое... Гм! Со вчерашнего дня собираюсь. Ах да! Разыскать Мецената и поговорить с ним.

Куколка с гримаской почесал затылок, вынул из ящика письменного стола какую-то светло-фиолетовую записочку, перечитал ее, вздохнул и, энергично одевшись, решительно вышел из дома.

Глава XV

МАТ МЕЦЕНАТУ

Изменял ли жене Меценат? Никто из клевретов не мог сказать об этом ничего положительного или отрицательного. Вообще, эта сторона жизни Мецената была окутана абсолютным мраком. В орбите его разнообразной жизни вращались кроме клевретов и несколько очень недурненьких девушек сорта, совершенно противоположного Яблоньке, но у Мецената к ним отношение было более отеческое, чем галантное. На ухаживание за ними вездесущего Мотылька Меценат смотрел сквозь пальцы, сам же ограничивался благодушным подшучиванием над

всеми этими Мусями и Лелями, подкармливая Мусю и Лелю ужинами при упадке их личных дел и снабжая малой толикой деньжат под деликатным предлогом, что "мне твоя красная шляпа, Муся, действует на нервы. Возьми себе эту бумажку и купи что-нибудь менее кровавое!".

И Муси жались к нему при всяких невзгодах, как попавшие под ливень пичуги к могучему гостеприимному дубу.

И сегодня — в этот воскресный день — Меценат тоже кайфовал не один, а обсаженный с двух сторон Мусей и Лелей. Сидели они в том самом кабинете кавказского погребка, где не так давно праздновался день рождения Принцессы, столь прекрасно воспетой Кузей в его импровизации о красоте лени.

Муся сидела справа от Мецената, Леля — слева.

Леля была брюнетка в серой шляпе, Муся — блондинка в черной, с эспри. Кроме этого, ничем они друг от друга не отличались. Муся как Леля, Леля как Муся. Одним словом, девушки как девушки.

— Понимаете, Меценат, — рассказывала, волнуясь, Леля. — Когда мы познакомились, он уверял меня, что учится студентом в Лесном институте, а оказался простым приказчиком на дровяном складе вовсе. Как это вам покажется?

— Отчаяние и ужас, — серьезно сказал Меценат, прихлебывая белое винцо. — Я бы не пережил этого удара.

— Знаете, я поэтому с ним и разошлась.

— Надеюсь, он не перенес разлуки и покончил с собой?

— Какое! Я сама так думала, а он за Дусей от "О бон гу" стал бегать, да еще и смеется вовсе!

— Смеется?! Возмутительный цинизм. Я бы его на вашем месте забыл.

— Я уже и забыла.

— Ну и умница. Почирикайте мне еще что-нибудь.

— Ха-ха! Что ж вы нас, за птиц считаете, что ли? — кокетливо рассмеялась Муся. — Ужасно обидно, что вы нас даже, кажется, не считаете за интеллигентных вовсе. А я даже слушала курсы повивальных бабок!

— Святое призвание. Даю вам слово, если у меня родится ребенок, вы будете первая бабка, которая повьет его.

— Да я не кончила курсы. Все из-за того Гришки, который был инструктором на скетинге. Из-за него и курсы бросила, а потом долго плакала вовсе.

— Значит, ты, Муся, пожертвовала карьерой ради сердца... Такая жертва угодна Богу.

— Какой вы странный, Меценат. Говорите серьезно, а будто смеетесь вовсе.

— Смех сквозь невидимые миру слезы. Ну, чирикните еще что-нибудь.

Муся надула губки.

— Да что мы вам, люди или птицы?!

— Конечно, люди! За убийство каждой из вас убийца будет осужден на такой же срок, как и за убийство Льва Толстого. Значит, с точки зрения юриспруденции вы имеете такой же удельный вес, как и Лев Толстой.

— А у меня есть открытка Льва Толстого.

— Быть не может! Повезло старику.

— Меценат, а кто вам больше нравится — Муся или я?

Но этот рискованный вопрос остался без ответа, потому что в ту же минуту из-за портьеры, заменявшей дверь, выглянуло смущенное лицо Куколки.

— Простите, Меценат... Я, право бы, не решился, но я думал, что вы одни. Почтенная Анна Матвеевна сказала, что вы сюда поехали... Я думал, с вами наши...

— Да чего вы там на пороге бормочете извинения?! Входите. Вот познакомьтесь с этими барышнями: левая — Муся, правая — Леля. Пожалуйста, не перепутайте только, это очень важно.

— Какой хорошенький, — проворковала Муся, косо, как птичка, поглядывая на Куколку. — Прямо куколка.

— Да его Куколкой и зовут, — рассмеялся Меценат.

— Неужели?.. Какая странная фамилия.

— Видите, собственно, моя фамилия Шелковников. Имя мое — Валентин, отчество...

И Куколка добросовестно выложил всю подноготную, благо тут не было Мотылька, который никогда не давал ему закончить полного своего титула.

— Но я вас буду лучше называть Куколка. Можно? Вы актер?

— Нет, я поэт.

— Как чудно! Напишите мне стишки.

— С удовольствием, — с невозмутимой вежливостью, характеризующей его в отношениях ко всем окружающим, согласился Куколка. — Выберу свободный час и напишу.

Потом обратил свое лицо, на которое налетело неуловимое облачко заботы, к Меценату.

— Простите, милый Меценат, но я, собственно, к вам по делу. Поговорить бы нужно. Очень серьезно.

Брови Мецената дрогнули от легкого удивления и какого-то тайного смущения, но он сейчас же деловито кивнул головой Куколке и встал.

— Это легко устроить даже сейчас. Тут рядом свободный кабинет. Перейдем туда. А вы, миледи, попросите еще вина и фруктов — позабавьтесь минутку без меня. Наболевший вопрос о предателе — приказчике дровяного склада — еще не обсужден вами с исчерпывающей ясностью.

По искусственной веселости Мецената было заметно, что он немного внутренне сжался перед "серьезным разговором", потому что в его грешной голове сразу же мелькнула мысль: уж не открылась ли вся "Кукольная комедия" и не предстоит ли щекотливое объяснение по поводу жестокой шутки "в космических размерах".

Но о том, что случилось на самом деле, бедный Меценат и не догадывался и не мог бы догадаться, если бы ему дали на догадки три года сроку.

В пустом кабинете электричество не горело, и весь источник света заключался в небольшом запыленном окне, помещавшемся высоко, а на улицу выходившем низко — в уровень с тротуаром. Солнце золотило пылинки на окне, но они не танцевали, как давеча в комнатке Куколки, а притихли, прижавшись к стеклу и чего-то выжидая. Скатерть со стола была снята, и на голой столовой доске ясно обозначилась цифра "8", получившаяся из двух следов от стоявших рядом мокрых стаканов с вином. На стене висела преглупая картина "Отдыхающая одалиска" — полногрудая женщина, играющая с ручным леопардом на пестром ковре.

Все вышеописанные подробности Меценат заметил не сразу, а втиснулись они в его мозг лишь тогда, когда случилось "это", и осели в мозгу на всю будущую жизнь. Даже запах — причудливая смесь из зеленого лука, лимона, тертого сухого барбариса и острого овечьего сыра, — даже этот специфический аромат, въевшийся в стены комнаты, долго потом преследовал Мецената.

Когда они вошли в кабинет, Куколка повернулся лицом к свету и, положив свою изящную тонкую руку на могучее плечо Мецената, сказал с некоторым волнением:

— Верите ли вы мне, Меценат, что я люблю вас больше, чем всех остальных?

— Верю, — немного колеблясь, ответил Меценат.

— Очень хорошо. Тогда мне легче говорить. Верите ли вы, что я сейчас обращаюсь именно к вам, потому что вы самый умный, самый добрый и вообще... Вы мне напоминаете доброго Бога Отца, к которому всякий человек имеет право обратиться со всякой просьбой, за всяким — самым даже диким — советом. Верите?

Такое лестное сравнение немного испугало Мецената, и он с трудом преодолел себя, чтобы скрыть смущение:

— Куколка! Да что же случилось?

— У меня нет никого, кроме вас, старше меня и умнее, к кому бы я мог обратиться за советом по самому неприятному для меня поводу. Дело чрезвычайно деликатное. Со мной это впервые случилось.

— Вам нужен совет? — облегченно вздохнул Меценат. — Говорите смело. Что будет в моих силах...

— Меценат! Вы... не считаете меня фатом?..

— Боже сохрани!

— За это спасибо. Иначе бы я не мог и рта раскрыть. Слушайте же! Одна женщина призналась мне в любви и... как бы это сказать?.. немного даже преследует меня. А я, видите ли, ее не люблю. Признаюсь уже во всем: мне нравится другая. А эта первая... она хоть и красавица, да не по душе мне.

И доверчиво закончил:

— Это бывает, Меценат?

— Бывает, — усмехнулся мудрый конфидент. — Скажите, Куколка, а вы давали первой женщине... какой-нибудь повод?

— Ни малейшего. Я только был вежлив, как со всеми прочими... А случилось другое. Согласитесь сами, разыгрывать Прекрасного Иосифа — роль чрезвычайно глупая, но что ж делать, когда у меня совсем другие мысли и... стремления. Вы умный и опытный, посоветуйте, как это ликвидировать?

— Гм!.. Если вы мне так доверились, так доверяйтесь до конца! Чтобы дать вам толковый совет, я должен знать: кто эта первая? Это жена Пентефрия? А?

— Я думал, вы сами догадаетесь! Впрочем, уж буду говорить все прямо, как на исповеди: Ее Высочество.

Меценат в недоумении поглядел на него.

— Какое... Высочество?

— Ах, Боже мой, да та красавица, которая была с нами в прошлом месяце в этом ресторане. Еще Новакович рассказывал, что она на воздушном шаре от отца бежала... Ну... Принцесса, одним словом!

Потолок был и без того низкий, а в этот момент он спустился еще ниже, с треском ударил Мецената по темени, пригнул его и расплющил... Меценат молча покачнулся, уцепился за спинку стула и осел, будто из него кто-то волшебной силой сразу вынул костяк.

— Что с вами, Меценат? Вы как будто чем-то поражены? Может, мне не следовало этого говорить?

— Нет, ничего, ничего, — замахал трепещущей рукой Меценат. — Это я просто, кажется, выпил вина больше, чем полагается... Подождите!

Он отошел к окну, поднял локти, оперся о подоконник и долго и внимательно разглядывал пылинки, осевшие на стекле.

Мысли у него были разорванные, растрепанные, как облака после бури...

"Вот эта дождевая засохшая клякса чрезвычайно напоминает очертание Африки, — подумал Меценат. — Да... Африка! Туда мы не доехали... Поленилась Принцесса. А будь мы в Египте — ничего бы этого и не случилось... Восемь лет!.. И как легко их составить, эти восемь: след от двух пустых осушенных винных стаканов рядышком — вот тебе и восьмерка. Гм... Ленивая одалиска... Пожалуй, что и не ленивая. И одалиска не ленивая, и леопард — не леопард".

— Я с ним и в цирк, и в кинематограф, как порядочная, а потом его товарищ, знаешь, брюнетик такой, Вася, говорит: "Да какой он студент Лесного института?! На дровяном складе служит. Доски записывает вовсе". — "Что вы ко мне со своими досками лезете", — говорю я, а сама плачу, плачу, как дура, верное слово, плачу, — доносилась из-за стены монотонная, печальная повесть Лели.

Меценат вдруг оторвался от окна и обратил совершенно спокойное лицо к Куколке.

— Ф-фу! Прошло. Ну, теперь рассказывайте, севильский обольститель, как же это все случилось?

— Да вот — в самых кратких словах, потому что вас там дамы ждут, неловко оставлять их скучать! На другой день после знакомства заехал я к ней просто из вежливости, думал, не застану дома, оставлю карточку. Вдруг говорят: "Вас просят". Ну, выпили мы чаю, посидели...

то есть сидел я, она лежала... Поговорили. Ухожу я, она говорит: "Приезжайте еще на днях, привозите стихи, почитайте". Я думал, она стихами заинтересовалась! Приехал вторично, стал ей читать, а она, представьте, заснула, кажется! Очень странная дама. Потом, когда я кончил, очнулась и говорит: "Что вы там сидите, сядьте около меня!" Присел я на кушетку, а эта самая... Принцесса стала мне волосы гладить. Я думал все-таки, что кое-что из моих стихов ей понравилось и она... одобряет, а она обняла меня за шею и говорит вдруг: "Поцелуйте меня!" Я немножко испугался и ушел. Потом она два раза вызывала меня к телефону... Сама заезжала в экипаже... Кататься на Острова приглашала... Я один раз по слабости характера поехал, потом стал отказываться... Неприятно, знаете, когда человек все время говорит: "Вы меня разбудили, вы меня разбудили".

— Да... неужели... она заезжала за вами?!

— Ей-Богу.

— Но ведь эта... Принцесса... ленива, как сотня сытых кошек!

— Не знаю, что с ней сталось — совсем не такая, как первый вечер... Глаза сверкают, румянец во всю щеку и губы облизывает, как вампир, ищущий крови. Я ее даже, знаете ли, немного боюсь. Вчера вечером четвертую записку от нее получил. Звонит, пишет, заезжает...

— Что ж вы *от меня* хотите? — странным голосом спросил Меценат.

— Вы с ней... ближе знакомы, чем я. Посоветуйте, как всю эту историю ликвидировать? Чтобы было не обидно для нее и чтоб мне не терять мужского достоинства. Такая неприятность, знаете! В первый раз у меня это. Впрочем, простите, Меценат... но, может быть, мне было бы лучше посоветоваться по этому поводу не с вами, а... с Новаковичем, например? А то вы... какой-то странный!

— Нет, нет. Вы как раз обратились по настоящему адресу. Умнее ничего нельзя было придумать! А сделайте вы, чтобы выйти с честью, вот что... Возьмите портрет той особы, которую вы любите, напишите на обороте: "Моя невеста" — да и пошлите ей без всякого письма. Она поймет, и все кончится красиво.

— Вы думаете? А это... удобно?

— Чрезвычайно. Я вам советую, как лицо... незаинтересованное.

За портьерой вдруг послышался мужской смех, возня и крики:

— Да куда это они уединились?! Телохранитель! У Куколки с Меценатом секреты — не подкапывается ли Куколка под нас? Не хочет ли понизить наш курс в глазах Мецената?!

Кузя и Мотылек под предводительством Новаковича бесцеремонно ворвались в кабинет с одалиской и леопардом на стене и остановились, удивленные: на них в упор смотрели черные неподвижные глаза Мецената, и... никогда еще "клевреты" не видели такого странного взгляда.

— Простите, Меценат... Если вы еще не кончили, мы подождем.

— О нет! Мы уже свободны. Куколка читал мне по секрету свою новую поэму, и... это... оказалось... *дьявольски сильная вещь!!*

— Закончили поэму? — осведомился профессиональным тоном Мотылек.

— Да! Закончу, — твердо отвечал Куколка. — Сегодня же.

Глава XVI

САМАЯ КОРОТКАЯ ГЛАВА ЭТОЙ КНИГИ

В нарядном будуаре Веры Антоновны сидел Новакович, почти расплющив своим мощным телом хрупкий воздушный пуф, и говорил:

— Недоумеваю, за каким чертом Меценат не сам к вам явился, а послал меня. Такая простая вещь... Говоря кратко — он просит у вас отпуск.

— Какой отпуск? Боже, как это все... утомительно.

— Для нас? Нисколько не утомительно. Он собирается ехать на Волгу — от Рыбинска до Астрахани и обратно — и берет с собой Мотылька, Кузю и меня.

Вера Антоновна полузакрыла засверкавшие глаза и сонно спросила:

— Конечно, и Куколку берет?

— О нет! На что нам этот юродивый... Он забавен только в столице как объект Мотыльковых затей. Так как же... даете Меценату отпуск?

— О, Боже мой... когда же я его удерживала! Пусть едет. Желаю вам веселиться. Ох, как я устала!

Исполнив поручение, Новакович сидел и томительно молчал. Хотя был он человек разговорчивый, но знал — с мраморной статуей не разговоришься.

— Да... такие-то дела, — пробормотал он, собираясь встать. — Так-то, значит. Вот оно каково.

И вдруг странный вопрос Принцессы пригвоздил его к месту:

— Скажите, Телохранитель... Эта ваша знаменитая Яблонька — очень красивая?

— О, описать ее красоту так же трудно, как...

Вдруг его взгляд упал на одно место огромного ковра, покрывавшего пол, и фраза осталась незаконченной.

— Ну, чего ж вы замолчали? Говорите!

— Так же трудно описать Яблоньку, как...

— Ну?!

— Так же трудно... как...

— Боже, какой вы нудный!!

Но Новакович не слушал: он наклонил корпус и впился ястребиным взглядом в часть пушистого ковра около кушетки...

— Так же труд... Боже мой, да вот ее кусок!.. Что это?

Быстрее молнии он упал на колени и поднял запутавшийся между бахромой края ковра кусок фотографической карточки.

— С ума я схожу?! Ведь это часть лица моей... нашей любимой, неповторимой Яблоньки! Глаз ее! Кусочек ее капризной нижней губки... Принцесса! Что случилось?

Принцесса вдруг уткнулась лицом в подушку так быстро, что ее бурные, как черный вихрь, волосы разметались во все стороны. Поглядывая одним сверкающим глазом из этого водопада темных струй, она вдруг спросила сурово, почти грозно:

— Вы ее любите, Новакович?

— Правду вам сказать? Больше света Божьего!

— Так и ступайте вон! Дурак вы! И вообще все вы дураки!

Плечи ее затряслись, она конвульсивно изогнулась, как раненая королевская тигрица; она извивалась, заглушая подушкой еле слышные стоны.

"Истерика или нет? — спросил сам себя Новакович, вертя в руках обрывок карточки. — Пожалуй, что нет. С жиру бесится наша Принцесса! Нет, на истерику не

похоже. Обыкновенный дождик без грома и молний. Что бы это значило?"

— Уходите! Скорей!! Сейчас же... отсюда!

Он пожал плечами и на цыпочках вышел из комнаты.

Глава XVII

КРЫЛЬЯ КУКОЛКИ

Меценат в одиночестве шагал по своей огромной гостиной, как дикий зверь в клетке, отталкивая ногой стулья и делая такие резкие повороты, будто он оборачивался на чей-то невидимый удар сзади.

Но когда в дверь постучали, он отпрыгнул в сторону, повалился на диван и сказал равнодушным сонным голосом:

— Ну, кто там? Войдите. А! Ты, Кузя!

— Вы, кажется, спали? Я вас разбудил?

— Наоборот.

Кузя с треском опустился в свое обычное кресло и, не обращая внимания на загадочный ответ Мецената, погрузился в мрачное молчание.

— Что с тобой, Кузя?

Кузя промолчал.

— Что-нибудь случилось?

Кузя помолчал и вдруг прорвался, точно вода из проткнутой гвоздем пожарной кишки:

— Меценат! Да ведь он форменный мошенник! Правда, я с вами проделал почти такую же штуку при первом знакомстве, но... я ведь профессионал! Мне простительно! А тут... этакое грязное животное!

— В чем же дело, Кузя? Ты сегодня разговариваешь так много, что из твоих слов я могу извлечь чрезвычайно мало.

— Проиграл!!

— В шахматы?

— А то во что же? Все свои личные деньги, да еще ваших малую толику прихватил, что вы давеча дали на покупку чемоданов! Уехали мы, чтоб его нечистый взял!!

— Проиграл?! Кому?

— Кому же, как не этому дьявольскому Куколке! Видали вы такого мерзавца?! Ясные детские глазки, серебристый, как у девчонки, голосок, а сам форменный бандит с большой дороги.

"Я, видите ли, дилетант (совсем непохоже передразнил Кузя), мне с вами, с маэстро, куда ж тягаться!.. Я давно не играл..." Не играл ты давно? Чтоб на том свете черти твоим черепом так давно не играли!! Показал он мне старушку в кадушке! Я ему свои гамбитики да дебюты пешки, а он... черт его знает, как парирует... Гляжу — ан королеве моей деваться и некуда! А на четвертой партии такой гамбит показал, что уж не знаю, как его и назвать... Гамбит Чертовой Куклы, что ли?! Меценат! Дадите свеженьких денег на чемоданы? Если нет, так выгоняйте уж сразу! Чтоб не мучиться.

По странному совпадению клевреты стали слетаться "на огонек" — один за другим.

Вторым влетел Мотылек.

— А я к вам на огонек... Куколки не было?

— Нет, этой Чертовой Куклы не было, — мрачно пробурчал Кузя.

— Почему Чертовой? — живо обернулся Мотылек. — Ты тоже, значит, все узнал?!

— Кое-что узнал...

Мотылек завизжал:

— Ну, как вам это понравится!! Когда я нынче прочел, что издательство "Альбатрос" купило его книгу — лучшее издательство! — я чуть не упал на улице под копыта лошадей!! Болваны! Они моим заметкам поверили! Старушки в кадушках на подушках заскачут теперь по всей России! Подумайте! Я собрал том стихов — ожерелье чистейшего жемчуга, — и это "ожерелье" валяется у меня в столе, мертвое, неподвижное, будто оно из свинцовых пуль, а этот болотный пузырь со своими "Зовами утра" выскочил и — пожалуйте!! Ну, пусть же книжонка его выйдет — хохот, треск и скандалище пойдет на всю Россию!! О, дурачье! О, трижды идиоты!!

— Кто трижды идиоты? — спросил Новакович, входя без стука и поймав на лету последнюю энергичную фразу.

— Пожалуй, что и мы. А ты из нас первый. Черт тебя наддал притащить тогда эту чертову Куколку! Сколько я из-за него крови испортил!! Сидит он теперь на моем секретарском месте и небось смеется, подлец, в кулак. Ведь не будь его, меня бы снова, может быть, позвали в "Вершины" секретарствовать!

— Не будь его — я бы сегодня не проиграл кроме своих денег еще и Меценатовых чемоданов, — меланхолически добавил Кузя.

Новакович поглядел на Кузю с любопытством:

— Неужели Куколке проиграл? В шахматы? Однако! Да, вот что, Меценат... Я сейчас от Великолепной! Отпуск вам милостиво разрешен. Да-с, да-с, да-с... вы не можете, Меценат, объяснить мне одной дьявольщины: каким образом в будуар Принцессы попала Яблонька?! Вот кусочек ее спас. В клочья разорвана.

— Так это... Яблонька?! — ахнул Меценат, и тут же в душе вздохнул Меценат, и, забыв о собственных переживаниях, уныло пробормотал Меценат: — Бедный Телохранитель!

— Что вы там бормочете?

— Это я стараюсь догадаться, в чем дело! Действительно, за каким чертом попала карточка Яблоньки к моей жене? Да еще разорванная. Уж не приревновала ли меня Принцесса к Яблоньке?..

— Иначе я и не могу объяснить, — угрюмо пожал плечами Новакович. — Хотя вы ведь никакого повода не давали. А? Меценат?

— Ни малейшего.

— На обороте ничего не написано? — спросил Мотылек.

— Ах, я даже не посмотрел! Вот тут... Гм!.. Странно: "Моя не..." Дальше оторвано. Удивительная загадка!

— Почему ж ты не спросил у Принцессы?!

— Поди-ка спроси! Истерика у нее, у вашей Принцессы! Дураком меня назвала и выгнала, — с досадой сказал Новакович.

Мотылек сморщил лицо.

— Мы с Принцессой почти сошлись во взглядах: она назвала тебя дураком, когда ты выходил от нее, я — когда ты входил к нам.

— Да почему же именно я дурак? Я от Куколки не потерпел урона, как ты с Кузей! Мы с Меценатом остались неуязвимы! Правда, Меценат?

Меценат, не отвечая, отошел в угол, уткнулся в него и, кажется, засмеялся... По крайней мере, плечи у него дрожали, как у смеющегося.

— Да, — искоса поглядывая на странно смеющегося Мецената, покровительственно говорил Новакович. — Ты сам, Мотылек, виноват в отношении Куколки. Заварил эту кашу с газетной рекламой, да и не знаешь, как ее теперь расхлебать. Как неопытный спирит: вызвать призрак — вызвал, а как теперь его спровадить обратно — и не знаешь. Теперь уж машина завертелась без тебя! Не читали интервью с Куколкой в "Вечерней Звезде"?

Это уж помимо вас кто-то постарался. И где родился, и как родился, и почему родился, и все такое...

— Да ведь лопнет же все это! — завопил Мотылек. — Не может не лопнуть! Ведь если выйдет книжка — старушку в избушке никуда не спрятать. Черным по белому! А стоит только этой дурацкой старушке выглянуть из избушки, как все полетит к черту!

— Стучала я, стучала, — сказала, входя, Яблонька, — а вы так тут кричите, хоть из пушек пали. "Здравствуйте, разбойнички", — как говорит няня. А Куколки еще нет?..

— И вы насчет Куколки? — горько усмехнулся Новакович.

— Да... Он мне сказал, что сейчас придет. Чего это вы все носики повесили?

Яблонька была по-прежнему ласкова и тепла, как солнечный луч, но наблюдательный Меценат заметил, что в ее ясных глазах мелькало какое-то легкое и милое смущение.

— Куколка, Куколку, Куколкой, о Куколке, — продекламировал Кузя.

В дверь постучали.

— А! Вот и Куколка. Комплект полный!

— Друзья! — с порога закричал Куколка. — Я так счастлив, так счастлив и за себя и за вас, Мотылек!! Вы снова можете занять ваше секретарское место!!

— Что такое? — с тайной радостью спросил Мотылек. — И вас так же "ушли" из редакции, как меня?

— Наоборот! Все складывается наилучшим образом. Помните, я вам говорил, что редактор переходит в ежедневную газету? И знаете, кого издатель пригласил на освободившееся место редактора? Меня! Премилейший человек. И подумать только, что всем этим я обязан вам!

— А правда ли, — спросил Кузя вместо Мотылька, который при последних словах Куколки странно хрюкнул, завалился за спинку дивана и затих, — правда ли, что "Альбатрос" издает вашу книгу?..

— Да, — сияя прекрасными светлыми глазами, радостно подтвердил Куколка. — Можете поздравить. Да у меня с собой, впрочем, и корректурные листы.

— Где?! — взвился из-за дивана, как пружина, Мотылек. — Покажите!!

— Да вот они. Я уже и корректуру продержал.

Мотылек лихорадочно, дрожащими руками рылся в длинных полосах бумаги и, странно дрожа, допрашивал:

— А старушка где? Старушка есть? А? Есть? Старушка в избушке? Где она? Куда вы ее тут засунули?..

— Я совершенно не понимаю, — искренно удивился Куколка, — почему вам так исключительно нравятся эти стихи? Я их сюда и не включал.

Мотылек подскочил к Куколке и принялся трясти его за плечи:

— Как не включили? Почему нет?! Ведь вы же написали эти стихи или не вы?!

— Я-то я... Но, спросите, когда? Это старый грех. Мне тогда было лет шестнадцать. Когда Новакович попросил меня прочесть в кафе тогда при первом знакомстве все мои стихи, я и стал читать их в хронологическом порядке. А он вдруг на этой самой несовершенной "старушке" неожиданно пришел в восторг, схватил меня за руку и потащил к Меценату. Да... дом Мецената принес мне счастье, друзья! Но, впрочем, дело и не в литературных успехах. Гм! Теперь вы будете, господа, приятно поражены...

Куколка обвел всех восторженным взором...

— В доме Мецената я нашел самое большое счастье на земле. Позвольте, друзья, представить вам мою невесту!! Чего вы так краснеете, Яблонька? Через месяц наша свадьба, и мы едем во Флоренцию — буду там с вашего благословения новую вещь для "Альбатроса" писать. Роман в трех частях. Уже заказан.

Все окаменели. А Кузя подобрался бочком к комку странных морщин, под которыми с большим трудом можно было разглядеть черты Мотылька, и дружески шепнул ему:

— Подойди же, поздравь, дружище. А то неловко. У тебя лицо, как старый кисет, из которого вытрясли весь табак!

Потом подобрался к закрывшему лицо рукой, будто ослепленному Новаковичу и доброжелательно толкнул его в бок.

— Не горюй, чего там. Мало ли хороших женщин? Я, брат, недавно познакомился с одной — ну точь-в-точь как моя незабвенная вдова, которую вы так неделикатно назвали "затрапезной", — хочешь, познакомлю?.. Так и быть, забирай ее себе. А я другую для себя пошарю.

Яблонька скорбно и виновато поглядела на Новаковича и вдруг заторопилась:

— Ох, ведь нам уже ехать нужно! Мы на минутку забежали. Вале еще нужно корректуру в типографию отвезти. Валя, поедем! До свидания, разбойнички.

Меценат и клевреты снова остались одни в большой мрачной комнате, окутанной тишиной.

Неслышными шагами вошла Анна Матвеевна и остановилась у притолоки, пригорюнившись:

— Ага! Вся гоп-компания в сборе... Чего это у вас темно так? Сидите, сычи какие словно, нахохлились. Небось коньячище опять хлестать будете, разбойники?! Сюда подать — на ковре али по-христиански — в столовую?

Кузя подмигнул Меценату на Мотылька и Новаковича, совсем затушеванных сумерками, и, неслышно подойдя к нему, шепнул:

— Это, пожалуй, лучший выход из положения. А? Меценат? Коньяк!

Меценат вдруг подпрыгнул на диване и выпрямился — старый, дряхлеющий, но все еще мощный лев.

— Ну, ребята, нечего нюнить!! Гляди весело!! Ходи козырем! Выпьем нынче, чтоб звон пошел, а завтра айда к берегам старой матушки Волги — целой разбойничьей ватагой... Айда! На широкие речные просторы, на светлые струи, куда Стенька Разин швырял женщин, как котят! Туда им, впрочем, и дорога!

— Аминь! — восторженно закричал Кузя. — Долой Петербург, да здравствуют Жигули! Кальвия! Почествуйте волжскую вольницу!! "Что ж вы, черти, приуныли... Эй ты, Филька, шут! пляши!! Грянем братцы, удалую — за помин ее души!"

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О, могущественное Время! Будь ты трижды благословенно. Ты — лучший врач и лучшее лекарство, потому что никакие препараты медицинской кухни не затягивают, не закрывают так благотворно глубоких открытых ран, как ты, вечно текущее, седое, мудрое!

Читатель! Если ты через год заглянул бы в уже так хорошо тебе знакомую темную гостиную Мецената — ты тихо улыбнулся бы, увидев, что все на своем месте: Меценат в одном углу, одетый в белый полотняный

балахон, лепит новый бюст Мотылька, важно восседающего на высоком стуле, в другом углу возится со штангой, выбрасывая кверху свои могучие, будто веревками-мускулами опутанные руки, Новакович; в глубоком кресле мирно покоится, поедая апельсин, Кузя...

А у дверей стоит Кальвия Криспинилла и в тысячу первый раз кротко бормочет:

— Опять ты, разбойник, шкурки на ковер бросаешь?! Управы на тебя нет, на мытаря!..

Zoopot, 1923 г.

КОММЕНТАРИИ

В настоящий том включены почти все книги А. Аверченко, вышедшие в последние годы его жизни.

Смешное в страшном
(1923)

Книга вышла в Берлине в 1923 г. с подзаголовком "Новые рассказы. 1920—1923". Включенные в настоящий том рассказы из этого сборника печатаются по изданию 1923 г.

Абсолютное большинство рассказов отражает годы военного коммунизма в России. Автор в это время уже находился в эмиграции, так что в качестве источников пользовался прессой и рассказами приезжих из России. Он умел находить болевые точки в жизни Советской России и, порой, доводя до гротеска и абсурда реальные ситуации, создавать искрометные рассказы, не утратившие интереса и по сей день.

Контроль над производством. С. 4. *Третий Интернационал,* Коммунистический Интернационал, Коминтерн — международная революционная пролетарская организация, основана в Москве, существовала в 1919—1943 гг., объединяла коммунистические партии различных стран.

Один из краеугольных камней грядущего рая на земле... — контроль над производством. — Аверченко в гротесковой форме представляет роль государственного контроля в Советской России, в частности рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрина), которая была призвана осуществлять контроль во всех областях хозяйства и государственного управления, содействовать борьбе с бюрократизмом и волокитой. Рабоче-крестьянская инспекция, созданная в феврале 1920 г., просуществовала до 1934 г.

С. 5. *...но и на шестом году еще не проснулись.* — Имеется в виду отсчет от октября 1917 г.

Собачьи мемуары. С. 5. *Писатель Горький стоит перед советской властью на задних лапках.* — Видимо, имеется в виду то обстоятельство, что Горький, несмотря на резкие выступления против некоторых мероприятий советской власти, приветствовал развертывание при большевиках культурно-просветительской деятельности, интенсификацию культурного строительства. Его позиция в отношении к советской власти в лагере писателей-эмигрантов оценивалась как предательство. Они забывали, что благодаря своему авторитету Горький сумел спасти многих деятелей культуры, добившись для них или командировки за границу, или попросту продовольственных пайков в голодные годы.

Тайна графа Пурсоньяка. С. 8. *...Отцвели уж давно хризантемы в саду...* — начальные слова припева из популярного в начале XX в. романса на стихи В. Д. Шумского "Отцвели хризантемы" (муз. Н. Харито).

Теория Эйнштейна и теория Ползункова. С. 11. *Слышали вы, например, об открытии Штейнаха и о теории Эйнштейна?..* — Штейнах Эйген (1861—1944) — австрийский физиолог и биолог, известный своими трудами по изменению пола млекопитающих путем удаления и пересадки половых желез; особую популярность завоевали его работы, связанные с проблемой омоложения организма. Эйнштейн Альберт (1879—1955) — физик-теоретик, один из создателей теории относительности, заложил основы квантовой механики и квантовой электродинамики.

С. 12. *...выдается вам хлеба в день 24 золотника...* — Золотник — мера веса в старой России, получившая название от золотой монеты весом в 4,26 грамма, которая использовалась как гирька. Таким образом, 24 золотника — примерно 100 граммов.

Мурка. С. 18. *...статья советского знатока по финансам т. Ларина...* — Ларин Ю. (наст. имя и фам. Лурье Михаил Зальманович (Александрович), 1882—1932) — социал-демократ, меньшевик, с 1917 г. — большевик, после Октябрьской революции на советской и хозяйственной работе, в частности занимался вопросами планирования.

Володарский В. (наст. имя и фам. Гольдштейн Моисей Маркович, 1891—1918) — с 1917 г. — большевик, участник Октябрь-

ской революции в Петрограде; после революции — петроградский комиссар по делам печати, пропаганды и агитации, редактор "Красной газеты"; 20 июня 1918 г. убит эсером Сергеевым.

С. 20. *Сабинин пел.* — Сабинин (наст. фам. Сабин-Гус) Юрий Давыдович (1882—1958) — оперный певец; в 1917—1925 гг. работал в театрах Тифлиса и Баку, затем во многих театрах СССР.

Люди — братья. С. 21. *Приморский бульвар* — бульвар в Севастополе. *"Донон"* — роскошный ресторан в Петербурге.

С. 22. *"Сильва"* (1915) — одна из самых популярных оперетт венгерского композитора Имре Кальмана (1882—1953).

С. 23. *И для нас когда-нибудь небо будет в алмазах!* — Не точное цитирование заключительного монолога Сони из пьесы А. П. Чехова "Дядя Ваня" (1897), действие четвертое. У Чехова: "...мы увидим все небо в алмазах". Причем смысл здесь явно не совпадает с тем, что вкладывает в свои слова персонаж Аверченко. У Чехова речь идет о загробном покое.

История двух чемоданов. С. 24. *Скоропадский* Павел Петрович (1873—1945) — один из лидеров украинского националистического движения в 1917—1918 гг., генерал-лейтенант, весной 1918-го при поддержке австро-германских войск стал гетманом Украины, в декабре того же года свергнут и бежал в Германию.

Хомут, натягиваемый клещами. С. 27. *...Пуришкевич бросал его с моста в воду.* — Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870—1920) — депутат Государственной думы 2—4-го созывов, один из основателей черносотенных организаций "Союз русского народа" и "Союз Михаила Архангела"; участвовал в убийстве Распутина. После революции помогал А. И. Деникину. Умер от тифа.

Рассказ, который противно читать. С. 30. *Франко* — вид торговой сделки, при которой в цену товара включаются расходы по его доставке в место назначения и по страхованию товара.

Стенли. С. 33. *Читали "Экспедицию Генри Стенли к истокам Нила"?* — Стенли (Стэнли) Генри Мортон (наст. имя и фам. Джон Роулендс; 1841—1904) — путешественник и журналист, исследователь Африки, совершивший несколько географических открытий; ему принадлежит ряд книг, содержащих описания путешествий по Африке, в том числе книга "Через Черный

континент, или Истоки Нила" (Нью-Йорк, 1878) — видимо, ее русский перевод и имеется здесь в виду.

С. 34. *Цюрупа* Александр Дмитриевич (1870—1928) — участник марксистского движения в России с 1880 г.; в 1918—1921 гг. — нарком продовольствия; в 1923—1925 гг. — председатель Госплана СССР, нарком внешней и внутренней торговли.

Радек (наст. фам. Собельсон) Карл Бернгардович (1885—1939) — участник международного социал-демократического и коммунистического движения (Польша, Германия), публицист. После Октябрьской революции — в Советской России. В 1920—1924 гг. — член Исполкома Коминтерна; сотрудник газет "Правда" и "Известия". Репрессирован; посмертно реабилитирован.

С. 35. *...в пуговицах мелинит зашит.* — Мелинит (от греч. "мелинос" — ярко-желтый) — взрывчатое вещество, тринитрофенол.

Уники. С. 37. *Настоящий Луи Каторз.* — Луи Каторз — Людовик Четырнадцатый. Здесь имеется в виду стиль мебели, относящийся к эпохе французского короля Людовика Четырнадцатого (1638—1715, король с 1643).

С. 38. *Перль-де-неж!* (perle de neige) — жемчужно-снежная (фр.).

Меню ресторана "Вена"? — "Вена" — ресторан в Петербурге; в этом ресторане, находившемся неподалеку от редакции журнала "Сатирикон", часто проходили заседания редакции и дружеские встречи авторов журнала с редакционными работниками.

Урок литературы. С. 40. *"В ворота гостиницы губернского города..."* — здесь и далее в рассказе не вполне точно цитируются фрагменты из I, III и V глав "Мертвых душ" Н. В. Гоголя.

Страна иностранцев. С. 44. *Лимитроф* (от лат. limitrophus — пограничный) — букв.: "пограничный". Лимитрофами назывались государства, образовавшиеся после Октябрьской революции на западных окраинах бывшей Российской империи: Литва, Латвия, Эстония, Польша и Финляндия.

Гардинг Уоррен (1865—1923) — государственный деятель США. В 1921—1923 гг. — президент США от Республиканской партии; выступал за изоляцию Советской России от мирового сообщества.

Уэс! Кис ме квик (Yes! Kiss me quick) — Да! Целуй меня быстро (англ.).

Монументальное. С. 45. *...первый приз за самый глупый анекдот получил бы: "Автор проекта памятника III Интернационалу в Москве".* — Автором экспериментального проекта кинетического памятника-башни III Интернационалу (железо-стекло-дерево) был русский живописец, художник-конструктор, график, Владимир Евграфович Татлин (1885—1953), чьи произведения в силу своей новизны и смелости часто не были адекватно оценены современниками.

"Коммуненок". С. 48. *...пойду в театр на пьесу Анатолия Луначарского "Королевский брадобрей".* — Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — политический деятель, писатель; в 1903 г. примкнул к большевикам, в 1917—1929 гг. — нарком просвещения. Как участник революционного движения был в конце 1905 г. арестован; находясь в петербургской тюрьме "Кресты", написал пьесу "Королевский брадобрей" (1906), в центре которой тема власти и ее взаимоотношений с народом. Впервые пьеса была поставлена после Октябрьской революции и пользовалась большим успехом.

Опыт. С. 54. *...болгарского премьер-министра Стамболийского...* — Стамболийский Александр (1879—1923), лидер партии Болгарский земледельческий народный союз; в 1919—1923 гг. — премьер-министр правительства Болгарии; убит после переворота в 1923 г.

Тоска по родине. С. 62. *Столыпин* Петр Аркадьевич (1862—1911) — государственный деятель, министр внутренних дел (с апреля 1906 г.), одновременно председатель Совета министров Российской империи (с июля 1906 г.); смертельно ранен агентом охранки Д. Г. Богровым.

Записки Простодушного

"Я в Европе"
Турция, Чехо-Словакия
(1923)

Первая часть книги без подзаголовка "Я в Европе" вышла в 1921 г. в Константинополе; в нее входил константинопольский цикл, за исключением рассказов "Константинопольские греки",

"Утопленники" и "Дела". Расширенное издание было опубликовано издательством "Север" в Берлине в 1923 г.

В настоящем томе книга печатается полностью по берлинскому изданию.

По-разному интерпретировали книгу Аверченко рецензенты двух русских газет, издававшихся в Берлине.

Вот что писал рецензент эмигрантской газеты "Руль": "В общем, рассказы блестящего юмориста при всей своей нарочитой анекдотичности развертывают ряд характерных страниц из жизни невольных русских скитальцев" (Руль, 1924, 23 марта).

Критик из газеты "Накануне" называет жалкими людьми бывших представителей петербургского высшего света, выведенных Аверченко, и заканчивает свою рецензию так: "Наряду с этими жалкими людьми выведены типы из "Константинопольского зверинца". Это уже хищники, плуты и прочие негодяи, вполне достойные продолжатели дела Врангеля.

Талантливо сделанная книжка оставляет жуткое впечатление. Аверченко, может быть, помимо своей воли, воздал должное тем, кто ушел из России" (цит. по: *Левицкий Д. А.* Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М., 1999. С. 300).

Предисловие Простодушного. С. 63. *Простодушный* — очередной псевдоним Аверченко, выбранный им для этой книги рассказов.

С. 64. *...не пускала на берег союзная полиция...* — Поскольку Турция потерпела поражение в мировой войне от войск Антанты (она воевала на стороне германо-австрийского блока), то в данном случае Аверченко имеет в виду англо-франко-итальянский полицейский контингент.

Первый день в Константинополе. С. 66. *...на Перу...* — Пера — одна из центральных улиц Константинополя (Стамбула).

Комбьен сетт гато? (Comme bien cette gâteau?) — Сколько стоит это пирожное? (искаж. фр.)

Бешь (beş) — пять (турецк.).

Олл райт. А риведерчи (All right. Arrivederci) — Все в порядке (англ.). До свидания (ит.).

Комм же пуве алле дан л'амбассад рюсс? (Comme je pouvais aller dans l'ambassade russe?) — Как пройти к русскому посольству? (фр.)

Тут-де сюит. Вуз алле ту а гош, а гош, апре анкор гош, е еси... (Tout de suite. Vous aller tout a gauche, a gauche, après encore gauche, et ici) — Сейчас, Вы идите все налево, налево, после еще налево, и здесь (фр.).

Же компран (je comprend) — Я понимаю (фр.).

Ла порт де фер (la porte de fer) — железная дверь (фр.).

...бьен (bien) — хорошо (фр.).

С. 67. *Кемалисты* — сторонники Гази Мустафы Кемаля (1881—1938; с 1934 г. принял имя Кемаль Ататюрк), руководителя национально-освободительного движения в Турции, которое привело к образованию Турецкой республики, первым президентом которой он стал (1923—1938).

Гекатомбы — в Древней Греции жертвоприношение, первоначально состоявшее из ста быков. В переносном смысле — огромные жертвы войны, террора, эпидемии и т. д.

Галантная жизнь Константинополя. С. 68. *Пьер Лоти* (наст. имя и фам. Луи Мари Жюльен Вио, 1850—1923) — французский писатель, автор многочисленных авантюрных романов, действие которых разворачивается в экзотических странах.

...сделал селям... — здесь: попрощался.

С. 69. *Кали-мерос* (новогреч.) — добрый день.

Венизелос Элефтериос (1864—1936) — премьер-министр Греции в 1910—1915, 1917—1920, 1924, 1928—1932 и 1933 гг. В годы Первой мировой войны — сторонник Антанты. В 1924 г., будучи премьер-министром, установил дипломатические отношения с СССР.

Малиста (новогреч.) — пожалуйста.

Русские женщины в Константинополе. С. 73. *...профессор Бестужевских курсов.* — Бестужевские курсы — женское высшее учебное заведение, учрежденное в Петербурге в 1878 г., получило название по фамилии историка К. Н. Бестужева-Рюмина, возглавлявшего эти курсы. Окончившие эти курсы имели право преподавать в женских средних учебных заведениях.

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1921) — один из самых плодовитых русских писателей, автор нескольких десятков романов; бóльшую часть жизни провел за границей (с 1865 г. — в Париже), умер в Швейцарии (г. Лугано).

С. 74. *Токатлиан* — площадь в Константинополе.

Стюпидик — глупец (от англ. stupid — глупый).

С. 75. *...со* (sot) — дурак (фр.).

...сетт-аффре (c'est affreux) — ужасно (фр.).

С. 76. *...унь бутыль кордону Веру и апре келкшоз юнь жареный миндаль* — одна бутылка минеральной воды "Кардон-Вэр" и после этого немного жареного миндаля (испорч. фр. и русский).

Плю вит (Plus vite) — быстрее (фр.).

Русское искусство. С. 82. *...совсем не таких буколических удовольствий...* — Здесь: невинных, идиллических (от греч. boucolikós — пастушеский).

Второе посещение зверинца. С. 85. *...бильеду* (billet doux) — любовная записка (фр.).

Оккультные тайны Востока. С. 88. *Мемфис* — один из древнейших городов Египта.

Аргонавты и золотое руно. С. 107. *Аргонавты* — герои греческой мифологии, отправившиеся на корабле "Арго" в Колхиду, чтобы найти там золотое руно волшебного барана, принесенного в жертву Зевсу.

С. 110. *Пти-Шан* — улица в Константинополе.

"Пресс дю суар" ("Presse du soir") — "Вечерняя газета" (фр.).

Великое переселение народов. С. 115. *Настоящая Нежданова.* — Нежданова Антонина Васильевна (1873—1950) — русская певица, лирико-колоратурное сопрано; с 1902 г. — солистка Большого театра.

Трагедия русского писателя. С. 117. *...шагал по пустынной в это время дня Дерибасовской...* — Дерибасовская — одна из центральных улиц Одессы.

Язык богов. С. 119. *Бешеная фантазия Гастона Леру...* — Гастон Леру (1868—1927) — популярный французский романист, автор серии детективных романов, наиболее известным из которых является "Тайна желтой комнаты" (1907).

Константинопольские греки. С. 127. *Благодаря новой турецкой политике — все греки теперь покидают Константинополь...* — Правительство Кемаля Ататюрка проводило националистическую политику в отношении греков (поскольку Греция входила в Антанту) и всячески вытесняло их из страны.

...разрушение Помпеи. — Один из цветущих городов Древнего Рима Помпеи был в течение нескольких часов погребен под

слоем лавы и пепла в результате извержения вулкана Везувия в 79 г. н. э.

...рисунок украден из "Ла ви Паризьен" или "Сурир". — "Ла ви Паризьен" ("Парижская жизнь") и "Сурир" ("Улыбка") — французские иллюстрированные еженедельники.

Сафо (Сапфо; VII—VI вв. до н. э.) — знаменитая древнегреческая поэтесса. *Фрина* (IV в. до н. э.) — греческая гетера, служившая моделью скульптору Праксителю, изваявшему Афродиту Книдскую. *Аспазия* (Аспасия; V в. до н. э.) — гетера в Др. Афинах, жена правителя Греции Перикла, красавица, одна из образованнейших женщин своего времени. *Билитис* (начало VI в. до н. э.) — древнегреческая поэтесса.

Прага. С. 135 *...А соколов видели?* — С начала XX в. в некоторых странах стали возникать спортивные общества, которые носили название "Сокол". Такие объединения были в Польше, Чехии, России; членов общества тоже называли соколами.

С. 136. *Масарик* Томаш (1850—1937) — президент Чехословакии с 1918 по 1935 г.

Бенеш Эдуард (1884—1948) — министр иностранных дел в 1918—1935 гг., в 1935—1938 гг. — президент, во время Второй мировой войны — президент в эмиграции (с 1940 г.), в 1946—1948 гг. — президент Чехословакии.

С. 138. *Аполлон Бельведерский* — знаменитая греческая статуя (IV в. до н. э.), дошедшая до нас только в копии.

...обрушился глетчер... — Глетчер — ледяной поток, спускающийся по горному склону.

Как добыть себе в Праге комнату. С. 140. *М. Г.* — сокращение от обращения "милостивый государь".

Мой ученик. С. 141. *"Прагер Прессе"* — пражская газета на немецком языке, в которой печатались рассказы и фельетоны Аверченко.

Самый страшный притон Праги. С. 144. *Поклона* (poklona) — букв.: почтение (чешск.).

С. 145. *Пан верхник* (Pan vrchni) — Господин управляющий (чешск.).

Чириков Евгений Николаевич (1864—1932) — русский писатель; Октябрьскую революцию воспринял враждебно; подобно Аверченко, в 1920 г. вместе с Белой армией эвакуировался из Крыма в Константинополь; в 1921 г. перебрался в Софию,

а оттуда в 1922 г. — в Прагу, где почти безвыездно жил последние десять лет.

С. 146. *Служебник* — слуга (чешск.).

Русский беженец в Праге. С. 149. *Си-иль-ный, державный ца-арствуй на славу...* — Строка из российского гимна "Боже, царя храни".

Пантеон советов молодым людям, или Вернейшие способы, как иметь успех в жизни (1924)

Книга впервые вышла в Берлине, в издательстве "Арбат" в 1924 г.

В 1979 г. переиздана репринтным способом в Нью-Йорке, в издательстве "Russica Publishers". В России впервые напечатана в составе сборника "Записки Простодушного" (составитель О. В. Сергеев) в 1992 г. в издательстве "Книга и бизнес" (Москва).

Печатается по первому изданию.

Пасхальные советы. С. 177. *Сарпинка* — тонкая хлопчатобумажная ткань в клетку или полоску.

Советы, как иметь успех у прекрасного пола. С. 187. *Кубелик* Ян (1880—1940) — чешский скрипач и композитор.

С. 188. *Эолова арфа.* — В греческой мифологии Эол — царь острова Эолии, повелитель ветров, он мог держать их под замком или устраивать бури и ураганы. С именем Эола уже в новое время связано сказание об Эоловой арфе, струны которой начинают звучать при дуновении ветра.

Лаго-Маджиоре (Лаго-Маджоре) — живописное горное озеро на границе Швейцарии и Италии; Аверченко побывал там еще во время первой поездки сатириконцев в Западную Европу.

Отдых на крапиве (1924)

Впервые сборник вышел в Варшаве в издательстве "Добро" в 1924 г. с подзаголовком "Новая книга рассказов".

Печатается по этому первому и единственному изданию.

В настоящем томе из сборника исключены рассказы "Новая Пасха" (он печатается в составе сборника "Смешное в страшном"), "Уточкин" (напечатан ранее в сборнике "Позолоченные пилюли", наст. изд., т. 4), "Пылесос" (сборник "Синее с золотом", наст. изд., т. 4), "Токарный станок" (сборник "Позолоченные пилюли", наст. изд., т. 4), "Драма в семье Бырдиных" (сборник "Чудеса в решете", наст. изд., т. 5), "Самое большое предприятие" (сборник "Записки театральной крысы", наст. изд., т. 4), "Школьные подруги" (сборник "Рассказы циника" под заголовком "Вечно-женское").

Высоко оценил книгу рецензент газеты "Рижский курьер", назвав автора "настоящим мастером, владеющим фразой": "Зарисовка типов лаконическая и в то же время это сочные удары кисти. ...Портретная галерея пошляков и проходимцев, четко врезывающихся в память. Но есть в книге очаровательный рассказ. Единственный в том смысле, что это не "Отдых на крапиве", а настоящий, подлинный "Зимний вечер в детской" (цит. по: *Левицкий Д. А.* Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. С. 312).

Венгерский язык. С. 194. *Хорти* (Хорти де Надбанья) Миклош (1868—1957) — правитель (регент) Венгрии в 1920—1944 гг.; участник Первой мировой войны, с февраля 1918 г. — главнокомандующий австро-венгерским флотом, контр-адмирал (1918).

Женщина и негр. С. 201. *Ритурнель* (фр. — ritournelle) — в музыке — инструментальный эпизод, исполняющийся в начале или в конце строфы вокального произведения; припев.

Мой дядя. С. 203. Рассказ "Мой дядя" представляет собой вариант первого опубликованного рассказа Аверченко "Уменье жить" (журнал "Одуванчик". Харьков, 1902).

Рассказчики. С. 207—208. *Эйфелеву башню знаете? ...По последним исследованиям, до шестисот метров насчитывается.* — Построенная французским инженером А. Г. Эйфелем стальная башня для Всемирной выставки в Париже в 1889 г. в действительности имеет высоту 300 метров.

Освежающий душу разговор. С. 221. *...воздушная мистика Россетти...* — Россетти Данте Габриел (наст. имя — Габриель Чарлз) (1828—1882) — английский художник и поэт; один из основателей "Братства прерафаэлитов". Произведения Россетти посвящены главным образом религиозным и мифологическим темам; многие его картины и поэтические произведения проникнуты мистицизмом, болезненной чувственностью; его считают родоначальником символизма и декадентства в английском искусстве.

С. 222. *Уайт-Чапель* — район Лондона; *Миддль-Таун* — название нескольких городов в США; *Пикадилли* — одна из центральных улиц Лондона.

Армия Спасения — международная религиозно-филантропическая организация, созданная в 1865 г. в Лондоне. Ныне распространена во многих странах. Содержит на свои средства ночлежные дома, столовые, больницы.

...у них уживается... Джером — с Джеком Лондоном. — Джек Лондон (1876—1916) — американский писатель, Джером Джером Клапка (1859—1927) — английский писатель-юморист, автор знаменитого романа "Трое в лодке, не считая собаки" (1889).

Бокс в Турции и Европе. С. 223. *Шелли* Перси Биш (1792—1822) — английский поэт-романтик; публицист, эссеист.

Карпантье Жорж (1894— ?) — знаменитый французский профессиональный боксер. Чемпион Европы (1911 г.) и мира (1920 г.).

Филателисты. С. 227. *Соблюдем только конвенансы...* — Конвенанс (фр. convenance) — приличие.

Мой первый дебют. С. 234. *Мессалина* (I в. н. э.) — жена римского императора Клавдия, отличавшаяся распутством; была казнена; ее имя стало нарицательным.

С. 235. *Савина* Мария Гавриловна (1854—1915) — выдающаяся русская актриса; с 1874 г. — в труппе Александринского театра в Петербурге.

Находчивость на сцене. С. 241. *Гаррик* Дейвид (1717—1779) — английский актер; прославился в пьесах Шекспира (25 ролей, в том числе роль Гамлета).

Варламов Константин Александрович (1848—1915) — русский актер, на сцене с 1867 г. Играл в пьесах Гоголя, Островского, сочетал психологическую глубину с яркой буффонадой, сатирической остротой.

Давыдов Владимир Николаевич (наст. имя и фам. Горелов Иван Николаевич) (1849—1925) — русский актер, крупнейший представитель русской реалистической школы.

Рассказы циника
(1925)

Впервые сборник вышел в 1925 г. в издательстве "Пламя" в Праге.

Печатается по этому изданию. Последний сборник, подготовленный к печати самим автором.

Из сборника в настоящем издании исключены рассказы, напечатанные в составе других сборников: "Джиу-Джитцу" (сборник "Шалуны и ротозеи", наст. изд., т. 4), "Крыса на подносе" (сборник "Караси и щуки", наст. изд., т. 5), "Исторические нравоучительные рассказы" (сборник "Оккультные науки", наст. изд., т. 5), "Обыкновенная женщина", "Экзекутор Бурачков", "Краснолапые" (все три рассказа — сборник "Синее с золотом", наст. изд., т. 4).

Сборник состоит как из ранее публиковавшихся рассказов, так и из рассказов, которые были автором впервые включены в книгу ("Фокстрот", "Пять рассказов для читателя" и др.).

Искусство и публика. С. 245. *Григорьев* Борис Дмитриевич (1886—1939) — график и живописец; работал в области портрета и тематической картины. Участвовал в выставках "Мира искусства". После Октябрьской революции жил за границей — в Америке и во Франции.

Григ Эдвард Хагеруп (1843—1907) — норвежский композитор, пианист, дирижер, общественный деятель.

С. 246. *Этот крохотный гениальный мальчик...* — Данное примечание Аверченко основано на неверной газетной информации. Итальянский дирижер Вилли Ферреро умер много лет спустя. Его годы жизни — 1906—1954. В 1936 и 1952 гг. он гастролировал в СССР.

С. 248. *Павлова* Анна Павловна (1881—1931) — выдающаяся русская балерина.

Новый миллионер. *Здравствуй, племя младое, незнакомое!..* — Начало последней строфы стихотворения А. С. Пушкина "Вновь я посетил..." (1835).

Аукцион. С. 262. *...знаменитую фразу крыловского петуха: "Куда она? какая вещь пустая".* — Не совсем точная цитата из басни И. А. Крылова "Петух и жемчужное зерно" (1809).

С. 264. *Ви филь ур, мейн герр?* — Сколько времени, мой господин? (нем.)

С. 265. *Блерио* — здесь имеется в виду самолет конструкции французского авиатора Луи Блерио (1872—1936).

Мальчик Казя. С. 279. *Горянский* Валентин Иванович (наст. фам. Иванов) (1887—1949) — русский поэт, активно сотрудничал в "Сатириконе" и "Новом Сатириконе".

Фокстрот. С. 294. *Вы любите ли сыр?..* — цитата из Козьмы Пруткова.

С. 295. *Ливингстон* Давид (1813—1873) — английский путешественник, исследователь Африки.

Оскар Уайльд (1854—1900) — английский прозаик, поэт, драматург, критик; автор лирических сказок и замечательных комедий.

С. 296. *Микроцефал* — человек с маленькой головой и мозгом.

Охотник на слонов. С. 308. *Бретер* (от фр. bretteur) — заядлый дуэлянт, задира.

С. 309. *Сара Бернар* (1844—1923) — французская актриса; трагедийные и мелодраматические роли в пьесах В. Гюго, А. Дюма-сына, Э. Ростана и др.

Когда мне пришлось в Шотландии переплывать Ниагару... — Река Ниагара расположена на границе между США и Канадой, образует один из крупнейших водопадов в мире — Ниагарский водопад (частично в Канаде, частично в США), шириной более одного километра, высотой около 50 метров.

Опровержение приключений барона Мюнхгаузена. С. 310. *Барон Мюнхгаузен* — герой многочисленных произведений немецкой литературы (Распе, Бюргер, Иммерман), хвастун и враль; его прототипом был барон К.-Ф.-И. Мюнхгаузен (1720—1797), некоторое время служивший в русской армии.

Казанова Джованни Джакомо (1725—1798) — итальянский писатель; его "Мемуары" (1791—1798, 12 томов) запечатлели нравы современников и многочисленные авантюрные приключения.

Гордон Пим — герой "Повести о приключениях Артура Гордона Пима" (1837) Эдгара По (1809—1849), рассказывающей о фантастических приключениях в южных морях.

С. 312. *Как говаривал Эпиктет.* — Эпиктет (I—II вв. н. э.) — римский философ-стоик.

С. 314. *...не учился в Пастеровском институте для прививки бешенства.* — Пастер Луи (1822—1895) — выдающийся французский ученый; открыл способ вакцинации против бешенства. В 1888 г. в Париже был открыт Пастеровский институт.

Пытка. С. 332. *Soirée* — вечеринка (фр.).

Белая ворона. С. 345. *Сталактиты* — натечные минеральные образования, свешивающиеся в виде сосулек в пещерах.

Сталагмиты — натечные минеральные образования, поднимающиеся кверху со дна пещер в виде сосулек, столбов и т. п.

Шутка Мецената

Юмористический роман

(1925)

Книга впервые вышла в 1925 г. в издательстве "Пламя" в Праге.

В России впервые опубликована издательством "Известия" в Москве в 1990 г.: *Аверченко А.* Шутка Мецената. Юмористический роман, повесть / Составитель Н. Воробьева. Вступ. статья Н. Богословского.

Печатается по 1-му изданию.

Этот единственный роман писателя был им написан в 1923 г. в Цоппоте (ныне Сопот) и затем печатался по частям в газете "Эхо".

Как и повесть "Подходцев и двое других", "Шутка Мецената" основана на событиях и образах людей, связанных с журналом "Сатирикон". В чертах героев романа можно увидеть черточки, детали внешнего облика, поведения, характеров той дружеской компании, которая делала журнал: А. А. Радакова, самого Аверченко, художника Ре-Ми, поэта А. Рославлева и др. В беседе с Н. В. Богословским художник А. А. Радаков признался, что, прочитав роман, "горько заплакал — так живо вспомнилась ему их веселая и бесшабашная молодая компания" (*Богословский Н.* Эскизы к биографии — в кн. Аверченко А. Шутка Мецената. М., 1990. С. 13).

С. 356. *Эдисон* Томас Алва (1847—1931) — американский электротехник, изобретатель, основатель крупных электротехнических компаний и предприятий.

С. 358. *Когда амфитрион и его веселые клевреты...* — Амфитрион (греч.) — гостеприимный, хлебосольный хозяин; клеврет (от лат. collibertus) — приспешник, приверженец.

С. 359. *...валялся на диване с "Историей французской революции" или "Похождениями Рокамболя"...* — О какой "Истории французской революции" идет речь — неизвестно, поскольку в описываемое время на эту тему вышли книги П. Кропоткина, Жана Жореса и др. авторов. "Похождения Рокамболя" — многотомный романный сериал французского писателя Понсона дю Террайля (1829—1871); в нач. 20 в. в России в переводе на русский язык вышли почти все романы о невероятных приключениях авантюриста Рокамболя, эти книги пользовались огромным успехом у читателей.

С. 360. *...божественная статуя Киприды.* — По преданию, Афродита, выйдя из морской пены, впервые ступила на сушу на острове Кипр; отсюда одно из имен этой богини.

С. 361. *...коллекцию "развратных молодых людей, впоследствии разбойников" — как называл своих клевретов Меценат, пользуясь ремаркой Шиллера...* — Эта ремарка дается при характеристике действующих лиц в драме Ф. Шиллера "Разбойники" (1781) и относится к группе из восьми молодых героев.

С. 369. *...таких мастеров слова, как Мей и Майков.* — Мей Лев Александрович (1822—1862) — русский поэт; его исторические драмы "Царская невеста" (1849) и "Псковитянка" (1849—1859) послужили основой для известных опер Н. А. Римского-Корсакова; многие стихотворения Мея благодаря их музыкальности привлекли внимание русских композиторов и были положены на музыку.

Майков Аполлон Николаевич (1821—1897) — русский поэт; Белинский в свое время отмечал "мягкую, нежную кисть" поэта; картины русской природы, зарисовки зарубежного быта, произведения исторического характера делают поэзию Майкова многоплановой, богатой красками и идеями.

С. 372. *...сочетание в одном лице Эскулапа с Аполлоном.* — Эскулап — в римской мифологии бог врачевания.

С. 373. *"Знаем мы, как вы плохо играете"*. — Не совсем точная цитата из "Мертвых душ" Н. В. Гоголя (слова Ноздрева в эпизоде игры в шашки с Чичиковым в конце IV главы).

...пышный праздник коронования Куколки в поэты! — В описанном далее короновании Куколки пародируется действительное событие: 27 февраля 1918 г. в Политехническом музее в Москве произошло избрание Игоря Северянина "Королем поэтов".

С. 391. *...неумолимой богини Кали!* — Кали — в индуистской мифологии грозная и воинственная богиня, жена бога Шивы.

Нарцисс — в греческой мифологии прекрасный юноша, влюбившийся в собственное отражение в воде лесного озера; боги превратили юношу в цветок.

Остановись, мгновение, на всю жизнь! Ты прекрасно! — Не вполне точная цитата слов Фауста из трагедии И.-В. Гёте "Фауст" (1808—1832).

С. 397. *...пепла столько же, сколько на голове древнего горюющего еврея...* — Имеется в виду обычай древних евреев посыпать голову пеплом в минуты отчаяния, горя, утрат, описанный во многих книгах Библии.

С. 401. *...вы погасили огонь Весты...* — Веста в Древнем Риме — богиня священного очага города, общины или дома. В Храме Весты в Риме служили весталки, которые в течение 30 лет были обязаны сохранять девственность; затухание огня считалось дурным знаком. Здесь: подразумевается потеря девственности.

С. 402. *...ослепну от вашей красоты, как старый Велизарий...* — Велизарий (ок. 505—565) — византийский полководец, сподвижник императора Юстиниана I; вел успешные войны против государств вестготов, вандалов и остготов; рост популярности Велизария вызвал подозрения Юстиниана, и тот отстранил его от командования в 562 г.; существовала легенда о том, что Велизарий ослеп и окончил свои дни в нищете, однако эта легенда не была подтверждена никакими историческими документами.

С. 403. *...заиграл полонез из "Сказок Гофмана"...* — Автором оперетты "Сказки Гофмана" (поставлена в 1881 г.) является французский композитор Жак Оффенбах (1819—1880).

Пока не требует поэта... — первые четыре строчки стихотворения А. С. Пушкина "Поэт" (1827).

С. 407. *...бриллиант Кох-и-Нор...* — один из наиболее известных исторических алмазов, весил 186 каратов (ныне 106 каратов), принадлежит к драгоценностям английской короны (корона королевы Мэри).

С. 410. *...во вкусе болезненного, причудливого... художника Гойи.* — Гойя Франсиско Хосе (1746—1828) — испанский художник, в своих гравюрах и рисунках, в росписях "Дома Глухого" он воссоздал свои кошмары и галлюцинации.

С. 412. *Веласкес* Диего (Родригес де Сильва Веласкес) (1599—1660) — испанский художник-реалист; его жанровые полотна, картины на исторические и мифологические темы, портреты современников и по сей день поражают точностью рисунка, живостью красок, глубоким психологизмом; его картины находятся во многих крупнейших музеях мира, в том числе в Эрмитаже.

Анатоль Франс (наст. имя и фам. Тибо Анатоль Франсуа) (1844—1924) — французский писатель, мастер философского романа, блестящий стилист; лауреат Нобелевской премии.

Малларме Стефан (1842—1898) — французский поэт, один из первых теоретиков символизма; изощренность формы, смутные намеки и символы затрудняют восприятие и понимание его поэзии.

Барбе д'Оревильи Жюль Амеде (1808—1889) — французский писатель-романтик, эссеист; в своих критических эссе верно подметил зарождение символистского направления в литературе.

С. 422. *Бодлер* Шарль (1821—1867) — французский поэт и эссеист; один из крупнейших поэтов XIX в.; многие считают его основоположником символизма в поэзии.

"Бабочки Европы" Мензбира... — Имеется в виду Мензбир Михаил Александрович (1855—1935), русский зоолог, академик; его работы посвящены главным образом орнитологии и зоогеографии, сравнительной анатомии; один из главных его трудов — "Птицы России" (т. 1—2, 1893—1895).

"Семь смертных грехов" Эжена Сю... — Эжен Сю (1804—1857) — французский писатель, автор романов "Парижские тайны", "Агасфер" и др.; его перу принадлежит и серия из

семи небольших нравоучительных романов, посвященных одному из семи смертных грехов: корыстолюбию, чревоугодию, похоти, гордыне и т. д.

С. 436. *конфидент* (от лат. confidentia — доверие) — лицо, которому можно доверять тайны.

...разыгрывать Прекрасного Иосифа... — Иосиф Прекрасный — персонаж библейской книги Бытие, израильтянин в египетском плену, который отверг домогательства жены своего хозяина царедворца фараона Потифара (Пентефрия).

С. 446. *"Что ж вы, черти, приуныли..."* — цитируются слова из народной песни на слова Д. Садовникова "Из-за острова на стрежень".

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВОШЕДШИХ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ*

Автобиография I, 17
Актеры IV, 157
Актриса III, 326
Акулы (Биржевики на прогулке) VI, 258
Алло! III, 221
Альбом I, 341
Американец V, 222
Американцы I, 80
Анекдоты из жизни великих людей I, 364
Античные раскопки V, 365
"Аполлон" I, 76
Апостол I, 230
Аргонавты I, 408
Аргонавты и золотое руно VI, 107
Аристократ Сысой Закорюкин V, 500
Аукцион VI, 261

Бал у графини X... V, 460
Бедствие I, 50
Без елочки IV, 326
Без почвы I, 110
Белая ворона VI, 341
Бельмесов III, 268
Благородная девушка VI, 98
Благородная кровь V, 35
Блины Доди IV, 228
Бойкий разговор II, 87
Бокс в Турции и в Европе VI, 223
Болезнь IV, 102
Большое сердце (Рождественский рассказ) I, 222
Борцы V, 484
Борьба с роскошью V, 8
Бриллиант в три карата VI, 122
Бритва в киселе IV, 445
Былое (Русские в 1962 году) IV, 7
Быт III, 500

В зеленой комнате I, 355
В летних садах IV, 163
В ожидании ужина IV, 404
В ресторане II, 91
Василисы Темные III, 509
Великое переселение народов VI, 113
Венгерский язык VI, 193
Веселый вечер I, 275
Веселый старик III, 435

* Римскими цифрами указаны тома, арабскими — страницы.

Вечером IV, 221
Вечно-женское VI, 324
Визит I, 46
Визитер I, 150
Виктор Поликарпович IV, 29
Вино I, 380
Виньетки II, 106
Витязи III, 493
Возвращение V, 368
Воздухоплавательная неделя в Коркине II, 101
Война VI, 266
Волга III, 136
Володька V, 466
Волчья шуба III, 88
Встреча III, 334
Второе посещение зверинца VI, 84
Высшая справедливость VI, 275
Выходец с того света VI, 215

Галантная жизнь Константинополя VI, 67
Галочка IV, 243
Геракл I, 313
Глупые и умные IV, 75
Гордиев узел IV, 132
Горе профессионала III, 496
Горничная из большого дома II, 339
Город чудес V, 328
Городовой Сапогов I, 292
Грабитель IV, 212
Граждане II, IV, 398, 120
Граф Калиостро I, 296
Грозное местоимение IV, 26

Дама в сером IV, 423
Данные для успеха IV, 159
Дачный театр I, 188
Два мира I, 194
Два преступления господина Вопягина I, 347
Двойник I, 184
Двуличный мальчишка II, 291
Дебютант II, 3
Дебютанты. Пасхальный рассказ III, 345
Дела VI, 130
Деликатные люди IV, 436
Дело Ольги Дыбович III, 283
Деловая жизнь VI, 70
Деловой мальчик IV, 302
День госпожи Спандиковой I, 245
День делового человека IV, 205
День человеческий I, 265
Детвора IV, 224
Дети IV, 259
Дешевая жизнь IV, 71
Дитя II, 125
Дневник одного портного V, 497
Добрые друзья за рамсом V, 323
Добрые калифорнийские нравы V, 12
Драма в семье Бырдиных V, 230
Драма на море V, 494
Друг II, 30
Дружба I, 280
Дурак II, 19
Дураки, которых я знал II, 372
Дурная наследственность I, 370
Душа общества III, 68
Душевная драма (Жизнь человека) I, 236

Душевная драма Феди Зубрякина IV, 53
Душистая гвоздика V, 428
Дуэль II, 111
Дьявольские козни III, 114

Еврейский анекдот I, 203
Еропегов I, 225
Еще воспоминания о Чехове I, 97
Еще гроб VI, 95

Жалкое существо II, 27
Жвачка IV, 49
Желтая журналистика III, 395
Желтая простыня III, 167
Жена I, 336
Женщина в ресторане III, 300
Женщина и негр VI, 197
Жертва цивилизации II, 84
Животное II, 426

Загадка природы I, 260
Загадка сердца III, 215
Законный брак (Стихотворение в прозе) IV, 152
Замечательный человек III, 487
Занзивеев IV, 56
Записки дикаря V, 477
Записки трупа IV, 67
Запутанная и темная история IV, 323
Зверинец I, 64
Здание на песке I, 161
Зеркальная душа (Святочный рассказ) III, 31
Зимний вечер в детской VI, 228
Знаток женского сердца V, 254
Золотой век I, 106
Золотые часы IV, 137

Измена II, 23
Изумительный случай (Из жизни художников) IV, 129
Индейка с каштанами VI, 270
Индейская хитрость IV, 289
Инквизиция IV, 401
Искусство и публика (Вместо предисловия) VI, 245
Искусство рассказывать анекдоты VI, 181
Исповедь, которая облегчает V, 272
Исторические нравоучительные рассказы V, 81
История болезни Иванова I, 26
История двух чемоданов VI, 23
История — одна из тысячи V, 340
История одного актера VI, 219
История одного рассказа II, 45
История одной картины. Из выставочных встреч II, 63
Исчадие города I, 359
Ихневмоны I, 331
Ищут комнату V, 503

Кавказская история IV, 58
Как добыть себе в Праге комнату VI, 140
Как женился Панасюк V, 244
Как меня обворовывали II, 350
Как меня оштрафовали III, 243

Калифорния без золота V, 47
Камень на шее II, 93
Канитель VI, 319
Каторга IV, 97
Катька II, 78
Клевета IV, 116
Клусачев и Туркин (Верх автомобиля) III, 142
Кнедлики VI, 139
"Колокол" IV, 105
"Коммуненок" VI, 47
Конец графа Звенигородцева (Рассказ из жизни большого света) III, 123
Конец журналиста. Сказочка IV, 80
Константинопольские греки VI, 126
Константинопольский зверинец VI, 80
Контроль над производством VI, 4
Корень зла II, 8
Корибу IV, 16
Корни в земле IV, 189
Короли у себя дома V, 394
Коса на камень II, 10
Костя V, 448
Костя Зиберов III, 411
Косьма Медичис V, 469
Крайние течения I, 101
Красивая женщина IV, 266
Красильников и мы трое IV, 396
"Краснолапые" IV, 440
Крах семьи Дромадеровых V, 475
Кремень IV, 82
Крыса на подносе V, 3
Кто ее продал... I, 29
Кулич V, 433
Купальщик III, 133
Курильщики опиума II, 315
Кустарная работа V, 277
Кустарный и машинный промысел IV, 34

Лакмусовая бумажка II, 404
Легенда старого озера II, 99
Леденящая душу история V, 481
Лекарство I, 138
Лентяй I, 165
Ложное самолюбие III, 63
Ложь I, 145
Лото-Тамбола VI, 91
Люди I, 37
Люди, близкие к населению IV, 330
Люди — братья VI, 21
Люди с прищуренными глазами VI, 253
Люди четырех измерений II, 34

Магнит I, 326
Мальчик Казя VI, 279
Мальчик с затекшим глазом I, 423
Маня мечтает IV, 276
Материнство V, 262
Мать III, 447
Медицина III, 103
Международный ревизор V, 335
Мексиканец III, 288
Министр без портфеля V, 31
Миша Троцкий V, 355
Мнемоника в обиходе III, 273
Мода III, 470

Мозаика I, 120
Мой дядя VI, 203
Мой первый дебют VI, 234
Мой сосед по кровати III, 461
Мой ученик VI, 141
Мокрица II, 389
Молния II, 361
Монументальное VI, 45
Мопассан (Роман в одной книге) III, 278
Московское гостеприимство IV, 151
Мотыльки на свечке. Опыт руководства для начинающих миллионеров III, 108
Моя старая шкатулка V, 337
Мудрый судья IV, 24
Мужчины II, 378
Музыка в Петергофе. Концерты придворного оркестра под управлением Г. И. Варлиха IV, 178
Мурка VI, 18
Муха VI, 290
Мученик науки I, 52
Мы за пять лет. Материалы [к биографии] I, 429
Мышеловки (О русских курортах и тому подобной гадости) V, 61

На разных языках IV, 118
На "Французской выставке за 100 лет" IV, 135
Наваждение V, 316
Народный дом IV, 167
Наслаждение жизнью III, 291
Наследственность II, 122
Настоящие парни II, 65
Находчивость на сцене VI, 240
Национализм IV, 99
Начало конца V, 52
Начальник станции V, 57
Начальство (Провинциальные типы) IV, 141
Невозможное I, 61
Незаметный подвиг I, 307
Неизлечимые I, 104
Необыкновенный человек V, 286
Нервы I, 212
Несколько слов по поводу этого, которое V, 315
Неудачная антреприза II, 345
Неудачная игра III, 430
Неудачник VI, 315
Ниночка I, 216
Ничтожная личность III, 198
Новая история (Из "Всеобщей истории, обработанной "Сатириконом") II, 141
Новая Пасха VI, 51
Новая русская сказка (Вместо предисловия) V, 392
Новая русская хрестоматия (Для сознательных комдеток) VI, 27
Новогодний тост (Монолог) III, 338
Новое о Чехове IV, 46
Новоселье II, 37
Новые правила IV, 61
Новый миллионер VI, 248
Новый Соломон II, 383
Нянька III, 356

О гробах, тараканах и пустых внутри бабах VI, 93
О детях (Материалы для психологии) IV, 203

О пароходных гудках III, 239
О русских капиталистах IV, 412
О шпаргалке (Трактат) III, 350
Обыкновенная женщина IV, 391
Одесситы в Петрограде V, 15
Одесское дело III, 406
Один город... III, 418
Один час в кафе V, 22
Одиннадцать слонов III, 294
Одинокий Гржимба I, 374
Одно из моих чудес III, 185
Одураченный хиромант III, 83
Оккультные науки V, 65
Оккультные тайны Востока VI, 87
Окружающие V, 251
Октябрист Чикалкин I, 58
Опора порядка III, 128
Опровержение приключений барона Мюнхгаузена (Научная статья) VI, 310
Опыт VI, 54
Освежающий душу разговор VI, 221
Осколки разбитого вдребезги V, 407
Оскорбление действием II, 42
Отец I, 286
Отец Марьи Михайловны IV, 382
Отрывок будущего романа V, 331
Отцы и дети IV, 39
Отчаянный человек V, 235
Охотник на слонов VI, 307

Пасхальные советы VI, 176
Первая дуэль III, 253
Первый анекдот обо мне V, 240
Первый весенний выход Меньшикова IV, 64
Первый дебют (Рождественская история) II, 49
Первый день в Константинополе VI, 65
Перед лицом смерти (Кусочек материала к истории русской революции) V, 359
Пернатое I, 91
Петербургский бред V, 352
Петухов I, 396
Пинхус Розенберг II, 119
Пирамида Хеопса V, 216
Плакучая ива V, 301
Пловец на большие расстояния II, 333
По влечению сердца (Образцы иностранной литературы) III, 119
По ту сторону... I, 323
Под лучом здравого смысла III, 513
Под облаками III, 454
Под сводом законов IV, 13
Под столом. Пасхальный рассказ V, 418
Подмостки I, 83
Подходцев и двое других. Повесть V, 88
Поездка в театр II, 53
Поздравитель (Гримасы быта российского) IV, 142
Позитивы и негативы V, 39
Полевые работы IV, 350
Последний III, 93
Последний экипаж IV, 51
Почести I, 40

Поэма о голодном человеке V, 379
Поэт I, 157
Праведник I, 179
Прага VI, 134
Праздник любви II, 432
Предводитель Лохмачев IV, 281
Предисловие Простодушного (Как я уехал) VI, 63
Преступление актрисы Марыськиной III, 10
Преступление Голубого Шакала IV, 293
Преступники I, 207
Приезжий Сельдяев V, 281
Призвание II, 438
Призраки любви III, 248
Приключение номера 24345 I, 198
Принцип II, 420
Проверочные испытания (схема) IV, 18
Прогнившие насквозь V, 491
Продувной мальчишка. Рождественский рассказ V, 438
Проклятье I, 87
Простой счет IV, 32
Профессионал V, 265
Путаница I, 66
Пылесос IV, 387
Пытка VI, 329
Пьяный II, 57
Пять рассказов для читателя VI, 297
Пять эпизодов из жизни Берегова IV, 354

Равновесие III, 235
Развороченный муравейник VI, 112
Разговор в школе V, 443
Разговор за столом V, 347
Разговоры в гостиной V, 471
Раздвоение личности II, 297
Разрыв с друзьями V, 361
Разумная экономия III, 99
Рассказ для "Лягушонка" IV, 254
Рассказ из великосветской жизни III, 444
Рассказ, который противно читать VI, 30
Рассказ о колоколе III, 259
Рассказ о Ниночке Крохиной V, 306
Рассказчики VI, 204
Революционер II, 415
Редактор "Собакиной жизни" IV, 10
Резная работа V, 226
Ресторан "Венецианский карнавал" IV, 233
Робинзоны I, 43
Родители первого сорта IV, 459
Рождественский день у Киндяковых III, 365
Роковой Воздуходуев V, 258
Роковой выигрыш VI, 299
Роскошная жизнь III, 148
Рубановичи I, 127
Руководство для лентяев III, 59
Руководство к рождению детей V, 413
Русалка III, 52
Русская история I, 33
Русская сказка V, 464
Русские в Византии VI, 103
Русские женщины в Константинополе VI, 72

Русские символы IV, 347
Русский беженец в Праге VI, 146
Русский в Европах V, 404
Русское искусство VI, 77
Рыцарь индустрии I, 242

С корнем III, 477
Сазонов II, 310
Самое большое предприятие IV, 153
Самоновейшие воспоминания о Чехове V, 296
Самый страшный притон Праги VI, 143
Свой крест... II, 368
Святые души III, 162
Секретарь из почтового ящика III, 305
Сельскохозяйственный рассказ III, 316
Семь часов вечера V, 309
Сентиментальный роман V, 506
Сердечные дела Филимона Бузыкина III, 5
Сердце под скальпелем III, 35
Сережкин рубль IV, 308
Сила красноречия III, 310
Сильные и слабые III, 46
Синее одеяло IV, 315
Скептик III, 175
Скорая помощь VI, 57
Слабая голова V, 344
Слабая струна III, 340
Славный ребенок I, 171
Слепцы III, 72
Служитель муз II, 60
Случай 24-го декабря II, 394
Случай из жизни III, 204
Случай с Патлецовыми I, 402
Случай с ревизором IV, 84
Случай с Симеоном Плюмажевым IV, 107
Смерть африканского охотника III, 371
Смерть девушки у изгороди I, 416
Смерч III, 389
Собачьи мемуары VI, 5
Совесть IV, 148
Советы, как иметь успех у прекрасного пола VI, 186
Советы начинающим полководцам (Как выигрывать войны) VI, 164
Сокровище VI, 286
Солидное предприятие. Записки делового человека II, 80
Сон в зимнюю ночь IV, 21
Соседки IV, 472
Состязание VI, 336
Спасательные круги IV, 345
Спермин I, 55
Специалист I, 175
Специалист по военному делу (Из жизни малой прессы) IV, 181
Специалисты III, 424
Спиртная посуда IV, 193
Сплетня II, 15
Старики II, 444
Старческое IV, 184
Старый Сакс и Вертгейм V, 457
Стенли VI, 33
Стиль-человек IV, 148
Стихийная натура III, 191
Страна без мошенников V, 461
Страна иностранцев VI, 43

Страшное издание (Святочный рассказ) IV, 113
Страшное преступление в кабаке дяди Стамати IV, 124
Страшный Мальчик IV, 247
Страшный человек I, 249
Сухая масленица I, 318

Тайна I, 271
Тайна графа Пурсоньяка (à la совдеп) VI, 8
Тайна зеленого сундука (Рождественский рассказ) IV, 196
Те, с которых спрашивают III, 505
Телеграфист Надькин III, 383
Теоретики IV, 146
Теория Эйнштейна и теория Ползункова VI, 10
Тихий океан IV, 37
Тихое помешательство II, 131
То, что может случиться с каждым III, 474
Токарный станок IV, 334
Торговый дом "Петя Козырьков" V, 487
Тоска по родине VI, 60
Трава, примятая сапогом V, 383
Трагедия русского писателя VI, 115
Три визита III, 21
Три желудя V, 422
Три случая VI, 210
Трудолюбивый Харлампьев II, 410
Труха I, 70
"1812 год". Пьеса IV, 174
Тысяча первая история о замерзающем мальчике III, 331
Тяжелое занятие IV, 94
Удивительная газета IV, 144
Улитки VI, 13
Умение держать себя в обществе и на званом обеде VI, 152
Уники VI, 37
Урок литературы VI, 39
Усадьба и городская квартира V, 397
Утопленники VI, 128
Уточкин IV, 338
Участок III, 181

Фабрикант III, 209
Фат III, 314
Филателисты VI, 224
Фокстрот VI, 294
Фокус великого кино V, 376
Французская борьба V, 18
Функельман и сын (Рассказ матери) III, 156

Хвост женщины IV, 418
Хлебушко V, 400
Хлопотливая нация IV, 91
Хозяйственные советы (Как составлять смесь) VI, 168
Хомут, натягиваемый клещами (Московское) VI, 25

Цветы под градом IV, 407
Ценитель искусства IV, 149
Цепи (Диалог) IV, 147
Цепная собака II, 327

Чад II, 304
Человек за ширмой IV, 270
Человек-зверь (Материалы для нижегородской истории) IV, 43
Человек, каких теперь много V, 42

Человек, которому повезло. Повесть III, 227
Человек об одной истории IV, 430
Человек, у которого были идеи III, 15
Чемпионат борьбы (Очерк) IV, 171
Черная кость IV, 454
Черные дни III, 399
Черный орел III, 441
Чертово колесо V, 386
Черты из жизни рабочего Пантелея Грымзина V, 390
Четверг I, 114
Четверо I, 132
Чехи VI, 137
Чеховианец V, 291
Что им нужно III, 465
Что надо сделать V, 27
Чувствительный Глыбович III, 482
Чудеса I, 388

Шиворот-навыворот IV, 110
Широкая масленица I, 239
Шутка I, 349
Шутка Мецената. Юмористический роман VI, 346

Эволюция русской книги V, 402
Экзаменационная задача III, 321
Экзекутор Бурачков IV, 464
Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова II, 181
Энтузиаст IV, 151
Эхо церкви Феличе V, 209

Юмор для дураков III, 264

Я в свете III, 76
Я и мой дядя II, 356
Я — как адвокат III, 377
Яд I, 302
Язык II, 321
Язык богов VI, 118
Японская борьба IV, 297

СОДЕРЖАНИЕ

Смешное в страшном (1923)

Извинение автора 3
Контроль над производством 4
Собачьи мемуары 5
Тайна графа Пурсоньяка (à la совдеп) 8
Теория Эйнштейна и теория Ползункова 10
Улитки 13
Мурка 18
Люди — братья 21
История двух чемоданов 23
Хомут, натягиваемый клещами (Московское) 25
Новая русская хрестоматия (Для сознательных комдеток) 27
Рассказ, который противно читать 30
Стенли 33
Уники 37
Урок литературы 39
Страна иностранцев 43
Монументальное 45
"Коммуненок" 47
Новая Пасха 51
Опыт 54
Скорая помощь 57
Тоска по родине 60

Записки Простодушного. "Я в Европе". Турция, Чехо-Словакия (1923)

Предисловие Простодушного (Как я уехал) 63
Первый день в Константинополе 65
Галантная жизнь Константинополя 67
Деловая жизнь 70
Русские женщины в Константинополе 72
Русское искусство 77
Константинопольский зверинец 80

Второе посещение зверинца 84
Оккультные тайны Востока 87
Лото-Тамбола 91
О гробах, тараканах и пустых внутри бабах 93
Еще гроб 95
Благородная девушка 98
Русские в Византии 103
Аргонавты и золотое руно 107
Развороченный муравейник 112
Великое переселение народов 113
Трагедия русского писателя 115
Язык богов 118
Бриллиант в три карата 122
Константинопольские греки 126
Утопленники 128
Дела 130
Заключение 133

Чехо-Словакия 134

Прага . . . . . —
Чехи 137
Кнедлики 139
Как добыть себе в Праге комнату 140
Мой ученик 141
Самый страшный притон Праги 143
Русский беженец в Праге 146

Пантеон советов молодым людям, или Вернейшие способы, как иметь успех в жизни (1924)

От автора 151
Умение держать себя в обществе и на званом обеде 152
Советы начинающим полководцам (Как выигрывать войны) 164
Хозяйственные советы (Как составлять смесь) 168

Приложение к "Пантеону советов молодым людям" . . 176

Пасхальные советы . . . . . —
Искусство рассказывать анекдоты 181
Советы, как иметь успех у прекрасного пола 186

Отдых на крапиве (1924)

Почему? 192
Венгерский язык 193
Женщина и негр 197

Мой дядя 203
Рассказчики 204
Три случая 210
Выходец с того света 215
История одного актера 219
Освежающий душу разговор 221
Бокс в Турции и в Европе 223
Филателисты 224
Зимний вечер в детской 228
Мой первый дебют 234
Находчивость на сцене 240

Рассказы циника (1925)

Искусство и публика (Вместо предисловия) 245
Новый миллионер 248
Люди с прищуренными глазами 253
Акулы (Биржевики на прогулке) 258
Аукцион 261
Война 266
Индейка с каштанами 270
Высшая справедливость 275
Мальчик Казя 279
Сокровище 286
Муха 290
Фокстрот 294
Пять рассказов для читателя 297
Роковой выигрыш 299
Охотник на слонов 307
Опровержение приключений барона Мюнхгаузена (Научная статья) 310
Неудачник 315
Канитель 319
Вечно-женское 324
Пытка 329
Состязание 336
Белая ворона 341

Шутка Мецената. Юмористический роман (1925) 346

КОММЕНТАРИИ 448
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВОШЕДШИХ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ 467